

БЕЗОПАСНОСТЬ

НА ЗАПАДЕ, НА ВОСТОКЕ И В РОССИИ:

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИИ, СИТУАЦИИ

Ministry of Education and Science of Russian Federation
Ivanovo State University

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

SECURITY
IN THE WEST, IN THE EAST, AND IN RUSSIA:
PERCEPTIONS, CONCEPTS, SITUATIONS

Proceedings of International Conference
Moscow, October 15–16, 2012

Ivanovo
Ivanovo State University Publishers
2013

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
«Ивановский государственный университет»

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения»

БЕЗОПАСНОСТЬ
НА ЗАПАДЕ, НА ВОСТОКЕ И В РОССИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИИ, СИТУАЦИИ

Материалы международной конференции
Москва, 15–16 октября 2012 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2013

УДК 327.57
ББК 66.4(0),30+66.2(2Рос)+71.1
Б 40

Научные редакторы:

С. А. Панарин, Д. И. Полывянный

Рецензенты:

д-р ист. наук С. Н. Абашин,
д-р экон. наук Ю. Г. Александров,
канд. полит. наук К. П. Боришполец,
канд. культурологии Н. А. Дидковская

Редактор англоязычных статей:

А. А. Космарский

Editors:

Sergei Panarin, Dmitry Polyvyanny

Peer-reviewed by:

S. Abashin, Dr. Sc. (History),
Y. Alexandrov, Dr. Sc. (Economics),
K. Borishpolets, Cand. Sc. (Political Science),
N. Didkovskaya, Cand. Sc. (Cultural Studies)

Editor of the articles in English:

Artyom Kosmarsky

Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации : материалы международной конференции : Москва, 15–16 октября 2012 г. / [науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Полывянный] ; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. — 408 с.

ISBN 978-5-7807-1041-7

Рассматриваются общетеоретические проблемы и частные концепции человеческой, общественной, национальной и международной безопасности, представления о ней в различных обществах и культурах, ситуации безопасности в мировой политике и во внутреннем положении государств.

Security in the West, in the East, and in Russia: Perceptions, Concepts, Situations : Proceedings of International Conference : Moscow, October 15–16, 2012 / [Sergei Panarin, Dmitry Polyvyanny (eds.)] ; Ivanovo State University; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. — Ivanovo : Ivanovo State University Publishers, 2013. — 408 p.

Common theoretical problems and particular concepts of human, social, national and international security, perceptions of security in different societies and cultures, as well as the situations of security in world politics and in states' domestic affairs are considered.

В оформлении обложки с любезного разрешения автора использована фотография скульптуры «Эбеновый цветок» работы бразильского скульптора Сисеро д'Авилы.

The cover contains image of sculpture “The Ebony Flower” by Brazilian sculptor Cícero D’Ávila used with the kind permission of the author.

© Ивановский государственный
университет, 2013
© Институт востоковедения РАН, 2013

© Ivanovo State University, 2013
© Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, 2013

ISBN 978-5-7807-1041-7

Безопасность как историко-культурная категория (вместо предисловия)

Глядя из сегодняшнего дня на свое детство, пришедшее на далекие 50-е гг. XX в. и проходившее в рабочем уральском поселке, я вижу как будто бы иной мир. Мир трех «Н» — **наивный, неискушенный и натуральный**. В этом мире внушаемая школой и «Пионерской зорькой» вера в неперменное светлое будущее бесконфликтно уживается с бараками и бочкой ассенизатора; жители лесного села собираются в клуб послушать радиоприемник, за неимением электричества работающий от согреваемой керосиновой лампой термопары Иоффе¹; магазинного молока нет в принципе — только от коровы, зато возвращенные на нем мои одноклассники уже к четырнадцати годам так наливаются телом, что, перенесись они в наше время, затмили бы нынешних силиконовых див... Но, может быть, самой отличительной особенностью, которая резкой чертой отделила позднее сталинское /раннее хрущевское время от последующих времен, было отсутствие безопасности. Отсутствие безопасности не как состояние незащищенности, нет, — хотя о полной и реальной защищенности от опасностей того времени говорить не приходится, — а как неосознание, во-первых, ее самодовлеющей *первостепенной ценности* и, во-вторых, *невосприятие как опасности* многого такого, что сейчас безоговорочно трактуется как опасность и, следовательно, проходит по ведомству безопасности.

Действительно, номенклатура опасностей была тогда и менее значима, чем сейчас, и во многом столь же наивна, неизощренна и природна, как и прочие стороны жизни. Что считалось опасным? Опасны были гадюка в лесу, редкая машина на дороге, компания ремеслушников на улице, выискивающих для расправы стилиягу-узкобрючника. Куда большую опасность, чем сейчас, представляли многие болезни (антибиотики только входили в оборот). Все знали, что опасно работать на дробильно-обогадательной фабрике, а «холодным летом пятьдесят третьего», когда «вербованные» вырезали почти все отделение, выяснилось, что и милиционером быть очень опасно. Опасно было слушать «вражеские голоса», тем более передавать услышанное, опасным почти единодушно считался мир капитализма и его главы — все эти трумэны, черчилли,

© Панарин С. А., 2013

¹ Полупроводниковые термопары академика А. Ф. Иоффе во время Великой Отечественной войны питали радиостанции в партизанских отрядах, а после войны — ламповые радиоприемники в неэлектрифицированных районах.

деголли и их прихвостень, «цепной пес империализма» Тито. А вот ближняя река с молевым сплавом², как и дальний лес с клещами и медведями, по преимуществу не воспринимались как источник опасности, раз родители спокойно отпускали своих семилетних чад, в том числе не умеющих плавать, на реку, а пятиклассников — в тайгу, в сопровождении одной-единственной учительницы географии. И уж вовсе никому в голову не приходила мысль о сексуальных меньшинствах³, маньяках и педофилах, так что не только в родном дворе, но и по всему поселку мы, дети военных лет, играли, гуляли и перемещались без какого-либо надзора со стороны взрослых...

На самом деле с точки зрения безопасности тот ушедший мир вовсе не был идиллическим. С первого по четвертый класс мы ходили стриженными под ноль из-за реальной опасности педикулеза; бывшие уголовники — обитатели одного из поселковых кварталов — легко могли проиграть чужую жизнь в карты; здоровый лоб десятиклассник в моей родной школе изнасиловал молоденькую учительницу физкультуры тремя годами его старше, и она, стыдясь «позора», промолчала... Много черного и страшного можно вспомнить про то время, ныне нередко представляемое чуть ли не золотым веком. Также надо иметь в виду, что не все известное взрослым и их страшившее знали мы, дети. Но и с учетом всего этого я убежден, что круг явлений и событий, воспринимавшихся нами и нашими родителями как опасные, при сравнении с современными угрозами безопасности выглядит почти незначительным.

Объясняется это не только технологическими, институциональными, культурными и социально-психологическими изменениями, произошедшими за полвека и «одарившими» нас нетрадиционными угрозами безопасности, но и другими причинами, попавшими в резонанс или, если хотите, создавшими мощный синергетический эффект. Во-первых, громадным *приростом / углублением знания об опасностях*. Во-вторых, *повсеместным распространением этого знания* по мере вхождения аграрных и индустриальных обществ в информационное единство мира, обеспеченное обществами постиндустриальными. В-третьих, тем, что *мир становится все более уплотненно-урбанистическим*. Ведь на территории современного мегаполиса концентрация

² Молевой сплав здесь упомянут потому, что реку мы нередко переходили, в полном смысле слова рискуя жизнью — перепрыгивая с одного ствола на другой.

³ А они были. Один из жильцов моего дома, застигнутый с его «пассией», повесился, так как знал, какое суровое наказание его ждало по действовавшему тогда Уголовному кодексу.

людей и транспорта, социальных язв и пороков, уязвимость инфраструктуры, антропогенное давление на среду — короче, все то, что создает угрозу безопасности человека, на несколько порядков выше, чем в сельских поселениях, поселках городского типа и малых городах.

I

Как видно, одной только — и не слишком протяженной — индивидуальным жизненным опытом обеспечиваемой временной ретроспективы оказывается достаточно для того, чтобы осознать новоявленность, краткость и сменяемость многих характеристик современных обществ, передаваемых определением *security society*. Тех обществ, в которых безопасность постоянно воспринимается как благо в высшей степени ценное, которого все жаждут и все ищут. И которое в ходе этого всеобщего поиска разрастается и диверсифицируется в представлениях, в их зримых воплощениях и — по набору обеспечиваемых преимущественно государством средств его обретения. Но так же постоянно оно остается благом дефицитным. Безопасности на всех упорно не хватает: что в Москве, что в Лондоне, что в Каире ее, похоже, сейчас меньше, чем полвека назад и в этих городах-миллионниках⁴, и в рабочем уральском поселке с восемнадцатью тысячами жителей. Точнее, меньше не столько реальный статус безопасности (хотя и с ним проблемы), сколько ее ощущение, производное от сравнения состояния безопасности с ее идеальным, в большей или меньшей степени стереотипным восприятием.

Безопасность глубоко исторична. Меняется с течением времени картина мира — меняются представления о безопасности. Фактически сама специальная словесная «оболочка» этих представлений всеобщим для человечества термином становится только в XX в.⁵ Только тогда на

⁴ Причину этого Фрэнсис Фукуяма видит в Великом Разрыве — в социальных и культурных переменах, которыми сопровождался переход от индустриального общества к информационному (См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв : пер. с англ. / под общ. ред. А. В. Александровой. М. : АСТ, 2008). Впрочем, он же доказывает, что на Западе — а значит, и в Лондоне — являющийся следствием Великого Разрыва и напрямую угрожающий безопасности рост преступности в последние десятилетия замедлился и даже дал обратный ход. Правда, подтверждается этот вывод только статистикой преступлений против личности, а кривая преступлений против собственности продолжает расти (Там же. С. 45–56).

⁵ Можно даже назвать точную дату, с которой понятие *безопасность* начинает быстро распространяться по всему свету. Это 26 октября 1945 г. — день ратификации Устава ООН большинством стран-учредителей этой международной организации и пятью постоянными членами одного из двух основных органов ООН — Совета Безопасности.

культурно своеобразные картины мира, выработанные в разных его частях и уже потому частичные, накладывается картина мира, также вышедшая из одного культурного локуса, но силою исторических обстоятельств превращенная во всеобщую, универсальную. Картина, не обязательно всеми на земле усвоенная, но уже почти всем хотя бы поверхностно знакомая. В этой, западной картине мира специальное слово для обозначения того, что мы сейчас называем состоянием безопасности, известно, как минимум, со времен Цицерона и Сенеки. *Securitas* означало тогда отсутствие болезней, забот, оснований для беспокойства⁶, такое состояние или положение, когда можно жить беспечно. (Это значение до сих пор видно, что называется, невооруженным глазом, в лексике некоторых славянских языков⁷.) С тех пор, удержав этот смысл, но не как самый главный, наполнившись другими смыслами, в первую очередь передающими представление о защищенности от угроз и опасностей, выразившись в *Sicherheit* (нем.), *security* (англ.), *sécurité* (франц.), *seguridad* (исп.), *sicurezza* (ит.) и т. д., западное понятие распространилось по всему свету, либо наделив дополнительным смыслом представлявшиеся близкими ему понятия в других языках, либо проросши в них явными или неявными кальками.

Это победное шествие атлантического деривата латинского *securitas* рано или поздно должно было поставить — и действительно поставило — два взаимосвязанных вопроса. Один из них, акцентирующий фактор времени, звучит так: если в каких-то культурах специальное понятие *безопасность* вообще отсутствовало в прошлом, можно ли применительно к этим культурам рассуждать о безопасности их носителей? И уж тем более — рассчитывать на то, что калька с *securitas* из простой единицы информации преобразуется в представление о реальной ценности, реальном ценимом благе? Второй вопрос, соотносимый с различиями, распределенными в пространстве, может быть сформулирован следующим образом: насколько точно смысловые заимствования, внедряемые в исконное / автохтонное понятие, воспроизводят в инокультурных полях западные смыслы *securitas* и его производных?

Не стоит лукавить — и личное мировосприятие, и неразрывно с ним сплетенный индивидуальный исследовательский опыт заранее под-

⁶ См. в этой связи: Перцу У. От Сенеки до *pubblica sicurezza*: эволюция понятия «безопасность» в итальянской культуре // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 177–187.

⁷ В украинском языке это *безпе́ка*, в белорусском — *бяспе́ка*, в польском — *bezpieczeństwo*, в чешском — *bezpečnost*.

сказывали мне ответы на оба вопроса. В среде историков значительный резонанс получил спор между Л. М. Баткиным и А. Я. Гуревичем. Баткин доказывал, что в средневековом понимании слово *persona* обозначало только «лицо», поэтому его перевод как «личность» является «невыносимым анахронизмом». Гуревич, опираясь на анализ исландских саг, проповедей Бертольда Регенсбургского и некоторых других текстов, пришел к выводу, что и применительно к Средневековью второй перевод не менее уместен, чем первый⁸. В этом споре я — на стороне Гуревича. Отсутствие понятия или какого-то его важного смысла не обязательно предполагает отсутствие состояния. Ибо возможен и такой вариант, когда понятия или смысла нет просто потому, что состояние, которому они могли бы полно соответствовать, в данной культурной картине мира еще не обособлено от смежных состояний. Вместе с тем, эта *необособленность*, неполная выделенность состояния должны искажать восприятие привносимых извне смыслов, поскольку тем нет полного соответствия в атакуемой ими картине мира. А культурные стереотипы, впитанные с молоком матери, дополнительно блокируют возможность корректного включения в эту картину смыслов, выросших на «чужой» историко-культурной почве.

При таком подходе получается, что с одной стороны, со стороны времени, нет гносеологических запретов на поиск в прошлом состояний, называемых и определяемых современным термином как состояния опасности / безопасности. А с другой стороны, со стороны пространства, напротив, предпочтительнее, не забывая о межкультурных сходствах в восприятии и оценке безопасности, первостепенное внимание все-таки уделять культурно обусловленным различиям.

Справедливость этого подхода гипотетична, ответы на поставленные выше вопросы, которые из него вытекают, требуют доказательств. Но найти их, оставаясь строго в области политической науки, представлялось мне невозможным. В результате родилась идея привлечь к исследованию безопасности людей из других областей знания, обычно с изучением безопасности не ассоциируемых, — филологов, историков, специалистов по истории культуры. Тем более что прецедент имелся: историк и экономист Эмма Ротшильд уже доказала про-

⁸ Ср.: Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука, 1989; Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб. : Александрия, 2009. Но здесь я отсылаю читателя к специально посвященной этому спору статье Гуревича «Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры» (Гуревич А. Я. История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика : статьи разных лет. М. : РГГУ, 2005. С. 388–406; см. также: Там же. С. 821–842).

дуктивность междисциплинарного исследования безопасности и собственными трудами, и работами людей, вовлеченных ею в международное сообщество по разработке новой концепции безопасности «Common Security Forum»⁹.

II

В 2010 г. Центр исследования общих проблем современного Востока приступил, в сотрудничестве с Ивановским государственным университетом, к осуществлению междисциплинарного исследовательского проекта «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции». В первую очередь была подготовлена его концепция. В соответствии с нею замысел следовало реализовать в два этапа. Первым этапом должен был стать компактный выездной междисциплинарный семинар «Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур», вторым — подготовка и проведение в Институте востоковедения РАН международной конференции «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции». На завершающей стадии каждого этапа планировалась публикация материалов: в первом случае — материалов семинара, во втором — конференции.

В ходе первого этапа предстояло решить две основные задачи. Во-первых, «обкатать», в форме докладов с последующим подробнейшим обсуждением каждого, целый ряд исследовательских сюжетов, выглядевших совершенно необычными при сравнении со средним российским «толковищем» о безопасности, все чаще сводящимся к поиску вселенского заговора «вашингтонского обкома». Во-вторых, еще раз обсудить концепцию, с тем чтобы принять ее окончательный вариант, который и должен стать организующей основой конференции.

Участники первого этапа подбирались отнюдь не по критерию заранее заявленной лояльности по отношению к концепции, а как склонные к рефлексии и критике специалисты в разных отраслях знания, не связанные, однако, некогда избранной исследовательской колеей.

⁹ См., например: *Common Security in Asia: New Concepts of Human Security* / ed. by Tatsuro Matsumae and Lincoln C. Chen. Tokyo : Tokai Univ. Press, 1995; *Rothschild E. What is Security?* // *Daedalus*. 1995. Vol. 124, № 3. P. 55–98; *Eadem. The Debate on Economic and Social Security in the Late Eighteenth Century: Lessons of a Road not Taken* // *Development and Change*. 1996. Vol. 27, Issue 2. P. 331–351; *Eadem. The Last Empire: Security and Globalization in Historical Perspective* // *Jerome E. Levy Occasional Paper*. № 5. US Naval War College, 2003. О Форуме см.: *Кобринская И. Общая безопасность и безопасные сообщества* // *Вестник Евразии*. 1998. № 1–2 (4–5). С. 66–272. См. также: URL: http://www.histecon.magd.cam.ac.uk/csf/annual_reports.html

В итоге концепция была подвергнута обстоятельному обсуждению на семинаре, состоявшемся в ноябре 2011 г. в г. Суздале, доработана и положена в основу информационного письма о планируемой конференции. Привожу из этого письма постановку исследовательской цели — вместе с кратким обоснованием.

На уровне обыденного сознания представления о безопасности распространены повсеместно. А вот как продукт политического сознания и термин «безопасность», и его концептуальные осмысления впервые появились на Западе. Восток и Россия научились говорить на политическом языке безопасности, пользоваться его идиомами; но вряд ли можно утверждать, что в их исполнении эти идиомы строго аутентичны первоисточнику. Даже в рамках западного мира различия в подходах к безопасности не могут трактоваться только как следствие рационального осознания различий в интересах: действуют и такие «идеальные» факторы, как особенности истории и культуры разных стран, влияющие на политическое сознание. Тем с большей уверенностью можно предположить, что в Восточной Европе и на Балканах, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Иране и Индии, в России и Средней Азии наличествуют, как минимум, весьма значимые оттенки в восприятии безопасности. Они улавливаются местным политическим сознанием, отражаются в официальных концепциях безопасности и в политической практике.

Вопрос о содержании представлений о безопасности на Востоке и в России — в их сравнении с такими представлениями на Западе — и об их воздействии на политическую мысль ещё не становился в России предметом специального исследования. Намечаемая конференция может дать на него ответ, пусть даже по преимуществу предварительный. Мы надеемся, что совместная работа историков, филологов, политологов и культурологов внесет вклад в выявление и понимание факторов, обуславливающих различия в политической теории и, особенно, в политической практике Запада, Востока и России¹⁰.

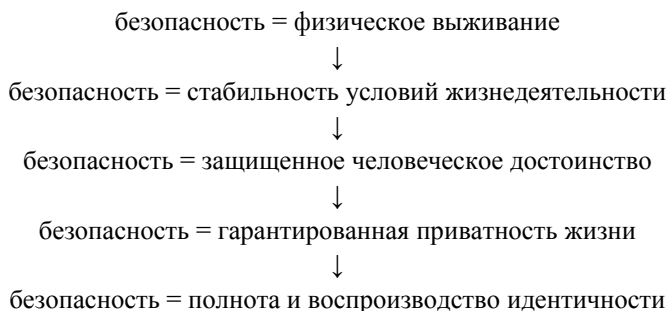
Как видно из этого отрывка, эксплицитная цель проекта ограничивалась поиском ответа лишь на один из двух поставленных выше вопросов — на вопрос о степени соответствия / расхождения представлений о безопасности и их терминологического отражения в разных культурах. Но, поскольку требование ограничиться синхронными исследованиями не было выставлено, поиск ответа на второй вопрос — вопрос о релевантности понятия при переносе его в прошлое — тоже присутствовал, только неявным образом.

¹⁰ Полный текст концепции доступен на сайте Института востоковедения РАН. URL: <http://www.conference.vostokoved.ru/concept> (дата обращения: 30.08.2013).

Секции конференции и направления их работы задумывались в соответствии с концепцией. Они должны были обеспечить — взамен жонглирования псевдонаучными геополитическим конструкциями — «встречу» филологических и историко-культурных, то есть инновационных для исследований безопасности подходов с привычными политологическими. Желаящие работать в первой секции «Безопасность в языках и культурах Запада, Востока и России» должны были сосредоточиться на этимологии лексемы «безопасность» в разных языках. А также на исходных «земных» и «возвышенных» составляющих передаваемого этой лексемой понятия, на его культурно и исторически обусловленных коннотациях.

Вторая секция «Восприятие безопасности на Западе, на Востоке и в России» резервировалась для тех, кому было бы интересно взглянуть на безопасность как на двоичную структуру представлений — то есть одновременно как на ценность и норму, как на наличное состояние и желаемую цель, как на дарованное благо и законное право, как на существующую данность и достигаемый результат.

Исследовательские направления третьей секции «Приоритеты безопасности на Западе, на Востоке и в России» были представлены в виде цепочки экзистенциальных отождествлений. Цепочка эта выглядела следующим образом:

Четвертая секция «Дилеммы безопасности» ориентировала ее участников на изучение потенциальных и реальных конфликтов и напряжения между различными аспектами безопасности. Такими, например, как охрана природной среды vs ресурсные требования экономического роста, необходимого для роста благосостояния; свобода личности vs целостное воспроизводство общности; идентичность меньшинств vs идентичность большинства; суверенитет государства vs глобальная безопасность и т. д.

Только тематический репертуар пятой секции был определен вполне традиционным образом как серия case studies; и ее содержание достаточно полно выразилось в ее названии: «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: политика, концепции, ситуации».

Конференция «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции», организованная при поддержке Фонда Эберта (Германия) и Информационного агентства «Инфорос» (Россия), проходила 15–16 октября 2012 г. в Москве, в здании Института востоковедения РАН. Участвовали в ней в общей сложности 49 человек: 39 сделали устные доклады, еще десять прислали тексты, но не выступали. Шестнадцать участников представляли университеты и институты Казахстана, Кыргызстана, Украины, Италии, Египта, Судана, Ирана, Индии, Канады и Бразилии /Великобритании¹¹. Двенадцать человек приехали или прислали доклады из Санкт-Петербурга, Иванова, Ярославля, Ростова, Нижнего Новгорода, Тюмени, Абакана, Барнаула и Улан-Удэ. Что касается участников-москвичей, то десять из них — сотрудники Института востоковедения РАН, остальные работают в столичных вузах и академических институтах. Половина участников конференции, выступавших на ней, что называется, вживе, — молодые ученые в возрасте до 35 лет.

III

Следующие за этим вступлением тексты представляют собой статьи, написанные участниками конференции на основе сделанных или присланных докладов. Большинство докладов научные редакторы подвергли довольно жесткому рецензированию, побудившему авторов переработать текст с учетом сделанных замечаний, так что окончательные варианты некоторых статей сильно отличаются от первоначальных.

Редакторы предъявляли претензии авторам, преследуя две цели. Одна из них совпадает с главной целью научного редактирования — обеспечить соответствие научного текста стандартным требованиям профессионального сообщества. При этом мы не оспаривали позиции тех авторов, с которыми были не согласны, — лишь бы эти позиции были достаточно аргументированными. Второй целью было добиться того, чтобы авторские тексты, при всей их сюжетной своеобычности и неизбежных различиях в уровне исполнительского мастерства, четко вписывались в предметно-тематические рамки, заданные концепцией проекта. Иными словами, чтобы они — когда напрямую, когда косвен-

¹¹ Гражданин Бразилии Ф. Глюгер подал заявку на участие в конференции, будучи на стажировке в Лондонском университете.

но — откликались на два кардинальных вопроса проекта, сформулированных в предисловии. Либо, как минимум, давали бы читателю материал для самостоятельного поиска ответов. Этой второй цели редакторы следовали изначально и упорно, в некоторых случаях вообще отвергнув тексты, авторы которых не могли или не хотели ей соответствовать. В итоге то, что получилось, не может считаться простой публикацией материалов конференции. Мы надеемся, что, прочитав этот том, внимательный читатель в жанровом отношении определит его как своего рода *пред-* или *прото*монографию.

Остается сделать два замечания. Первое: статьи, написанные иностранными участниками на английском языке, решено было не переводить. Второе: средства на подготовку оригинал-макета и печать тиража были изысканы партнерами Института востоковедения РАН из Ивановского государственного университета. В Иванове же осуществлялась предпечатная подготовка сборника.

Раздел I

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ

Г. Ю. Колганова, А. А. Петрова

Представления о безопасности в Древнем Египте и Ассирии: «теория» и «практика»

В древних обществах бытовали определенные представления о безопасном и стабильном существовании. Одни из них лежали в основе ритуалов и обычаев, составлявших неотъемлемую — и вряд ли отрефлексированную — часть повседневных практик; другие по степени работанности и структурной сложности, по сопряженности с целостной картиной мироустройства вполне сопоставимы с «большими» теориями или концепциями. Другое дело, что в древних языках Ближнего Востока, таких как древнеегипетский или аккадский, не было лексемы, которая напрямую соответствовала бы современному понятию безопасности. Необходимо, однако, отметить, что арабское «быть в безопасности, целостности, в мире» (корневое гнездо *slm*) со всеми производными значениями традиционно возводится к семитскому корню $*šlm$ ¹. В аккадском языке этот корень в самом общем виде может значить «быть целым, невредимым, благополучным, мирным, здоровым; быть готовым, завершённым, исполненным» и т. п. Есть в аккадском и корень *slm* = быть / стать дружественным, дружным (отсюда и *bēl salīme* — друг, союзник)². Судя по всему, процесс сращения обоих корней начался еще во II тыс. до н. э.

Ниже мы постараемся вычленить представления о безопасности, локализовавшиеся на каждом из отмеченных выше уровней — на концептуальном и на бытовом, отметив предварительно, что такое четкое разделение проведено нами для удобства анализа и вряд ли соответствует ушедшей в прошлое древневосточной реальности.

Концепции

Для понимания древнеегипетских представлений о безопасности ключевое значение имеет концепция *maat* — концепция мирового по-

© Колганова Г. Ю., Петрова А. А., 2013

¹ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (далее CAD). Vol. 17, pt. 1. 1989. P. 206–208.

² CAD. Vol. 15. 1984. P. 89.

рядка и вселенской гармонии, включавшая в себя такие понятия, как *правда, истина, справедливость, правопорядок, этическая норма, божественное установление, закон* и т. п. *Маат* олицетворяла законы, установленные богом-творцом, согласно которым протекала жизнь живых существ, небесных светил, природных явлений. Принципы *маат* воплощались как во вселенной, так и в обществе и предполагали ответственность каждого человека за свои действия. Отступление от этих универсальных принципов могло привести к разрушению мирового порядка и воцарению хаоса — именно поэтому *маат* необходимо было поддерживать. На «высшем» уровне главной персоной, отвечавшей за поддержание мирового порядка, был древнеегипетский царь, который считался посредником между богом и людьми. Царь был обязан лично следовать принципам *маат*, так как считалось, что его несправедливые действия могут навлечь голод или иные бедствия на подданных. Кроме того, он должен был осуществлять целый ряд традиционных ритуалов, направленных на поддержание божественных законов и стабильности государства, а также на уничтожение врагов, будь то люди или сверхъестественные существа, стремившиеся свергнуть мир в пучину хаоса. Таким образом, космическая гармония достигалась через правильную общественную и ритуальную жизнь³.

Ассирийская традиция вобрала в себя также элементы хеттской и финикийской. При всей эклектичности нельзя, правда, отказать ей и в определенной оригинальности. Для представлений о безопасности в Ассирии ключевой являлась концепция, включавшая в себя понятия *китту(м)* (*истина*) и *мишару(м)* (*справедливость*), в контексте которых можно говорить о восприятии безопасности как ценности и нормы, как наличного состояния и желаемой цели, как дарованного блага и законного права, как существующей данности и достигаемого результата.

Во многом ассирийская традиция ориентируется на вавилонское понимание традиции шумерской, ключевую роль в которой играет концепция *ме* = дарованный свыше правильный порядок, следование которому гарантирует благополучный результат. Главной персоной, отвечавшей за благополучный результат, т. е. за поддержание правильного порядка, был, как и в Древнем Египте, царь — «мудрый пастырь», призванный богами. Первый текст с описанием бедствий, которые по-

³ Колганова Г., Петрова А. Царь как гарант безопасности и стабильности государства (на примере Древней Месопотамии и Древнего Египта) // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 129–134.

стигнут страну, чей правитель (в данном случае Нарам-Суэн) неблагочестив, — это «Проклятие Аккада». Он может быть датирован концом III — началом II тыс. до н. э.⁴ Чтобы «подстраховать» правителя от ошибок, очень рано в практику входят «деловые» календари с кратким описанием ритуалов на каждый день и месяц. Считалось, что состояния «сверхсилы» (ведущего к процветанию страны) царь достигает неукоснительным соблюдением бесконечного количества предписанных ему богами ритуалов, в которых выступает главным действующим лицом. Ассирийскому царю предписывались даже определенные правила поведения на войне, о чем свидетельствуют как изобразительные (скульптурные рельефы и росписи), так и письменные источники (царские надписи, письма царских астрологов и фрагменты ритуала *ишкар тахази*, обнаруженные среди клинописных табличек знаменитой библиотеки Ашшурбанапала).

В качестве примера того, как царь справляется с катастрофой, обеспечивая безопасность страны, можно привести египетскую стелу времен Яхмоса I (ок. 1550 г. до н. э.). В ней описывается бедствие, тогда обрушившееся на Египет. Речь идет о дожде, который вызвал сильнейшие потоки воды, затопившие огромную территорию, разрушившие множество жилых домов, храмов и повредившие гробницы и пирамиды⁵. После довольно детального описания катастрофы в записи рассказывается о том, какие действия — разумеется, успешные — предпринял царь для ликвидации последствий наводнения. Характерно, что после прибытия на место происшествия царь прежде всего посредством особого ритуала «укрепляет Обе Земли», т. е. Верхний и Нижний Египет, и, по-видимому, именно это действие является ключевым. Ибо ничего не происходит просто так, катастрофа возникла из-за некоего нарушения мирового порядка — и царь, «укрепляя Обе Земли», фактически его восстанавливает. После чего уже можно приступать к конкретным действиям: спасать пострадавших, ремонтировать поврежденные постройки и т. д.

Практики: охранительная магия

Таким образом, безопасность «высшего» уровня, т. е. безопасность государства и всего мира, зависела от царя. Однако обычные люди сталкивались преимущественно с ординарными опасностями повсе-

⁴ От начала начал : антология шумерской поэзии / вступит. статья, пер. и коммент. В. К. Афанасьевой. СПб. : Петербургское востоковедение, 1997. С. 429.

⁵ Vandersleyen C. Une tempête sous le règne d'Amosis // Revue d'Égyptologie. 1967. Vol. 19. P. 123–159.

дневной жизни. Согласно народным представлениям, такие опасности, как болезни, несчастные случаи, бедность или бесплодие, могли быть вызваны злой волей сверхъестественных существ: демонов, духов, мертвецов или колдунов. Чтобы обезопасить себя, многие жители Египта и Ассирии (любого пола и возраста) носили защитные амулеты, прибегали к ритуалам и другим магическим способам обеспечения благополучия.

В Древнем Египте существовало множество разновидностей амулетов: они могли иметь форму какого-либо божества или животного, содержать особые символы или магические надписи. Важна была не только форма амулета, но и материал, из которого он изготавливался. Например, амулет *уадж* («папирусная колонна») должен был быть сделан из зеленого камня, название которого также звучало по-египетски как *уадж*. А в «Книге мертвых» изречение 160, которое следовало произнести над этим амулетом, чтобы активировать (или усилить) его действие, содержало игру слов, связанную с названием амулета и глаголом *уджа* = быть целым, невредимым:

Изречение для папирусного амулета из полевого шпата... Если *уадж* (амулет) будет цел, тогда и я останусь *уджа* (невредим)⁶.

Особые амулеты использовались для защиты тела умершего человека от различных губительных воздействий.

В Ассирии в функции амулетов выступали также личные печати. В обоих случаях было важно не только то, что изображено и написано, но и то, на чем это сделано. Как и в Шумере, особо ценился привозимый издалека, а потому совсем не дешевый лазурит, цена на который в Египте, где он также пользовался популярностью, была еще выше, чем в Двуречье⁷.

Помимо амулетов и в Древнем Египте, и в Ассирии широко применялись защитные ритуалы, сопровождавшиеся магическими заклинаниями. Для людей III–I тыс. до н. э. было естественным представление о том, что тело человека обдувается заклинанием подобно тому, как небо обдувается ветром.

⁶ Allen T. G. The Book of the Dead or Going Forth by Day: Ideas of the Ancient Egyptian Concerning the Hereafter as Expressed in Their Own Terms // Studies in Ancient Oriental Civilization (далее SAOC). Vol. 37. Chicago : Chicago Univ. Press, 1974. P. 156; Ritner R. K. The Mechanics of Ancient Egyptian Magical Practice // SAOC. Vol. 54. Chicago: Chicago Univ. Press, 2008. P. 51.

⁷ Warburton D. A. The Theoretical Implications of Ancient Egyptian Colour Vocabulary for Anthropological and Cognitive Theory // Lingua Aegyptia. 2008. Vol. 16. P. 221–222.

В Египте заклинания и их сборники записывались на папирусах, высекались на статуях и стелах. Магию охотно использовали для защиты от болезней: в медицинских папирусах наряду с медицинскими рецептами и предписаниями содержалось также множество магических заклинаний. В сущности, магия воспринималась как целительная сила, не менее эффективная для излечения болезней, чем лекарства. Например, папирус Эдвина Смита, один из старейших образцов древней медицинской литературы, содержит описание такого ритуала:

Другое (средство) для отражения ветра, (приносящего) болезнь, демонов болезни, злых духов, посланников Сохмет. Уходите, демоны болезни! Ветер не достигнет меня, чтобы прошли мимо те, кто проходит мимо, чтобы (наслать) на меня бедствие. Я Хор, который проходит мимо демонов Сохмет, Хор, невредимый при Сохмет. Я единственный сын Бастет. Я не умру из-за тебя. Слова (должен) произнести человек с палкой из дерева-*ds* в руках, выйдя наружу и обходя вокруг своего дома. Он не умрет от болезни года⁸.

Кроме демонов самыми частыми источниками напастей считались змеи, крокодилы, мертвецы и чужеземцы, о чем можно прямо прочитать в названиях соответствующих заклинаний, например:

Свиток для защиты дома от всякого покойника, всякой покойницы, всякого змея и всякой змей⁹.

Некоторые египтяне писали письма своим умершим родственникам, желая, чтобы последние избавили их от несчастья (например, от тяжелой болезни), возникшего (чаще всего) по их вине. Автор письма, как правило, описывал, как много хорошего он сделал для своего адресата при жизни и после смерти, недоумевая, почему последний отвечает злом на добро. Письма обычно писали на глиняных сосудах, в которых относили в гробницу заупокойные жертвы, иногда на папирусе или куске ткани, которые также помещали в гробнице¹⁰.

Согласно распространенной практике, для обеспечения защиты важно было знать имена злонамеренных существ — дабы обрести над ними власть, а также имена существ благодетельных — для привлечения сил, помогающих отвести опасность.

⁸ *Breasted J. H.* The Edwin Smith Surgical Papyrus. Vol. 1 : Hieroglyphic Transliteration, Translation, and Commentary // Oriental Institute Publications. Vol. 3. Chicago, 1930. P. 476–478.

⁹ *Gardiner A.* The Ramesseum Papyri. Oxford : Oxford Univ. Press, 1955. Pl. 41. P. 12–13.

¹⁰ См. об этом: *Gardiner A., Sethe K.* Egyptian Letters to the Dead Mainly from the Old and Middle Kingdoms. London : Egypt Exploration Society, 1928.

Человек мог даже угрожать богу, если тот не исполнит его требований.

Произнося заклинание, человек обычно отождествлял себя с каким-либо могущественным богом — чаще всего с Исидой или Тотом (эти боги, как считалось, обладали наибольшей магической силой). Так, в одной популярной истории рассказывалось, как Исида смогла исцелить своего сына Хора, отравленного ядом змеи. Эта история широко использовалась простыми смертными в заклинаниях, защищавших от змеиных укусов. Известны специальные стелы, на которых изображался младенец Хор и записывались магические формулы против змей, например, стела Меттерниха. А изображения таких богов, как Бес или Таурт, нередко украшали предметы мебели или другие домашние вещи: считалось, что эти изображения помогают защищать дом от вредоносных сил.

Масса традиций, ритуалов и суеверий была связана с самыми уязвимыми членами общества — детьми и беременными женщинами.

Существовало поверье, что некоторые дни являются несчастливыми — в такой день человек был особенно подвержен определенного рода опасности, и желавшему уберечь себя следовало быть очень осторожным. До нас дошли папирусы-календари с указанием счастливых и несчастливых дней, самый старый из них относится к эпохе Среднего царства (2040–1750 до н. э.). Плохие дни предвещали проблемы в той или иной области жизни. Считалось также, что люди, рожденные в подобные дни, рискуют умереть от определенной причины, например укуса змеи или тяжелого заболевания. В некоторых календарях объяснялось, почему те или иные дни считались удачными, неудачными или отчасти удачными (обычно причины были мифологического характера), а также что следует делать — вернее, *не* делать, — чтобы уберечься от потенциальной опасности: например, не выходить на дорогу, не совершать каких-либо действий или не есть определенную пищу. Так, в 22-й день первого месяца сезона *ахет* нельзя было есть рыбу, поскольку именно в этот день, согласно мифу об истреблении человечества, боги приняли облик рыб¹¹.

Для защиты от разнообразных врагов применялась вредоносная имитативная магия. Например, имена или изображения врагов записывались на керамических сосудах или табличках, глиняных или восковых фигурках либо иных предметах, которые затем разбивали, сжигали или

¹¹ *Maystre C.* Le livre de la vache du ciel // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1941. Vol. 40. P. 58–73; *Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature. Vol. II. Berkeley (CA) : Univ. of California Press, 1976. P. 197–199.

закапывали в землю. Считалось, что эти действия ослабят или уничтожат врага. Враждебная направленность подчеркивалась красным цветом (красная глина для фигурки, красные чернила для записи имен и т. п.), который ассоциировался с Сетом и иными злыми демоническими существами¹². В крупных храмах проводились специальные церемонии, которые должны были способствовать низвержению врагов божественного миропорядка, например змея Апопа, врага бога Ра.

Практики: наступательная магия

В ассирийской культуре также широко были распространены самые разнообразные целительно-освятительные ритуалы, по своей сути защитные или атропопеические, наступательные и искупительные. Известные нам ритуалы исцеления содержат магические рецепты и заговоры против злых духов. Тексты заговоров направлены против порчи (глазная болезнь, зубная или головная боль, тяжелые роды и т. д.), причиненной человеку злыми демонами, а также змеями или скорпионами. В качестве примера приведем заклинание вонь в переводе В. К. Афанасьевой, две из шести известных копий которого (три — начала II тыс. до н. э. и три — начала I тыс. до н. э.) были обнаружены в уже упоминавшейся библиотеке Ашшурбанапала. Долгое бытование этого текста служит наглядным примером живучести магическо-ритуальной традиции.

Вонь проросла, как пахучие травы.
Словно козлиха, голову вздела.
Словно козел, плюется белым.
Змеей водяною жало тянет.
Змеей огневою вонь разрывает.
Ты, вонь, что сама собой зародилась,
Как горшок, разбейся,
Как огонь угасни.
Как огонь среди пальм, сама угасни!
Заклинание, что Нингирима промолвила,
Волхование Эредуга¹³,
Пусть Энки в покоях своих, в Энгуре¹⁴,
Да выпустит он его на волю.
Тогда возьмешь ты шепотку соли,

¹² Ritner R. K. The Mechanics of Ancient Egyptian Magical Practice... P. 147.

¹³ Нингирима — покровительница заклинаний, Эредуг / Эриду — один из древнейших городов на юге Двуречья.

¹⁴ Энки = Эйа (см. далее), Энгур — название чертогов бога Энки.

Тогда больному дашь заклинанье,
Тогда в рот соль ты положишь.
И да вытолкнет он ее в испражнение,
По частям из себя да исторгнет.
Ветром да выпустит ее сзади.
Это — заклинание против вони.

Согласно словам, извлеченным из таблички, эта копия каменной таблички из скорпионова камня¹⁵ написана и сверена Бел-Ушаллимом, сыном Дабиби¹⁶.

Наступательная магия применялась в ответ на порчу, насланную колдуном. Наиболее часто при этом проситель обращался к богам, связанным со светом и огнем, — к Шамашу и Гирре, а также к богу мудрости, отцу и покровителю богов-врачевателей Эяа. Если же человек сам, своей волей, провинился в чем-то, то должен был отправиться в храм и обратиться с определенной молитвой и жертвой к богу / богине, которого / которую считал своим покровителем.

* * *

Древние общества обладали довольно развитой и хорошо разработанной системой представлений и верований, связанных с поддержанием безопасности бытия. Эта система неплохо «работала» на разных уровнях общества — от «высшего» (безопасность государства) до «низшего» (безопасность отдельного взятого индивида) и включала в себя набор понятий и объяснений, необходимых для стабильного и устойчивого функционирования общества. Особо следует оговорить тот факт, что древнеегипетская система работала действительно на **всех** уровнях: и в этом мире, и в загробном. Ассирийская же старалась с миром мертвых иметь как можно меньше дел, охраняя границы мира живых от посягательств мертвецов специальными ритуалами против их духов¹⁷. Но и в том, и в другом случае система фактически обеспечивала психологическую опору, убежденность в том, что стабильный мировой

¹⁵ Наглядный пример значимости материала, из которого изготовлен причастный к ритуально-магическому действу предмет.

¹⁶ От начала начал : антология шумерской поэзии. С. 328.

¹⁷ См. в этой связи: *Castellino G. Rituals and Prayers against Ghosts // Orientalia (Pontificium Institutum Biblicum). 1955. Vol. 24. P. 240–274; Schramm W. Ein Bruchstück einer zweisprachigen Beschwörung gegen Totengeister // Orientalia (Pontificium Institutum Biblicum). 1970. Vol. 39, Part. 3. P. 405–408.*

порядок — это данность, которая существует со времен творения и гарантирована самими богами. Также она объясняла причины возникновения опасностей, приписывая их, как правило, злой воле животных, людей или сверхъестественных существ, и предлагала понятные инструменты для защиты от этих опасностей. Общество, «знавшее врагов в лицо» и владевшее целым арсеналом средств для борьбы с ними, обладало известной устойчивостью и, по-видимому, в целом чувствовало себя достаточно защищенным, чтобы не испытывать потребности в специальных терминах, которые описывали бы безопасность так целенаправленно и точно, как это делается в современных концепциях безопасности.

Разумеется, находились и «несогласные», которых не устраивали предлагаемые объяснения, терзали сомнения по поводу правильности распространенной в те времена картины мира. Однако это уже предмет совершенно другого исследования.

В. А. Макаров

**Безопасность и образ мира:
сравнительный анализ концепций безопасности
на Дальнем Востоке
в прессе Великобритании и России 1898–1901 гг.**

Эволюция понятия *безопасность*, акцентирование внимания в различные эпохи на разных его аспектах существенно влияли на конфигурацию системы межгосударственных отношений и на восприятие международной ситуации. Однако проблема его смыслового наполнения в различных культурах до сих пор недостаточно исследована. Остается слабо изученным и влияние на концепцию безопасности уникального исторического опыта, особенностей восприятия мира, характерных для различных народов. В то же время комплексное понимание смыслового наполнения понятия *безопасность* в различные эпохи помогает глубже осмыслить современную структуру международных отношений. В этой статье мы ставим перед собой задачу определить наполнение понятия *безопасность* и его составляющие применительно к Дальнему Востоку в конце XIX — начале XX в., когда этот регион стал одним из наиболее

проблемных в изменявшейся в преддверии мировой войны международной системе. На материале прессы Великобритании и России мы покажем, как формировалась концепция безопасности в печати каждой из этих стран, как влиял на эту концепцию их уникальный опыт, характерные для их культур представления о мире, о себе и о *Другом*, политические и культурные воззрения.

I

Британские интересы на Дальнем Востоке были более значительны, чем у других игроков большой политики. Британия безоговорочно доминировала в торговле в Китае; собственность ее подданных на Дальнем Востоке исчислялась миллионами фунтов стерлингов¹, особенно велики были их вложения в южном Китае — в долине реки Янцзы.

Важнейшей угрозой в регионе большинству участников дискуссии о *проблеме Дальнего Востока* в британской печати представлялась Российская империя², неотъемлемым свойством которой считалась враждебность к свободной торговле. Неоднократно подчеркивалось, что российская сторона выступала противником *фритреда*, в том числе и на Дальнем Востоке³. Так, британский бизнесмен С. Моринг убеждал читателей, что российские предприниматели были категорически против совместной с британцами разработки месторождений полезных ископаемых в Маньчжурии⁴.

Ситуация вокруг северного Китая вызывала особое беспокойство. На страницах авторитетнейшего из британских журналов конца XIX в.

¹ Baumgart W. Imperialism. The Idea and Reality of British and French Colonial Expansion, 1880–1914. Oxford : Oxford Univ. Press, 1982; Bickers R. Britain in China: community culture and colonialism, 1900–1949. Manchester ; New York : Manchester Univ. Press, 1999; Goodlad G. British foreign and imperial policy, 1865–1919. London : Taylor and Francis, 2000; Lowe C. J. The Reluctant Imperialists. British Foreign Policy. 1878–1902. Vol. 1. New York, London : Routledge, 2002.

² См., например: Holt H. France and Russia in China // The Nineteenth Century : A Monthly Review. 1897. Vol. XXXLI, March; Russia and China // The Times Weekly Edition. 1898. Vol. XXII, March 11; The Policy of the British Government in China // The Economist. 1898. Vol. XVI, October 8.

³ Moreing C. A. Recent Business Tour in China // The Nineteenth Century : A Monthly Review. 1898. Vol. XLIV, September. P. 390; Boulger D. C. How China May Yet Be Saved // The Contemporary Review. 1898. Vol. LXXII, January–June. P. 755.

⁴ Moreing C. A. Op. cit. P. 390.

«The Nineteenth Century» постоянный обозреватель событий в Китае С. Холт утверждал, что Россия желала «расчленить» Китай⁵. «The Fortnightly Review» высказывал мнение, что стратегические позиции России на Дальнем Востоке позволяют ей контролировать правительство Поднебесной⁶. Британский историк и плодовитый литератор Д. Боулджер, опубликовавший ряд статей в том же издании, полагал, что Россия непосредственно угрожает интересам Британии в долине реки Янцзы⁷.

Пресса настойчиво формировала мнение, что усиление влияния России в Китае будет губительно в первую очередь для интересов британской торговли, и даже успешные дипломатические переговоры с Россией не давали британской элите ощущения безопасности. Служивший в Британской Индии потомственный военный Р. Кобболд писал: «Российские “гарантии” ничего не значат и не могут быть восприняты серьезно»⁸. Россия вызывала у британской прессы опасения не только как могучий враг, но и как *Чужой*, ведущий игру по другим правилам или, как интерпретировали это некоторые авторы, вообще без всяких правил. Одной из причин такого отношения были стойкие антироссийские стереотипы, существовавшие в Британии с середины XIX в.⁹

Участники дискуссии единодушно готовы были отстаивать безопасность британских вложений на Дальнем Востоке. «Если (свобода торговли в Китае. — В. М.) окажется под прямой и серьезной угрозой, мы... спокойно, но стойко дадим знать о наших требованиях»¹⁰, — таков лейтмотив многих статей о «китайской политике» Британии. В то же время безопасность британских интересов на Дальнем Востоке считалась второстепенным сюжетом по сравнению с положением в других регионах. На страницах «The Economist» отмечалось, что интересы Великобритании в Маньчжурии незначительны и не стоят ссоры с Россией¹¹. Один из участников дискуссии о британской политике в Китае,

⁵ Holt H. France and Russia in China. P. 488.

⁶ Yorke R. S. Wei Hai Wei, Our Latest Leasehold Possession // The Fortnightly Review. 1898. Vol. LXIV, № CCCLXXIX, July 1. P. 40.

⁷ Boulger D. C. Is Russia in Preponderate in China? // The Fortnightly Review. 1900. Vol. LXVIII, № CCCCVI, October 1. P. 692.

⁸ Cobbold R. A Sample of Chinese Administration // The Nineteenth Century: A Monthly Review. 1899. Vol. XXXLV, April. P. 592.

⁹ Подробнее об этом см.: Чубарьян А. О. Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании // Мир Клио: сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 1 / под общ. ред. А. Г. Суприянович. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2007. С. 210–233.

¹⁰ England, Russia and China // The Economist. 1898. Vol. LVI, March 12. P. 84.

¹¹ British Interests in China // The Economist. 1898. Vol. LVI, June 18. P. 384.

разгоревшейся в 1898 г. на страницах «The Contemporary Review», указывал на взаимозависимость России и Великобритании на Дальнем Востоке и даже выступал сторонником англо-русского альянса в Китае¹², поскольку именно он вернее всего обеспечил бы безопасность интересов Альбиона.

Итак, при концептуальном осмыслении проблемы безопасности британских интересов на Дальнем Востоке основное внимание в тот период уделялось сохранению коммерческих позиций. Полемисты фактически единогласно считали жизненно важным для британской коммерции в Китае сохранение свободной торговли и выгодного для Британии *status quo*¹³. При этом Россия вызывала их опасения не только как торговый и политический оппонент, но и как актер, правила игры которого отличались от британских. Однако большинство участников дискуссии, понимая периферийное положение Дальнего Востока в общей иерархии интересов Великобритании, только до тех пор склонны были ревностно охранять права и интересы в регионе, пока этому не препятствовали угрозы безопасности Британии в других частях мира.

II

Анализируя освоение Российской империей китайского Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв., современные авторы подчеркивают «необеспеченность российской экспансии финансовым и интеллектуальным потенциалом»¹⁴. На «отсутствие какой-либо идеологической и интеллектуальной подготовки русского освоения Дальнего Востока»¹⁵ указывает такой авторитетный современный специалист по российской политике в регионе, как В. Г. Дацышен. Тысячеверстные просторы Приморья и Приамурья были малонаселены и существовали за счет субсидий из центра и китайской рабочей силы. Долголетние экономические связи России и Китая едва ли не ограничивались импортом чая через Кяхту.

¹² Fred T. J. The Problem of China: Another View // The Contemporary Review. 1898. Vol. LXXIII, January–June, March. P. 392.

¹³ См., например: *Diplomaticus*. The Crisis in the Far East // The Fortnightly Review. 1900. Vol. LXVIII, № CCCIII, July 1. P. 151; The Chinese Papers // The Economist. 1898. Vol. LXVI, April 30. P. 647; The Chinese Question // The Times Weekly Edition. 1898. Vol. XXII, № 1109, April 1. P. 216.

¹⁴ Дацышен В. Г. История русско-китайских отношений 1618–1917 : учеб. пособие. Красноярск : КГПУ, 2004. С. 37.

¹⁵ Дацышен В. Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. С. 39.

Тем не менее интересы России и проблемы обеспечения безопасности в регионе оживленно обсуждались на страницах отечественных интеллектуальных «толстых журналов». «Для русской купеческой предпримчивости, буде такая окажется, в Сибири и в областях Северного Китая с проложением великого сибирского пути и маньчжурской линии к Порт-Артуру открывается столь широкое поле, что оно не скоро ещё будет перейдено»¹⁶, — писал либеральный журнал «Русская мысль». Однако трезвый анализ российских экономических достижений на Дальнем Востоке не давал почвы для радужных прогнозов. «Роль (рос-сийской торговли в Китае. — В. М.) и абсолютно и относительно совершенно ничтожна»¹⁷, — отмечалось в конце хорошо документиро-ванного обзора российского предпринимательства в Китае на страницах журнала «Жизнь». Российский консул в Тяньцзине признавал, что «за-нятия ввозом русских изделий невозможно, потому что они вообще не соответствуют требованиям китайского рынка»¹⁸. В «Русском вестни-ке», обосновывая необходимость движения России на Дальний Восток, автор вообще не находил для этого никакой экономической мотивации, кроме приобретения незамерзающего порта¹⁹. В подробной статье об экономических достижениях России в Китае, опубликованной в журна-ле «Жизнь», подчеркивалось, что Россия импортировала больше китай-ских товаров, чем экспортировала своих, и что, пока ввоз российских товаров в Китай падал, экспорт других держав туда увеличивался²⁰. «Не только говорить, но даже и мечтать про себя втихомолку о превращении Китая во внешний рынок для сбыта русских изделий просто-напросто стыдно»²¹, — резюмировал автор. Современникам было ясно, что вы-теснение конкурентами скромной российской торговли с Дальнего Вос-тока не могло представлять заметной угрозы безопасности России. Та-ким образом, на первый план выходили стратегические конфликты на Дальнем Востоке, соперником России в которых в первую очередь могла стать Британская империя. «Англия, которая одна только могла бы помешать нам исполнить задуманное»²², — писал либеральный

¹⁶ В. А. Г. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1900. Ноябрь. С. 271.

¹⁷ Васильев А. К событиям в Китае // Жизнь : литературный журнал. 1900. Август. С. 323.

¹⁸ Консульские донесения : библиография // Русский вестник. 1900. Июль. С. 681.

¹⁹ Обозрение иностранных журналов // Русский вестник. 1895. Июль. С. 301.

²⁰ Васильев А. Указ соч. С. 323.

²¹ Там же. С. 324.

²² Иностранное обозрение : хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 844.

«Вестник Европы», подчеркивая, что Британия обладает сильными политическими и экономическими позициями на Дальнем Востоке и активно укрепляет свое влияние в Поднебесной²³. Публицист и социолог, автор ряда работ по российской внешней политике и ведущий рубрики «Политика» влиятельного журнала «Русское богатство» С. Южаков обвинял английскую прессу в намеренном разжигании вражды с Россией в связи с конфликтами вокруг железнодорожного строительства на севере Китая и не скупился на алармистские высказывания²⁴. Обратим внимание на тон, в котором подавались новости с Дальнего Востока. Россия, писал Южаков, «настаивает на своих *правах* по договору с Китаем». Британцы же «готовы поддержать свое *требование* (курсив в обоих случаях наш. — В. М.) вооруженной рукой»²⁵. Обзорщик даже предсказывал войну на Дальнем Востоке, где Китай в союзе с Англией выступит против России. «Разрыв и война, в самом деле, были возможны каждую минуту»²⁶, — утверждал он, сильно драматизируя ситуацию.

Образ Великобритании на страницах российской печати имел широкий спектр негативных черт. На страницах журнала народнической направленности «Русское богатство» упоминались англичане «с их международной политикой, основанной на эгоизме, макиавеллизме и бесчеловечности ко всем прочим народам земного шара»²⁷. «На всякий успех другой державы Англия привыкла смотреть как на ущерб своим собственным интересам»²⁸, — утверждалось на страницах консервативного «Русского вестника». «Сколько бодрости, чтобы не сказать дерзости, придал британской печати один призрак ослабления русского могущества в Азии», — вдохновенно писали авторы²⁹. В одной из статей этого издания безо всякой иронии противопоставлялись «*Неумеренные притязания* Великобритании, проникнутые *слепой ненавистью* к русскому могуществу, и *справедливые протесты* России»³⁰ (курсив наш. — В. М.).

²³ Там же. С. 839.

²⁴ Южаков С. Политика // Русское богатство. 1898. Октябрь. С. 157.

²⁵ Там же. С. 158.

²⁶ Там же.

²⁷ Джон Буль конца века : новые книги // Русское богатство. 1898. Апрель. С. 25.

²⁸ Библиография // Русский вестник. 1898. Январь. С. 385.

²⁹ Русский вестник. 1898. Июль. С. 355.

³⁰ Русский вестник. 1898. Февраль. С. 353.

Однако, несмотря на подобные достаточно широко распространенные настроения, на страницах российских интеллектуальных журналов преобладали взвешенные высказывания, указывавшие на взаимозависимость Британии и России на Дальнем Востоке и на безусловную важность этих связей для поддержания безопасности в регионе³¹. А. Васильев, обозреватель имевшего марксистский оттенок журнала «Жизнь», в конце своей хорошо аргументированной статьи указывал на усиление экономического и культурного потенциала страны как на лучшее средство укрепить безопасность России на Дальнем Востоке. «Опасность для России заключается не в том, что другие державы слишком усиливаются на Дальнем Востоке, а в том, что мы слишком мало приспособлены для культурной борьбы с этими державами», — писал он³². Даже на страницах «Русского вестника», редакция которого была настроена антибритански, признавалась важность совместных действий России и Британии по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке³³. В журналах разных направлений отмечались взвешенность и осторожность британской политики в Китае, отсутствие склонности англичан к конфликтам с Россией. В «Вестнике Европы» высказывалось мнение, что на Дальнем Востоке Британия преобладает, но Россия сильна на границах Индии, и «Англия должна дорожить сохранением мира с Россией, несмотря на свое морское могущество... на Дальнем Востоке»³⁴. «Взаимные счета России и Британии имеют вполне дружественный характер»³⁵, — писал «Вестник Европы» в тот момент, когда Великобритания в ответ на приобретение Россией Порт-Артура создала недалеко от Пекина военную базу в Вэйхайвэе.

Таким образом, хотя Британия подавляющему большинству авторов упомянутых отечественных изданий казалась главной угрозой безопасности России на Дальнем Востоке, представления о характере этой угрозы были смутными. Экономический потенциал Британии был, несомненно, выше российского, что вызывало явный дискомфорт у авторов всех идеологических направлений. Но торговля России на Дальнем Востоке была крайне неразвита, и даже полное вытеснение российских

³¹ Иностранное обозрение : хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 844.

³² Васильев А. Указ. соч. С. 326–327.

³³ Библиография // Русский вестник. 1898. Июль. С. 375.

³⁴ Иностранное обозрение : хроника // Вестник Европы. 1898. Апрель. С. 844.

³⁵ Иностранное обозрение : хроника // Вестник Европы. 1898. Май. С. 388.

товаров британскими сложно было расценивать как серьезную угрозу экономике Российской империи. Военная угроза на Дальнем Востоке со стороны Британии выглядела еще более призрачной: Вэйхайвэй находился «всего» в тысяче километров от российских границ. Угрозы со стороны Британии обсуждались в российской печати с точки зрения национального «престижа» и «гордости». Обращает на себя внимание также отсутствие взвешенной оценки политики Британии, так что аморфные опасения насчет Британии в отечественной печати, на наш взгляд, были обусловлены не столько реальными угрозами безопасности России на Дальнем Востоке, сколько давними антибританскими стереотипами. Иными словами, Британия вызывала ощущение угрозы на Дальнем Востоке не столько из-за того, что представляла там реальную опасность, сколько потому, что ее *привыкли* видеть врагом.

III

Итак, российская и британская концепции безопасности на Дальнем Востоке имели существенные, можно даже сказать, ключевые различия. Для британцев на первый план выходили реальные интересы коммерции. Для россиян, при всей нечеткости выявленных представлений, важнее было поддержание интересов и престижа державы, что было вполне естественно при отсутствии внятных экономических и ясно сформулированных политических интересов на Дальнем Востоке. Явное несовпадение интересов России и Британии как акторов международных отношений было основано на разных стратегиях освоения региона, и при этом читающая публика обеих стран получала из прессы информацию, на основании которой невозможно было понять стратегию оппонента, а его действия по определению считались угрозой собственной безопасности. В основе возникшего противостояния, как нам кажется, лежали культурные факторы. Ключевыми при формировании концепции безопасности оказались именно представления о мире, о себе и о *Другом*, зачастую при анализе ситуации подчинявшие себе реальность экономических и политических угроз и перспектив. В британской печати эта тенденция была менее ярко выраженной, в российской же, в условиях незначительности интересов Российской империи на Дальнем Востоке, доминировали именно устоявшиеся представления, а не практический анализ ситуации. Таким образом, для представителей обеих сторон противник представал прежде всего как *Чужой* — инокультурный, часто «старый враг», а только потом уже как оппонент в конкретном политико-экономическом регионе.

**Способы обеспечения безопасности
в традиционных культурах родового строя
(на примере индейцев Северной Америки)¹**

Способы обеспечения безопасности в традиционных социумах предстают как многогранный и взаимосвязанный комплекс мер стратегического значения с устойчивыми методами их реализации. Анализ же этих способов на основе знакомства с рядом родоплеменных структур различных социумов позволяет сделать выводы о стабильных стратегиях, принятых древним человечеством для собственного выживания. Ибо безопасность называлась тогда чаще всего выживанием — в сущности, так, как должна именоваться она и сейчас.

В самом деле, сопоставление в этом отношении древних эпох с современной выявляет отсутствие существенных перемен; отличие лишь в том, что сегодня речь должна идти о выживании всего человечества. Единственным бесспорным итогом длительной эволюции человеческого общества оказалась возросшая насущность мер по самосохранению, которые должны предприниматься на международной — всемирной — основе. В особенности история XX в. убеждает в том, что проблема какой бы то ни было безопасности — индивидуальной и

© Ващенко А. В., 2013

¹ Александр Владимирович Ващенко (30.11.1947 — 11.06.2013) — выдающийся российский литературовед, переводчик (член Союза писателей России), культуролог, исследователь литературы и культуры коренных народов России и Америки, доктор филологических наук, профессор. Его научное наследие насчитывает свыше 150 работ, многие из которых в свое время открыли новые горизонты в компаративных исследованиях культуры. Вкупе с многочисленными переводами произведений американских и канадских индейских писателей научные труды Александра Владимировича положили начало отечественной индеанистике. На протяжении своего исследовательского пути он находил новые и новые подтверждения неизмеримой ценности жизненного опыта малых народов в контексте проблем современного глобального мира.

Александр Владимирович заведовал кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, где и преподавал. Его педагогический талант воплотился в многочисленных учениках, продолжающих развивать идеи учителя в своей творческой и научной деятельности.

Публикуемая статья — последняя, написанная Александром Владимировичем незадолго до кончины.

групповой, национальной и международной, экологической и экономической, социальной, культурной и т. д. — снова трансформировалась в проблему выживания. И главными источниками угроз выживанию человечества являются современное состояние общественных отношений и отношение человека к природе. А мы живем себе без опаски на краю бездны опасностей... Современный общественный и личностный менталитет не в состоянии ни учесть уроков прошлого, ни успешно спроецировать на сколько-нибудь длительный срок наличные возможности решения глобальных по масштабу проблем. Опыт всякого традиционного социума способен помочь в этой области — ведь такой социум был «запрограммирован» на длительные сроки выживания, на консервацию статус-кво. Важность предпринимаемого в настоящей статье анализа и заключается в исторических аналогиях, в сравнениях древности с современностью в плане обеспеченности людей общественной и личной безопасностью.

Система выживания североамериканских индейцев: основные компоненты

Выявленный историко-культурный материал аборигенных племен Северной Америки позволяет внести весомый вклад в диалог по этому вопросу. Его эмпирический потенциал является особенно значимым в связи с тем, что аборигенное население Нового Света представляло и представляет собой разительное многообразие племен, адаптировавшихся к кардинально различающимся средам обитания — от тундры и лесов до прерий, гор и пустынь. Столь разнообразным опытом поддержания гармонии с природным окружением опрометчиво было бы пренебрегать. Современные индейские политические лидеры и деятели искусства постоянно подчеркивают на различных общественных форумах аксиологический приоритет их традиций в отношении природного окружения, ибо именно в этом виделось им первейшее условие их безопасности².

Применительно к родоплеменным социумам вообще и к таким социумам Северной Америки в частности целесообразно, в свете заявленной проблематики, выделить следующие наиболее существенные и интересные способы достижения индейскими племенами состояния стабильного выживания. Это, во-первых, способы поддержания эколо-

² См., например, деятельность индейских организаций в составе United Religions Initiative: Akwesasne Task Force on the Environment, First Nations Environmental Network, Haudenosaunee Environmental Task Force и др.

гического равновесия, в том числе общепринятые нормы мирного природопользования, установленные между племенами. Во-вторых, способы предвосхищения внешней опасности и противостояния ей, включая и попытки создания специальных институтов миротворчества для преодоления межплеменных ушибов. В-третьих, институты внутрисоциальной регуляции вкупе с комплексом защитных мер, направленных на психофизическое выживание личности в рамках коллектива.

Рассмотрим их по отдельности, посвятив каждому отдельный раздел.

Поддержание экологической стабильности

Оно традиционно относилось к вопросам первостепенной важности. Сейчас соответствующие меры носят преимущественно формальный характер, по реальным проблемам решения принимаются — и, главное, исполняются! — во вторую и третью очередь, что легко доказать на множестве примеров. Безусловно, с большой долей уверенности можно утверждать, что вследствие малочисленности населения и экстенсивности хозяйства родоплеменным обществам достигнуть равновесия человека и природы было легче, чем обществам индустриальным и постиндустриальным. Проблема, однако, не в большей сложности задачи, а в желании ее решить. Ибо, хотя нынешняя тенденция к истощению ресурсов, казалось бы, должна привести к существенным комплексным корректировкам в экологической политике, мы этого часто не наблюдаем.

В традиционных обществах Северной Америки экономическая безопасность была неразрывно связана с экологической стабильностью и обеспечивалась прежде всего за счет экономичного использования пищевых ресурсов. (Правда, сама потребность в этих ресурсах была несравнимой с аналогичной потребностью современного общества.) Далее, к числу мер, способствовавших экономическому выживанию традиционного социума, следует отнести специализацию индивидов, отвечавших за удачную охоту. Обычно этим занимались, наряду с другими функциями, так называемые *medicine men* — шаманы-целители³. У эскимосов меры по обеспечению выживаемости социума, судя по исследованиям, принимали крайнюю форму избирательной регуляции рождаемости: чтобы избежать «женского перенаселения» и увеличить долю охотников-добытчиков, некоторый процент девочек при рожде-

³ О них см., например: *Underhill R. M. Red Man's Religion: Beliefs and Practices of the Indians North of Mexico. Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1965. P. 82–96.*

нии уничтожался⁴. У степных кочевников, живших охотой на бизона, практиковался институт племенной полиции. Она строго следила за соблюдением общинных правил охоты и жестоко карала всякий индивидуальный произвол в этом отношении. Так, у черноногих этой цели служил *союз ловцов*, у дакотов ту же роль выполняли *акичита*, или *акацита*⁵ (*akicita* — охрана).

Немаловажную роль в поддержании бережного отношения к природным ресурсам играл корпус мифов, связанных с пищевыми табу. Сюда относились сюжеты, рассказывающие о нарушении табу на определенную пищу, например о последствиях непочтительного отношения к лососю у рыболовецких племен тихоокеанского побережья. В поведении всего племени, отдельной деревни либо индивида эти истории играли роль упреждающего прецедента. Обилие такого рода сюжетов у многих племен говорит о насущности проблемы⁶. В том же контексте следует оценивать сюжеты, связанные с этикетом «извинений» перед добытой дичью и с отпусканием души зверя обратно в среду его обитания. Особо интересны истории о происхождении специфических табу, например о причинах запрета на употребление в пищу рыбы у некоторых степных племен, таких как кайова, или у полукочевых навахо юго-запада США⁷. Вообще, во всех случаях следует говорить о сакрализации пищи, составлявшей основу родоплеменной диеты. Важную роль играла и идея породнения с источником пищи, «звериными народами»: по-родственному те были просто обязаны помогать родичам-людям.

Принятию норм мирного природопользования между племенами способствовало стремление к достижению не только экономической, но и политической безопасности. В основном это выражалось в обретавших силу традиции договоренностях, в соответствии с которыми за конкретными родами закреплялись конкретные угодья (так были распределены желудевые владения у калифорнийских племен), делались

⁴ Крупник И. И. Инфантицид в традиционных обществах Арктики: адаптивная стратегия или культурный механизм? // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1988. С. 76–83.

⁵ См.: Wissler C. Societies of the Plains Indians // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 11. New York: published by order of the Trustees, American Museum of Natural History, 1916. P. 10–11.

⁶ Indian Legends. Visitors That Never Left. The Origin of the People of Damelahamid / translated by chief Kenneth B. Harris, in collaboration with Frances M. P. Robinson. Vancouver: The Univ. of British Columbia Press, 1974. P. 32.

⁷ Matthews W. Ichthyophobia // The Journal of American Folklore. 1898. Vol. 11, № 41. P. 105–112.

пометы границ владений и прав на них (у тихоокеанских племен), определялся порядок прохождения «чужих» охотников через уголья «своего» племени (фиксированная уплата добычей).

Проблема политической безопасности

Производная от угроз внутренних усобиц и внешних нашествий, она исторически привела в Северной Америке к возникновению племенных союзов, обычно родственных по языку и укладу (мускоги, джегва, ирокезы, дакоты). Показательно уподобление родственных по языку племен членам единой семьи. Например, это было принято у алгонкинов Востока: делаваров именовали *дедами*, отпочковавшиеся от них родственные племена — *детьми*, а политических партнеров — *братьями*. Европейцев алгонкины по аналогии с этой традицией нарекли *отцами*. В XIX в. видный оратор ирокезов Сагоевата, обращаясь к белым американцам, использует в своей дипломатической практике эту иерархию родства в качестве эмоционального ораторского приема:

Мы знали вас сначала слабым ростком, которому нужно было лишь немного земли, чтобы выжить. Мы дали вам ее; и потом, когда мы могли бы растоптать вас, — мы напоили вас и защитили; а теперь вы выросли в могучее древо... тогда как мы, которые были высокой сосной в лесу, стали слабым ростком и нуждаемся в вашей защите...

Впервые придя сюда когда-то, вы жались к нашим коленям и называли нас отцами; мы взяли вас за руку и нарекли братьями. Вы переросли нас, и мы не можем уже достать до вашей руки, но мы хотим, прижавшись к вашим коленям, назваться вашими детьми...⁸

Экстремальные вызовы политического характера, с которыми часто приходилось сталкиваться индейским племенам Северной Америки, не раз побуждали их к попыткам создания особых институтов миротворческого характера. Своеобразным средством решения спорных проблем невоенным путем на межплеменном уровне служили состязания по игре в мяч между племенами-соперниками. Индейцы крики (юго-восток США) эту игру называли *младшим братом войны*, т. е. мыслили ее заменой военным действиям⁹. Естественно, что команда

⁸ «Покуда растут травы...»: антология мифов, традиционной и современной поэзии, легенд индейцев и эскимосов США и Канады / сост. А. В. Ващенко. Якутск: Якутское книжн. изд-во, 1988. С. 177.

⁹ Vennum Th. American Indian Lacrosse: Little Brother of War. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 2007.

выигравшего племени получала законное право на решение возникшего спора по своему усмотрению. У мускогов эта традиция, скорее всего, генетически родственна культурам индейцев Мексики, знавших игру в *тлачтли* и ей подобные. Там они служили целям гадания, предсказаний и решения политических вопросов¹⁰.

Племена востока США были вынуждены постоянно пользоваться сопредельными или даже удаленными от своих угодий территориями для охоты, что часто приводило к межплеменным столкновениям. Попытки упорядочить отношения мира и войны повлекли за собой развитие у них относящегося к миру, войне и к другим взаимно интересующим вопросам специального института ораторского искусства с сопутствующим этикетом.

Прообразом для него послужил орган, повсюду именовавшийся *Костром Совета*. Он был призван регулировать вопросы внутриплеменного значения и состоял из наиболее почитаемых старейшин, ораторов и вождей, обладавших опытом публичного общения и мастерством логической и метафорической речи. Межплеменной совет стоял рангом выше. В случаях официальных переговоров, заключения договоров о территориальных уступках, о мире и прочем совершавшиеся на нем «речевые акты» имели четкий порядок, понятный каждому участнику до тонкостей, и длились, в соответствии со значительностью обсуждаемых вопросов, до нескольких дней. При этом предпринимались неуклонные меры для исключения двусмысленного или искаженного толкования предмета, использовались фиксированные фигуры речи, выступали строго назначенные ораторы, а решение принималось только после дословного повторения заданных вопросов. По ходу достижения договоренностей их содержание «подтверждалось» низкими и раковинными поясами — *вампумами* (*wampum*, сокр. от *wampumpeag* — «нити с нанизанными на них раковинами»). На вампумах символически изображалось содержание договоров. По ним особые хранители (назначаемая должность) обязаны были помнить и при необходимости воспроизводить, как это делается в современной юридической практике, суть переговоров. Само событие переговоров, в случае успеха, т. е. принятия солидарного решения, завершалось пиром — миротворческой акцией, подтверждавшей общее согласие¹¹. Как можно видеть, все эти предос-

¹⁰ Burt J., Ferguson R. Indians of the Southeast: Then and Now. Nashville and New York : Abingdon Press, 1973. P. 91.

¹¹ Wroth L. C. The Indian Treaty as Literature // Literature of the American Indians: Views and Interpretations / ed. by Abraham Chapman. New York : A Meridian Book, 1975. P. 324.

торожности призваны были по возможности сильнее повлиять на то, чтобы избежать кровопролитного исхода.

Особого внимания заслуживает историко-культурный опыт ирокезских племен, соединивший в себе оба основных варианта достижения политической безопасности — создание специальных миротворческих институтов и образование племенного союза. Устная традиция свидетельствует, что поначалу ирокезы пытались преодолеть усобицы с помощью особой должности *Миротворицы* — избираемой с общего согласия правительницы «мирной деревни». Мирной потому, что на территории, занятой поселением Миротворицы, всяческая вражда запрещалась, враги обязаны были садиться «за общий стол», хотя могли вкушать пищу или переночевать и «через полог», даже не видя друг друга. Время выявило, однако, несовершенство этого института: сохранилось предание о том, что Миротворицей можно было манипулировать¹².

Тогда, согласно преданиям, ирокезы создали в конце XIV в. союз пяти родственных племен как средство противостояния внутреннему распаду и внешним угрозам. Время для этого оказалось более чем подходящим. Ритуальный канибализм, вендетта, нашествия враждебных племен и вечные конфликты межплеменного характера, часто с нарушением достигнутых соглашений, поставили все ирокезское общество на грань исчезновения.

До сих пор и канадские ирокезы, и ирокезы, проживающие в США, сохраняют как в повседневной жизни на бытовом уровне, так и на официальном уровне верность нормам и законам, установленным в ту легендарную эпоху. В них видят ирокезы свою правовую базу, основу их союза, их общности, аксиологически сильно отличающейся от окружающей цивилизации.

Текст самой *Легенды о создании Великого Мира* — иногда то же самое словосочетание передают как *Великая Лига*, *Великий Закон* — сохранился в нескольких версиях (традиционно передававшийся изустно, он был записан на рубеже XIX–XX вв.). Создание Союза и регулирующих его жизнь законов приписывается двум реформаторам — Деганавиде, чье имя табуировано (ирокезы именуют его Миротворцем), и вождю Гайавате (Хайонвате, Хайовенте). Гербальдика Лиги представляла в виде Мирового древа, вечнозеленой сосны. Ее крона обнимает не только племена ирокезов, но и весь универсум: на него простерлись че-

¹² Джонсон Э. Старинная каменная крепость Киенука // «Покуда растут травы...». С. 187.

тыре белых корня мира, идущие от древа, а крона укрывает все народы от грозящих им бед¹³.

Возникший в результате свод законов предназначался для всех племен Великой Лиги ирокезов, регулировал вопросы войны и мира, межплеменные и внутриплеменные коллизии. По одному из источников, он содержал 117 статей¹⁴, по другим и больше. В диалогах с политиками США колониального периода ирокезские вожди говорили о необходимости объединения американских колоний против Англии и приводили в пример свой союз. Миротворческий пафос Лиги имел под собой, однако, прежде всего идею *мира для ирокезов*. Однако в XX в., в период создания международных миротворческих организаций, сначала Лиги Наций, потом ООН, ирокезские лидеры неоднократно пытались выходить на контакт с ними. Так было в двадцатые (вождь Дескахех), затем в семидесятые. И каждый раз они остро ставили вопросы экологической политики как залога выживания и традиционных культур, и современной цивилизации¹⁵.

Социальная стабильность и психофизическая безопасность

Устойчивость родоплеменной организации обеспечивала внутреннее единство социума — качество, в полном объеме выявившее свою актуальность с дальнейшим развитием цивилизации. Той же интегрирующей и структурирующей цели служила и сакрализация родовой земли, помогавшая североамериканским индейцам решать проблему идентичности — опять-таки одну из важнейших проблем нашей эпохи. Посредством мифа социум сюжетно «привязывался» к той местности, где, согласно преданиям, он явился на свет. Тем самым он как бы наделялся неоспоримым правом на территории, прилежащие к месту его происхождения, которое часто воспринималось как центр мира.

В тесной связи с социальной стабильностью, обеспечивавшейся внутренним единством родового коллектива и нормативной мифологии

¹³ История возникновения Лиги и ее структура, как и важнейшие традиционные тексты, с ней связанные, рассмотрены в кн.: Ващенко А. В. Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев. Типология и поэтика. М. : Наука, 1993.

¹⁴ Parker on the Iroquois / ed. by William N. Fenton. Syracuse : Syracuse Univ. Press, 1968. P. 30–60.

¹⁵ См. выступления индейских лидеров и активистов в ООН в 1977 г.: A Basic Call to Consciousness: The Hau de No Sau Nee Address to the Western World / ed. by Akwesasne Notes. Summertown, TN : Native Voices, 2005.

зированной идентичностью его членов, находилась психофизическая безопасность индивида. Она представляла собой особую важную сферу жизни традиционного социума — хотя бы вследствие его повышенного внимания к поколенным связям, а также к индивидуальным способностям к выживанию каждого входившего в него человека. Причем решающее значение имело обретение индивидом чувства, ощущения — чувства защищенности и ощущения силы, здоровья. Это достигалось путем усвоения гармоничного хронотопа картины мира, с помощью восстановительной и гармонизирующей магии, шаманским целительством и другими средствами, в том числе и природознанием (народная медицина). Через обрядность система психофизической защиты служила выработке прочного мифологического мировосприятия, обеспечивавшего точную самолокализацию индивида в системе бытия. В этой связи стоит напомнить наблюдение известного современного индейского писателя Н. Скотта Момадэя: мы хорошо осознаем свое местоположение относительно ближайшего супермаркета, но не относительно ближайших солнцестояний и прочих природных ритмов, являющихся и ритмами нашей жизни¹⁶.

Большое значение имели и такие средства индивидуальной защиты, как личная песня-талисман (*dream song* — «вещая песня»), священный пост в период взросления юноши, бывший, в сущности, обрядом обретения духа-покровителя¹⁷, и многое другое в этом роде. Они наделяли представителя традиционного аборигенного общества Северной Америки мощной магической силой, способной противостоять самым разным опасностям извне и изнутри, приносить личное благополучие ему и благоприятный исход — предпринимаемым им начинаниям.

* * *

Конечно, многое из рассмотренного наследия родоплеменного периода не может быть сегодня повторено. Однако опыт этот знаменателен оригинальными подходами к решению жизненно важных для социума проблем выживания, интересен своими приоритетами и императивами. А иногда — и практическими решениями, не потерявшими своего значения, вполне применимыми, как представляется, и в современных условиях.

¹⁶ Momaday N. S. The Man Made of Words. Essays, Stories, Passages. New York : St. Martin's Press, 1997. P. 47.

¹⁷ См. об этом: Spinden H. J. Songs of the Tewa, Preceded by an Essay on American Indian Poetry. Santa Fe : Sunstone Press, 1993. P. 20–23.

**Экологическая безопасность как залог стабильности
условий жизнедеятельности традиционных культур
(на примере Хакаско-Минусинского края)**

Представление о наличии особого вида безопасности — экологической, — равно как и сама наука экология, родилось в XX в., в эпоху модернизаций и всеобщей эмансипации, распространяющейся, наконец, и на природу, до того воспринимавшуюся лишь как покорный объект мироустроительных свершений «западного человечества». Тем не менее и ранее в некоторых моделях мировосприятия и хозяйствования длительно существовали, если так можно выразиться, неявные, но действенные экологические установки. Практически в каждом традиционном обществе эти модели присутствовали в том или ином конкретном воплощении¹.

Судьба традиционных экофильных моделей труда и жизни в подавляющем большинстве случаев оказалась драматической и даже трагической. Все они были локальными в том смысле, что были жестко обусловлены спецификой конкретного природно-климатического окружения (или, выражаясь языком евразийцев, *месторазвития*), в котором формировались. В этом заключалась их сила перед лицом природы, но и слабость — при встрече с культурами и цивилизациями, еще в доиндустриальную эпоху преодолевшими в своем развитии порог локальности. Тем более они оказались беззащитными перед натиском индустриальной цивилизации, под влияние которой в большей или меньшей степени постепенно подпали они все.

Однако на постиндустриальной стадии развития, когда проблема исчерпания ресурсов роста и разрастания нетрадиционных угроз безопасности создают у массы людей в разных странах с разными политическими системами ощущение *критической* нестабильности существования, — все более частым становится обращение к опыту традиционных экофильных культур. Настоящая статья и посвящена одной из таких культур, сформировавшейся в Сибири, на территории Хакаско-Минусинского края. Основное внимание в ней будет уделено двум сюжетам.

© Самрина Е. В., 2013

¹ Исследования на эту тему охватывают самые разные системы хозяйствования в различных регионах Земли. Сошлемся здесь на одно из первых и до сих пор одно из лучших: *Hanks L. M. Rice and Man: Agricultural Ecology in Southeast Asia*. Chicago : Aldine and Athertone, 1972. (Worlds of Man. Studies in Cultural Ecology / ed. by Walter Goldschmidt).

Во-первых, описанию этой культуры в тех условиях, когда она пребывала в «идеальном» состоянии и взаимодействовала с типологически однородными культурами. Во-вторых, тем последствиям, которыми для безопасности жизни ее носителей обернулось их включение в орбиту влияния большой надлокальной культуры. Включение, в данном случае выразившееся в установлении над обитателями края политического контроля со стороны Российского государства.

I

Если руководствоваться административными границами, то часть Восточной Сибири, известная под названием Хакасско-Минусинского края (далее ХМК), включает в себя Республику Хакасию и южные районы Красноярского края. Географические же границы ХМК «маркируются на карте территорией Хакасско-Минусинской котловины» с характерным для нее «неоднородным ландшафтом, сочетающим степь и сравнительно невысокие горы»². В свою очередь котловина представляет собой южную часть межгорной Минусинской впадины, расположенной между Кузнецким Алатау на севере, Западным Саяном на юге, Восточным Саяном на востоке и Абаканским хребтом на западе.

ХМК — территория с благодатными по сибирским меркам климатическими и физико-географическими условиями: из-за жаркого сухого климата в летнее время года, который позволяет вызревать некоторым фруктово-ягодным культурам, нехарактерным для остальной Сибири, ее даже называли *сибирской Италией*. Тем не менее климат этот резко континентальный, с высокими амплитудами суточных и годовых температур, что обуславливает сильную уязвимость природных комплексов. Поэтому экологические показатели территории ХМК характеризуются как суровые. Соответственно, небрежное потребительское отношение к природе в маломощных степях края в условиях традиционного хозяйства было чревато неурожаем, падежом скота и голодной смертью.

На протяжении тысячелетия в ХМК достаточно стабильно функционировала комплексная система жизнеобеспечения на базе сразу трех хозяйственно-культурных типов: древнейшего (сочетавшего в себе таёжную охоту, рыболовство и собирательство), скотоводческого и земледельческого (распространившихся позже первого типа, но не от-

² Ерохина Е. А. Взаимодействие традиций и новаций в межэтнических региональных сообществах (на примере регионального сообщества Республики Хакасия) // Новые исследования Тувы : электрон. информ. журн, 2010. № 3 : Многоликая модернизация. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html (дата обращения: 13.02.2013).

менивших его)³. В рамках данной модели присваивающе-производящего хозяйства совершенно необходимым условием воспроизводства родового коллектива была организация его функционирования, тесно связанная с экологическими факторами: не нарушающая равновесную природную систему, не обедняющая биологическое разнообразие края. И в традиционной культуре коренного населения ХМК, тюркоязычных племён — предков современных хакасов — существовали определённые механизмы приспособления к окружающей среде, регулировавшие процесс взаимодействия человека и природы. Имеются в виду традиционная стратегия потребления природных ресурсов, отвечающая ей практика повседневной хозяйственной деятельности, а также социальные, культурные, культовые и иные особенности организации естественного ландшафта.

II

Традиционная стратегия потребления природных ресурсов была основана на мировосприятии, сложившемся в рамках шаманизма⁴. Центральная идея шаманизма — это идея первородного единства человека и природы. В соответствии с ней на все формы жизни распространяются единые отношения и принцип родства, человек не противопоставляется миру в качестве субъекта. Дикие животные — первопредки (тотемы) и люди воспринимаются в таком единстве, что даже возможность перехода из одного облика в другой считается вполне очевидной. В верованиях хакасов обнаруживаются следы целого ряда архаических обрядов и представлений, связанных с животными-тотемами. Они генетически восходят к общему пласту верований таежных охотников Сибири, сохранившемуся в виде обрядов и представлений в основном как часть промыслового культа. По отношению к тотемам соблюдались табу.

³ «Под хозяйственно-культурными типами понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях» (Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985. С. 177).

⁴ Подробно о шаманизме у тюркских народов Южной Сибири см.: Радлов В. В. Шаманство и его культ // Из Сибири. Страницы дневника / пер. с нем. К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой; прим. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. С. 355–409; Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: Наука, 1988.

Например, в хакасской мифологии медведь прежде был человеком, поэтому были выработаны определенные правила охоты на него⁵.

Звери являются собственностью могущественного горного духа, способного навредить человеку или просто его уничтожить, поэтому для обретения ощущения безопасности в тайге — *в гостях у горного духа*, как иносказательно говорили сами охотники, — их поведение строго регламентировалось, регулировалось правилами «деликатного» поведения. В частности, в охотничьей артели присутствовал музыкант-сказочник, ночами он рассказывал сказки и играл на музыкальных инструментах для горного хозяина⁶.

Природоохранная стратегия проявлялась в запрете убивать детенышей, беременных самок и молодых самцов, благодаря чему обеспечивалось нормальное воспроизводство популяции. Если на пути охотника встречалась группа животных одного вида, то полагалось убить не более одного или двух — то есть *не брать лишнего*⁷.

Природоохранные правила распространялись и на растительный мир. Деревья наделялись признаками и свойствами живых существ, строго контролировалась их вырубка. Запрещалась вырубка хаотичная, следовало учитывать возраст и породу дерева⁸. Сам горный дух мог превратиться в дерево хвойных пород (ныне классифицируемых как трудновосстановимый природный ресурс). Внешние параметры такого дерева резко отличались от всех других. Существовали священные деревья, возле которых устраивались родовые праздники и жертвоприношения. Родовое дерево в обыденном сознании играло роль мировой оси, гармонизировавшей окружающий мир⁹.

По представлениям тюрков Сибири душа каждого рода была заключена в дерево определенной породы — оберегая его, берегли жизнь рода. На ветви родового дерева вешали колыбели для будущих детей;

⁵ Патачаков К. М. Некоторые сведения об охоте хакасов : рукописное наследие ХакНИИЯЛИ. Вып. 1 / сост. В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева. Абакан, 2006. С. 13–14.

⁶ Там же. С. 22. Подобное имело место и у западных бурят, считавших, что если рассказывать сказки *хозяину* всю ночь, то утром выпадет снег и на нем будут хорошо видны следы животных. См.: Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. С. 30.

⁷ Патачаков К. М. Культура и быт хакасов. Абакан : Хакасское книжн. изд-во, 1958. С. 27.

⁸ Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1998. С. 199. Аналогичные запреты отмечены и у бурят. См. в этой связи: Галданова Г. Р. Указ. соч. С. 29.

⁹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири : Знак и ритуал / отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–62.

а вырвать такое дерево с корнями означало обречь на смерть людей, связанных с ним родством¹⁰.

Природные / географические объекты играли важную роль в традиционной культуре как организующие элементы пространства, несущие сакральный смысл. Такова, например, гора — маркер рода:

Мировая гора выступает в качестве космического образа мира, модели вселенной, центральной мировой оси. Вместе с тем идея мировой горы неразрывна с представлениями о горе — хранильнице всех жизненных потенций (душ людей, животных и растений)¹¹.

У тюрков Южной Сибири весьма развит культ гор. У тувинцев особый трепет вызывали священные горы, на которых отсутствовали культовые сооружения¹². Зависимость алтайцев от священной или родовой горы «была особенно сильной и безусловной. Хозяин ее не допускал никаких отступлений или нарушений, связанных с пребыванием здесь людей, не только по отношению к себе, но и к зверям, растительности этих мест, особенно неосторожного обращения с огнем»¹³.

По представлениям хакасов, природные объекты населяют духи — хозяева воды (*суг ээзи*), родовых гор и тайги (*таг ээзи*). Они обладают возможностью воздействия на людей, условно говоря, следят за соблюдением правил *экологического равновесия*. Подобными представлениями и объясняется многообразие различных ритуалов, обеспечивавших благосклонное отношение духов-хозяев к тому или иному роду. Устраивались родовые праздники для хозяина родовых гор (*таг таиг*), реки (*суг таиг*), неба (*тигир таиг*), сопровождавшиеся обрядом жертвоприношения. Н. Ф. Катанов отмечает, что «горные жертвоприношения совершаются обыкновенно около новолуния на не очень высокой горе; жертвы же духу неба, который равносителен духу огня, приносятся в самых редких случаях (например, во время засухи, эпизоотии, голода) на самой высокой горе». В жертвоприношениях горному духу на невысокой горе участвовали жители одного улуса (селения), в жертвоприношениях духу неба — «целый народ» (до тысячи человек)¹⁴. А по

¹⁰ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири : Пространство и время. Вещный мир. С. 32.

¹¹ Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М. : Изд-во МГУ, 1986. С. 191. Ср.: Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии (эволюция верований и культов селенгинских бурят). М. : Наука, 1991. С. 46–48.

¹² Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. С. 237.

¹³ Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. С. 96.

¹⁴ Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Ученые записки Казанского университета. Т. 64, кн. III. Казань, 1897. С. 31.

описаниям С. Д. Майнагашева, «горные жертвы имеют характер родовых праздников, приносятся они в определенное время года, большею частью в июне и июле месяцах, от имени сеока¹⁵ духу-хозяину какой-либо горы — тогда праздник носит название “Таг таиг”, или приносятся небу — тогда праздник носит название “Тигір таиг” Но в том и другом случае к жертвенной трапезе призываются все духи гор, рек, долин и т. д.»¹⁶

Важнейшее место в мировоззрении занимал мифологический образ хозяина воды *суг ээзи*. Ведь вода — не просто источник влаги, средство утоления жажды — от нее зависит благоприятное функционирование целых экосистем. Образ хозяина воды нес сложную семантическую нагрузку и являл собой двуединую сущность: с одной стороны, в нем воплотилась идея плодородия, защиты, с другой — он олицетворял разрушительные силы и потенциальную опасность. У хакасов было бережное, уважительное отношение к водным источникам. По мере необходимости в честь хозяина воды в жертву приносился молодой бычок, увешанный цветными лентами¹⁷.

Родовые праздники, посвященные «ландшафтным» духам-хозяевам, символизировали глубокую эмоциональную связь с родной землей. Они способствовали гармонизации отношений в системе человек — природа и закрепляли в сознании членов рода представление о тесной связи между **безопасностью** отдельного человека и целого рода с одной стороны и точным **соблюдением локальных поведенческих норм** — с другой. В том числе тех норм, которые на современном языке могут быть названы экологическими. Сами табуированные места являлись местами почитания, своего рода природными заповедниками, где запрещалось вести какую-либо хозяйственную деятельность. Благодаря этому достигался и поддерживался определенный уровень защиты флоры и фауны региона. И подобное маркирование территории тоже могло быть связано с ощущением безопасности, которое традиционный человек обретал в пространстве обитания, организованном именно таким образом.

¹⁵ *Сеок* (букв. *кость*), *суок*, *соок* — род у тюркских народов Южной Сибири.

¹⁶ *Майнагашев С. Д.* Отчет о поездке к турецким племенам долины реки Абакана летом 1913 года // Этнографические экспедиции Н. Ф. Катанова (1896) и С. Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии: рукописное наследие ХакНИИЯЛИ. Вып. 2 / сост. В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева. Абакан, 2007. С. 28–29.

¹⁷ *Майнагашев С. Д.* Отчет о поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия II. № 3. СПб., 1914. С. 124.

III

Традиционная экофильная система хозяйствования, шире — стабильного воспроизводства локальной культуры — начинает приходить в неравновесное состояние с первой половины XVII в., когда ХМК попадает в орбиту интересов Русского государства. Исторические документы уже того времени зафиксировали крайний вариант развития событий: удовлетворение витальных потребностей (потребностей в пище) осуществляется на крайне низком уровне, коренное население не раз оказывается на грани вымирания от голода. В середине века были даже отмечены случаи каннибализма¹⁸. Первопричиной, по всей вероятности, стали несколько неурожайных лет подряд; но их тяжесть усугубили неподъёмные ясачные сборы, приведшие к *перепромыслу* — истощению биологических ресурсов тайги.

В фискальном отношении ясак был принудительной податью или данью в натуральной форме, а в политическом плане являлся свидетельством подданства коренного населения русскому государю. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке он собирался с *ясачных иноземцев* преимущественно пушнинаой¹⁹. Вплоть до середины XVIII в. сбор этот не регламентировался, фактически был отдан на откуп местным властям; размер его устанавливался произвольно, в зависимости от силовых возможностей сборщиков. Нередко ясак с одного и того же рода собирался по два раза — сначала властями одного русского острога, затем — властями другого. Вкупе с *албаном*²⁰, периодически выплачивавшимся в это время тюрками Южной Сибири соседним монгольским государствам, податное бремя достигало иногда колоссальных размеров²¹.

Подобная практика сбора ясака не только порождала массу вопиющих злоупотреблений, но и приводила к хищническому истреблению пушных зверей края. За короткий промежуток почти полностью был истреблен соболь. Фискальная политика государства вступала в непримиримое противоречие с экологическими традициями коренных

¹⁸ Чертыков В. К. Хакасия в XVII начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан : Хакаское книж. изд-во, 2007. С. 196.

¹⁹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 49.

²⁰ Албан — налог в натуральной форме, тот же ясак.

²¹ Подробнее см.: Самрина Е. В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. // Гуманитарные научные исследования : электрон. журн. 2012. Ноябрь. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (дата обращения: 23.05.2013).

народов Сибири, ясачная подать привела к нарушению одной из основополагающих установок традиционной культуры — *не брать лишнего*. Отрицательную роль сыграли и непомерная величина возложенного ясака (по данным приходных ясачных книг Томского уезда, в начале XVIII в. коренное население платило в среднем по девять-десять соболей на человека за год²²), и обложение пушной податью *почти всего* населения. Как следствие, накапливаются ясачные долги, недоимки, сумма которых достигала значительных размеров²³.

В чрезмерных поборах и их последствиях, по существу, проявился конфликт мировоззрений, сложившихся в лоне двух разных по масштабам и ценностному «наполнению» культур — локальной тюркской и надлокальной русской. В культуре местных тюркских племен ценность преобразовательного труда не была так велика, как в культуре русской. Гарантией успеха хозяйственной деятельности, а следовательно, благополучия родового коллектива, являлось сохранение существующих условий природного окружения. Сходным образом была различной значимость богатства в иерархии ценностей русского сознания и сознания аборигенов Сибири. Не только для *казны* — государства и его слуг, но и для русского человека как частного лица, преследующего личную выгоду, был самоочевиден тот факт, что пушной промысел чрезвычайно выгоден, что на нем можно разбогатеть. В системе же представлений коренного населения ХМК материальное богатство ценилось ниже, чем высокий статус, обеспечиваемый многочисленным потомством, воинской доблестью, благоволением «хозяев» местности и т. д. Ибо человек и его благополучие, по традиционным хакасским воззрениям, зависели от отношения к нему духов и божеств — обитателей всех трех миров, а отношение это в значительной мере определялось тем, как человек себя ведет, следует ли он завещанной предками норме или нет. Неотвратимость наказания за нарушение неписаных правил поведения по отношению ко всем живым существам служила гарантом соблюдения природоохраняющих запретов и правил, тогда как для новых насельников края, русских, эти правила были просто непонятны или ничтожны либо значили меньше, чем возможность обогатиться. Более сильная сторона в конфликте мировоззрений навязала свои правила, и в результате коренное население даже не могло вовремя рассчитаться по ясачным повинностям.

²² Кузнецов-Красноярский И. П. Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718 гг. Томск, 1893.

²³ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1983. С. 50.

Хищническое истребление пушных зверей привело к тому, что еще в 1657 г. одна из этнических групп современных хакасов, качинцы, проживавшие тогда около Красноярска, жаловались, что в их округе перестали водиться соболи, которыми они уплачивали ясак, и им приходится проходить большие расстояния в поисках пушного зверя. Животные, добывавшиеся ради их мяса, также исчезли в этой местности²⁴.

Хотя соболя еще добывалось много, судя по ясачным книгам, но популяция его быстро сокращалась. Соответственно, начинает меняться структура ясачных выплат. Вместо соболиных шкурок в ясачный сбор идут шкурки менее ценных зверей — белки, горностая, лисы, выдры и даже шкуры лосей и оленей, а затем и предметы домашнего обихода (железные таганы), орудия труда, одежда²⁵. Из-за истощения биологических ресурсов и нехватки промысловых территорий между этническими группами начинаются столкновения, что вносит в повседневную жизнь новый фактор небезопасности. Так, П. С. Паллас пишет, что «татары Каинаского и Кобынского поколения», кочевавшие в бассейне левого притока Енисея р. Абакан, чтобы заплатить ясак, вынуждены были заходить за пределы своих угодий на правый берег Енисея, «однако Кайбальцы, кои по некакому праву присвоивают сии места к себе, им ловить тут мешками не дают и коли поймают, то, отняв добычу или снасть и поколотив, домою отпускают»²⁶.

Сезон охоты растягивается, охватывает период размножения диких животных, начинается добыча их детенышей, и в окладных книгах среди списков зверей, сданных в ясак, нередко значатся *недособоли* и *недолисицы*²⁷. Не только сезонность охоты нарушается, но, вслед за изменением ее целей, меняются сами ее способы: они становятся тотальными — освобожденными от каких-либо ограничений. В особенности губительно сказывается на воспроизводстве целых популяций диких животных использование огнестрельного ружья.

Принуждение к перепромыслу пушнины подрывало саму основу аборигенного существования. Как уже отмечалось, фиксируются случаи

²⁴ Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XVIII вв.). Абакан : Хакаское обл. гос. изд-во, 1952.

²⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Д. 5. Стб. № 978. Л. 3 об.

²⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи : Часть третья, половина первая / пер. В. Зуев. СПб. : Императорская Академия Наук, 1788. С. 515. См. также: Там же. С. 474. URL: http://www.runivers.ru/upload/iblock/caa/Pallas-Puteshestvie%20po%20raznim%20mestam_3-1%20tom.pdf (дата обращения: 18.05.2013).

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Д. 5. Стб. № 978. Л. 3 об.

вымирания населения улусов от голода. В 1646 г. в Томском уезде «в государевых ясачных волостях ясачных обских остяков померло 3 голоду, потому что де во все лето и осенью до заморозов рыбы не добывали, и от того де голоду на лешие промыслы для звериного промыслу поднятца было им нечем»²⁸. С. В. Бахрушин пишет, что «в 1680-х годах правительство было озабочено вымиранием туземцев от частых голодовок, “и оттого де... великих государей казне и мягкой рухляди бывают недоборы многие”». Для борьбы с голодом было предписано послать из Енисейска в Красноярск 200 четей ржаной муки голодающему туземному населению. Это была первая мысль о будущих хлебных магазинах. В конце XVII в. государство начинает поставлять продовольствие ясачным народам Сибири ввиду их бедственного положения²⁹.

IV

Тем не менее почти до середины XX в. вмешательство человека в функционирование экосистемы ХМК было разрушительным только по отношению к одному ее компоненту — местной фауне. До распахки целинных земель, строительства крупных промышленных предприятий, до возведения крупных гидроэлектростанций и до заполнения сопутствующих им рукотворных морей хозяйственная деятельность человека если и влияла неблагоприятным образом на основные компоненты окружающей природной среды, то все же не в такой степени, чтобы оправданным было говорить о ее разрушении. В Хакасско-Минусинской котловине поддерживалось относительное экологическое равновесие. До конца XIX в. преобладали экофильные по своему назначению способы хозяйствования. Щадящим было и пространственное размещение хозяйственных единиц. Хакасы избегали их чрезмерной концентрации, жили небольшими поселениями — *аалами*. Каждый аал имел в своем распоряжении функционально разнообразные угодья. Кормовая база тоже была многосоставной. Она складывалась из ближних выпасов и отгонных пастбищ, приусадебных и дальних покосов. Это позволяло изменять землепользование в соответствии с сезоном и от каждого участка брать то, что в нем было самое ценное. Одновременно исключалась чрезмерная нагрузка на ограниченные площади. Любой другой способ хозяйствования в степи просто обречен. Богарное пашенное земледелие неприемлемо: слишком мало влаги, слишком тонок почвенный слой, каждую

²⁸ Там же.

²⁹ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. IV. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 57.

весну дуют ураганные ветры из пустыни Гоби. Орошаемое земледелие требует высокого качества почв и значительно большего количества воды. Хотя русское население занимается пашенным земледелием в Хакасии уже почти 300 лет, но то был процесс постепенного и осторожного освоения небольших по площади участков, использовать которые в режиме пашенного земледелия было действительно целесообразно.

Этот традиционный уклад землеустройства и землепользования был кардинальным образом сломлен в 50-е гг. XX в. Началось освоение целины, укрупнение сел. Вместо разбросанных в степи традиционных аалов, где жили двумя-тремя семьями и где спокойное течение жизни, замкнутость и одиночество были основой существования и фундаментом складывавшегося тысячелетиями национального психотипа, стали появляться крупные многонациональные села, совхозы-миллионеры. В Хакасии степь занимает 26,4% всей площади³⁰, распаханная была большая ее часть, и уже в 1960 г. разразилась первая пыльная буря. С распашкой исчез дерн, корни которого весь ветреный май удерживали тонкий слой почвы, спасая его от развеивания. Возник ландшафт, получивший американское название *бэдленд* — *дурные земли*. Так называют территории, лишенные почвы в результате деятельности человека³¹.

Эти процессы не имели аналогий в историческом опыте коренного этноса, у него не оказалось институциональных, ценностных, поведенческих «амортизаторов», которые помогли бы адаптироваться к случившемуся. В результате у людей, практически отчужденных от традиционного уклада жизни, сформировались многие негативные тенденции социальных и культурных изменений, включая относительно легкий отказ от родного языка и культуры.

В настоящее время с нарастанием значимости стратегий ресурсосберегающего развития давний опыт традиционных обществ, живших в относительном равновесии с природным окружением, может быть востребован и творчески использован для достижения общечеловеческой цели — обеспечения экологической безопасности в планетарном масштабе. А у хакасского народа, возможно, появится ощущение целостности и безопасности этнической идентичности, а значит, и вера в собственное этническое будущее.

³⁰ Куминова А. В., Зверева Г. А., Ламанова Т. Г. Степи // Растительный покров Хакасии / отв. ред. А. В. Куминова. Новосибирск : Наука, 1976. С. 28.

³¹ Голубцова Е., Буровский А. Человек и Природа в Хакасии // Лик сфинкса : матер. исслед. программы «Генезис кризисов природы и общества России» и Четвертой Междунар. науч. конф. «Человек и природа — проблемы социоэкологической истории». М. : Московский лицей, 1995. С. 28. См. также: *Их же*. Хакасия: идеология и ландшафты // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 32–45.

**Концепт (без)опасности в пословицах и поговорках:
репрезентация в кочевой и оседлой культурах**

Русский исследователь пословиц и поговорок Иван Михайлович Снегирев отмечал, что «нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах и поговорках, в кои облакаются его дух, ум и характер. Летучее слово, проникнутое и одухотворенное живущей мыслью, получает самобытность и вековечность»¹.

Паремии как малая форма народного поэтического творчества передают из поколения в поколение представления о наиболее важных сторонах жизни общества, отражают национальный менталитет, традиции, морально-нравственные устои и ценности. Российский филолог М. А. Серегина подчеркивает, что «паремии не только нацеливают на верную, с точки зрения социума, оценку события, но и моделируют ряд ситуаций, которые объемно и полифонично представляют все многообразие компромиссных оценок и обобщающих выводов»². Созданные в условиях традиционного общества, паремии не устарели, до сих пор актуальны. Рефлексивная современность характеризуется усложнением реальности, и изучение сохранившихся и трансформировавшихся пословиц расширяет наше представление о современном мире.

Норвежский социолог и философ Ю. Эльстер считает, что пословицы выявляют «часто повторяющиеся или легко узнаваемые каузальные модели (causal patterns), которые срабатывают при неизвестных в целом условиях или с неопределенными последствиями»³. В паремиях содержатся не застывшие законы, строгое следование которым приведет к успеху, а именно возможные / предпочтительные механизмы действий в той или иной сложившейся ситуации.

Пословицы и поговорки, будучи продуктом социального конструирования, сами могут конструировать воззрения на общество. Французский социолог П. Бурдьё, изучая кабилские паремии, пришел к вы-

© Есимова А. Б., 2013

¹ *Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская тип., 1848. С. X.

² *Серегина М. А.* Паремииологическая картина мира: вопросы теории. URL: http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2012/Philologia/3_109790.doc.htm (дата обращения: 21.08.2012).

³ *Эльстер Ю.* Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: ГУ ВШЭ, 2011. С. 47, 50.

воду, что они способствуют воспроизведению социального порядка, участвуют в социализации индивида, являются своего рода факторами формирования *габитуса*. Габитус же П. Бурдьё определяет как «системы устойчивых и переносимых диспозиций... структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления»⁴. Габитус формируется на историческом опыте и позволяет ориентироваться в социальном мире:

Являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно — саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени⁵.

Габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла⁶.

Паремии, являясь продуктом истории и исторического опыта, несут в себе информацию о структуре габитуса. Посредством сложной смысловой организации они устанавливают правила поведения, пропагандируют моральные нормы, дают назидательные рекомендации и предостережения. Содержание пословиц и поговорок представляет информационный материал, анализ которого выявляет особенности социального восприятия и таких стержневых понятий как *опасность*, *безопасность*, *осторожность*, *риск*, *враг*.

I

Известно, что специфика хозяйственного и бытового уклада кочевников и земледельцев обуславливает различия в мировосприятии, которые отражаются и в их языковой картине мира. Поэтому для содержательного анализа концепта (без)опасности взяты, с одной стороны, русские, узбекские и таджикские пословицы и поговорки как репрезентанты земледельческих культур, с другой — казахские и киргизские

⁴ Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 103.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. С. 193–194.

как репрезентанты культур номадов. Автор также обращался к английским и арабским пословицам, как к наиболее контрастирующим с основным массивом исследуемых в статье пословиц.

Основными источниками при изучении паремий явились как давно известные их собрания вроде сборников русских пословиц и поговорок В. Даля и И. Снегирева, так и появившиеся сравнительно недавно базы данных электронных библиотек.

Целью данной статьи является сравнительный анализ концепта (без)опасности в пословицах и поговорках, созданных представителями оседлой и кочевой культуры. Выдвинуты были следующие гипотезы:

1. Из-за различий в структуре жизнедеятельности оседлой и кочевой культуры следует ожидать различий в концепте *(без)опасность*.

2. В пословицах и поговорках будут, тем не менее, преобладать универсальные элементы концепта, так как, создавая в условиях традиционного общества, они несли представления об опасностях тоже традиционных — преимущественно явственных, видимых.

И последнее предварительное замечание. Подавляющее большинство читателей сборника, в котором публикуется данная статья, хорошо знакомы с английским языком, но вряд ли знают таджикский и тюркские языки. С учетом этого обстоятельства решено было английские паремии приводить и на языке оригинала, и в русском переводе, тогда как пословицы и поговорки, взятые из других языков, давать, за отдельными исключениями, только в русском переводе. По поводу исключений: во-первых, написание отдельных пословиц на языке оригинала дается в статье просто в виде примеров, во-вторых, проводится толкование на языках оригинала лексемы *риск*, имеющей прямое отношение к концепту (без)опасности.

II

Ядром концепта (без)опасности является лексема *опасность*. Согласно так называемому Малому академическому словарю русского языка, «опасность — это возможность, угроза бедствия, несчастья, катастрофы»⁷.

Универсальным элементом пословиц является представление о том, что опасность подстерегает человека везде и в любое время: *Ходить в лесу — видеть смерть на носу: либо деревом убьет, либо медведь задерет* (рус.)⁸; *Не говори, что вблизи нет волка, не говори,*

⁷ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Русский язык, 1987. Т. 2. С. 620.

⁸ Учебная медиатека / Фонд новых образовательных технологий и Фонд развития образования. URL: <http://www.donrazvitie.ru/index.php/2010-09-12-15-34-43/249> (дата обращения: 21.08.2012).

что под носом нет врага (кирг.)⁹. Часто мысль, что опасность преследует человека на каждом шагу, сформулирована образно: *Опасность лежит под ногами* (узб.)¹⁰; *Гляди под ноги: ничего не найдешь, так хоть ноги не зашибешь* (рус.)¹¹. Вместе с тем, согласно пословицам, само поведение человека в значительной мере предопределяет вероятность его встречи с опасностью. Трусливый человек, которого одолевает страх, всегда подвергается опасности: *Опасность дружит с малодушным* (тадж.); *Страх — брат смерти* (тадж.); *Страх — хуже смерти* (рус.)¹².

Опасность в пословицах, как правило, — видимая, ясная и представлена в образе-констатации: *Огонь и вода — два врага без языка*» (каз.)¹³; *Не море топит корабли, а ветры* (рус.)¹⁴. При этом анализ пословичного фонда показывает, что в них речь идет об опасности **остенсивной** — наглядной, осязаемой, исходящей от природных условий (угроза бедствия, катастрофы), что подтверждает предложенное выше определение из словаря русского языка. В то же время паремии об опасности нередко носят рекомендательный характер: *A danger foreseen is half avoided = Кто знает о надвигающейся опасности, тот наполовину ее избежал* (англ.); *All is not lost that is in peril = Еще не все потеряно, что находится в опасности* (англ.)¹⁵. А некоторые пословицы выглядят как поучение, основанное на опыте поколений: *В ожидании перекочевки не уничтожай все дрова, в ожидании врага не теряй ума* (каз.)¹⁶; *Gifts from enemies are dangerous = Подарки от врагов опасны*

⁹ См.: Манас : сайт киргизского эпоса. URL: <http://www.eposmanas.ru/?page=425/> (дата обращения: 21.01.2013).

¹⁰ Узбекские пословицы и поговорки. URL: <http://uforum.uz/archive/index.php/t-7905.html> (дата обращения: 20.01.2013).

¹¹ Учебная медиатека. URL: <http://www.donrazvitie.ru/index.php/2010-09-12-15-34-43/249>.

¹² Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в сравнении с узбекскими. Душанбе : Дониш, 1969. С. 136. В этой книге приведены также аналогичные русские пословицы.

¹³ См.: Казахские народные сказки : сайт. URL: <http://www.ertegi.ru> (дата обращения: 21.08.2012).

¹⁴ Даль В. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М. : Университетская тип., 1862. С. 177.

¹⁵ См.: HR Real world insights. URL: <http://www.citehr.com/32222-1000-english-proverbs-sayings.html> (access date: 21.08.2012).

¹⁶ The Lib.ru : электронная библиотека. URL: http://thelib.ru/books/neizvesten_avtor/za_kray_svoi_nasmert_stoy/poslovicy_i_pogovorki_narodov_sssr-read-3.html (дата обращения: 21.08.2012).

(англ.)¹⁷; *От врагов не бери даров* (узб.)¹⁸; *Қайи қайдан болса қатер содан* = *От кого угроза, от того и опасность* (каз.)¹⁹.

В пословицах говорится о необходимости социального взаимодействия в период опасности. В большинстве случаев утверждается, что человеку одному не победить врага: *Один в поле не воин* (рус.)²⁰; *Вперед не забегай, а от своих не отставай* (рус.)²¹; *Birlashgan daryo bo'lur, targalgan irmoq bo'lur* / *Бирлашган дарё бўлур, тарқалган ирмоқ бўлур* = *Вместе сходиться — рекой становиться, врозь расходиться — ручейками стать* (узб.)²²; *Чем отстать от людей, лучше подвергнуть себя опасности* (узб.)²³; *Два воина лихих, / Что дружно скачут в бой, / Побьют десятерых, / Не дружных меж собой* (каз.)²⁴.

III

Выше приводились примеры пословиц, говорящих об опасности. А каково содержание паремий о безопасности? В просмотренном нами пословичном фонде не так много пословиц, в которых о безопасности говорится прямо, и впечатление таково, что чаще всего слово «безопасность» встречается в английских пословицах. Вот несколько примеров: *There is safety in numbers* = *Безопасность — в числе*²⁵; *Safety lies in the middle course* = *Безопасность — посередине*²⁶; *Caution is the parent of safety* = *Осторожность — родитель безопасности*²⁷. Как видно из этих пословиц, для англичан находиться среди большинства в широком

¹⁷ Учебная медиатека. URL: <http://donrazvitie.ru/index.php/component/content/article/255> (дата обращения: 21.08.2012). Ср. ставшую крылатой строку из «Энеиды» (II, 49): «...Timeo Danaos et dona ferentes» (в пер. С. Ошерова: «...Страшусь и дары приносящих данайцев» (*Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. лит., 1979. С. 458).

¹⁸ The Lib.ru. URL: http://thelib.ru/books/neizvesten_avtor/za_kray_svoi_nasmert_stoy/poslovicy_i_pogovorki_narodov_sssr-read-3.html (дата обращения: 07.07.2013).

¹⁹ Қазақ мақал-мәтелдері. Алматы: Ана тілі, 2011. С. 36. Перевод автора.

²⁰ Снегирев И. Указ соч. С. 307.

²¹ Даль В. Указ. соч. С. 432.

²² Узбекские пословицы и поговорки. URL: http://fmc.uz/maqollar.php?id=birlashgan_daryo (дата обращения: 21.06.2013).

²³ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 81.

²⁴ Казахские пословицы и поговорки: Изречение — речи украшение. Алматы: Ана тілі, 2008. С. 25.

²⁵ World saying: Пословицы и поговорки народов мира. URL: <http://sayings.ru/world/english> (дата обращения: 21.08.2012).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. URL: http://sayings.ru/world/english_20.html (дата обращения: 21.08.2012).

смысле слова (в плотном окружении, где много сторонников, много вооружений и т. п.) и не прибегать к резким шагам, крайним мерам — это и значило достичь личной безопасности.

У арабского слова *سَلَامٌ* *salâm* (салам), корень которого **slm*, означающий «быть в мире, в безопасности, в целостности», этимологи возводят к прасемитскому **slm*, засвидетельствованному еще в аккадском языке Ассирии и Вавилонии со значениями «быть целым, невредимым, благополучным, здоровым, завершенным, хорошо исполненным»²⁸, основные значения — «мир», «безопасность», «благополучие»²⁹. Арабские пословицы гласят: *Благополучие — в безопасности; Поспешность приводит к раскаянию, а осторожность — к благополучию*³⁰.

Фактически вторая из приведенных выше арабских пословиц очень близка по смыслу английской *Caution is the parent of safety*. То же можно сказать и о следующих русских пословицах: *Береженого Бог бережет*³¹; *Береженье лучше вороженья; Опасенье — половина спасенья*³². Очевидно, что связь между осторожным, благоразумным поведением и состоянием безопасности осознавалась в самых разных по культуре регионах и получила четкое отражение в паремиях различных народов. Другое дело, в какой мере эта связь акцентировалась. Согласно русской пословице, *на всякий час не обережешься*³³, то есть невозможно застраховаться от всех опасностей. Напротив, в английских пословицах говорится, что осторожность не имеет границ: *One cannot be too careful = Невозможно быть излишне осторожным*³⁴. Что осторожность — важное условие безопасности, в английских пословицах даже специально подчеркивается словом *лучше*: *Better safe than sorry =*

²⁸ Колганова Г., Петрова А. Царь как гарант безопасности и стабильности государства (на примере Древней Месопотамии и Древнего Египта) // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 129.

²⁹ Борисов В. М. Русско-арабский словарь / под ред. В. М. Белкина. М. : Сам интернешнл, 1993. С. 43, 54, 447.

³⁰ Учебная медиатека. URL: <http://donrazvitie.ru/index.php/component/content/article/365> (дата обращения: 21.08.2012).

³¹ Снегирев И. Указ. соч. С. 12.

³² Даль В. Указ. соч. С. 735.

³³ Учебная медиатека. URL: <http://donrazvitie.ru/index.php/component/content/article/249> (дата обращения: 21.08.2012).

³⁴ Useful English : сайт. URL: <http://usefulenglish.ru/idioms/russian-and-english-proverbs> (access date: 27.08.2012).

Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть; Discretion is the better part of valour = *Осторожность — лучшая часть храбрости*³⁵. А вот в пословицах кочевых народов отношение к осторожности более сдержанное: *Осторожность никогда не приносит нам вреда* (каз.)³⁶; *Сақтықта қорлық жоқ* = *Осторожность не позор* (каз.)³⁷.

IV

Чтобы более четко представлять те пределы, в которых пословицы и поговорки могут использоваться для раскрытия содержания концепта (без)опасности, целесообразно рассмотреть антитетическую лексему *риск*.

Согласно Малому академическому словарю русского языка слово *риск* имеет два значения: 1. Возможная опасность чего-либо; 2. Действие наудачу, требующее смелости, бесстрашия, в надежде на счастливый исход³⁸. Известный британский социолог Энтони Гидденс отмечает, что в английский язык слово *risk*, скорее всего, пришло «из испанского или португальского языка, где оно означало плавание в незнакомых водах, не нанесенных на карту. Другими словами, первоначально оно относилось к пространству»³⁹. И далее он пишет:

В традиционных культурах концепции риска не было, потому что они в ней не нуждались. Риск — это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее — это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, — а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени⁴⁰.

Между тем в различных сборниках паремий слово *риск* встречается довольно часто. Совершенно очевидно, что для содержательного анализа пословиц, в которые оно включается переводчиками, следует

³⁵ Ibid.; World Sayings. URL: http://sayings.ru/world/english/english_20.html (access date: 21.08.2012).

³⁶ Alfarabinur. URL: <http://alfarabinur.kz/poslovicy-i-pogovorki/kazakhskie-poslovicy.html> (access date: 07.07.2013).

³⁷ Қазақ мақал-мәтелдері. С. 36. Перевод автора.

³⁸ Словарь русского языка. Т. 3. С. 717.

³⁹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 38.

⁴⁰ Там же. С. 39.

обратиться к языку оригинала, так как только через него можно понять подлинный смысл, уловить ментальные / культурные особенности.

Приведем сначала две таджикские пословицы: *Ҳар кӣ аз мухотира тарсад, ба дараҷаи бузури нарасад* = *Тот, кто боится риска, не достигнет величия*; *Таваккал нар бувад, андеаи мода* = *Риск присущ мужчине, опасение — женщине*⁴¹. Узбекская пословица гласит: *Ҳақиқат ҳақ, таваккалчи ишину битиради* = *Пока расчетливый обдумает свои расчеты, рискующий достигнет желаемого*⁴². У киргизов пословицы на ту же тему таковы: *Ойчул оюна жеткиче, тобокел барып келиптир* = *Пока думающий додумался, рискующий уже побывал и вернулся*; *Тобокел — эрдин жолдошу* = *Риск — спутник молодца*⁴³.

Хотелось бы обратить внимание на слова, которые переведены на русский язык как *риск*. В первой из двух приведенных выше таджикских пословиц так переведено слово *мухотира*, которое в таджикско-русском словаре имеет значения «опасность», «риск» и «боязнь», «страх»⁴⁴. В другой таджикской пословице и в пословице узбекской в той же роли фигурирует слово *таваккал*, в киргизском и казахском языках встречающееся в формах *тобокел* и *тәуекел* соответственно. Таджикско-русский словарь дает ему такой перевод: «1. упование, надежда (на бога); 2. риск»⁴⁵. С узбекского на русский *таваккал* переводится как «авось, на авось»⁴⁶. В киргизско-русском словаре *тобокел* означает: «1. авось; была не была; будь что будет; 2. в переносном смысле — беспечный; тот, кто надеется на авось да небось»⁴⁷. Наконец, современный казахско-русский словарь переводит слово *тәуекел* как «риск, дерзость, смелость, решимость»⁴⁸. Казахские пословицы с этим словом звучат так: *Тәуекел тау жығады* (можно перевести как *Смелость лес валит*), *Тәуекел тас жарады* (*Смелость камни разбивает*)⁴⁹.

⁴¹ Калонтаров Я. И. Указ соч. С. 369–370.

⁴² Там же.

⁴³ Манас : сайт кыргызского эпоса. URL: <http://www.eposmanas.ru/?page=486> (дата обращения: 21.01.2013).

⁴⁴ Таджикско-русский словарь. URL: <http://www.lugat.tj> (дата обращения: 21.01.2013).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Узбекско-русский словарь. URL: <http://fmc.uz/word.php/forum/word.php?iduz=12943> (дата обращения: 21.08.2012).

⁴⁷ Киргизско-русский словарь. URL: <http://tili.kg/dict/#тобокел> (дата обращения: 21.01.2013).

⁴⁸ Казахско-русский словарь : около 50 000 слов / под ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаина. Алматы : Дайк-пресс, 2008. С. 782.

⁴⁹ Қазақ мақал-мәтелдері. С. 15, 16. Перевод автора.

Как видим, при содержательном анализе пословиц возникает вопрос об аутентичности перевода. Возможно, это спорно, но, по нашему мнению, в большинстве вышеупомянутых пословиц лексеме, обычно переводимой на русский язык как *риск*, более соответствует слово *смелость*.

Слова *таваккал*, *тобокел*, *тауекел* происходят от арабского *تَوَكَّلَ* (*тавакуль*, *таваккуль*). Турецкий исследователь М. Ф. Гюлен, объясняя это слово как *упование*, пишет, что «упование, прежде всего, является безукоризненным подчинением и выполнением всех требуемых условий для получения желаемого результата, а затем ожиданием проявления воли Всевышнего Творца относительно нас и наших дел»⁵⁰. Им также обозначалась одна из духовных степеней в суфизме — полагание на волю Аллаха. Учитывая многовековую историю суфизма в странах Центральной Азии, можно предположить, что лексема *таваккал* / *тобокел* / *тауекел*, означая, с точки зрения современного человека, риск, в действительности предполагает упование, надежду на счастливый исход.

Английские пословицы со словом *риск* звучат так: *Nothing risk, nothing win* = *Не рискнешь — не выиграешь*; *Nothing venture, nothing have* = *Ничем не рисковать — значит ничего не иметь*⁵¹. Можно вспомнить и русскую «профессиональную» поговорку картежников и офицеров: *риск — благородное дело*. В этих паремиях хорошо прослеживается, говоря словами Гидденса, «активный анализ опасности с точки зрения будущих последствий», четко видны выбор и расчет, чего нет в центральноазиатских пословицах.

Гидденс свое рассуждение о понятии *активный риск*, необходимом для «динамичной экономики и прогрессивного общества», заключает словами, что «риск имеет и такое значение — “дерзать”»⁵². Именно «дерзать» больше соответствует пониманию риска по-европейски. При дискурсивном анализе дефиниций *безопасности* в европейских и восточных языках (китайском, японском) был сделан вывод, что «при высокой этимологической и семантической близости все же сохраняется различие в акцентах, в том ударении, которое каждый раз ставится языком при произнесении слова “безопасность”. В Европе это ударение падает на положение субъекта относительно среды, что предполагает

⁵⁰ Новые грани: сайт журнала. URL: <http://www.noviyegrani.com/archives/title/412> (дата обращения: 07.03.2013). См. также: <http://hutba.org/slovar/tavakkul> (дата обращения: 04.07.2013).

⁵¹ World Sayings. URL: http://www.sayings.ru/world/english/english_17.html; http://www.sayings.ru/world/english_19.html (access date: 21.08.2012).

⁵² Гидденс Э. Указ. соч. С. 52.

некоторое действие самого субъекта или какого-то института, в Восточной Азии — на его внутреннее самоощущение, вытекающее из некоего состояния»⁵³. Нечто подобное следует и из анализа значений концепта *риск* в пословичном фонде. В английских пословицах прежде всего видны активность, действие, в то время как в пословицах казахских, киргизских, таджикских и узбекских — внутреннее состояние надежды и ожидания.

V

Э. Гидденс высказал мысль, что «сегодня государствам угрожают риски и опасности, а не враги, что коренным образом меняет саму их природу»⁵⁴. Содержательный анализ паремий показывает, что в них, напротив, доминирующим элементом концепта *опасность* представляются враги: *Лес не без ветвей, страна не без врагов* (тадж.); *Не говори, что волка нет — он под шапкой, не говори, что врага нет — он в овраге* (узб.)⁵⁵; *Ел жаусыз болмас, жер таусыз болмас* = *Страна не без врагов, земля не без гор* (каз.)⁵⁶ и т. д. Паремии свидетельствуют о том, что они были созданы в условиях наличия явного врага.

Представление о «врагах» передается в пословицах в первую очередь с помощью образов хищных и опасных животных. Широко распространенным в данном случае оказывается зооним *змея*: *Голова змеи хороша раздавленная* (тадж.)⁵⁷. К нему примыкает образ дракона: *Коль чтишь себя ты батыром закаленным, / То своего врага считай драконом* (каз.)⁵⁸. Особенно часто антропоморфизм — наделение животных человеческими качествами — используется в посвященных врагам рекомендательных пословицах. Об этом свидетельствуют как два предшествующих примера, так и два последующих: *Если враг твой подобен мухе, не считай его меньше слона* (тадж.)⁵⁹, *Не ставь недруга овцой, а ставь его волком* (рус.)⁶⁰.

⁵³ Панарин С. А., Есимова А. Б. Дискурсивный анализ безопасности: дефиниция как элемент культуры // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 32.

⁵⁴ Гидденс Э. Указ. соч. С. 35.

⁵⁵ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 121.

⁵⁶ Қазақ мақал-мәтелдері. С. 37. Перевод автора.

⁵⁷ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 192.

⁵⁸ Казахские пословицы и поговорки... С. 28.

⁵⁹ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 191.

⁶⁰ Снегирев И. Указ. соч. С. 289.

Для многих пословиц характерна антонимическая связка *друг — враг*. В частности, распространено представление о том, что чем больше друзей, тем больше врагов: *Когда у нас три друга есть, / Врагов не менее чем шесть* (каз.)⁶¹; *Друзей — двое, врагов — восемь* (узб.)⁶²; *Коль есть враги, чтобы осилить их, / Ты дружбу береги друзей своих* (тадж.)⁶³. Поэтому вполне объяснима зафиксированная в паремиях убежденность, что, сколько ни было бы друзей, их всегда мало: *Тысячу друзей имеешь — мало, одного врага имеешь — много* (тадж.)⁶⁴.

Также к универсальным элементам пословиц о врагах можно отнести предпочтение умного врага глупому другу: *Уж лучше умный враг, / Чем друг дурак* (каз.)⁶⁵; *Умный враг лучше глупого друга* (тадж., узб.)⁶⁶, *Не бойся врага умного, бойся друга глупого* (рус.)⁶⁷. В то же время в пословицах большинства народов подчеркивается, что враг никогда не станет другом: *Потроха не станут мясом, а враг никогда не станет другом* (тадж., узб.); *Из старой ваты не соткать бязи, заядлый враг не станет другом* (узб.)⁶⁸. Кроме того, в пословицах различаются внутренние и внешние враги и утверждается, что враг, вышедший из «своих», опаснее врага из «чужих»: *Внутренние распри страшней врага внешне-го* (каз.)⁶⁹; *Один домашний враг опаснее тысячи внешних* (каз.)⁷⁰.

Враг зачастую скрытен, действует осторожно, исподволь. Русская пословица на этот счет основана на метафоре: *Тихая вода берега подмывает*⁷¹. В паремиях кочевых народов четко прослеживается мысль, что враг не приходит тогда, когда его поджидают: *Вооруженному враг не встречается* (кирг.)⁷²; *Сила есть, и есть оружие, / А враги твои молчат, / Есть еда, гостей бы нужно, / Гости в двери не стучат*

⁶¹ Казахские пословицы и поговорки... С. 40

⁶² Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 359.

⁶³ World Sayings. URL: http://sayings.ru/world/tadjik/tadjik_2.html (access date: 21.08.2012).

⁶⁴ За край свой насмерть стой : сб. пословиц и поговорок / сост. А. М. Жигулев, Н. П. Кузнецов. М., 1974. URL: <http://lib.rus.ec/b/4289/readhttp://donrazvitie.ru/index.php/component/content/article/249> (дата обращения: 07.07.2013).

⁶⁵ Казахские пословицы и поговорки... С. 55.

⁶⁶ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 65.

⁶⁷ Снегирев И. Указ. соч. С. 492.

⁶⁸ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 154.

⁶⁹ Казахские народные сказки. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=20&idnametext=454&idpg=1> (дата обращения: 21.08.2012).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Снегирев И. Указ. соч. С. 397.

⁷² Учебная медиатека. URL: <http://donrazvitie.ru/index.php/component/content/article/249> (дата обращения: 07.07.2013).

(каз.)⁷³; *Коль не видать врага нигде, / Так меч в руке хорош, / Нагрянул враг, аул в беде, / Так палки не найдешь* (каз.)⁷⁴.

Во многих пословицах говорится о том, что следует беспощадно расправляться с врагами: *Врагов не считают, а бьют* (рус.)⁷⁵; *Враг лучше обезглавленный* (тадж.); *Если враг твой близок, жди спасенья от сраженья, а не от моления* (каз.)⁷⁶. Но паремии предлагают и другие, не столь беспощадные способы борьбы с врагом, противодействия ему. Во-первых, можно побороть врага хитростью или внешней уступчивостью: *Врага убивай лаской* (тадж.); *Врага убивай мягкостью* (узб.). Во-вторых, не такой уж плохой способ — просто не встречаться с врагом: *Если нет сил бороться с врагом, не попадайся ему на глаза* (тадж.). В-третьих, не исключается и такой вариант: *Признанием своих ошибок закрываешь рот врагу* (тадж.)⁷⁷.

Но в любом случае нужно, согласно пословицам, всегда быть вооруженным, готовым к нападению: *Хоть идешь недалеко, все же не расставайся с палкой* (каз.)⁷⁸. Нужно помнить: *Даже один враг опасен* (узб.)⁷⁹. И нужно следовать правильной стратегии. С одной стороны, это означает вовремя предупредить опасность, исходящую от врага: *Чем быть вне врагов, лучше быть внутри них* (тадж.)⁸⁰. А с другой — правильно расставить приоритеты, не замыкаясь на беспощадной борьбе с врагом: *Чем желать врагу смерти, лучше желай себе жизни* (кирг.)⁸¹.

VI

Всю свою историю человечество подвергается опасностям и чего-то боится. Современная типология опасностей, угрожающих человечеству, стала обширней, но те опасности, которые закодированы в паремиях, не утратили своей актуальности. Пословицы и поговорки конструировались согласно социальному порядку и в то же время сами конструировали (и до сих пор конструируют) представления о социальном мире. Житейская мудрость, заложенная в пословицах и поговорках,

⁷³ Казахские пословицы и поговорки... С. 19.

⁷⁴ Там же. С. 24.

⁷⁵ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 192.

⁷⁶ Казахские пословицы и поговорки... С. 25.

⁷⁷ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 191.

⁷⁸ Учебная медиатека. URL: <http://donrazvitie.ru/index.php/component/content/article/365> (дата обращения: 07.07.2013).

⁷⁹ Калонтаров Я. И. Указ. соч. С. 359.

⁸⁰ Там же. С. 60.

⁸¹ Манас : сайт кыргызского эпоса. URL: <http://www.eposmanas.ru/?page=429> (дата обращения: 07.07.2013).

сформировалась через опыт, приобретенный в быту, повседневном труде и военных столкновениях. В паремиях содержатся поведенческие нормы, и среди них одной из важнейших оказывается норма безопасности, о чем в первую очередь свидетельствует широкая распространенность пословиц, связанных с личной (без)опасностью, как в мире кочевников, так и в мире земледельцев, как на Востоке, так и на Западе.

Сравнительный анализ концептов *опасность*, *безопасность*, *осторожность*, *риск*, *враг* помогает понять репрезентацию (без)опасности, заложенную в пословичном фонде кочевых и оседлых культур. Нельзя не согласиться со Снегиревым:

Сходство мыслей и даже тождественное их выражение не всегда доказывает родство народов или заимствование мыслей одного народа у другого... Два различных народа, отдаленные огромным пространством, во многих мыслях могут быть согласными. В природе существует разумный язык, родной всем народам: во всем, что касается общественных отношений, до общечеловеческих понятий и чувствований — найдется сходство и даже тождество в пословицах у разных народов⁸².

Мы согласны с тем, что культурная специфика накладывает отпечаток на структуру и содержание паремий. Безусловно, несовпадения в образе и укладе жизни кочевников и земледельцев получили отражение в представлениях о (без)опасности. В то же время очень сложно провести грань между представлениями об опасности / безопасности в кочевой и оседлой культуре. Универсальных элементов тут все же больше, чем отличий, и, пожалуй, наиболее заметной общей чертой является то, что опасность представлена в виде врага.

Тем не менее кочевые народы отличаются от оседлых особым бытом, повседневной хозяйственной деятельностью и, главное, габитусом, который сформировался не только под влиянием исторических и социальных условий, но и вследствие специфики окружающей природной среды, согласно особому восприятию пространства (бескрайняя степь, где небезопасно оставаться одному) и времени. Если исходить из того, что гомогенизация условий существования предполагает гомогенизацию габитусов, то паремии кочевых народов и должны быть близки друг другу по содержанию, благодаря общему габитусу кочевника, который подавляющее большинство бывших номадов сохраняют и сейчас, хотя кочевого образа жизни уже не ведут. Действительно, по результа-

⁸² Новый сборник русских пословиц и притчей, служащих дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 г. И. Снегиревым. М. : Университетская тип., 1857. С. 24.

там проведенного нами анализа, сколь бы беглым и предварительным он ни был, создается впечатление, что в пословицах кочевых народов мы видим некое единое представление об опасностях, встречающихся на их пути.

Что же касается представителей оседлой культуры, то у них исторические и социальные условия были столь разнообразными, что говорить о каком-то едином габитусе применительно к ним, пожалуй, рискованно. Вместе с тем на основании вышеизложенного можно, как представляется, заключить, что концепт (без)опасности в кочевой и оседлой культуре не имеет таких значительных различий, какие предварительно могут быть намечены при выборе другой линии сопоставления — обществ восточных и западных. Конечно, эта линия в нашей статье скорее должна считаться пунктирной, чем последовательно проведенной. Тем не менее можно, по-видимому, говорить о том, что при сравнении социальных ориентаций, предлагаемых паремиями русскими и английскими, с одной стороны, и таких же ориентаций в паремиях казахских, киргизских, узбекских и таджикских — с другой, различия между ними оказываются более выраженными, чем при сопоставлении паремий центральноазиатских кочевников и центральноазиатских земледельцев.

Анализ репрезентации концепта (без)опасности в пословицах кочевых и оседлых народов приводит к выводу, что при его исследовании следует брать в расчет не только социальные и культурные условия формирования пословиц. Сама тематика безопасности предполагает, что при компаративистском анализе пословиц на тему (без)опасности определяющими могут стать политические условия. Проблема обеспечения безопасности актуализировалась и по-новому акцентировалась в народном сознании там и тогда, где и когда происходил переход от преимущественно локальных (родовых, общинных) институтов обеспечения безопасности к институтам надлокальным — к специализированным и формализованным органам насилия и защиты. Происходило это, как правило, в период возникновения и укрепления национальных государств, для которых обеспечение собственной безопасности и безопасности их граждан было и остается одной из важнейшей функций и краеугольным камнем легитимации. И именно в этом отношении Запад был передовым (первым), именно там возникли первые национальные государства и, как следствие, появились понятие *риск*, представление о приоритете личной безопасности индивида и различные концепции безопасности. В итоге тематика (без)опасности в фонде паремий, прошедших раннюю школу национального государства народов Запада, в целом ряде деталей и акцентов оказалась отлична от паремий народов Востока, вступивших в такую школу значительно позже.

**Трансформация политической культуры
Турецкой Республики
и эволюция понятия *безопасность* в турецком языке**

Социолингвистический анализ общественно-политической лексики (ОПЛ) любого языка не может ограничиваться лишь семантикой тех или иных терминов и понятий. Он также требует пристального внимания к историческому и политическому контексту возникновения и трансформации лексических единиц. Поэтому при изучении ОПЛ важно учитывать конкретные социально-политические и культурно-исторические условия использования того или иного понятия, в том числе властные отношения государственных элит, классовую и идеологическую дифференциацию общества, политические предпочтения и фоновые знания носителей языка. И чем быстрее происходят эти изменения, тем заметнее становится трансформация языковой системы, свойственной обществу на определенном этапе его развития. Именно поэтому лингвисты предпочитают анализировать ОПЛ периодов, соответствующих поворотным моментам в жизни общества. Периодов, когда возникает целый ряд новых социальных явлений, создаются новые политические партии, меняются методы государственного руководства — что непременно влечет за собой возникновение новых лексических единиц¹.

Нередко выбор одного термина из целого ряда синонимов, обозначающих одно и то же явление, обусловлен либо его эмоциональной окраской, либо же устоявшимся его употреблением какой-либо одной социальной группой. Подобное сходство лексических предпочтений позволяет, с одной стороны, укрепить единую идентичность внутри данной социальной группы, а с другой стороны — подчеркнуть ее отличие от всех остальных².

© Габер Е. В., 2013

¹ См.: Жданова Л. А. Общественно-политическая лексика: структура и динамика : дис. ... канд. филол. наук. М., 1996; Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М. : Наука, 1988; Холякко І. В. Суспільно-політична лексика у пресі 90-х років ХХ ст. (семантико-функціональний аналіз) : дис. ... канд. філол. наук. Кіровоград, 2004.

² Речь идет об использовании различной ОПЛ сторонниками либеральной и консервативной традиции, представителями правящих и оппозиционных партий, идеологий и т. д. Делается это для того, чтобы подчеркнуть принципиально разные позиции по ключевым вопросам внутренней и внешней политики государства.

На формирование ОПЛ турецкого языка на протяжении всего XX и начала XXI в. оказывали значительное влияние различные факторы общественной жизни. Это и существенные сдвиги во взаимоотношениях гражданской и военной элиты, и смена приходящих к власти политических сил, представляющих разные социальные группы и выступающих с различных идеологических платформ. Победив на выборах в начале 2000-х гг., консервативная Партия справедливости и развития оттеснила от управления страной военные и секуляристские элиты, традиционно доминировавшие еще со времен Ататюрка. Это повлекло за собой серьезные перемены в государственной политике, постепенную трансформацию национального сознания и, впервые за всю историю Турции, — возникновение достаточно сильного среднего класса и консолидированного гражданского общества.

Данные изменения сильно повлияли и на формирование современной ОПЛ турецкого языка, что наиболее четко прослеживается в эволюции таких понятий, как *оборона* и *народная / национальная безопасность*, которые в различное время преобладали в политическом дискурсе, официальной речи, названиях министерств, государственных учреждений и политических партий.

Несмотря на расширение сферы применения понятия *безопасность* и частоту его использования, вопрос о том, каким образом и по каким причинам оно смогло за относительно короткий период времени стать для современного турецкого языка одним из ключевых, не был до конца изучен даже турецкими исследователями.

Эволюция понятия *национальная безопасность* начала вызывать интерес политологов лишь в 90-е гг. XX в. и в дальнейшем обсуждалась, как правило, в контексте попыток демократизации страны и становления гражданского общества. Однако трансформация самого термина с лингвистической точки зрения практически не была исследована. Отсюда — двойная цель настоящей статьи. Во-первых, **политологический** анализ трансформации и современного содержания понятия *безопасность* во внутриполитическом дискурсе страны. Во-вторых, **лингвистический** анализ эволюции термина *национальная безопасность* в турецком языке с момента провозглашения республики в 1923 г. и до настоящего времени.

Учитывая упомянутые выше особенности ОПЛ, целесообразно начать с краткого обзора трансформации турецкой политики безопасности, что позволит учесть изменения во внутренней и внешней политике страны и, таким образом, провести более точный семантико-функциональный анализ термина *национальная безопасность*.

Политологический анализ: три волны в политике безопасности Турции

Одной из наиболее существенных особенностей эволюции турецкой внутренней и внешней политики является их тесная взаимосвязь с политической безопасностью. Уязвимость геополитического положения Турции значительно повлияла на процесс принятия внешнеполитических решений, в котором вопросам национальной безопасности традиционно уделялось огромное внимание. Именно это и позволяло военным долгое время играть главную роль во внешней политике страны³. Периоды политической нестабильности, экономические кризисы и обусловленная всем этим социальная напряженность еще более способствовали укреплению положения военных во внутренней политике и в общественной жизни. Военные перевороты 1960 и 1980 гг. и так называемые мягкий военный переворот 1971 г. и постмодернистский переворот 1997 г. послужили убедительным доказательством того, что главная сила во внутренней и внешней политике Турции — военная, а не гражданская.

В 90-е гг. XX в. роль военных в процессе принятия решений стала более важной из-за неопределенности и нестабильности геополитической ситуации, сложившейся после окончания «холодной войны»⁴. Новый этап развития международной системы ознаменовался еще большим количеством кризисов и разнообразием угроз, со многими из которых Анкаре пришлось столкнуться в непосредственной близости от своих границ. Война в Персидском заливе 1991 г. и распад двух многонациональных федераций (СССР в 1991 г. и Югославии в 1992 г.) привели к возникновению новых источников конфликтов на почве межэтнической, межрелигиозной и межконфессиональной розни. Всего лишь за два года количество государств, соседствующих с Турцией, увеличилось на 50%⁵. В регионе возник геополитический вакуум, таивший в себе дополнительные возможности для распространения радикального ислама и других экстремистских движений. Этнические конфликты, сепаратистские настроения, наркотрафик, торговля людьми и оружием — все эти угрозы быстро заняли ключевые позиции во внешнеполитической повестке дня Турции. Как отмечает турецкий исследователь Кемаль Киришчи, «общая нестабильность и угрозы безопасности, которые

³ Bilgin P. Only Strong States Can Survive in Turkish Geography: the Uses of “Geopolitical Truths” in Turkey // *Political Geography*. 2007. Vol. 26. P. 740.

⁴ Özcan G. The Military and the Making of Foreign Policy in Turkey // Barry Rubin & Kemal Kirişçi (eds.) *Turkey in World Politics : An Emerging Multiregional Power*. London : Lynne Rienner Pub., 2001. P. 13.

⁵ Kut Ş. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // *Ibid*. P. 5.

доминировали в самой Турции и в непосредственной близости от ее границ, привели к возникновению внешнеполитического мышления, центральным понятием которого стала “национальная безопасность”»⁶.

Традиционное восприятие регионального окружения, доминировавшее в Турции на протяжении десятилетий, было основано на ощущениях опасности, недоверия, страха, подозрений, антагонизма и враждебности. Это обусловило формирование так называемого *парадокса безопасности*, о котором в начале 2000-х гг. писал известный турецкий исследователь Мустафа Айдын:

Хотя Турция обладает второй по величине армией в НАТО, она живет в постоянной атмосфере опасности. Это глубоко секьюритизированная страна, в которой безопасность (в широком смысле этого слова) преобладает над всеми иными соображениями и во многом определяет политическую и общественную жизнь страны. В каком-то смысле и Турецкая Республика, и турецкий народ являются историческим воплощением самого понятия безопасности, которое возникло на основе исторического прошлого страны и продолжает оставаться под его влиянием⁷.

Подобная *осадная ментальность*, или *севрский синдром*⁸, в прошлом не раз использовалась для оправдания авторитарных тенденций внутренней политики. Иными словами, «внешняя политика часто рассматривалась как продолжение внутренней политики, и политические элиты часто были склонны преувеличивать внешние угрозы и манипулировать общественным мнением, чтобы сохранить свое место при власти»⁹.

Вплоть до 2000-х гг. безопасность рассматривалась преимущественно как необходимость борьбы с экзистенциальными угрозами, способными поставить под вопрос само существование турецкой нации и суверенного турецкого государства. Отказ от этого принципа формирования политики безопасности сделал возможным кардинальные изменения и во внутренней политике Турции, и в ее отношениях с другими

⁶ Kirişçi K. Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times // Chaillot Papers. 2006. № 92. P. 12.

⁷ Aydın M. Securitization of History and Geography: Understanding of Security in Turkey // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2003. Vol. 3, № 2. P. 163.

⁸ Страх подвергнуться агрессии внешних сил, преимущественно Запада, и утратить (полностью или частично) свой суверенитет и территориальную целостность (по названию Севрского договора 1920 г., по которому Османская империя прекращала свое существование, а ее территории фактически подвергались разделу между Великобританией, Францией, Италией и Грецией).

⁹ Aras B. The Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2009. Vol. 11, № 3. P. 128.

странами. Начало же новой эпохи в турецкой внешней политике связывают с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР). Она полностью переориентировала внешнеполитический курс страны, провозгласив своим главным приоритетом концепцию «отсутствия проблем с соседями». Ранее, с учетом значительной военной мощи и особого внимания, которое всегда уделялось в стране вопросам безопасности, Турция традиционно рассматривалась исключительно как источник *жесткой силы* в регионе. Теперь же в ее отношениях с соседями главными становились такие инструменты *мягкой силы*, как культурная и религиозная близость, общее историческое прошлое, тесные экономические связи и т. д.

В то же время и понятие национальной безопасности перестало ограничиваться лишь военным компонентом и включает теперь также экономическую, энергетическую, социальную и другие составляющие. Все чаще для характеристики нового курса, предложенного ПСР, стали использоваться определения *демилитаризация*¹⁰, *экономизация внешней политики* и *становление торгового государства*¹¹. По словам премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, основой *нового внешнеполитического мышления* являются такие принципы, как *безопасность для всех, политический диалог, экономическая взаимозависимость, культурная гармония и взаимное уважение*¹².

В основе этих внешнеполитических изменений лежат, прежде всего, внутривнутриполитические процессы, изучение которых является необходимым для правильного понимания истоков и перспектив нового *активизма* Турции в региональной политике. По словам нынешнего министра иностранных дел Ахмета Давутоглу, именно демократия представляет собой «главную “мягкую” силу Турции», поэтому «поддержание баланса между безопасностью и демократией в стране» является критически важным для «установления сферы влияния в своем окружении»¹³.

Таким образом, обеспечение безопасности внутри страны как в ее военном, так и в гуманитарном аспектах, разрешение внутренних проб-

¹⁰ Ülgen S. A Place in the Sun or Fifteen Minutes of Fame? Understanding Turkey's New Foreign Policy, 15.12.2010. URL: http://carnegieendowment.org/files/turkey_new_foreign_policy.pdf (access date: 30.05.2013).

¹¹ Kirişçi K. The Transformation of Turkish Foreign Policy: The Rise of the Trading State // *New Perspectives on Turkey*. 2009. № 40. P. 29–57.

¹² См.: *Ердоган Реджеп Тайип*. Хвилі співробітництва у Чорному морі: Туреччина й Україна прямують разом. URL: <http://www.day.kiev.ua/301113> (дата обращения: 29.05.2013).

¹³ Davutoğlu A. Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10, № 1. P. 83–84.

лем рассматриваются как необходимое условие для проведения более уверенной и активной региональной политики. Политика же эта строится на основе представления о превращении Турции в новый *центр притяжения* и источник *мягкой силы* в регионе.

Анализируя эволюцию политики безопасности Турции на протяжении XX — начала XXI в., многие аналитики приходят к выводу, что сегодня мы являемся свидетелями уже «третьей волны» во внешнеполитическом мышлении правящих элит¹⁴. Первый «водораздел» ассоциируется с приходом к власти ПСР в 2002 г. Тогда на смену «первой волне, в центре которой находились вопросы безопасности», пришла «вторая волна», либеральная, ставшая возможной благодаря улучшению внутриполитической ситуации, стабилизации регионального окружения. В это время происходит «реальное смещение [внешнеполитических приоритетов] от вопросов безопасности к торговле» и «от далеких партнеров к непосредственным соседям»¹⁵.

Однако процессы десекуритизации, быстро развивавшиеся в первые годы нахождения ПСР у власти, постепенно угасли. Причиной тому стали, во-первых, неблагоприятные тенденции во внутриполитической ситуации — обострение курдского вопроса, усугубление противоречий между светской и военной элитой, откат ПСР от демократических реформ и др. Во-вторых, существенная дестабилизация регионального окружения — *арабская весна* на Ближнем Востоке, приведшая к гражданской войне в Сирии и кризису в турецко-сирийских отношениях, ухудшение отношений с Израилем, Грецией, Арменией, Россией, дальнейшее развитие ядерной программы Ирана. Новые вызовы военной безопасности Турции явно продемонстрировали ограниченность инструментов *мягкой силы* и необходимость эффективно сочетать их с традиционными инструментами силы *жесткой*. Это и вызвало *третью волну* в политике безопасности Турции, ознаменовавшую некоторое попятное движение страны на пути десекуритизации.

Таким образом, политика безопасности Турции в конце XX — начале XXI в. представляет собой постоянные колебания между двумя

¹⁴ См., например: *Kardaş Ş.* Quest for Strategic Autonomy Continues or How to Make Sense of Turkey's New Wave // GMF — On Turkey Series. 2011. Nov. 28. URL: <http://www.gmfus.org/archives/quest-for-strategic-autonomy-continues-or-how-to-make-sense-of-turkeys-new-wave> (access date: 29.05.2012); *Lesser I.* Turkey's Third Wave — And the Coming Quest for Strategic Reassurance // Ibid. 2011. Oct. 25. URL: <http://www.gmfus.org/turkeys-third-wave-and-the-coming-quest-for-strategic-reassurance> (access date: 29.05.2012); *Özel Soli.* Waves, Ways and Historical Turns: Turkey's Strategic Quest // Ibid. 2012. Jan. 30. URL: <http://gmfus.org/archives/waves-ways-and-historical-turns-turkeys-strategic-quest>.

¹⁵ *Lesser I.* Op. cit. P. 1.

крайними состояниями. Первое из них характеризуется восприятием безопасности как необходимости постоянной борьбы с экзистенциальными угрозами, которая часто служит оправданием изоляционистской внешней политики, отчуждения от соседей по региону и более авторитарного внутривнутриполитического курса. Второе состояние, напротив, соответствует периодам десекуритизации, когда активно используются новые возможности для проведения политики «нулевых проблем» с соседями вместо прежней «игры с нулевой суммой». Этот шаткий баланс между требованиями национальной безопасности и демократии внутри страны является характерной особенностью турецкой политики безопасности, которая в значительной мере предопределяет приоритеты и ее внешней политики.

Семантический анализ терминов *müdafaa / savunma (оборона) и emniyet / güvenlik (безопасность)*

В разное время для выражения понятия *безопасность* использовались различные словосочетания¹⁶:

müdafaa-i memleket = защита / оборона отечества,

milli müdafaa = национальная оборона,

memleket emniyeti = безопасность отечества,

vatan masuniyeti = неприкосновенность родины,

milli savunma = национальная оборона,

milli güvenlik = национальная безопасность,

ulusal güvenlik = народная безопасность.

С лингвистической точки зрения прежде всего следует отметить постепенный отказ от использования старых арабских и османских слов и словообразовательных аффиксов (*müdafaa-i memleket*) в пользу близких по значению аналогов современного турецкого языка (*müdafaa* → *savunma*; *emniyet* → *güvenlik*). А также замену более широких терминов *vatan* (родина) и *memleket* (отечество) на более узкое понятие *нация* — *millet* и распространение производного от него определения *milli* (национальный). Эти изменения в языке происходят параллельно с распадом в 1919–1920 гг. многонациональной Османской империи и возникновением независимой Турецкой Республики — государства, построенного Мустафой Кемалем Ататюрком на принципе *единой турецкой нации*. Эти изменения привели к зарождению нового **национального** самосознания и сделали возможным самоидентификацию носителей языка уже не столько со своим *государством* (будь то империя или рес-

¹⁶ Özcan G. Türkiye’de Milli Güvenlik Kavramının Gelişimi / E. Parker, I. Akça (yayın.) Türkiye’de Ordu, Devlet ve Güvenlik Siyaseti. İstanbul : Bilge, 2010. P. 310.

публика), сколько с единой *нацией*. Достаточно быстро все эти перемены в политической и социальной жизни страны нашли отражение и в ОПЛ турецкого языка.

Вместе с тем существуют и некоторые семантические различия. В «Толковом словаре турецкого языка», выпущенном издательством министерства образования Турции, слово *müdafaa* определяется как «противостояние нападению, агрессии с целью защиты самого себя или общества; оборона» (*kendisini veya topluluğu korumak için bir saldırıya karşı durma; savunma*). В другом значении оно может обозначать защиту своего мнения, отстаивание своей точки зрения, ответ на слова, сказанные наперекор (*bir tarafı tutup, aleyhte söylenen sözlerle cevap verme, söz veya yazıyla savunma*)¹⁷. Сходное значение имеет и современный аналог слова *müdafaa* — *savunma*, который часто поясняется как «выступление против нападения», «оборона» (*saldırıya karşı koyma, müdafaa*)¹⁸.

В обоих случаях бросается в глаза использование слов *karşı, aleyhte* («против», «наперекор»), подразумевающих обязательное наличие внешней угрозы, препятствия, противодействие какой-либо силы.

Если вышеупомянутые термины предполагают уже фактическое наличие опасности или врага, которым необходимо противостоять, оказывать сопротивление, то появившийся в более поздние периоды термин *emniyet* несет уже совершенно иную смысловую нагрузку. Вот каким образом передаются в различных толковых словарях его основные значения:

1) *eminlik, güvenlik* = чувство уверенности, безопасности, отсутствия страха, угрозы;

2) *güven, itimat; güvenme, inanma* = доверие, вера;

3) *asayiş; polis işleri* = меры предосторожности, предпринимаемые для охраны общественного порядка;

4) *bir makinede âletin düzenli çalışmasını ve güvenliğini sağlayan parça* = деталь, обеспечивающая исправную и безопасную работу оборудования¹⁹;

5) *tabanca ve başka şeylerde ya da bir aygıtta güven sağlayan parça* = любой механизм с функцией предохранителя в технических приборах, оружии и т. д.²⁰

¹⁷ Örnekleriyle Türkçe Sözlük / Milli Eğitim Bakanlığı. İstanbul, 2000. Cilt 3 (L — R). S. 2037.

¹⁸ См.: Ibid. Cilt 4 (S — Z). S. 2460.

¹⁹ Ibid. Cilt 1 (A — E). S. 830.

²⁰ *Püsküllüoğlu A.* Arkadaş Türkçe Sözlük. Ankara : Arkadaş Yayınevi, 2004. S. 331.

Устойчивые выражения со словом *emniyet* также показательны: *emniyet altına almak* = заботиться, брать под свою защиту, опеку (а не защищать от кого-то); *emniyet tedbirleri* = меры предосторожности; *emniyet kemeri* = ремень безопасности (на транспорте), предохранительный пояс (в строительстве); *emniyet kilidi* = секретный код или надежный замок (предотвращающий взлом); *emniyet pimi* = предохранитель (стопор, фиксатор) и т. п. Ключевым здесь является смысл, передаваемый словами «предосторожность», «предохранение», «предотвращение», которые говорят о возможности избегнуть некой угрозы или предполагаемого нарушения, будь то нарушение общественного порядка или техническая неисправность. Неслучайно силы полиции и внутренней безопасности в современном турецком языке называются именно *emniyet güçleri* — «силы безопасности», в отличие от *savunma birlikleri* — «оборонных», военных подразделений, используемых в случае возникновения внешней угрозы государству.

Окончательный переход от «негативной» семантики безопасности как обороны от врага к ее «позитивному» аспекту, т. е. к безопасности как чувству спокойствия и уверенности в себе, происходит с введением и распространением слова *güvenlik*. Однако прежде чем анализировать его семантическую нагрузку, приведем словарные значения его основы — слова *güven*²¹:

1) *bir kimsenin içindeki rahatlama hissi* = чувство внутреннего успокоения, облегчения;

2) *kendine itimat, cesaret, yüreklilik, yiğitlik* = уверенность в себе, вера в свои собственные силы, смелость, храбрость;

3) *bir toplumun siyasi durumuna ve benzerlerine bağlı emniyet duygusu* = чувство безопасности в общественной жизни, связанное с политической ситуацией в стране;

4) *parlamento çoğunluğunca hükümete sağlanan destek* = поддержка, оказываемая парламентским большинством правительству.

Из приведенных толкований очевидно, что, с одной стороны, исчезает корреляция данного понятия с внешними факторами. На смену выражениям *-e karşı, -nin aleyhine* = *против кого-либо* приходят слова *içindeki (rahatlama)* = внутренняя (уверенность), *kendine (itimat)* = (вера) себе, в себя и др. С другой стороны, превалируют понятия, несущие положительную эмоциональную нагрузку: *rahatlama* = спокойствие, *emniyet* = уверенность, *itimat* = доверие, *yiğitlik* = смелость, *destek* = поддержка и т. д. Та же тенденция наблюдается и в использовании устойчивых выражений, например: *güven oyu* = вотум доверия, *güven*

²¹ Örnekleriyle Türkçe Sözlük. Cilt 2 (F — K). S. 1081.

mektubu = верительная грамота. Практически все обороты речи со словом *güven* указывают не на препятствие к выполнению действия, как то было в предыдущих случаях, а напротив, на какой-либо фактор, который дает возможность это действие совершить. Так, вотум доверия позволяет правительству реализовать свою программу, а верительная грамота является необходимым условием обретения полномочий новым послом.

Отметим и использование глагола *güvenmek*, способного приобретать разные значения в зависимости от контекста. Будучи изначально синонимом глаголов *inanmak* = верить и *emin olmak* = быть уверенным, он также может приближаться по значению к глаголам *dayanmak* и *yaslanmak* = полагаться, опираться. Одно из его определений, часто встречаемых в толковых словарях турецкого языка — *dayanak bulup güçlenmek*, «усиливаться благодаря поддержке, опоре на кого-либо или на что-либо»²². Такой смысл он имеет, например, в известной пословице: *Güvendiğim dağlara kar yağdı*. Ее дословный перевод: «Горы, на которые я опирался, покрылись снегом»; однако в разговорном языке к ней прибегают, когда хотят передать ощущение разочарования, обманутых надежд, предательства со стороны человека, которому **доверяли** и на чью **поддержку** рассчитывали. В то же время различные словари турецкого языка приводят примеры использования данного глагола с оттенком самоуверенности и даже самовосхваления: *kendini güçlü saymak* = считать себя сильным, *kendi kişisel gücüne dayanmak* = действовать, рассчитывая только на собственные силы, *kendini beğenmek* = самому себе нравиться, быть самовлюбленным, *övünmek* = хвастаться²³. Отсюда и семантика интересующего нас слова *güvenlik*: «состояние отсутствия опасности»; «уверенность и спокойствие»; «безопасность» (*tehlikede bulunmama hali, emin ve rahat olma, emniyet*)²⁴.

Функциональный анализ:
случаи использования терминов оборона / безопасность
и народный / национальный

Milli güvenlik (национальная безопасность) — термин, достаточно часто используемый в современном турецком языке — возник относительно недавно. Если слово *güven* впервые встречается в программе Народно-Республиканской партии (НРП) 1935 г., то собственно *güvenlik* в

²² Ibid.

²³ *Bahaeettin M. Yeni Türkçe Lügat*, Ankara : Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları, 2004. S. 243; *Eyuboğlu İ. Z. Türk Dilinin Etimoloji Sözlüğü*. İstanbul : Sosyal, 1995. S. 307.

²⁴ Örnekleriyle Türkçe Sözlük. Cilt 2 (F — K). S. 1081.

первый раз появляется в 1944 г. в полном издании Словаря турецкого языка (*Türkçe Sözlük*), подготовленного Обществом турецкого языка (*Türk Dil Kurumu*)²⁵. Первое словарное определение этого слова звучит так: *tehlikede bulunmama hali, emniyet* = отсутствие угрозы, состояние безопасности. Однако, как и в более позднем словаре 1955 г., нет четкого определения условий и различных аспектов этой безопасности. Отсутствуют также и понятия *национальной (milli) / народной (ulusal)* безопасности²⁶.

Лишь с принятием Конституции Турции 1961 г., в текст которой было включено слово *güvenlik*, его начинают употреблять в официальном языке. Но и тогда его определения поначалу приводятся не в словарях, содержащих общепотребительную лексику, а в словарях юридических терминов. При этом происходит некоторая спецификация и дается более четкое толкование данного понятия. Так, в юридическом словаре 1966 г. *güvenlik* используется как синоним *emniyet*, а в качестве примера приводится решение Конституционного суда от 1963 г., где выражение *национальная безопасность* располагается в одном ряду с такими понятиями, как *закон, общественная польза, общая мораль, общественный порядок и социальная справедливость* («*kanun, kamu yararı, genel ahlak, kamu düzeni, sosyal adalet ve milli güvenlik gibi sebepler...*»)²⁷. Примерно в том же контексте это словосочетание встречается и в словаре 1974 г., где в качестве примера использования приводится предложение: *Yasaların tam yürürlükte olduğu bir ülkede güvenlik vardır* («Безопасность существует в той стране, где все законы действуют в полном объеме»)²⁸.

Таким образом, понятие, которое было введено в обращение в середине 50-х гг. XX в. в военных кругах в значении национальной обороны и охраны общественного порядка, после принятия Конституции 1961 г. превратилось в совершенно конкретный общественно-политический термин. Вскоре он занял центральное место в политическом дискурсе страны и в течение 20 лет быстро распространился на все сферы жизни. Сегодня он уже регулярно используется как в повседневной разговорной речи, так и в языке национальных СМИ. Оставшись ключевым в словаре военных, понятие *национальная безопасность* подверглось глубокому анализу на страницах академических исследований, притом

²⁵ Правительственная организация, занимающаяся развитием современного турецкого языка.

²⁶ Özcan G. Türkiye’de Milli Güvenlik Kavramının Gelişimi. P. 309.

²⁷ Akgüner T. 1961 Anayasasına Göre Milli Güvenlik Kavramı ve Milli Güvenlik Kurulu. İstanbul : İstanbul Üniversitesi Siyasal Bilimler Fakültesi Yayını, 1983. S. 89.

²⁸ Ibid. S. 115.

в самых различных его аспектах. Быстро и прочно закрепившись в современном турецком языке, оно заменило собой широко использовавшиеся в первые годы существования Республики термины *национальная оборона, защита отечества, внутренняя и внешняя безопасность*.

В 60–80-е гг. XX в. словосочетание *национальная безопасность* стало фигурировать в названиях большинства государственных учреждений стратегического значения и в заголовках документов, определявших внутреннюю и внешнюю политику государства. Именно тогда, по словам турецкого исследователя Генджера Озджана, оно окончательно укрепило свои позиции в официальном языке, обеспечив себе «неприкосновенность» на ближайшие годы²⁹.

Постепенно понятие *milli güvenlik* стало все чаще использоваться *вместе* с термином *milli çıkarlar*, означающим *национальные интересы*, а иногда и *вместо* него. Тем не менее еще долгое время императив *национальной безопасности* оставался наиболее популярным оправданием для ограничения базовых прав и свобод человека.

В последующие годы сам термин *milli güvenlik* не претерпел существенных изменений, однако начиная со второй половины 90-х гг. XX в. он обретает иное звучание в речах государственных лидеров. Теперь он все чаще используется уже не в негативном значении (как мотивация ограничений прав и свобод человека), а ровно наоборот. Демократизация объявляется составной частью и необходимым условием обеспечения безопасности личности, следовательно — в более широком смысле — и безопасности всей нации. Все большее внимание начинает уделяться гуманитарным аспектам безопасности: продовольственной, экологической, интеллектуальной, семейной и, конечно же, безопасности личности как таковой. Поддержание оптимального баланса в дихотомии безопасность — демократия рассматривается как основа благополучия нации, а концепция национальной безопасности не сводится лишь к ее военным аспектам, приобретая более позитивную трактовку, чем прежде.

Эту тенденцию ярко продемонстрировали события, возникшие по поводу закрытия парка Гези в Стамбуле в конце мая 2013 г. Начавшись как мирная акция протеста, направленная против застройки сквера в центре Стамбула, они буквально за несколько дней переросли в мощное общественное движение, в котором участвовали тысячи людей по всей стране. Массовые волнения не редкость в истории Турции. Однако обращает на себя внимание, во-первых, их мирный характер (в чем, несомненно, заслуга как протестующих, так и руководства страны), а во-вторых, требования протестующих. В отличие от более ранних периодов,

²⁹ Özcan G. Türkiye’de Milli Güvenlik Kavramının Gelişimi... P. 307.

обеспокоенность демонстрантов вызывают уже не проблемы терроризма, неразрешенный курдский вопрос, политическая нестабильность и даже не экономический кризис. Основные требования протестующих — это отказ от чрезмерной индустриализации городов и попыток развития экономики страны в ущерб экологической безопасности, дальнейшее проведение демократических реформ, либерализация внутривнутриполитического курса ПСР, расширение прав и свобод граждан (прежде всего, в социальной сфере), отказ от авторитарных тенденций в руководстве страной и обеспечение плюрализма во всех сферах общественной жизни, иными словами — предоставление гарантий *человеческой* безопасности всем без исключения гражданам Турецкой Республики.

Что касается использования определений *milli* (*национальная*) и *ulusal* (*народная*), часто сопровождающих понятие *güvenlik* (*безопасность*), то здесь также следует отметить некоторые особенности. Будущи очень близкими по смыслу, а иногда и взаимозаменяемыми, они, тем не менее, имеют четко разграниченные сферы употребления, которые редко пересекаются. Прилагательное *milli* (*национальная*) традиционно используется правыми, консервативными и националистическими партиями, тогда как представители левых, рабочих, популистских и социалистических партий в аналогичных случаях неизменно прибегают к слову *ulusal* (*народный*). Так по использованию только одного прилагательного можно судить о социальном статусе и политической ориентации говорящего.

* * *

Трансформация культуры безопасности в Турецкой Республике — длительный процесс, начавшийся с провозглашением независимого национального государства в 1923 г. и продолжающийся до настоящего времени. Основные этапы этой трансформации хорошо передаются образом «трех волн», которые символизируют периодические колебания в политике безопасности Турции: постепенный переход от глубоко секьюритизированной политики времен «холодной войны» и первых лет после ее окончания к более либеральному, оптимистическому восприятию безопасности в начале XXI в., а затем — вновь к актуализации вопросов военной безопасности в связи с ухудшением внутривнутриполитической ситуации и дестабилизацией регионального окружения. Главным же итогом длительной эволюции представлений о безопасности в Турции стало их расширение за счет возникновения нового измерения безопасности — человеческого — наряду с уже традиционным государственно-центричным.

Эти перемены ярко отразились и в эволюции общественно-политической лексики современного турецкого языка. Трансформация тер-

минов, включающих в себя понятие *безопасность*, прослеживается по двум основным направлениям. Во-первых, **меняются главные референты безопасности**, о чем свидетельствует постепенное смещение акцентов с вопросов безопасности государственной на проблемы национальной и, несколько позже, — человеческой безопасности. Во-вторых, происходит принципиальный **переход от негативной к позитивной семантике** безопасности. От понимания безопасности как защиты от врагов, обороны против внешних факторов и угроз — к восприятию безопасности как состояния отсутствия какой-либо угрозы, ощущения защищенности, внутреннего спокойствия и уверенности в своих собственных силах.

Последовавшие за этим изменения в общественно-политической лексике турецкого языка можно рассматривать как дополнительное свидетельство либерализации общественного сознания и продолжающейся трансформации культуры национальной безопасности Турецкой Республики в начале XXI в.

Л. М. Дегтярева

Движение семантики лексемы *Sicherheit* в немецком языке

На всех этапах развития человеческого общества, во всех человеческих культурах — и исторических, и современных — прослеживается стремление к безопасности. Далеко не везде оно было четко осознано, исследовано и концептуализировано; но смело можно утверждать, что безопасность никогда и нигде не утрачивала своей актуальной практической значимости. В то же время в культурах народов мира данный феномен имеет разные формы проявления, а те определяются различиями в конкретных исторических условиях. Оправданно говорить и о различиях в этимологии и семантике самой лексемы *безопасность* в языках мира. Представляется, что по этой причине лингвистический анализ должен являться необходимым инструментом любого исследования безопасности. В настоящей статье такому анализу будет подвергнута лексема *Sicherheit*, используемая для передачи понятия *безопасность* в немецком языке.

I

Этимология *Sicherheit* восходит к латинскому *secures* → *sichur* → *sicher* (от отрицательно-привативного префикса *se-* и существительного

женского рода *cura* = *забота*), что означает *ohne Sorge* = отсутствие тревог, волнений, опасений. Как показывают данные этимологических словарей¹, эта лексема была заимствована в древневерхненемецкий период развития языка, примерно в 800–871 гг. Заимствование ее было обусловлено, с одной стороны, распространением христианства, а с другой — частичным усвоением римского культурного наследия.

В Древнем Риме понятие *securitas* олицетворяло общественную и личную безопасность, которая гарантировалась властями и имела культовое значение. Там же она впервые стала предметом интеллектуальной рефлексии, что нашло свое отражение в текстах Тита Лукреция Кара (не ранее 99 — не позднее 55 г. до н. э.), Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н. э.)², Луция Аннея Сенеки (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.). Так, Лукреций, реконструируя восприятие Эпикуром уровня культуры, достигнутого в Афинах к IV в. до н. э., в качестве самой первой характеристики этого уровня указывал на то, что там была «обеспечена жизнь безопасностью, сколько возможно» и поэтому источник тревог и страхов людей находился не вовне, а в них самих³. Цицерон отмечал, что каждому виду живых существ природа даровала стремление защищать свою жизнь, избегать всего вредного, приобретать и добывать все необходимое для жизни⁴. Сенека полагал общественную безопасность (*publica securitas*), устраняющую и заботу (*cura*), и тревогу (*anxietas*), необходимым дополнением к миру и благосостоянию⁵. В целом же древнеримские философы и мыслители рассматривали безопасность преимущественно как *состояние духовной свободы от забот и страданий*.

Примерно в таком же значении — *спокойное состояние духа человека, считающего себя защищённым от любой опасности*, — слово *безопасность* возрождается в средневековой латыни Западной Европы⁶.

¹ Duden. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / bearb. von Günther Drosdowski. Nach den Regeln der neuen dt. Rechtschreibung überarb. Nachdr. der 2 Aufl. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : DudenVerlag, 1997. S. 673.

² Brockhaus. Die Enzyklopädie: in 24 Bänden. B. 20., überarb. und aktualisierte Aufl. Leipzig; Mannheim, 1998. S. 165.

³ Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. с лат. Ф. Петровского. М. : Худ. лит., 1983. С. 10.

⁴ Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях // Литературные памятники. М. : Наука, 1974. С. 61.

⁵ Перси У. От Сенеки до *pubblica sicurezza*: эволюция понятия «безопасность» в итальянской культуре // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур : (Материалы международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. С. Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 180.

⁶ Экономическая и национальная безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М. : Экзамен, 2005. С. 13–14.

Однако в активный словарь немецкого языка именно в этом значении оно практически не вошло, точнее, до XVII в. использовалось очень редко. После проникновения в немецкий язык лексема *Sicherheit* первоначально получила применение в области права, где употреблялась в значении *frei von Schuld und Strafe sein* = быть свободным от вины и наказания. Использовалась она также в финансово-экономической сфере в значениях *Schuldensicherung* = обеспечение долга, *Quitterung* = расписка, *Bürgschaft* = поручительство⁷, сохранившихся и в современном немецком языке.

В XVII–XVIII вв. ситуация меняется, лексема *Sicherheit* становится и более распространенной, и более многозначной. Безопасность и в то время часто рассматривается как *состояние*, но теперь уже скорее как состояние не отдельного индивида, а общества и государства; возможным оно становится при отсутствии реальной угрозы извне и при наличии внутренних политических, экономических и других условий, а также соответствующих органов, способствующих созданию ситуации спокойствия. В Германии и в других странах Западной Европы распространяется представление, что главной целью государства является обеспечение общей безопасности его граждан. Лейбниц в 1705 г. даже само определение государства дал через понятие общей безопасности⁸. С тех пор безопасность на протяжении длительного времени рассматривалась как исключительная прерогатива государства, так что не удивительно, что Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) в 1792 г. посвятил целую книгу установлению пределов деятельности государства по обеспечению безопасности. В ней он дал такое определение безопасности, которым оправдывалось максимальное сужение этих пределов: «Безопасность... состоит в уверенности в юридической свободе»⁹. Спустя три года увидел свет знаменитый трактат Иммануила Канта (1724–1804) «К вечному миру». В нем родоначальник немецкой классической философии идею безопасности соотносит с идеей всеобщего мира и с созданием всемирного союза государств, деятельность которых должна быть направлена на обеспечение правопорядка, что, собственно, и способствовало бы окончательному устранению войн и установлению вечного мира¹⁰. В трудах Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) гарантом

⁷ Brockhaus. Die Enzyklopädie: in 24 Bänden. B. 20. S. 165.

⁸ См. об этом: Rothschild E. What is Security? // Daedalus. 1995. Vol. 124, № 3. P. 61.

⁹ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск : Социум, 2009. С. 131.

¹⁰ См.: Кант И. К вечному миру. М. : Московский рабочий, 1989. (Первоисточники).

безопасности личности, общества и государства в целом предстает государство¹¹.

С созданием и развитием объединенного немецкого государства происходит дальнейшее расширение значения лексемы *Sicherheit*. При этом в немецкой лингвокультуре, как и во всех культурах мира, понятие безопасности обрастало положительными коннотациями. Однако получилось так, что именно в немецком языке оно обрело уже в XX в. еще один дополнительный смысл — сугубо отрицательный. Объясняется это тем, что в годы национал-социалистической диктатуры лексема использовалась в названии карательной Службы безопасности *Sicherheitsdienst* — СД. Созданная Гиммлером в 1931 г. для очистки нацистской партии от якобы просочившихся в нее врагов¹², она вскоре стала одним из главных орудий террора в отношении несогласных как в самой Германии, так и на захваченных фашистами территориях.

II

Что же включает в себя лексема *Sicherheit*? В поисках ответа обратимся к различным лексикографическим источникам немецкого языка.

Анализ словарных статей позволил выявить следующие её лексико-семантические значения.

1. *Zustand des Sicherseins, Geschütztseins vor Gefahr oder Schaden, höchstmögliches Freisein von Gefährdungen, Gewissheit, Bestimmtheit, das Freisein von Fehlern und Irrtümern, Zuverlässigkeit, Gewandheit, Selbstbewußtsein* — состояние безопасности, надежности существования, защищённости от опасности или вреда; отсутствие ошибок и заблуждений; надёжность, достоверность, ловкость, самоуверенность (здесь и далее перевод наш. — Л. Д.)¹³.

2. *einen Zustand, in dem es keine Gefahr für j-n / etw. gibt, das zuverlässige Funktionieren, ohne Zweifel, ganz bestimmt* — состояние, при котором не существует опасности для кого- или чего-либо; надежное функционирование чего-либо; отсутствие сомнения, уверенность¹⁴.

¹¹ Гегель В. Ф. *Философия права*. М. : Мысль, 1990. С. 201, 253.

¹² Эванс Ричард. Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 61.

¹³ Duden. *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache* in 8 Bänden / hrsg. und bearb. von Wissenschaft. Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter der Leitung von Günter Drosdowski. Ausg. in 8 Bd. Mannheim ; Leipzig ; Zürich : Duden Verl., 1994. S. 3094.

¹⁴ Langenscheidts *Growörterbuch Deutsch als Fremdsprache* = Большой толковый словарь немецкого языка : Для изучающих немецкий язык. М. : Март, 1998. С. 896–897.

3. *Sichersein, Gewißheit, sichere Beschaffenheit, Festigkeit, Ruhe, Sorglosigkeit, Geborgenheit, Geschütztsein, Schutz* — уверенность, достоверность, уверенное состояние, прочность; покой, беззаботность; защищенность, защита, охрана; предупреждение¹⁵.

4. *ein ausgedrücktes in sozialem Handeln, in politischen Aktionen, in psychologischen Reaktionen, technischen Verkehrungen, wissenschaftlichen Berechnungen, moralischen Appellen, gesetzlichen Regelungen und gesellschaftlichen Institutionen Programm, eine Zielbestimmung* — цель или программа социальных действий, политических акций, психологических реакций, технических мер предосторожности, научных расчетов, нравоучительных обращений, правового регулирования и работы общественных институтов¹⁶.

Из анализа дефиниций следует, что лексема *Sicherheit* обладает важными свойствами и объем ее семантики в современном немецком языке достаточно обширен. Это, во-первых, состояние безопасного существования, защищенности от опасности, от возможного ущерба. Во-вторых, состояние предельного осознания угрозы, опасности. В-третьих, состояние защищенности от ошибок и заблуждений и производное от него чувство уверенности, определенности. В-четвертых, состояние отсутствия опасности. В-пятых, надежность, надежное самосознание, находчивость, даже изворотливость, а также надежное функционирование чего-либо и отсюда — отсутствие сомнений, уверенность. В-шестых, прочность и укрытость / защищенность как цель / программа проактивного или реактивного действия, техники безопасности, научной экспертизы, правового регулирования, деятельности общественных институтов и т. д.

Целесообразно рассмотреть и синонимический ряд лексемы *Sicherheit*. Анализ лексикографических источников современного немецкого языка свидетельствует о том, что ряд этот весьма обширен:

1) *Gewissheit, Bestimmtheit, Überzeugung, Zutrauen* = уверенность, определенность, убеждение, доверие; 2) *Sicherung, Gefahrlosigkeit, Unbezwingbarkeit, Uneinnehmbarkeit, Geborgenheit, Schutz* = обеспечение, надежность, непреодолимость, неприступность, защищенность, защита; 3) *Garantie, Bürgschaft* = гарантия, поручительство; 4) *Selbstbewusstsein* = уверенность в себе и др.¹⁷; 5) *Behütetsein, Richtigkeit, Wirklichkeit*,

¹⁵ *Wahring G.* Deutsches Wörterbuch. München : Mosaik Verlag, 1997. S. 1132–1133.

¹⁶ Brockhaus. Die Enzyklopädie : in 24 Bänden. B. 20. S. 165.

¹⁷ *Grosses Wörterbuch. Deutsch-Synonyme: [aktuell, umfassend, competent; rund 100.000 zuverlässige Angaben].* Inghaut, Bernhard. Vollst. Taschenbuchausg. München : Compact-Verl., 2004. S. 337.

Gewissheit, Klarheit, Zuverlässigkeit, Überzeugung, Stolz, Selbstbewusstsein, Selbstwertgefühl, Selbstvertrauen = осторожность, осмотрительность, правильность, ясность, действительность, уверенность, надежность, убежденность, гордость, уверенность в себе, самоуважение и др.¹⁸

Представленный анализ семантики лексемы *Sicherheit* свидетельствует о ее значимости в современном коммуникативном процессе, а языковые средства ее репрезентации представляют интерес для современных лингвистических исследований.

III

Проведенное нами исследование лингвистических средств реализации феномена безопасности в публицистических текстах, представленных в современных средствах массовой информации ФРГ («Berliner Zeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Der Westen», «Der Spiegel», «Die Welt» и др.) свидетельствует об активности лексемы *Sicherheit* в словообразовательном процессе современного немецкого языка. Так, например, во многих сферах жизни современного немецкого общества находят применение сложные слова с компонентом *Sicherheit*:

Sicherheitspanne — сбой при осуществлении мер безопасности;

Sicherheitskreise — сфера безопасности;

Sicherheitslage — положение в сфере (области) безопасности;

Sicherheitsstandart — норма безопасности;

Sicherheitscheck — контроль безопасности;

Sicherheitsschleuse — пропускной пункт для контроля безопасности;

Sicherheitskonzept — концепт безопасности;

Sicherheitsempfinden — чувство безопасности и др.

Приведем несколько примеров из современных немецких СМИ.

1. Zum **Sicherheitscheck** am Eingang geben sie den uniformierten Wachleuten routiniert ihre Handys und Taschen, um anschließend wie auf einem Flughafen die **Sicherheitsschleuse** mit Metalldetektoren zu passieren. = Для контроля **безопасности** они (болевщики. — Л. Д.) предъявляют у входа охранникам в униформе свои сумки и сотовые телефоны, чтобы затем, как в аэропорту, пройти через **рамку с металлодетектором**¹⁹.

¹⁸ Немецко-русский словарь синонимов : тезаурус. М. : Оникс 21 век, 2004. С. 321.

¹⁹ Kein zusätzlicher Schutz von US-Einrichtungen // BERLINER ZEITUNG. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/terroranschlag---die-bundesanwaltschaft-ist-ueberzeugt--dass-der-attentaeter--der-in-frankfurt-zwei-us-soldaten-getoetet-hat--religioese-motive-hatte--erstmal-hat-damit-eine-islamistische-terrorattacke-in-deutschland-todesopfer-gefordert--kein-zusaetzlicher-schutz-von-us-einrichtungen,10810590,10774928.html> (access date: 04.03.2012).

2. *Am größten deutschen Flughafen wurden die Sicherheitsvorkehrungen verschärft.* = В крупнейшем немецком аэропорту были усилены меры **безопасности**²⁰.

3. *Allerdings will der Vereine die Sicherheitsmaßnahmen rund um das Stadion vor der Begegnung vorsorglich noch einmal verschärfen.* = Союз, естественно, усилит меры **безопасности** вокруг стадиона перед началом матча²¹.

В приведенных примерах лексема *Sicherheit* представлена в составе сложных слов ***Sicherheitscheck***, ***Sicherheitsschleuse***, ***Sicherheitsvorkehrungen*** и ***Sicherheitsmaßnahmen***. В примере 1 говорится об усилении контроля безопасности при помощи *технического средства ее обеспечения* — металлодетекторов, установленных на входах на стадион и позволяющих досматривать вещи футбольных болельщиков. А в примерах 2 и 3 речь идёт об усилении *всего комплекса мер безопасности* в крупнейшем немецком аэропорту во Франкфурте-на-Майне и на стадионе города Дортмунда. Необходимость усиления этих мер была вызвана расстрелом американских военнослужащих сотрудником аэропорта и раскрытием немецкими спецслужбами в марте 2011 г. готовившегося террористического акта на стадионе в городе Дортмунд.

Лексема *Sicherheit* активна и в различных словосочетаниях.

1. С прилагательными: *öffentliche Sicherheit* = общественная безопасность, *persönliche Sicherheit* = личная безопасность, *angemessene Sicherheit* = надлежащая безопасность, *soziale Sicherheit* = социальная безопасность, *totale Sicherheit* = полная безопасность. Пример: *Nirgendwo totale Sicherheit.* = Абсолютной безопасности не существует (наставление для футбольных болельщиков)²².

2. С существительными: *die Sicherheit der Deutschen* = безопасность немцев, *die Sicherheit der Fahrgäste* = безопасность пассажиров, *Erhöhung der Sicherheit* = повышение безопасности, *die Debatte um die Sicherheit* = споры о безопасности, *ein Gefühl der Sicherheit* = чувство безопасности. Пример: *Es muss allen klar sein, dass es nicht um blanken Aktionismus geht, sondern dass wir die Sicherheit der Fahrgäste wirklich*

²⁰ Anschlag am Frankfurter Flughafen // FAZ.NET. URL: <http://m.faz.net/aktuell/politik/inland/anschlag-am-frankfurter-flughafen-taeter-hatte-kontakt-zu-islamisten-1608984.html> (access date: 04.03.2012).

²¹ BVB verstärkt Sicherheitsmassnahmen // DER WESTEN: URL: <http://www.derwesten.de/staedte/dortmund/bvb-verstaerkt-seine-sicherheitsmassnahmen-id4490633.html> (access date: 01.04.2011).

²² Nirgenwo totale Sicherheit // FAZ.NET. URL: <http://m.faz.net/themenarchiv/sport/wm-2010/wm-kommentar-kommentar-nirgendwo-totale-sicherheit-1912586.html> (access date: 15.02.2012).

verbessern. = Всем должно быть ясно, что речь идет не о простых действиях, а о том, что мы действительно улучшаем **безопасность пассажиров** (в метро, во избежание террористических актов)²³.

3. С глаголами: *in Sicherheit bringen* = привести в [состояние] безопасности, *Sicherheit erhöhen* = повысить безопасность, *mit Sicherheit sagen* = с уверенностью говорить, *die Sicherheit leisten* = обеспечивать безопасность, *Sicherheit gefährden* = угрожать безопасности. Пример: *Es ist zwar Aufgabe der jeweiligen Regierungen, Sicherheit zu gewährleisten, aber wir arbeiten sehr eng mit den Behörden zusammen*. = Несмотря на то что **обеспечение безопасности** является задачей именно правительств, мы тесно сотрудничаем по этому вопросу с властями²⁴ (о необходимости объединения усилий по обеспечению безопасности органов власти и спортивных организаций при подготовке и проведении международных спортивных мероприятий).

IV

Лексема *Sicherheit* появилась в немецком языке в IX в. как производная от латинского *securitas*. Непосредственно она образована от слова *securus*, означающего такое качество положения или состояния, как *отсутствие тревог, волнений, опасений*. С развитием немецкого государства происходит расширение и усложнение значения *Sicherheit*: центральное положение в его семантике занимают смыслы, указывающие на *состояние* (безопасного существования, защищенности от опасности), *осознание* (угрозы, опасности) и *ощущение* (уверенности, определенности, укрытости). Обращение к публицистическим текстам современных немецкоязычных СМИ показывает, что и сейчас лексема *Sicherheit* представлена в немецкой лингвокультуре достаточно широко.

В целом история лексемы *Sicherheit* свидетельствует о длительном пути ее эволюции. В то же время сохраняется ее значимость в современном коммуникативном процессе, а языковые средства ее репрезентации представляют интерес для современных лингвистических исследований.

²³ Mann kann über mehr Personal reden // Berliner Zeitung. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/archiv/sicherheit-in-der-u-bahn--finanzsenator-ulrich-nussbaum-hat-verstaendnis-fuer-die-angst-mancher-fahrgaeste--lehnt-aber-blanken-aktionismus-ab--man-kann-ueber-mehr-personal-reden-10810590,1075470.html> (access date: 06.04.2011).

²⁴ Sicherheit hat Priorität eins bei Olympia // Focus. URL: http://www.focus.de/sport/olympia-2012/olympia-2012-sicherheit-hat-prioritaet-eins-bei-olympia_aid_623611.html (access date: 04.05.2011).

Угрозы личной безопасности в представлении японцев

Безопасность в понимании японцев — это отсутствие опасности, откуда бы та ни исходила. Если речь идет о национальной безопасности, японцы опасаются быть атакованными со стороны внешней «враждебной силы», под которой они подразумевают КНДР, Китай и даже Россию. У современных японцев этот страх не проходит, хотя со времени американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки прошло почти 70 лет и в Японии сменилось уже не одно поколение. Поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что сегодня японская общественность с искренней озабоченностью воспринимает любые ядерные и ракетные испытания в соседней КНДР, несмотря на то что последняя не собирается нападать на Японию.

В контексте национальной безопасности японцы также опасаются любой дестабилизации стратегической ситуации в Восточной Азии — даже появление у берегов островов Сэнкаку в октябре 2012 г. китайских рыболовецких судов так испугало японцев, что они двинули туда свои самые современные боевые корабли¹.

Японцы адекватно воспринимают угрозы экономической безопасности, благо их этому учит недавний исторический опыт. В 1973–1974 гг. Япония уже испытала *шок Никсона*, когда подъем цен на нефть после очередной арабо-израильской войны в одночасье лишил страну всех ее долларовых запасов². После трагедии 11 марта 2011 г. на АЭС в Фукусиме японцы также всерьез озаботились проблемами экологической безопасности. Власти страны в спешном порядке разработали план закрытия в течение ближайших тридцати лет всех старых АЭС, хотя сегодня на них вырабатывается более 30% всей потребляемой в стране электроэнергии³.

© Крупянко М. И., 2013

¹ Асахи симбун. 2012. 26 октября.

² В тот период цена барреля нефти на мировом рынке резко подскочила с двух-трех долл. в 1972 г. до 13–14 и выше в 1974-м, т. е. в пять-семь раз всего за полтора-два года. Подробнее см. об этом: Энергетический кризис в капиталистическом мире / под ред. Е. М. Примакова. М. : Мысль, 1975; Углубление общего кризиса капитализма / отв. ред. Н. Н. Иноземцев. М. : Мысль, 1976. Гл. 9.

³ Как официально заявил 10 мая 2011 г. премьер-министр Японии Наото Кан, правительство пересмотрит основные положения энергетической стратегии страны до 2030 г. с учетом продолжающегося кризиса на АЭС «Фукусима-1». После аварии на ней в Японии были остановлены для профилактического

Можно сказать, что угрозы своей национальной безопасности, включая, в первую очередь, ее военно-стратегическую, экономическую и экологическую составляющие, японцы воспринимают вполне здраво и, в общем, так же, как и народы других стран. Однако *угрозы личной безопасности* японцы во многом видят не так и реагируют на них не так, как это делают европейцы и американцы. От представлений же об этих угрозах российских граждан — как и от обусловленного представлениями поведения большинства россиян — соответствующие представления и поведение японцев отличаются просто разительно.

В дальнейшем изложении для более рельефного представления видения японцами угроз их личной безопасности и связанных с безопасностью поведенческих норм будет использоваться — когда явным образом, когда неявно — метод сравнения с тем, что хорошо известно каждому жителю России по его собственному жизненному опыту. Дело в том, что ощущение безопасности, как для японцев, так и для россиян, — это такое состояние среды и самого индивида, при котором угрозы выживанию сведены к допустимому минимуму, когда человеку нет необходимости все время чего-то опасаться. Японцы, в отличие от россиян, знают, что существенно повысить уровень безопасности во многих случаях возможно путем обучения навыкам разумных опасений. Например, чем больше людей будут ответственно и умело остерегаться манипуляций и мошенничества, тем меньше будет вероятность возникновения всякого рода опасностей и для всего общества, и для каждого отдельного человека. В законопослушном японском обществе мало кто будет, например, потеряв чувство бдительности, поддаваться внушениям каких-либо нечистых на руку людей. В современной России, однако, даже умудренные жизнью пенсионеры легко попадают в капканы, расставленные для них всякого рода мошенниками, которые сбывают старикам за сотни и тысячи рублей бесполезные БАДы, пытаясь «заработать» на их естественном желании обезопасить себя от болезней.

I

Японцы не боятся многих угроз, уже привычных, увы, для жителей России. Так, они не опасаются злоумышленников, которые могут обворовать квартиру и вынести оттуда нажитое за многие годы личное

осмотра все 54 ядерных реактора. Без атомной энергии экономику страны ждет затяжной кризис, однако, чтобы повторно запустить АЭС, необходимо согласие местных властей на всех уровнях, получить которое после фукусимской катастрофы непросто. Пока правительству страны удалось договориться о запуске в июле 2012 г. только двух реакторов в городе Ои (Асахи симбун. 2011. 11 мая.).

имущество. На окнах у японцев нет металлических решеток, тем более — решеток на последних этажах зданий, что можно увидеть во многих российских городах. Японцы не боятся хулиганов, которые могут избить и даже убить прямо на улице. И поэтому не видят большого смысла в овладении восточными единоборствами — каратэ, дзюдо, айкидо и т. п., хотя и могли бы...

Японец не опасается быть застреленным в подъезде дома, в котором живет, и потому не покупает личное оружие для самообороны. Не опасается он и того, что кто-то взорвет или расстреляет из автоматического оружия его автомобиль. И поэтому японец, как бы он ни был богат, обходится без бронированного лимузина. Россия же, судя по всему, лидирует по закупкам этих машин⁴. Японские родители не переживают из-за того, что их дети поздно возвращаются с занятий из школ или университетов, и не понимают, зачем надо каждый вечер по телевизору ледящим душу голосом диктора напоминать родителям: «А ваши дети дома?!».

Японцы идут в магазин или в аптеку в полной уверенности, что никто и никогда не продаст им просроченные продукты питания или контрафактные лекарства. И японцу просто в голову не придет, что возможна ситуация, когда премьер-министр дает национальному министерству здравоохранения указание «подготовить таблицу химического состава продуктов питания на предмет производства опасного для жизни населения продовольствия». А именно такое указание было дано Д. А. Медведевым в июле 2012 г.⁵

Подобного рода опасения за личную безопасность просто непонятны японцам, кажутся им в высшей мере иррациональными и надуманными, и причин тому несколько.

⁴ Так, весьма впечатляюще выглядят продажи на российском рынке бронированных автомобилей фирмы «Бентли»: реализовав в 2012 г. по всему миру 4 тыс. автомобилей, 2 175 из них, т. е. больше половины, компания продала в России. См.: URL: <http://kurs.ru/news/30800/bentley-mozhet-nachat-vypusk-bronirovannyh-mashin> (access date: 27.06.2013).

⁵ 5 июля 2012 г. премьер-министр РФ Дмитрий Медведев поручил Министерству здравоохранения, Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Российской академии медицинских наук разработать в 2013 г. справочные материалы и издать таблицы химического состава пищевых продуктов, используемых в питании населения РФ. В документе также содержалось поручение министерствам здравоохранения, сельского хозяйства, внутренних дел и Роспотребнадзору подготовить в 2013 г. проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в целях реализации основ государственной политики РФ в области здорового питания населения на период до 2020 г.» (Рос. газ. 2012. 6 июля).

В первую очередь надо остановиться на статистических данных о преступности. В Японии этот показатель — едва ли не самый низкий в мире. По данным министерства юстиции Японии за 2010 г., число убийств на 100 тыс. жителей составило 1,1. В США аналогичный показатель был 5,4, во Франции — 3,1, в Германии — 2,8, в Великобритании — 2,3⁶. В России, по данным UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime), в 2009 г. было совершено 11,2 убийства на 100 тыс. человек, что на порядок больше, чем в Японии. К российской статистике умышленных убийств близки показатели соседей по СНГ (например, в Казахстане в 2009 г. — 10,2 умышленных убийства на 100 тыс. жителей), а превосходили ее почти исключительно африканские страны (например, в ЮАР — 33,8)⁷.

II

В чем причина того, что предмет беспокойства у нас с японцами как бы один и тот же — личная безопасность, но при этом японцы не опасаются тех вещей, которые сегодня являются предметом серьезной озабоченности у многих россиян. На наш взгляд, есть ряд факторов, объясняющих отсутствие многих страхов в повседневной жизни японцев.

Во-первых, японцы, в отличие от нас, совершенно **спокойны за поведение своего окружения**. Они уверены в том, что вокруг них нет и не может быть злоумышленников, способных пойти на преступление против личности, нанести им какой-либо физический ущерб. Эта важная сторона восприятия японцами личной безопасности заложена в сознание многих поколений, она их успокаивает, заглушает чувство каждодневной тревоги и страха. Разумеется, японцы отдают себе отчет в том, что нигде в мире не существует абсолютной безопасности, что безопасность — это процесс, а не результат, что в условиях системного кризиса мирового капитализма некоторых из них могут легко уволить с работы в рамках так называемой оптимизации и рационализации производственного процесса. Но вместе с тем японцы уверены, что им никто не причинит никакого физического или материального ущерба намеренно, и, если будет хотя бы малейшая возможность, для них сохранят рабочие места или их трудоустрают, пусть и с понижением заработной платы.

⁶ Japan 2012. An International Comparison. Tokyo : Keizai Koho Center, 2012. P. 83; *Алауханов Е.* Криминология : учебник. Алматы, 2008. URL: <http://www.allpravo.ru/library.ru/library/doc4204p0/instrum6815/item6823.html> (дата обращения: 27.06.2013).

⁷ См.: UNDOC. International homicide, count and rate per 100,000 population (1995–2011). URL: http://www.undoc.org.Homicide_statistics2012xsl (access date: 27.06.2013).

Во-вторых, японцы с детства воспитываются с пониманием того, что личная безопасность — важнейшая ценность и важнейшая предпосылка достойной жизни человека. С осознанием этой простой истины они, можно сказать, рождаются и умирают. Для большинства из них нет ценности более важной, чем **прожить жизнь достойно**⁸. Нашему обществу, к большому сожалению, в последние десятилетия через СМИ постоянно внушается мысль о том, что достойная жизнь — это только богатая жизнь, подразумевающая огромные доходы, коттеджи, яхты и т. д. То, что достойная жизнь — это прежде всего безопасная жизнь, нам даже никто и не пытается объяснять. Массовое сознание японцев формируется в совершенно иной системе ценностей.

Наконец, в-третьих, в понимании большинства японцев быть в безопасности — это **адекватно воспринимать** риски и угрозы личности. Японцы знают, что переоценивать опасность любых рисков неправильно, потому что переоценка нередко приводит к принятию неправильных мер по укреплению личной безопасности, а в результате опасность может еще больше возрасти. В психологии это явление давно описано и называется *фрейминг-эффектом*: человек, ошибочно завышая степень риска и угроз личной безопасности, сам делает из относительно безопасной ситуации опасную⁹. Японцы в большинстве своем — фаталисты, и поэтому любую опасность они воспринимают достаточно спокойно, философски.

III

Важно также, что в повседневной жизни японцы следуют заложенным в них с детства поведенческим нормам, которые усиливают ощущение безопасности.

Во-первых, многие японцы владеют *фунсо кайкэцу* — искусством урегулирования конфликтов¹⁰. Они не допускают стихийного развития конфликта, а с самого начала стремятся взять его разрешение под контроль. В результате они добиваются того, что обе стороны остаются удовлетворены уступками друг друга, и никто не держит «камня за пазухой». Дело в том, что японцы иначе, нежели европейцы, понимают природу конфликта. Для них конфликт — это несовпадение интересов,

⁸ См. об этом: *Оэ Кэндзабуро*. Многозначностью Японии рождённый. Нобелевская лекция : пер. с англ. // Избранные произведения. М. : Панорама, 1999. С. 376–387.

⁹ The Influence of Message Framing on Intentions to Perform Health Behaviors / A. J. Rothman, P. Salovey, C. Antone, K. Keough, C. D. Martin // Journal of Experimental Social Psychology. 1993. Vol. 29, № 5. P. 408.

¹⁰ См.: *Funso kaiketsu* // Japan : An Illustrated Encyclopedia. Tokyo : Kodansha, 1993. P. 221–222.

которое при желании всегда можно устранить, не доводя до опасной конфронтации. Любая конфронтация, тем более силовая, рассматривается японцами как крайне нежелательная. Поэтому японцы уверены, что любой конфликт можно уладить миром, а значит, не нужно опасаться за свою безопасность.

Какие приемы используют японцы для того, чтобы уладить конфликт мирно? Они разработали целую систему «антиконфликтных» механизмов, например, нередко проводят консультации и переговоры, называемые *нэмаваси* = связывание корней конфликта. В ходе переговоров японцы сглаживают имеющиеся противоречия, умело торгуются ради сбалансирования интересов. Японцы обладают тонкой интуицией, терпением и гибкостью, хорошо владеют искусством посредничества, или медиации¹¹.

В этом вопросе, однако, есть одна тонкость: в переговорах по урегулированию конфликта японцы всегда как бы скованы одной поведенческой нормой: нельзя *потерять лицо*. Это происходит в том случае, если в переговорах японец не идет на уступки. Но среди японцев найдется мало желающих выглядеть упрямыми, несговорчивыми. Поэтому рано или поздно японец пойдет в процессе переговоров на компромисс и не заведет их в тупик.

Для разрешения конфликтов японцы охотно прибегают к услугам медиаторов *дзиданъя*, так называемых *брокеров по компромиссам*¹². В отличие от привычных для нас адвокатов, которые защищают интересы только одной стороны конфликта, дзиданъя в равной степени учитывают интересы противоположной стороны. Фактически они берут на себя роль третейских судей, осуществляющих правоприменительную практику на основе взаимного волеизъявления сторон.

Все это вместе взятое дает японцам немало оснований быть спокойными. Они знают, что даже если и возникнет какой-либо неприятный конфликт, который будет сопровождаться угрозами их личной безопасности, то рано или поздно он будет улажен справедливо для обеих сторон, а не только одной из них. И что в конце все стороны конфликта непременно будут извиняться друг перед другом за причиненные хлопоты. Это очень напоминает поклоны дзюдоистов перед началом схватки, когда противники как бы заранее извиняются друг перед другом за боль, которую причинят. В японской традиции эти извинения двух противоборствующих сторон означают, что сталкивающиеся в конфликте оппоненты в равной степени осознают свою ответственность за его раз-

¹¹ См.: Nemawashi // Ibid. P. 1071.

¹² См.: Jidan // Ibid. P. 682.

вязывание и поэтому выражают обоюдную готовность и заинтересованность пойти на мировую, положив конец возникшему спору.

Ощущение личной безопасности у японцев появляется еще и потому, что на протяжении всей своей жизни они постоянно обращаются к поведенческой норме *гири* (долг)¹³. На первый взгляд, какая связь может быть между безопасностью и исполнением своего долга перед обществом? У японцев эта связь прямая. Долг для японца — это не только «бросаться на вражескую амбразуру» или добровольно пополнять во время войны ряды летчиков-камикадзе, стать «человеком-торпедой» и т. п. В мирной жизни многие японцы видят свой долг перед обществом прежде всего в том, чтобы постоянно демонстрировать свое человеколюбие и доброжелательность по отношению к окружающим. Следование этой поведенческой норме для японца как раз и означает выполнение им своего общественного долга. Высокий уровень сердечности в отношении окружающих нередко приближается у японцев к проявлениям чувства долга, которые существуют в отношениях между родителями и детьми. И поддержание таких приветливых, дружеских отношений в обществе дополнительно укрепляет у каждого японца чувство личной безопасности.

Еще одна причина, по которой японцы ощущают безопасность, — они никогда не забывают о необходимости избегать в своем поведении всего того, что их позорит, от чего может становиться стыдно. Каждый японец с детства осознает, что вести себя недостойно в обществе — это большой позор и стыд. Соблюдение поведенческой нормы *хадзи* (стыд)¹⁴ прямо работает у японцев на укрепление их личной безопасности. Эта норма позволяет каждому японцу быть уверенным в том, что никто вокруг него ничего плохого ему не сделает — не убьет, не ограбит на улице, не обманет в магазине и т. д., так как это в первую очередь опозорит самого злоумышленника.

Мировая цивилизация знает два вида культуры поведения человека в обществе — *культуру вины*, свойственную европейской цивилизации и предполагающую соблюдение норм морали, в сердцевине которых лежат христианские понятия добра и зла; и *культуру стыда* (позора), наиболее ярко выраженную у японцев, в которой человек, совершив плохой поступок, сильно мучится угрызениями совести. Поведение европейца основано на простом переживании совершенного греха; покайся в церкви, человек может рассчитывать на отпущение грехов православным или католическим священником. Японская *культура стыда* обходится без такого посредничества, держится на жестких самогра-

¹³ См.: *Giri and Ninjo* // *Ibid.* P. 456–457.

¹⁴ Об этой норме см.: *Haji* // *Ibid.* P. 490.

ничениях в поведении человека, исключаящих или минимизирующих преступные деяния¹⁵.

Необходимо, правда, заметить, что японцы придерживаются этой поведенческой нормы, только пребывая на территории Японии. Оказавшись за ее пределами, они снимают с себя любые ограничения на совершение плохих поступков. На этот счет в японском языке существует поговорка: *Таби но хадзи ва каки сутэ* = *Находясь в путешествии, забудь о стыде*¹⁶. Хорошо известно, как негуманно, по-варварски поступали солдаты японской императорской армии во время войн, которые вела Япония на территории Китая, Кореи, других стран Восточной и Юго-Восточной Азии с конца XIX в. вплоть до своей капитуляции в 1945 г. Тогда убить китайца — *эту китайскую свинью* — считалось для японца делом доблести. Достаточно вспомнить о резне, устроенной японцами в Нанкине в 1937 г.¹⁷ В то же время, когда японец находится у себя дома, на территории Японии, он всегда согласует свое поведение с конфуцианской догмой, согласно которой, «находясь один на один с самим собой, не забывай, что достойный человек всегда должен вести себя достойно»¹⁸.

Наконец, последнее. Японец ощущает себя в безопасности, четко сознавая, что любое зло рано или поздно будет наказано. Другими словами, он убежден в неотвратимости наказания за плохой поступок и потому десять раз подумает, прежде чем совершить малое или большое преступление. В отличие от Европы или США, где преступника наказывает только закон, в Японии его карает еще и общественное мнение, которое всегда дает ему шанс самому наказать себя, совершив *харакири* или *сэнтуку*. С эпохи Эдо (XVII–XIX вв.) оно рассматривалось в Японии как один из пяти видов наказаний за совершенные преступления. Евро-

¹⁵ Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword, Patterns of Japanese Culture. Boston : Houghton Mifflin, 1946. P. 1–2.

¹⁶ Пословицы и поговорки Японии / сост., пер. Ю. П. Киреев. М. : Москва, 2007.

¹⁷ 9 декабря 1937 г. японские войска захватили Нанкин, столицу Китая, при этом солдаты императорской армии совершали массовые убийства мирного населения с особенной жестокостью. Огнестрельное оружие не применялось, тысячи были заколоты штыками, обезглавлены, сожжены или закопаны живьем, у женщин вспарывали животы и выворачивали внутренности наружу. Убивали маленьких детей. Насиловали, а потом зверски убивали не только взрослых женщин, но и маленьких девочек, а также женщин преклонного возраста. См. об этом: Large S. S. Japanese nationalist extremism, 1921–1941: historical perspective // Nationalism in Japan / ed. by Naoko Shimazu. London ; New York : Routledge, 2006. P. 85–109.

¹⁸ Tatemaе and hone // Japan : An Illustrated Encyclopedia. P. 1531.

пейцам такое поведение и такая мораль всегда казались дикими, противостественными, в японском же обществе они не вызвали осуждения¹⁹.

IV

Подведем итоги. Японцы воспринимают личную безопасность не только и не столько как защищенность от реальной физической угрозы своей жизни и жизни своих близких. Для них не менее важно ощущать психологический комфорт, который ассоциируется у них с возможностью *сохранить лицо*, не быть опозоренным в глазах окружающих.

Японцы могут философски воспринимать любые несчастные случаи, природные катаклизмы, нехватку продовольствия, стесненность жилищ, потерю работы и даже войну. Самым важным для них всегда остается один непререкаемый императив — прожить жизнь достойно, не запятнать свою честь и моральный облик, остаться в памяти окружающих человеком долга и достоинства. И такая мотивация жизненных устремлений прежде всего укрепляет в сознании японцев чувство личной безопасности и психологический комфорт.

В. А. Родионов

Концептуальные представления о национальной безопасности в Монголии в контексте отношений с Россией¹

Термин *безопасность* вошел в монгольский политический лексикон относительно недавно, и история его использования в официальных документах и научных работах насчитывает примерно два последних десятилетия. Однако можно с уверенностью заключить, что проблемы безопасности занимают одно из главных мест в спектре общественно-политических проблем современной Монголии. В стране дважды за постсоциалистический период принимались Концепции национальной безопасности (в 1994 и 2010 гг.), на постоянной основе функционирует Совет национальной безопасности, возглавляемый президентом страны, существуют несколько научных институтов, напрямую изучающих проблемы безопасности.

¹⁹ См. об этом подробнее: Seward J. Hara-Kiri: Japanese Ritual Suicide. Rutland, VT ; Tokyo : Charles E. Tuttle, 1968.

© Родионов В. А., 2013

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «“Возвращение” России в Монголию: модели и сценарии» № 12-23-03002.

I

Исторический опыт Монголии последнего столетия продемонстрировал устойчивую зависимость ее национальной безопасности от внешних факторов, в первую очередь от политики великих держав в этом регионе. Обретение Монголией независимости от Цинского, а затем и республиканского Китая было бы невозможно без поддержки со стороны Российской империи / СССР. Оборонная политика Монголии социалистического периода полностью определялась советско-монгольским военно-политическим союзом, а выражение «СССР — гарант безопасности МНР» не было лишь идеологическим лозунгом той эпохи. Под влиянием этого опыта в сознании монголов безопасность стала ассоциироваться в первую очередь с национальной независимостью².

С распадом СССР и дезинтеграцией социалистической системы монгольская стратегия национальной безопасности трансформировалась. На смену односторонней ориентации Улан-Батора на северного соседа пришла политика, направленная на развитие многосторонних отношений с различными государствами и международными организациями. Данная внешнеполитическая стратегия получила название *многоопорной* (монг. *олон тулгуурт*)³.

Многоопорная внешняя политика означала поддержание добрососедских отношений с географическими соседями — Россией и Китаем, а также выстраивание отношений с так называемым *третьим коллективным соседом*, представленным внерегиональными акторами — США, Японией, Германией и др.⁴ По свидетельству бывшего премьер-министра Монголии С. Баяра, «во время разработки Концепции национальной безопасности в первой половине 1990-х гг. была составлена формула “30:30:40”, которая определяет оптимальное соотношение отношений с РФ, КНР и другими мировыми странами»⁵. Иными словами, в основу многоопорной внешней политики был положен принцип *равноудален-*

² Подробнее об этом см.: Батбаяр Т. Безопасность в языке, политической мысли и религиозной традиции монголов // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. С. Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 33–51; Галиймаа Н. Представления о безопасности монгольских студентов (по материалам опроса студентов Монгольского государственного университета науки и технологии) // Там же. С. 177–190.

³ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Ардын эрх. 17.07.1994.

⁴ Там же.

⁵ Баяр С. О времени и о себе : [интервью] / записал Б. Ганчимэг // Прибайкалье : [сайт]. URL: <http://www.pribaikal.ru/standpoint/article/3469.html>

ности⁶ от основных внешних партнеров страны. Равноудаленность предполагает, что Москва, Пекин и третьи игроки будут уравнивать друг друга в процессе конкурентной борьбы за влияние на Монголию. Тем самым национальная безопасность страны была увязана с желаемым балансом внешних сил.

При этом особое внимание уделялось «обеспечению экономической безопасности, избеганию попадания в чрезмерную экономическую зависимость от какого-нибудь государства»⁷. Акцент на этом аспекте безопасности был определен уникальностью ситуации, сложившейся вокруг Монголии в конце XX в.

На протяжении большей части прошлого столетия борьба великих держав за влияние на Монголию шла с использованием военных методов. Выход Монголии из состава Цинской державы состоялся при прямой (в том числе военной) поддержке Российской империи. Дальнейшие события, имевшие отношение к обретению Монголией независимости и национального суверенитета, также связаны с угрозой применения или применением силы. Это и борьба против китайских оккупантов и войск барона Р. Унгерна, бои с Японией на реке Халхин-Гол, конфронтация с КНР в 60–80-х гг. XX в. Только вывод советских войск из Монголии на рубеже 80–90-х гг. XX в. привел к тому, что страна перестала рассматриваться как арена прямого военного противостояния великих держав.

Важным принципом внешней политики постсоциалистической Монголии является невступление в какие-либо военно-политические блоки, аналогичные ОВД или НАТО. Действующая Конституция Монголии запрещает размещать на территории страны иностранные военные базы (ст. 4, п. 3)⁸, территория Монголии признается пятью ядерными державами свободной от ядерного оружия⁹. Данные изменения стали предпосылкой для формирования принципиально новой международно-

⁶ Хотя в Концепции национальной безопасности Монголии в редакции 1994 г. есть указание на то, что «принцип сбалансированности в отношениях со своими соседями... не означает равноудаленности» (Concept of National Security of Mongolia. Ulaanbaatar, 1999. Р. 9), данный термин, на взгляд автора, точно отражает существо вопроса.

⁷ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Ардын эрх. 17.07.1994.

⁸ Конституция Монголии. URL: <http://constitutions.ru/archives/59> (дата обращения: 20.07.2013); Монгол улсын үндсэн хууль (Конституция Монголии). Улаанбаатар : Хууль зүйн үндэсний төв, 2009. Х. 6.

⁹ Ядерная «пятерка» и Монголия подписали в ООН безъядерные декларации // Монголия сегодня. 2012. 23 сентября.

политической ситуации вокруг Монголии, характеризующейся невоенным соперничеством великих держав за влияние в регионе.

В силу указанных обстоятельств основной акцент в деле обеспечения национальной безопасности был сделан на экономические аспекты. В последние годы особую роль экономической безопасности Монголии определяет тот факт, что современная экономика страны переживает бум, связанный с развитием горнорудной отрасли. Обширные запасы угля, меди, золота, урана и других полезных ископаемых рассматриваются руководством страны в качестве важнейшего источника экономического благосостояния Монголии. Одним из ключевых условий экономического развития страны является вовлечение иностранных компаний в проекты по разработке крупных месторождений полезных ископаемых. Более того, вопрос о сотрудничестве с иностранными компаниями выступает важной составляющей монгольской стратегии внешней политики и национальной безопасности. Конкуренция иностранных компаний на монгольском рынке полезных ископаемых маркирована как геополитическое соперничество великих держав. В комментариях монгольских официальных лиц¹⁰ постоянно звучит тема взаимосвязи географической «замкнутости» страны между Россией и Китаем и проблемы выбора иностранного инвестора для разработки крупных месторождений полезных ископаемых. Большинство крупных иностранных компаний, имеющих свои интересы в горнодобывающем секторе Монголии, либо пользуются поддержкой правительств собственных стран (например, японские «Mitsui» и «Marubeni», американская «Peabody Energy»)¹¹, либо являются государственными (китайские «Shenhua Energy» и «CNNC», российские АО «РЖД» и АО «Атомредметзолото», южнокорейская «Korean resources», французская «Areva»).

Таким образом, баланс внешних сил означает в первую очередь баланс экономических сил. Однако опыт двух последних десятилетий

¹⁰ См.: Интервью «Голосу России» Чрезвычайного и Полномочного посла Монголии в РФ Д. Идэвхтэна. URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/18/64109675.html> (дата обращения: 21.07.2013); Интервью советника премьер-министра Монголии по внешней политике З. Долгоон // Монголия сегодня. 2013. 1 апреля.

¹¹ Так, заместитель министра торговли США С. Кумар в октябре 2011 г. в разговоре с монгольскими коллегами выразил мнение о неизбежности победы в международном тендере на право разработки Таван Толгой американской компании «Energy Resources» (Монголия сегодня. 2011. 30 октября). Программа официального визита в Японию в марте 2012 г. премьер-министра Монголии С. Батболда включила подписание Меморандума взаимопонимания между оператором Таван Толгой государственной компанией «Эрдэнэс Таван Толгой» и японской компанией «Mitsui» (Монголия сегодня. 2012. 13 марта).

ставит под сомнение устойчивость и надежность подобной стратегии обеспечения национальной безопасности.

II

С начала 90-х гг. XX в. Китай стал наращивать свое экономическое влияние в Монголии. В 1999 г. КНР вышла на первое место в списке внешнеэкономических партнеров Монголии, впервые за долгое время опередив Россию. В первое десятилетие XXI в. значение Китая как ключевого внешнеэкономического партнера Монголии только возрастало. Если в 2008 г. доля КНР во внешней торговле Монголии составляла 43,8%, то в 2011 г. — уже 56,7%¹². Для сравнения, доля России в эти же годы — 23 и 15,1% соответственно, доля остальных стран — 33,2 и 28,2% соответственно¹³. В общем объеме иностранных инвестиций в экономику Монголии за 20 лет (с 1991 по 2011 г.) доля Китая составила почти 50%¹⁴.

Китай является фактическим монополистом в сфере монгольского экспорта: львиная доля сельскохозяйственной продукции (козий пух, кожа, шкуры) и продуктов горнорудной промышленности (уголь, медь, золото) закупается китайской стороной — 92,2%¹⁵. Также следует отметить, что за весь постсоциалистический период импорт китайских товаров в Монголии впервые превысил российский импорт. Если еще в 2010 г. объем российского импорта превышал объем китайского примерно на 75 млн долларов, то уже в 2011 г. китайская сторона опередила российскую по этому показателю на 400 млн долларов¹⁶. В результате возрастает как импортная, так и экспортная зависимость Монголии от Китая.

На данный момент существует большая вероятность превращения Монголии в сырьевой придаток Китая вследствие выбранной Пекином стратегии. Китайские компании нацелены на покупку крупных месторождений полезных ископаемых у зарубежных стран с целью дальнейшей добычи и транспортировки сырья для переработки на своей территории. Наиболее предпочтительным вариантом для КНР является прямой доступ к сырьевым активам (природным ресурсам и объектам ин-

¹² Монгол улсын үндэсний статистикийн эмхтгэл 2011 (Сборник национальной статистики Монголии 2011). Улаанбаатар, 2012. X. 264.

¹³ Там же.

¹⁴ Грайворонский В. В. Концепция внешней политики Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 61.

¹⁵ Монгол улсын үндэсний статистикийн эмхтгэл 2011 (Сборник национальной статистики Монголии 2011). Улаанбаатар, 2012. X. 276–277.

¹⁶ Там же. X. 266.

фраструктуры) через получение лицензий на геологическое изучение, разведку и добычу сырья, участие в капитале компаний и др. Подобная практика имеет место в отношениях с Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Россией, Австралией, Ираном, странами Африки. В случае с Монголией данная ситуация сложилась в нефтяной, урановой, угольной отраслях. Китайская «PetroChina» занимается добычей нефти в местности Тамцаг, «CNNC» владеет лицензией на разработку урановых месторождений Гурван-Булаг. Вся продукция данных месторождений в сыром виде отправляется в Китай. Эта тенденция противоречит обозначенной в новой Концепции внешней политики Монголии (2011) задаче полной переработки горнорудного и сельскохозяйственного сырья, выпуска конечной продукции с добавленной стоимостью, производства импортозамещающей продукции¹⁷.

Кроме того, китайская сторона регулярно предоставляет Монголии различные финансовые кредиты, что, по словам директора Института международных отношений Монгольского государственного университета Н. Алтанцэцэг, «позволяет Китаю занять место России в качестве основного патрона в сфере экономической помощи»¹⁸.

Таким образом, Китай за последнее десятилетие превратился в фактического гегемона в экономических отношениях с Монголией, что лишь усилило традиционные, исторически обусловленные страхи монголов перед своим южным соседом. Поэтому экономическая гегемония КНР не может не рассматриваться как вызов экономической безопасности Монголии.

Россия, которая должна была остаться, в теории, одним из трех центров силы, на протяжении всего постсоциалистического периода теряла позиции в экономических отношениях с Монголией. Объемы торговли между двумя странами неизменно снижались — с 1233 млн долларов в 1990 г. до 198 млн долларов в 1999 г.¹⁹ Увеличение товарооборота во второй половине 2000-х гг. оказалось не столь существенным на фоне монголо-китайской торговли. Кроме того, остается узким ассортимент российских товаров, ввозимых в Монголию. В основном

¹⁷ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата обращения: 21.07.2013).

¹⁸ *Altantsetseg N. Russian-Mongolian and Sino-Mongolian Relations since 1990s* // Олон улсын харилцаа (Международные отношения). 2003. № 2. X. 72.

¹⁹ Монгол улсын статистикийн бюллетень (Статистический бюллетень Монголии). Улаанбаатар, 2000. X. 177.

это нефтепродукты, доля которых составляет не менее 60% от всего экспорта России в Монголию²⁰. Узость ассортимента делает российские экономические позиции в Монголии уязвимыми. Гипотетическое сокращение потребности монгольской экономики в нефтепродуктах может существенно уменьшить объемы торговли. Кроме того, в среднесрочной перспективе не исключен вариант, при котором монгольская сторона сможет в значительной степени самостоятельно обеспечить себя нефтепродуктами. Согласно планам монгольского правительства, к 2015 г. в стране должна будет функционировать собственная развитая нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая отрасль, способная полностью удовлетворить потребности национальной экономики²¹. Это, в свою очередь, серьезным образом может сказаться на объемах российского экспорта.

Внерегиональные государства в силу ряда объективных причин (географическая удаленность Монголии, плохое состояние коммуникаций, узкий внутренний рынок) так и не смогли стать стабильными внешнеэкономическими партнерами Монголии, образовать в долгосрочной перспективе третий равноценный полюс влияния в регионе. Как было показано выше, доля третьих стран во внешнеторговом обороте Монголии не только не увеличивается, но и имеет тенденцию к уменьшению.

Также стоит отметить, что большинство западных компаний, заинтересованных исключительно в собственной экономической прибыли, рассматривают в качестве потенциального рынка сбыта продукции горнорудной отрасли только китайский рынок. Например, американская компания «Peabody Energy» создала совместное предприятие с китайской транспортной компанией «Winsway Coking Coal» для добычи монгольского угля и дальнейшей его продажи в Китай. Канадско-австралийский тандем «Ivanhoe Mines» и «Rio Tinto» продукцию медного месторождения Оюу-Толгой также намеревается реализовывать на китайском рынке. Другая канадская компания «Western Prospector Group», владевшая лицензиями на разработку урановых месторождений Гурван-Булаг, предпочла продать свои акции китайской компании. Схожий сю-

²⁰ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Монголией // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20110318_13

²¹ Parliament discusses oil policy, refinery construction // English.news.mn. 2011. December 16. URL: <http://english.news.mn/content/90670.shtml>

жет имел место в случае продажи активов нефтяного месторождения Тамцаг американской компанией «Soko International» китайской компании «PetroChina». По существу, западные компании выступают естественными партнерами и даже экономическими агентами Китая в его политике по замыканию рынка полезных ископаемых Монголии на себе.

III

Таким образом, в 2000-х гг. стало очевидным изменение существовавшего ранее баланса сил. Наметились довольно явная перспектива односторонней привязки Монголии к своему южному соседу. Это противоречит одному из пунктов Концепции внешней политики Монголии (как в редакции 1994 г., так и в новой редакции 2011 г.) об отношениях с крупными, влиятельными государствами мира. В Концепции внешней политики в редакции 2011 г., в частности, сформулировано следующее положение:

Наряду с развитием отношений и сотрудничества с влиятельными глобальными и региональными государствами остерегаться попадания в чрезмерную зависимость или подчиненное положение от какого-либо государства²².

В результате при существующих тенденциях принцип *равноудаленности* в отношениях с основными внешнеполитическими партнерами становится менее оправданным и эффективным, ибо при таком подходе неизбежное преимущество получает китайская сторона.

Слабым местом монгольских представлений о национальной безопасности является устаревшее понимание принципов ее обеспечения. В монгольском языке термин *безопасность* образован из двух слов (*аюулгүй байдал*) и дословно означает «неопасное положение»²³. Концепция национальной безопасности Монголии определяет безопасность как «такое *положение* (курсив наш. — В. Р.), когда обеспечиваются благоприятные внешние и внутренние условия для обслуживания жизненно важных национальных интересов Монголии»²⁴. Тем самым под безопасностью понимается некое положение, взятое вне временных рамок, а значит, лишенное динамического развития. Это отражение статического

²² Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата обращения: 21.07.2013).

²³ Подробный разбор данного термина см.: Батбаяр Т. Указ. соч. С. 34–37.

²⁴ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии). URL: <http://www.mfat.gov.mn> (дата обращения: 21.07.2013).

подхода к пониманию безопасности. Внешний аспект подобного подхода к безопасности выражен в стремлении к сохранению статус-кво в отношениях с основными партнерами.

По-прежнему большое влияние на представления об обеспечении безопасности в Монголии оказывает относительно недавнее историческое прошлое. Нахождение Монголии в течение многих десятилетий в сфере монопольного влияния СССР видится многими монгольскими современными политиками и экспертами как крайняя негативная ситуация, любое отклонение от которой уже позитивно. Иными словами, какое-либо сближение с Россией, геополитическим преемником СССР, рассматривается многими в Монголии как попытка «реставрации социалистического прошлого». Такие представления накладывают ограничения на свободу стратегии монгольской стороны.

Возможно, структура внешнеэкономических связей Монголии начала 90-х гг. вполне оправдывала принцип равноудаленности. Однако с тех пор ситуация значительно изменилась, что требует пересмотра стратегии. В то же время новая редакция Концепции внешней политики 2011 г. практически никак не отразила реально изменившийся баланс сил вокруг Монголии. Принцип равноудаленности по-прежнему рассматривается как важное условие обеспечения безопасности страны. Можно резюмировать, что в процессе выработки основ обеспечения национальной безопасности монгольской стороне не хватает динамического подхода к пониманию природы угроз и вызовов, отсутствуют механизмы оперативного реагирования на изменение баланса внешних сил.

Между тем переосмысление представлений о путях обеспечения национальной безопасности является одной из самых насущных задач для современной Монголии. В том числе необходимо проанализировать возможность усиления экономического сотрудничества с российской стороной, которую нельзя рассматривать как просто одного из внешних партнеров. Именно Россия уже в силу географического соседства объективно является самой заинтересованной стороной в деле удержания Монголии вне сферы монопольного китайского влияния. Экономический подъем в России 2000-х гг., придание ее внешней политике большей сбалансированности и прагматизма стали предпосылками к активизации российско-монгольских отношений.

При этом речь не идет об отказе от принципа многоопорности в монгольской внешней политике. Возрождения политического союза между Россией и Монголией, аналогичного союзу социалистического периода, не предвидится. Можно говорить скорее об изменении монгольской стороной отдельных акцентов в рамках многоопорной политики, привлечении внимания к отношениям с Россией.

Секьюритизация / десекуритизация в современных общественно-политических процессах

Научное знание, в том числе знание социально-гуманитарное, а вместе с ним и общественно-политический дискурс в целом, периодически должны переживать периоды глубинной рефлексии и, по необходимости, самоочищения. Это особенно касается чрезмерно используемых концептов — будь то *демократия*, *модернизация*, *национальные интересы* или *Запад*. Из этого ряда и понятие *безопасность*: с появлением таких концептов, как *энергетическая*, *экологическая*, *продовольственная безопасность*, происходит дальнейшая его экспансия в новые области. С одной стороны, такая диссеминация понятия объяснима даже в условиях окончания «холодной войны». С исчезновением (или временной деактуализацией?) стратегического противостояния Восток — Запад не исчезли собственно угрозы, и они стали еще менее предсказуемы и даже не всегда идентифицируемы. У. Бек считает в этой связи, что современная цивилизация является «обществом риска»¹. Современные международные отношения многие исследователи отказываются определять однозначно и поэтому называют поствестфальскими.

Но говорить, что доминирующие в академических и политических текстах представления о современных угрозах безопасности могут претендовать на объективность, также не приходится. Примером может служить падение интереса к проблематике терроризма, хотя не выяснены причины его возникновения, да и сам феномен никуда не делся. Таким образом, возникающие в кризисных ситуациях представления о безопасности зачастую конъюнктурны и неустойчивы. Фокус восприятия смещается с борьбы с терроризмом как основной *общемировой* угрозы в сторону определения *национальных* приоритетов безопасности. Так, в России чуть ли не основной угрозой безопасности объявляется нарушение международного порядка, «повинны» в котором Соединенные Штаты Америки.

Другой пример из области политической философии дает современная критическая теория (*critical theory*), в рамках которой безопасность оказывается объектом интенсивной деконструкции. Французский философ М. Фуко, рассматривая становление новоевропейского либе-

© Девятков А. В., 2013

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

рального общества, считал, что культ опасности и безопасности был заложен в основу современного общественного механизма:

В XIX веке появляется воспитание опасности, целая культура опасности. Второе следствие либерализма — это, конечно же, невиданное распространение процедур контроля, сдерживания, принуждения, которые составят замену и противовес свобод².

Таким образом, М. Фуко увязывал два процесса: укрепление концепта безопасности с одной стороны и распространение практик контроля (которые составили в итоге то, что он назвал биополитикой) с другой.

Еще более фундаментальную критику концепта *безопасность* предлагает неомарксистское направление критической теории, к которому можно отнести словенского философа С. Жижека. Критикуя преобладающую позицию по отношению к терроризму, который, по его мнению, является бесспорной угрозой человеческой цивилизации, Жижек рассматривает феномен терроризма как зеркальное отражение постполитического тренда. Под *постполитикой* он понимает выхолащивание традиционных демократических институтов и переход власти к закрытым кругам политиков и экспертов. «Разделительная линия проходит теперь не между правыми и левыми, а между глобальным полем “умеренной” постполитики и крайне правой реполитизацией», — пишет Жижек³, представляя терроризм оборотной стороной современного мирового порядка, симптомом его глубинного кризиса, который должен побудить цивилизацию к серьезной рефлексии.

Практическую версию анализа безопасности предложила в теории международных отношений копенгагенская школа в лице О. Вэвера и Б. Бузана, разработавших теорию секьюритизации. Под последней они понимают процесс превращения общественных ценностей, экономических и культурных феноменов в объекты безопасности, результатом чего является выработка политическими элитами чрезвычайных мер (*emergency measures*), применяемых против соответствующих угроз автоматически, без дополнительных обсуждений. Политический момент здесь состоит именно в выведении тех или иных чрезвычайных мер из пространства общественно-политических дискуссий, которые теоретики копенгагенской школы и считают «нормальной политикой» (*normal politics*). При этом если угрозы — это конструируемые в публичном пространстве *вербальные* феномены, то чрезвычайные меры — полити-

² Фуко М. Рождение биополитики. СПб. : Наука, 2010. С. 90.

³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 151–152.

ческие *реалии*, непосредственно воздействующие на общество. Отвечая на вопрос, зачем политические элиты инициируют секьюритизацию, Вэвер и Бузан отвечают: «Власти предрасположены всегда пытаются использовать секьюритизацию того или иного вопроса как инструмент, чтобы получить контроль над ним»⁴.

Еще одним важным методологическим механизмом в рамках данной теории является разграничение «волн секьюритизации» (*securitization waves*) и собственно секьюритизации. Волны появляются тогда, когда те или иные субъекты пытаются проблематизировать какой-либо вопрос, но о секьюритизации можно говорить, лишь когда произошло закрепление на институциональном уровне рамок для применения чрезвычайных мер, или акт секьюритизации (*securitization act*).

При этом сторонники критических теорий вовсе не отрицают наличия вызовов и угроз, как транснациональных, так и существующих для одних государств вследствие политики других. Их цель — показать конститутивный характер дискуссий о безопасности, которые происходят в процессе борьбы за право *дискурсивной гегемонии*⁵, а проще говоря — за власть.

Конституирующий характер борьбы за определение безопасности можно показать на примере современных дебатов о том, как страны Европейского союза должны реагировать на финансовый кризис. Если Германия настаивает фактически на углублении интеграции, призывая к созданию механизмов банковского и налогового контроля в рамках всего Евросоюза, то в Великобритании уже на уровне правительства обсуждается выход страны из ЕС⁶. Актуальным остается и вопрос о том, насколько открытым должен быть ЕС в отношении внешнего мира. Вследствие нелегальной миграции и других глобальных вызовов многие склоняются к идее о том, что ЕС должен быть «крепостью» и не должен экспериментировать с дальнейшим расширением ключевых режимов (евро, Шенген).

Примеры секьюритизации можно привести и из российской практики. Наиболее ярко логика секьюритизации проявилась в России в период максимизации угрозы терроризма в первый срок президентства

⁴ Waever O. Securitization and desecuritization // On Security / ed. by Ronnie Lipschutz. New York : Columbia Univ. Press, 1995. P. 46–86.

⁵ См.: Laclau E., Muff C. Hegemony and Social Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 2001.

⁶ Например, об этом неоднократно заявлял премьер-министр Д. Кэмерон. См.: URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstoppers/eureferendum/10154942/David-Cameron-must-show-he-is-serious-about-Britain-leaving-the-EU.html> (access date: 01.10.2013).

В. Путина и в начале второго. Политическое руководство получило от акта секьюритизации двойную выгоду. В международном плане удалось встроить образ чеченского сепаратиста в дискурс о глобальном терроризме и переломить тем самым восприятие на Западе Чечни как региона, страдающего от неправомерного со стороны Москвы применения военной силы. Очень быстро вмешательство стран ЕС и США во «внутренние дела» союзника по борьбе с терроризмом сошли на нет. Во внутривнутриполитическом плане бесланская трагедия была использована для изменения порядка избрания губернаторов, то есть коренной перемены в федеративном устройстве государства.

В 1999 г., непосредственно перед началом бомбардировки Югославии, Б. Клинтон среди ключевых мотивов военной операции называл, помимо гуманитарных, заинтересованность США в том, чтобы подтвердить статус НАТО как ключевого элемента системы международной безопасности⁷. Конечно, гуманитарные принципы оставались важной референтной базой для подобных рассуждений, но именно Косово призвано было стать той международной проблемой, на которой тестировалась способность Североатлантического альянса регулировать крупные военно-политические кризисы.

Тем не менее неверно было бы утверждать, что у секьюритизации всегда есть какие-то материальные мотивы, которыми руководствуются ее инициаторы. Идеи, дискурсивные факторы могут играть не менее, если не более значимую роль. В этой связи необходимо еще раз вспомнить М. Фуко, который утверждал, что власть дисперсна и носит конституирующий характер⁸. То есть не только политические акторы, но и сама аудитория, на которую направлены акты секьюритизации, способна проявлять к ним высокую степень чувствительности. Предпочтения аудитории могут быть при этом недолговечными, но даже их вполне хватает для относительной легитимации принимаемых политических решений. По данным Левада-Центра, около 80% опрошенных россиян сочли наказание для группы Pussy Riot адекватным либо даже недостаточным⁹.

Таким образом, процессы секьюритизации, инициируемые как по воле политических элит, так и в угоду текущему «большинству» (или

⁷ Statement on Kosovo (March 24, 1999). URL: <http://millercenter.org/president/speeches/detail/3932> (access date: 01.10.2013).

⁸ См.: Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / под общ. ред. В. П. Большакова. М. : Праксис, 2006.

⁹ Наказание участникам группы Pussy Riot треть россиян сочла адекватным. URL: <http://www.levada.ru/02-10-2012/nakazanie-uchastnitsam-gruppy-pussy-riot-tret-rossiyan-sochla-adekvatnym> (дата обращения: 01.10.2013).

под влиянием и тех, и других), способны приводить к сужению поля общественной свободы. На примере современной России это видно очень отчетливо. Например, происходит постепенное образование цепочки эквивалентов: террорист — экстремист — белоленточник — педофил — гомосексуалист — безбожник — иностранный агент, и все эти понятия оказываются приравненными друг к другу в статусе очевидной угрозы интересам российского общества. На данный момент на разных уровнях и в различных формах, прежде всего через федеральные и региональные законы, институционализированы чрезвычайные меры, связанные с этими угрозами. Воссоздаются фактически те условия, когда любая деятельность, противоречащая интересам политической элиты или отдельным, даже маргинальным ее группам, может быть встроена в упомянутую цепочку эквивалентности. Опасения в этой связи вызывает, например, создание общероссийской сети родительских комитетов, применяющих такие расширительные трактовки безопасности против сил, «разлагающих общественные устои».

Однако теория секьюритизации обладает не только эвристическим, но и эмансипирующим потенциалом. Она несет определенную нормативную нагрузку, допуская возвращение к «нормальной политике», или десекуритизацию¹⁰. Таким образом, вопрос о том, что считать принадлежащим к сфере безопасности, а что нет, становится не просто пунктом дискуссии, но и предметом политической борьбы.

Если говорить о российской действительности, то одним из примеров десекуритизации может считаться восстановление губернаторских выборов после общественных выступлений 2011–2012 гг. За регионами снова было признано право политического выбора, а выборы глав регионов перестали считаться вызовом территориальной целостности страны. Тем не менее в процедуру выборов под предлогом необходимости не допустить во власть криминал и прочего были введены различные фильтры. Они обозначили те бастионы секьюритизации, которые не пали после схлынувшей волны выступлений, и ориентацию политического руководства на консервацию существующего режима.

Итак, общество должно очень внимательно относиться к обсуждению тех или иных угроз и вовремя раскрывать относительный характер политически мотивированной секьюритизации. Только так можно найти баланс между реальностью, в которой существуют множественные угрозы, и адекватным ее пониманием, являющимся также одним из гарантов сохранения общественных свобод.

¹⁰ См. в этой связи: C.A.S.E. Collective. Critical approaches to Security in Europe: A networked manifesto // Security Dialogue. 2006. № 37. P. 455.

Пространство и (без)опасность: онтологические модели взаимодействия

Пространство в широком антропологическом контексте представляет собой непосредственную опасность, а его освоение означает в том числе добычу, добывание, присвоение безопасности. *Безопасность* в истории человеческих обществ / сообществ всегда вторична по отношению к пространству и/или опасности.

Состояние «без опасности» включается, как правило, в «огороженном» пространстве, снабженном защитными средствами — стеной, забором, стражниками, телохранителями, костром, рекой, горами, государственной границей, «ядерным щитом» или «зонтиком». Физические средства защиты дополняются метафизическими: особыми стратегиями коммуникации или способами отказа от таковой, внутренними когнитивными / ментальными стратегиями, направленными в пределе на отделение образа пространства от образа опасности¹. Идеальное, или абсолютное освоение пространства в данном случае — другой вариант решения проблемы, не онтологический, а трансцендентальный.

В упрощенном виде можно выделить две базовые онтологические модели взаимодействия пространства и безопасности: 1) условная «позитивная» модель, когда пространство делается максимально безопасным, в пределе — полностью безопасным, опасность как исходное онтологическое качество элиминируется; 2) условная «негативная» модель, когда пространство воображается максимально опасным, отождествляется с опасностью как таковой, пространство безопасности отсутствует (например, территория интенсивных военных действий, пространство радиационного заражения, концлагерь и т. д.). В обоих случаях предполагается, что физическое или психофизиологическое пространство является онтологической основой для дальнейшего представления безопасности².

© Замятин Д. Н.

¹ Особенно интересен в этой связи может быть религиозный мистический опыт, например, монахов-пустынников в ранней христианской традиции (*борьба с бесами*), см.: *Святитель Афанасий Великий. Житие преподобного отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающим в чужих странах* // Святитель Афанасий Великий. Избранные творения. М.: Храм святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке, 2006. С. 3–55; *Авва Евагрий Понтийский. О помыслах*. М.: Сибирская благовонница, 2011.

² Ср.: *Вригт Г. Х. фон. Психофизическое взаимодействие и замкнутость физического миропорядка* // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концепту-

Метагеографический подход и феномен: контексты понимания

На наш взгляд, можно применить в данном случае и другой подход: назовем его в первом приближении *метагеографическим*. Суть данного подхода заключается в воображении пространства как имманентной естественной среды человеческого обитания, в которой отдельный человек и/или сообщество пребывает, живет, развивается, движется, трансформируется «с помощью» пространства или же пространством (человек есть, пользуясь аналогией с известным выражением Аристотеля, «пространственное животное»³). Иными словами, пространство человека может быть («бытийствовать») ни как сугубо внешнее, ни как исключительно внутреннее («ментальное»). В этом случае как опасность, так и безопасность оказываются не формально-логическими и содержательными следствиями того или иного освоения и воображения пространства, но онтологией *опространствления*: пространство преобразуется в новое пространство посредством актуализации опасности или безопасности.

С нашей точки зрения, метагеографический феномен представляет собой достаточно свободно наблюдаемую и идентифицируемую систему пространственных воображений, развивающих, практически одновременно (имеется в виду историческая одновременность в ее, возможно, и эсхатологическом варианте), одну и ту же содержательную тему, выходящую за пределы традиционных, укорененных в данной культуре метафизических интерпретаций⁴. Важно подчеркнуть, что эта система «завязана» и на то место / пространство, в котором она развивается (иначе говоря, конкретное место является неперменным, обязательным условием ее развития), и на принципиальную пространственную воображаемость самой себя (пространственное воображение «в квадрате»), что и создает внешний когнитивный эффект феноменальной метагеографичности — очевидного и как бы даже «немыслимого» выхода за

альные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2003. С. 11–18.

³ Об онтологических различиях между животным и человеком в отношении среды и пространства см.: *Хайдеггер М.* Цолликоновские семинары. Вильнюс : Европ. гуманит. ун-т, 2012. С. 326; *Агамбен Дж.* Открытое. Человек и животное. М. : РГГУ, 2012; *Elden S.* Heidegger's Animals // *Continental Philosophy Review*. 2006. Vol. 39. P. 273–291.

⁴ См.: *Замятин Д. Н.* Метагеографические оси Евразии // Политические исследования. 2010. № 4. С. 22–48; *Его же.* Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск : Сибирский фед. ун-т, 2010. С. 7–27.

пределы наблюдения обычных географических феноменов (например, извержение вулкана, экологически грязное производство на берегу уникального озера, сценки из жизни «мирового города», типичная сельская пастораль, политическая демонстрация, бытовая сцена в конкретном ландшафте, зрелище природной или техногенной катастрофы и т. д. — причем мы знаем, точно или приблизительно, место происходящего события). Таким образом, метагеографический феномен может восприниматься, с одной стороны, как своего рода «голография места», его «неслыханное» воображаемое расширение и, наряду с этим, «закрытие» традиционно наблюдаемой («репрезентативной») в социологических терминах) местной, локальной действительности / реальности; с другой стороны — как онтологическое «нечто», в рамках которого процедуры любой локализации конкретного события обретают статус «пространственно неопределенных» или «недоопределенных»⁵.

Опасность и пространственные трансформации

Как происходят подобные пространственные трансформации? Актуализация опасности означает, что прежнее, привычное пространство должно сжаться, уменьшиться, ограничить само себя. При этом вначале включаются соответствующие стратегии воображения, в рамках которых планируется и осуществляется своего рода пространственная мобилизация. Пространство как бы густеет, уплотняется, становится более анизотропным и, с внешней точки зрения, более структурным (как «скелет»). Вместе с тем оно становится также более домашним, *сверхдомашним*, его освоенность кажется даже чрезмерной; любое место оказывается почти что «здесь», рядом. Процесс всякого размещения превращается в цепочку единственно правильных решений и действий. Ошибка в размещении может оказаться тогда прямой аннигиляцией, уничтожением пространства как непосредственной онтологии жизни.

В свою очередь, актуализация безопасности ведет к расширению пространства, его «расплыванию», большей неоформленности с точки зрения условного внешнего наблюдателя. Пространство становится менее однородным, может почти распадаться на разнородные фрагменты, автономия входящих в него образований может достигать максимума. Естественно, что степень его непосредственной доместикации, освоенности может падать, связность и анизотропность также могут уменьшаться. В пределе оказывается, что максимально безопасное пространство, расширенное настолько, насколько это возможно, способно стать

⁵ Ср.: *Тавареш Р.* Небольшая книга о великом землетрясении. Очерк 1755 года. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009.

источником и проводником появления, эскалации и развития новой опасности⁶. Процедуры любого размещения в таком пространстве становятся довольно сложными, разветвленными и неоднозначными с точки зрения принятия оптимальных решений; всякое действие может вести к нелинейной динамике событий, захватывающих всё новые и новые участки; возможности жесткого планирования в подобной среде резко ограничиваются.

Надлом империи как метагеографический феномен

Рассмотрим в качестве примера концепт *надлом империи*, часто используемый при культурно-антропологическом и историко-политологическом анализе динамики империй⁷. В сущности, уже в своем первообразе надлом империи есть, несомненно, метагеографический феномен. Не всегда обязательно выявлять это сразу, но понимание подобного феноменологического обстоятельства может облегчить переход к различным методологическим и сциентистским интерпретациям — на уровне определенных исторических ситуаций.

Суть надлома империи (мы не конкретизируем, какой империи, полагая это понятие здесь как условно онтологическое — что непривычно, но возможно), на наш взгляд, состоит в осознании, как коллективном, групповом, так и индивидуальном, ее пространственной ограниченности, а следовательно, идеологической и эсхатологической ущербности. Речь тут должна идти не только и не столько о некоем материальном, военно-политическом, экономическом надломе, сколько об идеологической «усталости», отмечающей все возможные и невозможные планы имперского расширения. При этом может даже продолжаться по инерции некоторое исторически ограниченное время политическая, военная, экономическая экспансия империи, однако уже идет, развивается «умирание» имперского географического воображения; распадается, собственно говоря, имперская метагеографическая конструкция, в рамках которой имперское пространство мыслится как фактически

⁶ Ср.: Performing security: The imaginative geographies of current US strategy / L. Bialasiewicz, D. Campbell, S. Elden, S. Graham, A. Jeffrey & A. J. Williams // Political Geography. 2007. Vol. 26. P. 357–382.

⁷ Ср.: *Эйзенштадт III*. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А. В. Гордона под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999; *Филлипов А. Ф.* Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 89–120.

бесконечное и единственно «правильное» бытие⁸. Мы сознательно не касаемся здесь проблематики сакрализации имперского пространства, являющейся естественной частью данной метагеографической конструкции, ограничиваясь исключительно ее «эссенциалистскими» аспектами. Другими словами, нас интересует следующий вопрос: *каким образом происходит надлом империи, осмысляемый как метагеографический феномен?* Вопрос этот не представляется нам достаточно простым, поскольку если начинают рушиться имперские метагеографические конструкции, то начинают изменяться, трансформироваться те условия, благодаря которым и может быть выявлен пресловутый надлом империи — в его «химической» чистоте и ограниченности.

Итак, сопрягая понятия надлома империи и метагеографического феномена, мы обнаруживаем, что воображение имперского пространства становится как бы психологически неуверенным, скорее интровертным, чем экстравертным, а само это пространство не представляется более четко оформленным, хорошо структурированным, правильно «разграфленным». Мы можем сказать даже, что такое пространство перестает быть «заземленным», оно становится как бы излишне, избыточно метагеографическим, тяготея к «подвешенным», «реющим», «зависшим» образам — образам, сильно оторвавшимся от некоей земной действительности, но в то же время теряющим опору и в некоей небесной ориентированности или скоординированности. Сакральная целостность империи расплзается, ее пространство оказывается как бы распоротым; из этой распоротой пространственной «подушки» высыпаются бесчисленные «пустые» места, своего рода метагеографический «пух». Не пытаясь далее наращивать количество образов, описывающих данную когнитивную ситуацию, отметим: *надлом империи в метагеографическом ключе есть тотальная потеря любых мест как пространственных событий — место перестает быть бытием пространства-здесь и пространства-для-себя.*

«Живое тело» пространства

Так или иначе, необходимо понять, как могут быть «мотивированы» волны опасности и безопасности, если вообразить пространство

⁸ Весьма ограниченным в этом контексте нам представляется «картезианско-позитивистский» подход к анализу имперских циклов упадка и возрождения. См., например: *Мотыль А.* Пути империй : Упадок, крах и возрождение имперских государств. М. : Московская школа политических исследований, 2004.

живым телом⁹. Онтологическая телесность происхождения пространственного воображения не подлежит сомнению, однако уместен следующий вопрос: может ли непосредственная пространственность любого тела рассматриваться как очевидное основание для онтологического отождествления пространства и тела?

На наш взгляд, ключевая проблема онтологии пространственности — в ментальном и когнитивном разрыве между восприятием и воображением¹⁰. Воспринимаемое пространство не может быть воображаемым непосредственно; необходимо какое-либо когнитивное опосредование. Это не означает, что воображение определенного (наблюдаемого) пространства не зависит от непосредственного восприятия. Суть дела состоит в том, что пространственное воображение должно так или иначе быть дистанцированным от восприятия; данный процесс требует соответствующих когнитивных инструментов¹¹. Иначе говоря, тело нуждается в воображении пространства как опосредовании самого себя¹², однако это воображение натывается в своих попытках на невозможность представления характеристик конкретного восприятия вне психофизиологических границ своего «тела-хозяина».

В процессе пространственного воображения тело как бы перешагивает свои границы, оно продлевает, растягивает, расширяет себя посредством различного рода машин, механизмов, автоматов, физических и ментальных действий¹³. Мы намеренно смешиваем здесь физику и метафизику опространствления тела — с тем, чтобы более отчетливо, выпукло понять процессы пульсирования опасности / безопасности. Жизнь в ее развитии предполагает всевозможные телесные и одновременно пространственные расширения — это условие ее существования¹⁴. Подобные расширения означают практически постоянный, перман-

⁹ Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. С. 67, 132–145, 272–284, 300, 304, 312–315.

¹⁰ Ср.: Пирс Ч. С. Избранные произведения. М. : Логос, 2000. С. 140–161.

¹¹ Ср.: Ницше Ф. Воля к власти : Опыт переоценки всех ценностей. М. : REFL-book, 1994. С. 228–232.

¹² Ханси Ж.-Л. Corpus. М. : Ad marginem, 1999.

¹³ См.: Вульф К. Антропология : История, культура, философия. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 115–132; Флюссер В. О проецировании // Хора. 2009. № 3/4 (9/10). С. 65–76; Кампер Д. Тело, знание, голос и след // Хора. 2009. № 1 (7). С. 33–41; Его же. Тела-абстракции. Антропологический четырехугольник: тело, поверхность, линия и точка // Хора. 2010. № 1/2 (11/12). С. 47–56.

¹⁴ Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М. : Логос, 2002.

нентный переход границ¹⁵. Нормальная жизнь заключается, таким образом, в непрекращающемся воспроизводстве пограничных состояний, событий и экзистенций¹⁶.

На новом витке мы возвращаемся к той же мысли: если в жизни заложен постоянный переход границ, то первичным состоянием, изначальным бытием оказывается опасность, присутствующая фактически во всяком пространственном расширении. Безопасность в таком контексте может рассматриваться как своего рода когнитивный мониторинг пространством самого себя в ходе последовательных операций физического / метафизического расширения. Здесь очевиден и достаточно тривиальный «диалектический» вывод, гласящий, что достижение безопасности любого уровня возможно только в присутствии самой опасности; иначе говоря, надо жить в опасности, чтобы думать о безопасности и стремиться к ней.

Медиатизация безопасности

Мы можем говорить далее о несомненной симультанности развития процессов воображения опасности и безопасности. На наш взгляд, какое-либо нарастание опасности сопровождается практически одновременно усилением тревоги, повторяющимся требованием увеличить уровень безопасности. Это, по сути, слишком механицистское объяснение может быть дополнено или заменено другим описанием, базирующимся на пространственно-онтологических представлениях.

Всякий телесный опыт медиативен, является медиативным в феноменологическом отношении¹⁷. Это означает, что живое тело, действуя, расширяясь, опространствляясь, мыслит внешнее по отношению к нему пространство как (пока) другое тело¹⁸. Естественно, что *другое тело* также стремится к расширению. Процесс оказывается двуединым и мыслится как результат и постоянное продолжение двусторонних и многосторонних пространственных интерференций. Своеобразное удвоение тела, происходящее в силу ментального и физического расширения, уже включает («предвосхищает») как бы впитывание, впускание

¹⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 82–95.

¹⁶ Ср.: Jackson J. B. Landscape in Sight : Looking at America / ed. by H. L. Horowitz. New Haven and London : Yale Univ. Press, 1997. P. 19–31.

¹⁷ См. также: Вульф К. Антропология : История, культура, философия. С. 194–215.

¹⁸ Ср.: Гуссерль Э. Картезианские размышления. М. : Академический проект, 2010. С. 150–160.

в себя чужого пространства / тела. Медиация тела — процесс опасного воспроизводства безопасности.

В ходе исторического развития человеческих сообществ возникают различного рода культурные имитации и воспроизведения медиативно-телесного опыта¹⁹. Коль скоро, по Павлу Флоренскому, культуру можно интерпретировать как способ освоения пространства²⁰, то процедуры ментального дистанцирования, формирующиеся в любой культуре, создают специфические медиативные пространства, призванные как описывать границы опасности / безопасности, так и служить последовательному расширению самого понимания подобных границ. Естественно, что в данном случае мы расширяем и саму современную трактовку медиасредств, характерных для массовых обществ²¹. В нашей интерпретации медиативные пространства различных культур и цивилизаций включают в себя все возможные способы (индивидуальные, групповые, массовые) трансляции устоявшихся, традиционных телесных опытов и практик, которые могут работать, функционировать, развиваться как двусторонние («диалогичные») и/или многосторонние («полилогичные») мембраны.

Продолжающаяся и нарастающая в настоящее время интенсивная медиатизация модернизированных и модернизируемых обществ означает безусловное доминирование медиативных пространств, которые «предлагают себя» в качестве наиболее удобных и комфортных «заместителей» любых изначальных представлений, образов, репрезентаций мест и территорий, принадлежащих каким-либо личностям или же определенным социокультурным группам. Вместе с тем медиативные (медиальные) пространственные образы могут также представлять, реализовываться, наконец, проживаться и как онтологические, т. е. как незаменимые, необходимые и органически присущие²². Иначе говоря, экзистенциальный характер проживания и переживания любых пространственных репрезентаций оказывается также воспроизводим на массовом уровне. Соответственно, пространственная экзистенциальность любого события, его онтологическая ландшафтность становится медиативным

¹⁹ Ср.: Бурдье П. Практический смысл. СПб. : Алетей, 2001. С. 135–143, 179–184.

²⁰ Флоренский П. А. Абсолютность пространственности // Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. С. 274–296; *Его же*. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Там же. С. 81–259.

²¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005; Дебре Р. Введение в медиологию. М. : Праксис, 2009.

²² Слотердайк П. Сферы. Микросферологии. СПб. : Наука, 2010. Т. 3 : Пена.

пространством всякий раз, как только требуемая репрезентация или географический образ получают необходимые технологические параметры для операции введения в постоянно расширяемое коммуникативное поле. Процедуры медиатизации оказываются необходимыми для капитализации географических образов, а наряду с этим и для очередного удвоения пространства, становящегося практически бесконечным.

Медиаембраны: когнитивное «оборудование» телесного пространства

Чужой опыт всегда небезопасен, но зачастую привлекателен. Медиативные мембраны, действующие в рамках культуры / культур, по сути дела, опространствляют *другое тело*²³. Они производят своего рода ментальное картографирование инокультурных практик, как бы раскладывая их по предварительно заготавливаемым ячейкам. Естественно, что эти ячейки могут иногда «не подойти», иногда их просто может не оказаться²⁴. Подобные медиаембраны постоянно меняют свою форму, приспособляясь к очередному опыту перехода культурных / телесных границ. Мы можем сказать, что они, как бы предполагая возможную нехватку когнитивных ячеек, обладают имагинальным (образным) потенциалом расширения.

Другими словами, всякое пространство, существующее в культуре и культурой, является потенциальным метаописанием самого себя²⁵; оно как бы имеет онтологический «запас», размещаясь всякий раз в самом себе. Именно эта способность пространства и создаёт онтологическую коллизию и одновременно дихотомию опасности и безопасности. Мы как бы стремимся выпрыгнуть из собственного тела, поглядеть на себя со стороны. Попытки таких «прыжков» как раз и означают появление пространства опасности. Происходящий параллельно с этим процесс аккультурации и медиации фиксируется как постоянный поиск безопасного пространства.

Если попробовать эту первичную модель перенести по аналогии, например, в сферу исследования международных процессов, то проблема международной безопасности может быть сформулирована как опас-

²³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч.; Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999.

²⁴ Ср.: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М. : Русский мир, 2006.

²⁵ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1 : Общество и сферы смысла. М. : Прогресс, 1991. С. 194–219.

ное расхождение пространственных представлений, и пространственных воображений в частности, у локальных политических / международных акторов²⁶. Это расхождение может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от потенциальных и действительных возможностей медиативных пространств, «обслуживающих» международные отношения. Геополитические воображения отдельных международных акторов являются в данном случае одной из когнитивных проекций фундаментального пространственно-онтологического политического опыта и соответствующих политических практик. В определенном смысле *международная безопасность есть медианпространство тотального языка границы*.

Сопространственность и опасность

Своего рода онтологической страховкой в «рискованных» взаимодействиях пространства и безопасности может быть понятие сопространственности²⁷. В этом случае опыт всякого пространственного расширения может мыслиться как заранее данное (заранее воображенное) проникновение пространства в самоё себя: пространство удваивается как бы автоматически, служа самому себе «зеркалом». Чужое становится своим через заранее продуманное дополнительное воображение самого себя. Безопасность мыслится здесь как возможный пространственный опыт сосуществования различных опасностей; четко очерченная и понятая сопространственность опасностей означает последовательное воображение безопасности.

Интерпретация образа сопространственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времен, развивающихся словно внутри отдельных воображаемых пространств — будь то пространство западной или буддийской цивилизации, пространство межкультурного лимитрофа — например, Кавказа, — или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться совершенно различными точками / координатами

²⁶ Structure of Decision. The Cognitive Maps of Political Elites / ed. R. Axelrod. N. J., Princeton, 1976; *Замятин Д. Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.

²⁷ *Замятин Д. Н.* Образный империализм // Политические исследования. 2008. № 5. С. 45–55; *Его же*. Новые онтологии пространства: пространственность, сопространственность и геоспациализм // Человек. 2011. № 6; *Его же*. Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3; *Его же*. Гуманитарная география и архитектура: в поисках сопространственности // Обсерватория культуры. 2012. № 1.

традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться — как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топомом для ментального или социокультурного окончания проекта модерна²⁸ и также — для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося не на *со-временность*, но на *со-пространственность*. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая соппространственность западной и исламской цивилизаций показывают всю *антисовременность*, *несовременность* или *асовременность* взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.

Если взять пример из области международной безопасности (анализа международных процессов), то опасность международного конфликта (дву- или многостороннего) может рассматриваться как дефицит (недостаток) опыта соппространственности. Потенциально или реально конфликтующие стороны (политические акторы) мыслят себя чаще всего как бы изъятыми из внешней по отношению к ним пространственной «ткани», в которой размещается и анализируется сам конфликт. Между тем практически любой конфликт разворачивается сразу в нескольких плоскостях, в нескольких пространствах, и основная проблема его разрешения состоит в совмещении этих пока не мыслимых и не воображенных *со-в-местными* пространств²⁹. Соппространственность в непосредственном анализе международных процессов означает последовательное размещение возможных совместностей конфликтующих (или шире — взаимодействующих) политических акторов.

Таким образом, проблема безопасности оказывается проблемой оппространствления самого пространства, в ходе которого могут воспроизводиться, осуществляться, быть вещественные или олицетворённые совместности. Конкретное место может быть как бы больше самого себя, если в нем становится возможной соппространственность; место становится *в-место* себя — этот, по сути, онтологический процесс регулирует жизнь в ее постоянном и неизменно изменяемом отождествлении / растожествлении³⁰. Опасность может быть отождествлена с безопасностью, если совместность понята как растожествление пространства.

²⁸ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.

²⁹ Ср.: Международные отношения: социологические подходы / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Гардарики, 1998. С. 266–307; Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М. : Водолей, 2009.

³⁰ Ср.: Гуссерль Э. Картезианские размышления. М. : Академический проект, 2010. С. 178–180; Свасьян К. Растожествления. М. : Evidentis, 2006.

Сопространственность замещает предчувствуемую опасность, отождествляя ее с местом нечаемой безопасности.

Геономика безопасности: опасность и безопасность пространственных представлений

Здесь можно вспомнить о геономике, интерпретирующей пространство, пространственное воображение и, в частности, географические образы как универсальную транзакцию в рамках человеческой деятельности³¹. Пространство может скрывать опасность, а может и открывать ее. Безопасность может укрыться в пространстве, а может раскрыться пространством. Так или иначе, географические образы могут демонстрировать, представлять нам, вербально или визуально, различные виды и типы опасности и безопасности.

Но и сам географический образ (той или иной местности, территории или страны) может быть опасным или безопасным — или же представляться таковым. Иначе говоря, манипулирования и операции с разными пространственными представлениями (географическими образами, локальными мифами, территориальными идентичностями, культурными ландшафтами³²) могут быть или пониматься как соответствующие операции с образами опасности / безопасности. Следовательно, геономика безопасности может исследовать специфику различных пространственных представлений как определенных транзакций в сфере безопасности как таковой или безопасности жизнедеятельности в широком смысле.

Например, совмещение порой очень далеких пространственных представлений может вести к неожиданным амбивалентным эффектам с точки зрения оценки тех или иных видов безопасности и рассматриваться как уникальная пространственная транзакция. По-видимому, систематически повторяющиеся последовательности пространственных транзакций могут рассматриваться как устойчивые опыты сопространственности. Исходя из этого, безопасность в процессуальном смысле можно трактовать и как целенаправленную деятельность по репрезентациям сопространственности.

³¹ *Замятин Д. Н.* Геономика: пространство как образ и транзакция // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 5. С. 17–19; *Его же*. Пространство как образ и транзакция: к становлению геономики // *Политические исследования*. 2007. № 1. С. 168–184.

³² *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие гуманитарных наук // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–51.

Сопространственность и пограничные идентичности

Всякие репрезентации сопространственности связаны с формированием пограничных идентичностей³³. Уже по своему определению пограничные идентичности являются, безусловно, опасными. Однако эта опасность в онтологическом смысле может рассматриваться как необходимая с точки зрения поиска более высоких уровней безопасности. Пограничная идентичность — опыт «впускания в себя», сознательного или бессознательного, разных пространств, создающих или способствующих созданию сосуществующих географических образов, как бы несовместимых в первом приближении (с позиций традиционного сознания и традиционного пространственного опыта)³⁴. Кажущаяся несовместимость пограничных географических образов оказывается, на наш взгляд, метагеографической совместимостью, когда несопоставимые первоначально пространства, «разбегающиеся», «отворачивающиеся» друг от друга пространства размещаются в своего рода *допространстве*, *предпространстве* или *протопространстве*, онтологически предполагающем совместимость несовместимого. Можно сказать и по-другому: сопространственность пограничных идентичностей сопровождается постоянными построениями *постпространства*, находящегося в процессе бесконечных трансформаций собственного размещения. В любом случае прагматический вывод здесь заключается в следующем: надежная безопасность достижима, как правило, посредством значимого опыта формирования пограничных идентичностей.

Пантопия: онтологический контроль над опасностью

В границе как таковой часто заключается опасность. Вместе с тем всякая граница связана с процедурами разграничения, целью которого является безопасность сторон, в нем участвующих. Обычно мы пробуем

³³ Библиография по этой теме огромна и постоянно увеличивается. Укажем лишь две основополагающие антропологические работы, важные в контексте нашего исследования: *Тёрнер В.* Символ и ритуал. М. : Наука, 1983; *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / под ред. Ф. Барта. М. : Новое издательство, 2006.

³⁴ См. также: *Замятин Д. Н.* Сопространственность и идентичность // Мир психологии. 2012. № 1. С. 104–123; *Его же.* Сопространственность и территориальные идентичности в политическом проекте Модерна // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. Т. 2 : Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. / [отв. ред. И. С. Семененко.]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 430–450.

мыслить границу как пространство изначально амбивалентное и в то же время четко определенное (даже «размытые», нечеткие границы предполагают всё же некое «пограничное» чувство перехода: только что ты был *здесь*, и вот уже — *там*³⁵). Наряду с этим границу следует мыслить и как раскрытость, как специфическое онтологическое нелинейное расширение пространственного опыта, которое можно назвать *пантопией*³⁶.

В нашем понимании *пантопия* — экстренное сосредоточение, сгущение, концентрация пространственного опыта, заключающаяся в формировании метаобраза, который можно обозначить как *место пространства*. С точки зрения классического пространственного воображения пантопия может трактоваться как своего рода универсальное место, собирающее, втягивающее в себя все возможные *здесь-и-сейчас-пространства*.

В контексте проблемы безопасности это означает, что пантопия обеспечивает онтологический контроль над всякой опасностью, имеющей какое-либо пространственное выражение. Понятно, что мышление границы как пантопии оказывается в любой момент времени лишь возможностью, которая может быть реализована с той или иной степенью вероятности. Существенно, тем не менее, отметить: условием пантопии, в свою очередь, является достижение мощного, сильного, взрывного представления («вспышки», «озарения») о пограничной опасности, *границе-как-тотальной-опасности*.

Жертва пространства:

сакрализация тела и онтологическая опасность жизни

Онтологическая истина любого пространства — уходить, протягиваться, расширяться от самого себя, вне самого себя, вдоль самого себя; онтологически пространство всегда покинуто и уже оставлено — хотя и в самом себе, но в самом себе уже прошлом, хотя бы и представ-

³⁵ Ср.: Юнгер Ф. Г. Язык и мышление. СПб. : Наука, 2005. С. 104–151. О понятии границы в традиционных славянских культурах: Толстой И. Н. Граница // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. И. Н. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 537–540.

³⁶ Эти термин и понятия пока используются в сравнительно узком контексте в рамках филологических исследований художественных произведений, относимых к жанру утопии (см., например: Шадурский М. И. Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Минск, 2008). Здесь мы пытаемся концептуально и содержательно расширить данное понятие в целях более адекватного описания и анализа онтологических моделей пространственного воображения.

ленным, вообращенным также пространственно. Отсюда проистекает феноменологическая возможность создавать, порождать образы мест прошлого, которые находятся, собственно, уже вовсе не там — те места, сами по себе, уже не существуют, но не в силу «неумолимости времени», а просто по причине естественного растекания, перемещения, трансформации самого образа места, воссоздаваемого творцом (творцами, или демиургами).

Постоянная пограничная опасность может быть описана метафизически как результат, следствие осуществляемого движения. Коль скоро экзистенциалом границы является возможность ее перехода (иначе она не может быть границей в онтологическом смысле), то всякое движение — физическое, метафизическое, ментальное — может рассматриваться как тотальное перемещение безопасности, «неминуемо» оказывающееся опасным. Пересекать границу онтологически опасно, но достижение большей (максимальной) безопасности связано, так или иначе, с трансграничным движением. Эффект пантопии можно интерпретировать в этом случае как точку онтологической бифуркации — она есть одновременно и точка невозврата, и точка возврата — движение здесь оказывается направленным как бы в обе стороны, по ту и эту сторону границы. Тем самым и граница становится *опасным телом безопасности*.

Мы подходим к главному пункту нашего исследования. Тело — живое тело — может быть олицетворенным образом, или *местом безопасности*. На другом полюсе — тело мертвое или же иногда вещь — они олицетворяют *место опасности*. В самом тривиальном смысле движение к жизни обозначает безопасность и, наоборот, движение к смерти маркирует усиление опасности³⁷. Однако эта банальная семиотическая конструкция в ходе своего опространствления становится метаобразом: пространство, сужаясь или расширяясь, обеспечивает соппространственные пограничные опыты опасности / безопасности. Тело, обозначая себя тем или иным пространством («называя»), может испытывать, «претерпевать» опасность и безопасность в тех или иных модальностях³⁸.

Но самое главное, по-видимому, заключается в следующем: опасность всякий раз движима телом, опространствляющим себя, как бы насиливающим себя пространством; в известном смысле, тело — это жертва пространства. В ходе своего движения тело «сакрализует» пространство

³⁷ Ср.: Коллеж социологии. СПб. : Наука, 2004; Батай Ж. «Проклятая часть» : Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет ; Изд-во КДУ, 2011.

³⁸ Мосс М. Социальные функции священного. СПб. : Евразия, 2000; Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М. : ОГИ, 2003.

самим собой, жертвуя себя своей собственной безопасностью. Иначе говоря, безопасность онтологически есть тотальное сакральное пространство, неподвижное, застывшее тело которого размещено жертвой смертельно опасного пограничного движения. Онтология жизни заключается в опасности ее возникновения как саморазмещающей и саморазмещающейся пространственности, движимой образом телесной безопасности.

Marilisa Lorusso

Collective security: its values and paradoxes

The duty of the State to protect, i.e. to provide private and public security, derives from the right to life. The latter is universally recognized as a human right and codified, although with some variants, in all constitutions. Security is guaranteed through a legal framework with specific provisions for all institutions concerned, from Ministries of Defence and Internal Affairs, to specific state agencies.

As a value, the single and the collective perceptions of what security means are quite different. While the citizen is usually fully aware of what being safe means for himself or herself in everyday life and, in more general terms, for the quality of his/her living, the collective concept of security and its societal value may evolve.

In periods of transition or social instability, the demand for security increases and the state is pressed to be more proactive. As a bitter aftertaste, the extra-supply of security may result in a decrease of the quality of some personal rights or security requisites (e.g. respect of privacy, freedom of movement, right to a fair trial and assumption of innocence).

The collective perception of security is also interlinked with societal identities. In describing the “us” group, the communities try to identify a “them” group, which is sometimes turned into an internal or external enemy. When the “them” group shares the territory and its resources with dominant or titular group, a public security concern about the activities or the threat coming from the “internal enemy” may erode the mutual confidence and eventually become a thorny question of public order. Such a case may be one example of self-realizing expectations, with security concerns eventually spiralling up — indeed — into a security issue.

Security between dilemmas and paradoxes

Security is a topic which embeds dilemmas and paradoxes. Even more this is the case of the perception of security, which, to a certain extent, seems disconnected from actual crime rates.

Security and “feeling safe” are basic assets every country is supposed to provide to each and every citizen. And this poses the very first dilemmas: are personal and collective securities always compatible? And is — in a globalised world — the state the proper provider of security?

The two dilemmas are generally untied pragmatically. A person settled on a territory is well aware of the fact that his/her security is dependent on the collective security. As a rule a person knows s/he is safe in a secure environment. So the personal security is interlinked with the collective security.

So strong is this persuasion that the average citizen will be flexible in having his/her security and rights partially limited in the interest of common ones.

The evidences of the latter process can be traced, on one hand, in what happened during the last decade, since “war on terror” has been declared. In the name of common security rather arbitrary restrictions on single persons’ rights and security were imposed. Although this issue has been largely debated, a popular outcry of its inadmissibility is missing, which proves that the paradigm “nobody is safe in an unsafe environment” is working. It works at all levels: the war on terror has an international dimension, but also on national level it puts the same mechanisms to work.

On the other hand, countries which experienced periods of instability, turmoil, fragmentations or the like tend to foresee, in their constitutions, specific provisions about possible restriction of citizens’ rights (among them, right to security) to protect the State from any internal or external threat. Very often such provisions are not accompanied by a detailed list of strict requisites to be met, or by additional provisions for punitive measures in case of abuse. The imposition of restrictions, although exceptional, is left to the discretion of the executive power, which may abuse them for its own political purposes. And although such a risk exists, seldom has this matter become a source of public concern. Again, security first, at all costs.

Georgia may serve as good example. Like many countries in transition, Georgia has experienced civil war, social and political unrest, territorial fragmentation. As a consequence, its citizens may deem less frightening to be subjected to limitations of their singular rights or security — lest not to go back to the dark years they lived through in the past. Albeit it is indeed foreseen that the rights institutionalized by the Georgian constitution can be restricted only in accordance with law, the formulations of the articles 22, 24,

41 which deal with security in case of emergency remain vague and do not contemplate a retaliatory provision in case of misuse by the government¹.

Transitional countries are interesting because some of them keep recent memories of insecurity. Moreover, as the perception of newly gained security has not stabilized yet, they may feel threatened by the continuously changing world to a larger extent than countries with a long-lasting record of stability.

Security perception and global progress

We live in a global, ever changing world. Progress is everywhere and its benefits are not only welcomed but desired. Our societies are the most egalitarian, educated, healthy and rich — generally speaking — we have memory of. Despite the fact that reality is often disappointing, compared to our expectations in terms of egalitarian justice, gender equality, social mobility, meritocracy, still — if we compare how our communities, let's say, used to live 100 years ago (rights, assets and possibilities) — we should recognize that we live in a better world. We should believe in progress, because it's under our eyes.

But do we?

Changing implies losing something. And without a positive vision of where progress is leading to, fears often prevail over enthusiasm. Conservative attitudes, dictated by the feeling of sailing without aim or direction in a permanently turbulent open sea, are encouraged by the change of general framework.

Let's consider the nation state. Our identity and our safety are anchored to our state. As we grow more and more aware that our states are not in complete control of their policies, their finance and of external threats, we feel at a loss. Supra-national organizations are out of reach and many of them do not bear social responsibilities. The latter fall almost completely on the shoulders of the nation states, whose powers are *de jure* and *de facto* declining. The welfare state is shaking, privatization is sneaking among the provision of public goods, and the worldwide competition and lack of mutual support between alienated working classes reduce the bargain power of workers. Social securities are at stake. Economically, socially and culturally, nowadays progress proves to be as bright as painful.

¹ Constitution of Republic of Georgia : official English version // Georgian Parliament : web site. URL: http://www.parliament.ge/files/68_1944_951190_CONSTIT_27_12.06.pdf (access date: 16.09. 2012). As for the arbitrary use of the state of emergency in Georgia, see Europarlament Resolution, P6_TA(2007)0572, 29 Nov. 2007. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=//EP//TEXT+TA+P6-TA-2007-0572+0+DOC+XML+V0//EN> (access date: 27.09.2012).

As Federico Olivieri in his analysis of the cost of the “brand new world” rightly stated “the increasing influence of financial issues on the global economy enables the stock exchange, and other speculative mechanisms, which are flying higher than the real economy, to be used to boost profits and consumption. The risk of financial crisis is thus extending worldwide... and savers face an increasingly worrying lack of transparency in the management of their money”².

Olivieri continues, with the strong support on Bourdieu³ and Bauman⁴, that the “state of precarity is everywhere” in contemporary society.

The deregulation of the labour market, increasing flexibility in the organisation of work, reductions in the public welfare budget, the disputed viability of the pensions system and the commercialisation of public goods and services all help to create a critical situation of rising inequalities and poverty.

...Markets tend to take a monopoly of social rules and regulations, the risks of a capitalist economy undergoing restructuring worldwide are both amplified and accepted as the natural, and therefore inevitable, price to be paid for sustaining growth, leaving aside any concern for a fair sharing of wealth. Furthermore, as the structurally social origin of these costs becomes less obvious, their management is decreasingly perceived as a political issue of justice and collective responsibility. Far from being actively highlighted by all of society’s players as a threat to the legitimacy of democratic institutions and to confidence in the economic system, the resulting insecurity is instead privatized, and even thrown back onto individuals and their personal resources⁵.

Albeit our perception of insecurity, against the background of these ongoing processes, seems to have sound bases, rarely is our socioeconomic precariousness debated when the public sense of insecurity is discussed. Public attention and outrage are focused on other phenomena. As a consequence, major financial crimes are largely tolerated when they do not enjoy the full complicity from social and professional elites, as if they were a natural part of the economic framework. Of course they are not, and their perpetrators bear enormous responsibility for the business climate of a country for these crimes’ social impact. Paradoxically, such a destabilizing issue as financial crimes leaves the floor, in the news, to single episodes of violence which,

² *Olivieri F.* Introduction // Trends in Social Cohesion. Vol. 10 : Security through social cohesion. Proposals for a new socioeconomic governance. Strasbourg Council of Europe Pub., 2004. P. 20.

³ *Bourdieu P.* Contre-feux. Propos pour servir à la résistance contre l’invasion néo-libérale. Paris : Raisons d’agir, 1998.

⁴ *Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge : Polity Press, 2000; *Idem.* The Individualised Society. Cambridge : Polity Press, 2001.

⁵ *Olivieri F.* Op. cit. P. 17, 16.

although hideous, affect the lesser number of citizens and which are generally sporadic.

The paradox of the “us and them”

Shamsail Saraliyev, of United Russia, has called for refraining from any mentions of nationality in the mass media. Chechnya's former minister for external relations, the nationalities policy, the press and information argues that this provokes ethnic conflicts: “In the media one can read and hear every day: Two Chechens kill Russian, Armenian attacks Russian. Why putting the emphasis on nationality?” he complains. Saraliyev says such headlines “make people angry and provoke more conflicts”⁶.

The remark by the Russian politician is well-grounded: in the common sense of the citizens of receiving countries, migrants have become the prime source of criminality. In a word, immigration, internal migration and crime are sensed almost as synonymous.

Indeed, prisons are filled with migrants, and the labour market is altered by the availability of people who are willing to work illegally. The entire rule of law system suffers from the hidden circulation of “dead souls”. Against this background of widespread illegality, which, by the way, immigrants feed, but seldom contribute to, the “dead souls” are targeted as the perpetrators of crimes — including the most horrible ones: violence against persons, rape, and abduction of minors. In fact, if we look at the hard data, a different picture would emerge: migrants are up to three times more likely to be victims of violence⁷. Due to the fact that they might have migrated illegally, rarely do they report to police. Due to victims' clandestine condition, official data may describe a situation in much rosier terms.

The media have a huge responsibility for the criminalization of immigration *per se*. As Michel Marcus put it, “the media are not interested in the fact we are more likely to suffer violence from our relatives than from strangers. The promoters of prevention policies, that multitude of actions with extraordinary positive effects, are pushed into the shadows of non-communication. The arguments that can put the objective gravity of the phenomenon into perspective are perceived as a betrayal of the victims and a sign of “softness” on the part of people who enjoy social situations that protect them from danger... The authors of only certain kinds of offences are

⁶ Cited from: *Alexandrova L.* Nationalism is becoming Russia's ever more acute problem // ITAR-TASS. 2012. August 16. URL: <http://www.itar-tass.com/en/c154/497816.html> (access date: 18.09.2012).

⁷ *Marcus M.* Security and democracy under pressure of violence. Strasbourg Council of Europe Pub., 2003. P. 24.

haunted and it is a particular category of the population that is targeted, namely the homeless, immigrants and young people”⁸.

Ethnic origin cannot be either a source of discrimination or a source of excuse: in the interest of both migrants and receiving communities, legality should be “ethnically neutral”. No mystification about the good honest “us” threatened by the “genetically vicious them” can be present in a modern country that portrays equality and rule of law as its governing principles⁹.

If this is a diamantine truth, the question of migration becomes more complex on the level of cultural relations. Indeed, migration itself is, first of all, a demographic phenomenon. But as we all live in nation states where a language, a (usually dominant) religion and values are supposed to be common, the arrival of members of other communities may be felt as destabilizing. The issue is huge, and there’s a huge literature on it. As far as security is concerned, just one thing should be considered: an assumption that ours are just monolithic cultures spread uniformly on the territory may not mirror the reality, and it may undermine the territorial integrity of our countries, no matter if the “them community” is a new one, or historically rooted in a area. Being pointed as criminal just because of the ethic / cultural affiliation may lead a community to secede from the titular state, for fear of repression and revenge, or just because of a breach of the implicit contract. The provision of this written / unwritten mutual respect and peaceful cohabitation, its parties are rulers and ruled, and/or the different cultural components of the state.

This refers to the regional level of the state. But there’s a creeping spatial segregation: in the cities, districts, ghettos and luxury sites accentuate social inequalities. While people coming from ghettos will face discrimination and will enjoy less chance of social redemption¹⁰, others live in protected, fenced sites. This makes blatantly visible a potentially destabilizing social cleavage, ostensibly a product more of a vulgar display of status symbol than of a sound need for protection. Even aristocrats, in pre-contemporary society, lived their lives integrated in the city centers. Moreover, these fenced sites rely on a sort of private security, which is somehow beyond the control of the appropriate state agencies. Privatization of security is a business

⁸ Ibid. P. 26–27.

⁹ See: Trends in social cohesion. Vol. 19 : Reconciling migrants’ well-being and the public interest. Welfare state, firms and citizenship in transition. Strasbourg Council of Europe Pub., 2008; Vol. 11 : Security through social cohesion: deconstructing fear (of others) by going beyond stereotypes. Strasbourg Council of Europe Pub., 2005.

¹⁰ See: Trends in social cohesion. Vol. 9 : Youth and exclusion in disadvantaged urban areas: policy approaches in six European cities. Strasbourg Council of Europe Pub., 2004.

with high commercial potential, but it should be watched closely by the state authorities: it goes in the direction of inequality in the provision of security to their citizens and it may further fuel an atmosphere of socioeconomic confrontation. It is again *us versus them*, based not on ethnicities but on classes. And it is a kind of confrontation widely and deeply experienced in the past, at least in Europe, where it proved to be a harsh one, able to mine not only the economic system, but social and political structures.

The paradox of security versus crime

It is a fact: the average citizen feels threatened by the simple view of a group of “potentially violent people” (youngsters, immigrants, addicted), no matter what their attitude or behaviour is. A group of immigrants may find a new meeting point around a club, and immediately locals start complaining that there are “some bad faces” around. Though no actual accident may take place, the club itself becomes off limits, if not the whole of street, at least at night. Anxiety governs our behaviour.

As mentioned before, there are scary developments in our system, but not necessary in the number of crimes. Statistics change a lot from country to country, and within the same country, sometimes from year to year. But before panicking in front of high numbers, we should consider what crimes we are comparing. Generally speaking, murder rates, for example, seem to be quite stable. Some crimes were not even considered as such some decades ago: domestic violence, violence in workplace or at school, stalking. Moreover, “petty acts previously perceived as breaches of customary codes... are now coming into the category of violence”¹¹. For this “new generation of violations” of rule of law, we are not fully prepared, especially in terms of prevention. A family dispute which turns violent falls under the responsibility of police, if not of military police in countries where the activities of the ministry of interior and of defence are not well divided. Social services, which should have a wide spectrum of activities, from prevention to pacification in workplace, families, institutions, problematic districts, are not really promoted. “Little by little, police and judicial authorities are called upon to deal with this type of incident and enjoyed even more curtly to take action. It is useless to point out that, without mentioning the increased workload such cases represent, these institutions are not equipped to intervene in such matters, and what is more, may have negative effect on their outcome”¹².

¹¹ Ibid. P. 20.

¹² Ibid.

There are sometimes violent environments where no crime has taken place, yet. Such environments should be systematically targeted with *ad hoc* programs which would address minor violations of customary law without having to refer to police. Security can be restored without having to resort to repression. Alienation is not a crime, but it is a source of insecurity, for people who come across it. Still, where no serious offences took place, it's senseless to solve sociological or psychological problems with trials and jails.

We should be able to assess the level of insecurity. But we cannot — as long as sensationalism prevails in the public debate on security. This hysteria mixes up in our minds things which have nothing in common: a foreign labourer who works in the neighbourhood with a radical terrorist who operates miles away, if not on the other side of the planet.

As stated above, each and every topic has to be discussed independently and, whenever there indeed are connections, the simple cases have to be analyzed in detail. In some cases societies lack a collective memory of some previous phases of their history which share some aspects of what they are undergoing now. In fact, our societies are not experiencing something entirely new: periods of crisis, increasing poverty, migration... almost every century had its own share of these phenomena. Only the scale is different now, due to the development of technology. But the processes are the same.

Sensationalism and the assumption that “nothing alike has ever happened before” doesn't help to think and behave rationally, to be able to discern a security concern from a crime, and a perception of insecurity from a sound threat.

The paradox of emergencies

The life of a society knows different phases. There are fluctuations of security levels due to economic crises, political changes, cultural developments, external influences, single episodes that trigger public outrage. A stable society is able to cope with all phases and many more without falling into emergency situations. On the other side, the abovementioned sensationalism turns (in the public opinion) an isolated episode, or a few ones, into an emergency. If this depends mostly on the media and on the tense nerves of an anxious public opinion, what is sometimes puzzling is the reaction of the political leadership. Politics has many functions: to rule, to legislate, to implement policies, to administer state resources, to represent the country at the international level, just to quote some of them. It also performs social functions: it should help to defuse social tension, to provide an inclusive and balance picture of the society, to mitigate excesses. Somehow, however old-fashioned it may sound, it should be an example of wisdom and good sense.

As mentioned above in the discussion of privatization, security is a huge business, but not only economically. Voters are very sensible to the issue of security, and many politicians manipulate single episodes for short-term political gains. This is a slippery slope.

Not only do such behaviours encourage hysterical reactions, but in the long term de-legitimize the state institutions themselves. First of all, turning a single episode into a supposedly growing trend shows how the state is unable to settle and control security issues. Secondly “emergency measures”, e.g. the deployment of special forces, endorse the impression that the state agencies are performing badly, that they are easily overcome by any other personnel deployed in the last minute. This is scaring and destabilizing for citizens who wonder in what hands their lives are, and at the same time is depressing for the staff of law enforcement agencies, who feel humiliated and betrayed by the state they serve.

Perhaps it makes much more sense to react to an emotionally charged demand for security by informing society about the next steps in upgrading the performance of the already existing state agencies, and by giving voice to their spokespersons, if they have ones. Actually it is a position that should be created, to avoid antagonism in the law enforcement bodies, and to ensure the flow of information, the regular relations with the press, and the transparency of the operations of the law enforcement bodies.

On the other hand, the temptation right now is to follow a very strong model that comes from a peculiar system, the American one, which faces completely different challenges from those of other countries: the super-cop.

“The tendency is for the cultural model of police officers to be organised around serious crime and imitate the American super-cop with all the latest gadgets and weapons: being someone committed to the fight against crime and especially serious crime, operating (posture, identity checks, arrests, and so forth) as if it were always a matter of the most serious type of case, treating run-of-the-mill incidents as if they were exceptional and every investigation as the investigation of the century. This is an attitude of war and struggle rather than one of crime management, prevention and reduction. The escalation in the arming of European police forces is disproportionate to the threats the police actually have to tackle. The special equipment some police units have is tending to become a norm common to all police forces. Budgets for equipment are soaring. We are far from a more accessible police force, an unarmed, preventive force based on information derived from social dialogue”¹³.

¹³ Ibid. P. 46.

In the end, does this glorification of firepower, of a professional who resembles more a soldier than a cop help us to feel safe? How does the presence of machine gun on our city sidewalks make us feel? Do we feel themselves safer or, rather, in the state of war?

Perhaps a policeman who performs his task professionally, without having to resort to bullish behaviour, but who is able to assess risks, act proportionally and appropriately, who looks experienced and in full control, respectful and still firm, reassures much more than a machine gun. The super-cop — as it is well displayed in Hollywood movies — is just able to be more violent than other violent perpetrators of crime. He is not someone able to prevent violence. And that is the last and more astonishing paradox: while we all fear violence, we see it promoted as a positive value, a sign of heroism in most movies and television programs.

Conclusions

Let me repeat something what was said previously. Hysteria and schizophrenia are not good foundations to build an appropriate perception of violence on. Any measure adopted to ensure security and to promote its perception should be based on a sound assessment. They shouldn't be led by irrationality or by a wave of popular rage fomented by the media, who do not always behave as socially responsible agents.

Although there is an increasing number of activities which the state has been slowly weakening its monopoly or exclusive sovereignty on, security so far is largely under its control. This makes its role in shaping security strategies decisive in ensuring stability and social cohesion. In fact, in periods of transition or social instability, the demand for security increases and the state is pressed to be more proactive. As bitter aftertaste, the extra-supply of security may result in a decrease of the quality of some personal rights or security requisites, e.g. respect of privacy, freedom of movement, right to a fair trial and presumption of innocence.

Besides the personal rights, some pillars of statehood, such as the integrity of the state, can be threatened or challenged by an overreaction by the state to a misinterpreted demand. The typical case is secessionism, as the collective perception of security is also interlinked with societal identities. In describing the “us” group, the communities try to identify a “them” group, which is sometimes turned into an internal or external enemy. When the “them” group shares the territory and its resources with dominant or titular group, a public security concern about the activities or the threat coming from the “internal enemy” may erode the mutual confidence and eventually become a thorny question of public order. Such a case may be one example of security concerns eventually spiralling up into a security issue.

Постфактический мир и международная безопасность в начале XXI в.

В современных исследованиях, — как и в университетском преподавании в области международных отношений, — проблемы безопасности занимают одно из ведущих мест¹. При этом исследовательские акценты смещаются с военных аспектов безопасности на невоенные, с межгосударственных отношений — на действия негосударственных акторов, с войн и конфликтов — на проблемы повседневной жизни и, наконец, с институтов и структур — на человека. Обозначились актуальные проблемы международной и глобальной безопасности, которые определяются не только реалиями текущего состояния мира, но и приоритетами исследователей, принадлежащих к различным школам и направлениям.

Дуализм самого понятия *безопасность*, в котором сочетаются как *состояние «без опасности»*, так и *представление о нем*, выражается, в частности, в том, как авторами понимаются и трактуются проблемы субъектов безопасности и их возможности принимать эффективные решения по ее обеспечению.

Проблема субъекта и информации

Для целей нашей работы мы воспользовались в качестве отправной точки многофакторной концепцией человеческой безопасности (*human security*) Р. Инглхарта и П. Норрис². К выделенным ими индивидуальному, коммунитарному и национальному уровням человеческой безопасности мы, следуя подходу Д. Чэндлера³, добавили международный и глобальный (на последнем, по Чэндлеру, субъект безопасности еще находится в стадии формирования).

© Полювянный Д. И., 2013

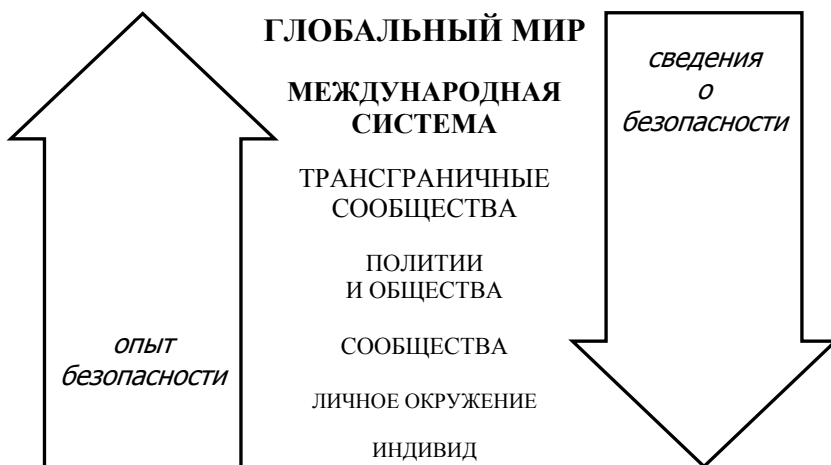
¹ TRIP Around the World: Teaching, Research, and Policy Views of International Relations Faculty in 20 Countries / ed. by D. Maliniak, S. Peterson, M. J. Tierney. Teaching, Research, and International Policy (TRIP) Project / The Institute for the Theory and Practice of International Relations. The College of William and Mary. Williamsburg, VA, 2012. P. 28–29.

² Inglehart R. F., Norris P. The Four Horsemen of Apocalypse: Understanding Human Security // Scandinavian Political Studies. 2012. Vol. 35, № 1. P. 73, 79–87.

³ Chandler D. Hollow Hegemony : Rethinking Global Politics, Power and Resistance. London : Pluto, 2009.

По нашему мнению, в каждом из выделенных уровней проблема субъекта безопасности решается в контексте остальных, т. е. обеспечение безопасности представляется многоуровневым, а ее субъект — сложным. Так, к субъектам безопасности индивида, помимо него самого, относятся все, с кем или с чем он взаимодействует: личное окружение; этнические, культурные и религиозные сообщества, в которые входят индивид и его окружение; социум и политика, которым они принадлежат; транснациональные сообщества; международная система; наконец, непрерывно глобализирующийся мир.

Безопасность сообщества, социума, политике не может быть достигнута без обеспечения безопасности как отдельных людей и их ближайшего окружения, так и стоящих над ними субъектов. Проблема, однако, заключается в том, что непосредственный личный опыт индивида и его близкого окружения в сфере безопасности чаще всего ограничен, а на более высоких уровнях, где аккумулируется более значительный опыт, он опосредован научными, экспертными, медийными, идеологическим и прочими интерпретациями. На уровнях социума, политике, транснациональных / трансграничных сообществ, международной и глобальной систем сведения о состоянии безопасности фактически формируются информационной средой, и в связи с постоянно возникающими новыми вызовами роль данной среды возрастает. Эти взаимодействия можно выразить следующей схемой.

Таким образом, субъектность безопасности, на наш взгляд, тесно связана с субъективными представлениями о безопасности, формируемыми на каждом из уровней. Разработанная Инглхартom и Норрис

эвристическая модель, где риски разделены по уровням, а представления о безопасности отражены слитно, позволяет представить эту систему во всех аспектах.

В этой модели непосредственный опыт взаимодействия с разноуровневыми рисками уравниен с медийным и эпистемологическим восприятием рисков как для национального и транснациональных уровней, так и для уровней сообществ и индивидуумов с их ближайшим окружением⁴. Между тем сложившаяся к началу XX в. глобальная информационная среда существенно отличается от своего аналога двадцатилетней давности.

Система международных отношений, на ранних этапах развития сводившаяся к взаимодействию равноправных суверенных государств и их союзов, после Второй мировой войны постепенно пополнялась новыми акторами, а после окончания «холодной войны» была дополнена международным порядком, созданным усилиями США и западного сообщества либеральных демократий. Укрепление новых международных акторов и диверсификация их типов привели к выстраиванию этого

⁴ Inglehart R. F., Norris P. Op. cit. P. 78.

порядка по модели так называемой *институциональной гетерархии*; ее составляют «сообщества, религии, ассоциации по интересам, эпистемические сообщества, компании, государства и межгосударственные организации, социальные движения, региональные органы и транснациональные или глобальные сети разного рода»⁵. Параллельно институциональной гетерархии сложилась *инфосфера* — открытая транснациональная информационная среда, наполняемая разнообразными источниками, которые представляют весь спектр международных акторов — от глобальных до индивидуальных. Инфосфера является общей для всех уровней / измерений безопасности, и именно из нее субъекты безопасности черпают существенно дополняющие их опыт сведения об угрозах, вызовах и рисках.

Термин *постфактический*, которым мы уже в названии статьи обозначили описанное выше состояние современного мира, принадлежит журналисту из США Фархаду Манджу. Рэндалл Швеллер, считая современный однополярный мир движущимся к многополярности, применил выводы, сделанные Манджу в книге «Достаточно правдиво: обучаясь жизни в постфактическом мире»⁶, к анализу современных проблем мировой безопасности. Вслед за Манджу Швеллер подчеркнул, что «в конечном счете инфосфера ведет к размыванию как национального, так и международного нарративов и к утверждению в общественном и индивидуальном сознании идиосинкразических и искаженных версий реальности»⁷. Автор «Теории мировой безопасности» Кен Бут, назвав современность *временем безрассудства* (*season of unreason*), счел его содержанием «распространение религиозного фанатизма, политического экстремизма, тенденций к геноциду, терроризма, жестокости и ненависти»⁸. Инфосфера формирует свой вклад в *season of unreason*: решения в области безопасности как на уровне глобального мира или международной системы с ее акторами, так и на уровнях индивида, его личного окружения и сообществ, в которые тот включен, принимаются, во-первых, на основе избыточной, неопределенной и необъективной информации и, во-вторых, в сужающемся поле рациональности, ограничения которой множатся и возрастают.

⁵ Khagram S. Possible Future Architectures of Global Governance: A Transnational Perspective // Global Governance. 2006. Vol. 12. № 1. P. 97–117.

⁶ Manjoo F. True enough: learning to live in a post-fact world. Hoboken, NJ : Wiley, 2008.

⁷ Schweller R. Entropy and the trajectory of world politics: why polarity has become less meaningful // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, № 1. P. 152.

⁸ Booth K. Theory of World Security. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 419.

Далее в настоящей работе мы, во-первых, попытаемся детализировать и уточнить содержание понятия *постфактический мир* применительно к проблемам международной безопасности, во-вторых, приведем ряд показательных, на наш взгляд, примеров вклада отдельных международных акторов в его дальнейшее становление. Пополняя инфосферу информацией, неадекватной текущему состоянию различных уровней глобального мира, такие акторы формируют далекие от действительности представления об угрозах, рисках и вызовах и тем самым приводят постфактический мир к состоянию *глобальной небезопасности*. Если Чэндлер видел причину последней в отсутствии на глобальном уровне субъекта безопасности⁹, то мы дополняем этот вывод наблюдением об отсутствии релевантной информации, на основании которой такой субъект, если бы он существовал, мог бы принимать решения в области глобальной безопасности.

Виртуализация мировой политики: мир Расёмона

В наши дни виртуальные составляющие мирополитических процессов уже не сводятся к первичным последствиям глобальной информационной революции, на которые в свое время указывали Маршалл Маклюэн и Квентин Фиоре¹⁰ или Мануэль Кастельс¹¹. Глобализация инфосферы сопровождается ее сегментацией, особенно на уровнях политий, обществ и транснациональных сообществ. Соответствующие сегменты инфосферы способны свободно пропускать одни информационные потоки (например, технологические и финансовые) и сдерживать или трансформировать другие, прежде всего имеющие выраженное ценностное содержание.

Участники гетерархии находятся в разных сегментах инфосферы, и возможности взаимовлияния у них различны, как различны и последствия таких влияний для любого из уровней современного мира. В ре-

⁹ Chandler D. Neither International nor Global: Rethinking the Problematic Subject of Security // Journal of Critical Globalisation Studies. 2010. Vol. 1, № 3. P. 90.

¹⁰ MacLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village : An Inventory of Some of the Current Spastic Situations that Could Be Eliminated by More Feed-forward. New York : Bantam, 1968. Рус. изд.: Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М. : АСТ, 2012.

¹¹ Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age : Economy, Society and Culture. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK : Blackwell, 1996; *Idem*. The Power of Identity, The Information Age : Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK : Blackwell, 1997; *Idem*. The End of the Millennium, The Information Age : Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge, MA; Oxford, UK : Blackwell, 1998. Рус. изд.: Кастельс М. Экономика, общество и культура в информационную эпоху. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

зультате международные акторы действуют в *мире Расёмона*¹², как его называет Ф. Манджу, где одной из главных проблем безопасности становится их неспособность адекватно воспринять возникающие на всех уровнях угрозы и предпринять адекватные превентивные или реактивные действия. Перефразируя одну из версий «закона Мёрфи», можно сказать так: «Все уверены, что мир небезопасен, но каждый замечает не то, что ему грозит на самом деле»¹³.

В рамках инфосферы постфактического глобального мира отдельные ее участники (виртуальные сообщества, социальные сети, сетевые геймеры и пр.) формируют транснациональную суррогатную действительность, в которую втянуты миллионы реальных людей. К счастью, истории о командах виртуальных игроков, участвующих в реальных войнах, происходят пока только в фантастических блокбастерах, однако международные атаки хакеров на сайты основных акторов мировой политики уже прочно вошли в повседневный перечень международных событий. И роль виртуальных трансграничных сообществ, включая преступные, в мировой политике будет усиливаться, еще более усложняя транснациональную гетерархию.

При этом зачастую создаваемые инфосферой представления или существенно превосходят по динамизму вялотекущее развитие реальных политических процессов, или отстают от них, так что можно говорить об асинхронности происходящих событий и релевантных им информационных потоков. В инфосфере создаются и накапливаются информационные псевдореалии-симулякры, а на высших уровнях глобальной системы могут формироваться угрозы безопасности, адекватно не представленные в инфосфере или вообще игнорируемые ею.

Перетекание политики в информационное пространство стало заметным еще до широкого распространения интернета: ярким предвидением постфактического мира явилась интеллектуальная провокация Жака Бодрийара, поставившего под сомнение реальность «Войны в заливе» 1991 г. на том основании, что миру она известна только из видеоряда и сообщений CNN¹⁴. Ныне многочисленные аналоги CNN — «Аль-Джазира», «Euronews», «Russia Today» и др. — создают пересекающиеся, но при этом сохраняющие самостоятельность виртуальные версии

¹² Имеется в виду эпохальный фильм японского режиссера Акиры Куросавы «Расёмон» (1950), четыре части которого дают одновременно взаимодополняющие и противоречащие версии одного и того же события, представленные его участниками.

¹³ *Manjoo F.* True enough... P. 25.

¹⁴ *Baudrillard J.* The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1995.

международной реальности в духе *мира Расёмона*. Версии эти прочно закрепляются в сознании их постоянных транснациональных аудиторий, которые в результате отчетливо различаются по видению и интерпретации происходящих в мире событий.

При этом речь может идти не только о продвижении интересов новых международных акторов в лице информационных корпораций, но и о воздействии на последние конкуренции между компаниями, извлечения ими прибыли, их организационного поведения. Так, в начале 2012 г. кувейтская информационная компания «Аль-Джазира», управляемая из Лондона высококвалифицированными американскими и европейскими топ-менеджерами, пробилась на североамериканский информационный рынок, благодаря приобретению американского кабельного телеканала «Current TV», принадлежавшего бывшему вице-президенту Альберту Гору¹⁵. Правда, войдя в число пусть постоянных, но не главных резидентов информационного пространства США, «Аль-Джазира» вряд ли может адаптировать его к своим политическим интересам и ценностным ориентациям так же, как на мировом уровне это делает CNN, а на американском — пытался сделать «Current TV» с его алармистскими экологическими акцентами.

Исключительно высокой была плотность соответствующих сегментов инфосферы вокруг событий 11 сентября 2001 г. и последовавшей международной «войны против террора». Тогда на основе соответствующих сегментов инфосферы стали оформляться транснациональные виртуальные сообщества, сопоставленные активным участникам мирополитических событий; одним из таких сообществ стал реально-виртуальный кадавр «Аль-Каиды». В *цветных революциях* 2000-х гг. и в *арабской весне* подобные сообщества проявили себя как влиятельные транснациональные акторы, хотя их роль в недавних событиях выглядит существенно преувеличенной.

Модели будущего как часть виртуальной реальности

Еще один пример умножения «виртуальных реальностей» мы видим в появлении разных «моделей будущего», число которых активно нарастает с конца XX в. Нынешнему буму глобальных прогнозов предшествовало их распространение в 70-е гг. XX в., инициированное первыми докладами Римского клуба. Если целью этих докладов было возбуждение общественного интереса к вопросам устойчивого развития, то

¹⁵ Al Jazeera inherits Current TV's distribution woes. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/01/04/us-currenttv-aljazeera-idUSBRE90301120130104> (access date: 14.01.2013).

в настоящее время Клуб, находящийся в Швейцарии, перешел к форсайтам¹⁶, диапазон которых распространяется уже на вторую половину XXI века¹⁷. Ему вторят Программа окружающей среды ООН, Всемирный банк и другие международные организации; Европейский союз финансирует в рамках Седьмой рамочной программы международный проект «Augurus», а по заказу НАТО сделан прогноз до 2030 г. «Multiple Futures». Влиятельный глобальный форсайт с середины 90-х гг. прошлого столетия каждые пять лет делается Национальным советом по разведке США¹⁸. В России аналогичный проект до 2030 г. впервые исполнил в 2010 г. Институт мировой экономики и международных отношений РАН¹⁹. На меньших временных дистанциях работают Институт Брукинга, Совет по внешней политике США, корпорация РЭНД и десятки других организаций.

Число глобальных форсайтов множится. Сами прогнозы касаются уже не только окружающей среды, технологий, экономики и финансов, но и политических, социальных, демографических и иных процессов. Большинство посвященных им докладов в наше время не являются секретными, они готовятся национальными агентствами, межгосударственными и негосударственными международными организациями, эпистемическими и экспертными сообществами и широко освещаются в мировых информационных источниках. Эти материалы находятся в распоряжении международных акторов при выработке и принятии решений, хотя возможность реализации многих прогнозов (включая глобальное потепление, воздействие генетически измененных организмов на человека и пр.) при весьма высокой оценке негативных последствий является крайне низкой или относится на неопределенное будущее.

¹⁶ Приведем одно из многих определений термина: «Форсайт представляет собой созидательную технологию воздействия на формирующееся будущее с помощью согласования партикулярных интересов различных слоев гражданского общества и посредством стимулирования их активности в сфере использования ключевых технологий». См.: *Третьяк В. П.* Форсайт как технология предвидения // *Экономические стратегии*. 2009. № 8. С. 53. URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_08/ES2009-08-tretyak.pdf (дата обращения: 21.07.2013). Перетекание экспертных прогнозов в форсайты стало одним из трендов развития современной инфосферы.

¹⁷ *Randers J.* 2052: Global Forecast for the Next Forty Years. Chelsea Green, 2012. URL: <http://www.2052.info> (access date: 20.12.2012).

¹⁸ *Global Trends 2030: Alternative Worlds.* A Publication of the National Intelligence Council, December 2012. New York, 2012. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends (access date: 20.12.2012).

¹⁹ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина ; ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011.

Избыток подобного рода материалов, на наш взгляд, иллюстрирует еще одну характеристику постфактического мира: увеличение объема информации для подготовки и принятия решений в области глобальной безопасности не повышает качество решений, но дает возможность выбрать ту версию прогноза, которая в наибольшей степени отвечает иным критериям — информационного эффекта, политической целесообразности и пр. Мы получаем возможность «выбирать то, что нас устраивает, каким бы абсурдным это ни было... то, что отвечает нашим политическим предпочтениям и системам верований, то, что говорится людьми, думающими так же, как и мы»²⁰. С другой стороны, формируемые в рамках прогнозов сценарии «структурируют неопределенность». Как пишут О. Кесслер и К. Даазе, «хотя мы не знаем, какая из граней игральной кости выпадет — шестерка или тройка — мы знаем возможные состояния мира и распределения вероятности»²¹. К этой метафоре стоит прибавить, что одна или несколько граней кубика всегда остаются пустыми, и распределение вероятности чаще всего является условной величиной. Иными словами, в постфактическом мире заведомо ограниченная рациональность принятия решений в области глобальной безопасности ограничивается еще более объемом, качеством и релевантностью информации.

Тем не менее влияние форсайтов на принятие решений акторами мировой политики укрепляется, а растущий спрос на них сопровождается щедрой грантовой поддержкой на международном, национальном и ведомственном уровнях. Скандалы, периодически возникающие вокруг форсайтов²², также не добавляют доверия к их выводам, а политические решения фактически опираются на субъективные предпочтения принимающих их лиц.

Учеными копенгагенской школы еще в 90-е гг. XX в. была удачно концептуализирована обратная сторона *секьюритизации*, расширения повестки дня международной безопасности: ее новые пункты используются международными акторами для расширения своих полномочий и снятия существующих ограничений для успешного противостояния

²⁰ Schweller R. Entropy and the trajectory of world politics... P. 152.

²¹ Kessler O., Daase C. From Security to Uncertainty: Risk and the Paradox of Security Politics // Alternatives: Global, Local, Political. 2008. Vol. 33, № 2. P. 218.

²² Ferrara P. Fakegate: The Obnoxious Fabrication of Global Warming // Forbes. 03.01.2012. URL: <http://www.forbes.com/sites/peterferrara/2012/03/01/fakegate-the-obnoxious-fabrication-of-global-warming> (access date: 20.10.2012). Имеется и точка зрения, что глобальное потепление — нелинейный многофакторный процесс, хаотичный и слабо прогнозируемый. См.: Mayer M. Chaotic Climate Change and Security // International Political Sociology. 2012. Vol. 6, № 2. P. 165–185.

новым угрозами и рискам²³. К этой оценке можно добавить, что успешность попыток национальных правительств и международных организаций противодействовать новым угрозам и управлять новыми рисками зависит от того, насколько определены их параметры. В концепции *общества риска* У. Бека возможности государственных и межгосударственных институтов также ограничивались «неуверенностью» в реальности рисков (*insurability*) и невозможностью их обсчета (*incalculability*)²⁴. Как замечают Кесслер и Даазе, новая повестка дня международной безопасности привела к тому, что классическая *дилемма безопасности* сменилась *парадоксом безопасности*, при котором ее субъекты, проводя политику безопасности, формируют небезопасность (*insecurity*). Уровень последней прямо связан со степенью неопределенности (*uncertainty*) угроз и рисков и неясной вероятностью (*probability*) их реализации²⁵. В классификации Германского экспертного совета по глобальным изменениям такие риски отнесены к категориям «Пифия» и «Пандора»²⁶. Отличает их то, что невозможно определить, насколько они реальны, а оценки возможного ущерба от них опираются на информацию, которую невозможно верифицировать.

В глобальных прогнозах нередко преобладают именно такие риски, их перечень растет, а оценки, становясь более обстоятельными, так и остаются неопределенными. С 2007 г. одним из главных источников таких оценок стали ежегодные доклады Давосского экономического форума. Сравнивая наиболее настоятельные предупреждения форума за последние семь лет, можно убедиться, что внимание экспертов лишь трижды концентрировалось на проблемах информационной сферы. В 2007 г. на первое место вышел риск сбой критически важной информационной инфраструктуры. (Напомним, что еще в 1994 г. в романе «Долг чести» такую ситуацию как результат диверсии описал покойный американский политический фантаст Том Клэнси, а в конце 90-х гг. прогнозировалась *проблема 2000*, или *Y2K*, обернувшаяся малообоснованными затратами ряда правительств²⁷.) В 2011 г. среди технологических рисков отмечались кибератаки, а в 2013 г. среди трех комплексных глобальных

²³ Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security : A New Framework for Analysis. Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998.

²⁴ Beck U. The Terrorist Threat: World Risk Society Revisited // Theory, Culture, and Society. 2002. Vol. 19, № 4. P. 39–55.

²⁵ Kessler O., Daase C. Op. cit. P. 217–221.

²⁶ World in Transition: Strategies for Managing Global Environmental Risks / German Advisory Council on Global Change. Berlin : Springer, 2000. P. 10–12.

²⁷ Chaney W. F. Y2K: A World in Crisis? New York : Swan Pub. Company, 1999.

рисков были названы *цифровые пожары в гипервзаимосвязанном мире* (*digital wildfires in hyper-interconnected world*). Под последними подразумевается «вирусное распространение информации, которая намеренно или непреднамеренно имеет провокационный или лживый характер», причем разработчикам и пользователям социальных сетей в качестве ответа предлагается «выработать в себе чувство ответственности и здорового скептицизма, чтобы смягчить риски»²⁸.

Новейшие факторы и акторы виртуальной политики

Если субъектом собственной безопасности в условиях *цифрового пожара* давосские аналитики оставляют индивидуального человека, то рейтинги их коллег из «большой тройки» международных страховых агентств — Fitch, Standard&Poor и Moody's — в последние годы имеют адресатами не столько индивидуальных инвесторов, сколько суверенных акторов — правительства. На основе этих рейтингов стали приниматься далеко не только инвестиционные решения. Агентства «большой тройки» появились еще в начале XX века²⁹. Во второй его половине они играли роль независимого инструмента финансовых оценок внутри группы наиболее экономически развитых стран, с 90-х гг. стали использоваться для оценки инвестиционных рисков в посткоммунистических и постсоветских государствах, а в 2000-е, начав с оценки национальных банков-эмитентов, далеко вышли за рамки финансового сектора и распространили оценки на экономические возможности государств в целом и на способность правительств проводить адекватную финансовую политику. В настоящее время «трем сестрам» принадлежит 90% мирового рынка финансовых оценок, причем за составление рейтингов в настоящее время платят уже не заинтересованные вкладчики и заемщики, а сами объекты оценки.

К качеству рейтингов предъявлялись претензии и до нынешнего мирового финансового кризиса³⁰, для которого едва ли не единственной «Кассандрой» (все по той же «античной» классификации) оказался до

²⁸ Global Risks 2013. Eighth edition. World Economic Forum, 2013. P. 11.

²⁹ Moody's начала свою деятельность в 1909 г. с определения рейтинга долговых обязательств Компании железных дорог США; в 1916 и в 1922 гг. были основаны впоследствии объединившиеся агентства Poor и Standard, а в 1924 г. — Fitch. В 1975 г. Комиссия по страхованию и ценным бумагам США (SEC) признала их национальными органами определения страховых рейтингов. См.: Mullard M. The Credit Rating Agencies and Their Contribution to the Financial Crisis // The Political Quarterly. 2012. Vol. 83, № 1. P. 86.

³⁰ Mullard M. Op. cit. P. 80–83.

того мало известный Нуриэль Рубини. С началом мирового финансового кризиса США в 2008 г. актом Додда — Франка первыми приняли меры по усилению контроля над агентствами «тройки», проморгавшими кризис, а затем Европейский союз специальным законом ограничил их в сроках публикации сообщений о суверенных рейтингах государств (2012)³¹. Агентства «большой тройки» сегодня попадают под подозрение в манипулировании рейтингами в пользу тех или иных международных акторов именно в государственном секторе. Более правдоподобное, нежели новые версии теории заговора, объяснение вытекает из анализа их как организаций, действующих в условиях конфликта интересов (рейтинг определяется за счет средств его участников), недостаточной численности и компетентности персонала, так называемого организационного лицемерия — конфликта интересов между внутренними задачами организации и ее декларируемой миссией и т. д.

Особое место в ряду «виртуальных реальностей» современной мировой политики занимают невыполненные (а иногда заведомо невыполнимые) решения и рекомендации широкого круга международных политических форумов. Имеются в виду Генеральная Ассамблея ООН, «двадцатка», многочисленные институты Европейского союза, один перечень которых сопоставим с объемом данной статьи, Межпарламентская Ассамблея СНГ и др. Достаточно сопоставить множество решений, принятых в рамках Барселонского процесса (с 2008 г. — EUROMED) — Средиземноморского партнерства ЕС, с начавшимися вскоре после его «перезапуска» и продолжающимися до сих пор событиями на Ближнем Востоке и на севере Африки, чтобы оценить релевантность, точность и весомость десятков принятых ЕС резолюций, стратегий и т. п., их влияние на политическую обстановку в регионе и его экономическое развитие и, соответственно, эффективность европейских вложений в Средиземноморское партнерство, в том числе уже сделанных в обстановке мирового финансового кризиса³².

* * *

Можно возразить, что при логическом продолжении начатый нами список *акторов и факторов* «времени безрассудства» может быть доведен до абсурда путем включения в него любых экспертных оценок или внешнеполитических решений, а также причастных к этой деятель-

³¹ Gavras P. Ratings Game // Finance and Development. 2012. Vol. 49, № 1. P. 34–37.

³² Tocci N., Cassarino J.-P. Rethinking Euro-Med Policies in the Light of the Arab Spring. URL: <http://www.opendemocracy.net/nathalie-tocci-jean-pierre-cassarino/rethinking-euro-med-policies-in-light-of-arab-spring> (access date: 14.12.2012).

ности сообществ — как создающих суррогатные версии реальности. На наш взгляд, дело тут не в том, верны или неверны те или иные прогнозы, оценки и решения, а в разрастании до критического объема всей их совокупности в рамках глобальной инфосферы и таких ее сегментов, как принимаемые, но не обязывающие решения, глобальные форсайты или не уступающие им числом рейтинги. В данном случае подтверждается сформулированный Фархадом Манджу принцип: «Чем больше информации получает общество, тем оно дальше от реальности».

Следующим шагом в теоретическом осмыслении глобальной инфосферы может стать признание нескольких в разной степени сформировавшихся реальностей, дополняющих привычную модель мировой политики и оказывающих все более серьезное влияние на мирополитические процессы. Вопрос в том, ведет ли становление множественных, пересекающихся, асинхронных и типологически нетождественных мирополитических реальностей к росту энтропии мирового сообщества или к его упорядочению еще не выявившимися новыми системными связями и структурными ограничениями. Пока вопрос открыт, но уже сейчас можно согласиться с Джоном Айкенберри: «В таком мире можно лидировать, но им нельзя управлять»³³. С оговоркой, что жить в этом новом мире предстоит не только нынешним поколениям.

Ф. А. Попов

Право на сецессию: условие безопасности или угроза безопасности?

Настоящая статья посвящена раскрытию характерного парадокса, связанного с господствующими на сегодняшний день представлениями о феномене сецессии и его соотношении с понятиями права и безопасности. С одной стороны, вряд ли кто-либо будет всерьез спорить с тем, что сецессия и сецессионизм являют собой угрозу различным формам безопасности — прежде всего, национальной, но также и групповой, личной или глобальной. С другой стороны, стало уже почти общепринятым рассматривать право на сецессию как разновидность права на самоопределение в одном ряду с такими фундаментальными правами человека, как свобода слова или свобода совести. Насколько эти две

³³ *Ikenberry J. J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American System. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 2011. P. 9.*

устоявшиеся формы восприятия одного и того же явления противоречат друг другу? В чем кроются причины данного парадокса? Разрешим ли он?

I

Понятия права и безопасности не столь часто соседствуют в научных трудах, как того следовало бы ожидать. За каждым из них скрывается целая категория, тянется шлейф вспомогательных терминов и сопутствующих понятий со своими семантическими оттенками, коннотациями, традицией использования. Соотнести их между собой представляется крайне любопытным, и тем неожиданнее оказывается результат.

Право и безопасность нельзя противопоставить друг другу как две изолированные концептуальные системы или как два различных подхода к изучению потенциально одних и те же предметов. Рассмотрение какого-либо вопроса с позиции безопасности / права де-факто эквивалентно рассуждению в категориях безопасности / права — меняется терминологическое облачение выводов, но не сами выводы, меняется язык исследования, но не само исследование. Этим можно объяснить функциональное расхождение понятий: выбрав один язык, автор остается верен ему до конца. Либо право, либо безопасность.

В основе любых представлений и о праве, и о безопасности лежит образ неких безотносительных ценностей: в одном случае в фокусе находится вопрос легитимности обладания этими ценностями (*право на что-либо*), в другом — вопрос защиты от их гипотетической утраты (*безопасность чего-либо*). Смена угла зрения на предмет здесь сугубо номинальна. Концепт права уже сам по себе предполагает наличие соответствующих условий безопасности, а концепт безопасности — наличие у субъекта определенных прав. В то же время без указания на базовую ценность концепты не имеют смысла: рассуждения об абстрактном праве или об абстрактной безопасности нелепы, а термины *право на безопасность* и *безопасность права* представляются бессодержательными.

В целом концепты взаимозаменяемы настолько, насколько круг возможных субъектов безопасности совпадает с кругом потенциальных правообладателей. Практически любые представления о безопасности можно без труда перевести на язык права, равно как и любые концепции права столь же легко выразить в категориях безопасности, подобрав подходящий субъектный тип и область проявления. Праву на жизнь соответствует индивидуальная физическая безопасность, избирательному праву — индивидуальная электоральная безопасность, праву на благоприятную окружающую среду — экологическая безопасность и т. п. Зачастую выбор языка исследования определяется лексической тради-

цией — словосочетания *свобода слова* и *государственная безопасность* более привычны слуху, чем гипотетические конструкции *безопасность волеизъявления* и *право государства на защиту от внешних и внутренних угроз*, хотя и ими при необходимости можно оперировать вполне эффективно. Суть вопроса не меняется: говоря о свободе вероисповедания и безопасности вероисповедания, мы в общем случае имеем в виду одну и ту же ценность — возможность беспрепятственно исповедовать и практиковать любую религию.

С учетом этой особенности обозначенный выше парадокс обретает явное внутреннее противоречие: возможность индивидуума свободно определять свою государственную принадлежность (самоопределяться), в том числе посредством сецессии, воспринимается одновременно и как ценность, лежащая в основе права на самоопределение и безопасности самоопределения, и как источник прямой угрозы национальной и другим формам безопасности. Очевидная логическая нестыковка, тем не менее, не вызывает у международной общечеловеческой интуиции сомнений, что заставляет вспомнить классический оруэлловский принцип двоемыслия, призывающий «придерживаться одновременно двух противоположных мнений, понимая, что одно исключает другое, и быть убежденным в обоих»¹.

Продуктом перевода этих представлений в юридическую плоскость стал хорошо известный парадокс международного права, состоящий в параллельном сосуществовании двух взаимоисключающих норм — принципа самоопределения наций и принципа неприкосновенности государственных границ. Хотя невозможность их последовательной одновременной реализации сводит к нулю практическое значение и того, и другого права, уже сам факт выхода подобной антиномии на официальный юридический уровень убедительно свидетельствует о силе лежащих в ее основе антагонистичных представлений.

В то же время нельзя утверждать, что подобная внутренняя противоречивость присуща только категории права на сецессию. В схожей ситуации находится и право на революцию — другое традиционное «условно-политическое право», вера в моральную легитимность которого стала важным элементом общественного сознания, несмотря на явную угрозу безопасности, создаваемую его реализацией.

II

Возможное негативное влияние сецессии и сецессионизма на различные категории безопасности настолько многогранно и многоаспект-

¹ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет : роман и художественная публицистика. М. : Прогресс, 1989. С. 41.

но, что уделить должное внимание всем формам его проявления в рамках данной статьи затруднительно. Остановимся только на наиболее значимых моментах².

Наименее спорным выглядит деструктивное воздействие сецессии на национальную безопасность. Завершенная сецессия наносит прямой удар по одной из главных «ценностей» государства — его территориальной целостности. Возникающая угроза в некотором смысле значительнее, чем та, что исходит от революции: в результате революции сменяется государственная власть, верхушка, строй, но государственные границы в большинстве случаев остаются нетронутыми. В этом плане право на сецессию созвучно с правом на аннексию — разница лишь в том, что во втором случае в качестве правообладателя выступает не индивидуум / группа, а другое государство, что во многом и определяет разницу в восприятии. Более удачным представляется сравнить право на сецессию с правом на свободное присоединение, номинальным субъектом которого тоже выступает абстрактный «народ», а реализация предполагает полную ликвидацию государства; но редкость подобных устремлений снижает эффективность аналогии.

Влияние сецессии на международную политическую безопасность оценить сложнее. Юридическая сецессия по определению лежит в правовом поле, будучи производной от официального международного признания, от действующих конвенциональных норм международного права, в соответствии с которыми определяется государственная принадлежность и правосубъектность любой территории. Иными словами, с формальной точки зрения сецессия не должна представлять угрозы для мировой политической системы в целом. Тем не менее это не совсем так: дестабилизирующий потенциал сецессии заключен в создаваемом ею прецеденте. Даже если отделение осуществлено в соответствии со всеми действующими конституционными нормами и не имеет явных аналогов, психологический эффект от успешного размежевания все равно способствует интенсификации сецессионистских процессов в соседних государствах, во всем регионе, а если учесть нынешний уровень развития средств связи и массовой коммуникации, то и во всем мире.

Особенно ярко эффект прецедента проявляется внутри отделившейся территории: завершенная сецессия — под каким бы флагом она не проходила — почти всегда инспирирует развитие движений, направленных на сецессию второго порядка. Происходит атомизация сецес-

² Более обстоятельное рассмотрение соответствующих вопросов см.: *Попов Ф. А. Сецессионизм как угроза безопасности // Восточная аналитика. 2011. С. 84–93.*

сионизма. Прежде всего, она выражается в развитии возвратного ирредентизма — сецессионистского движения, нацеленного на возвращение части отделившейся территории в состав прежнего материнского государства. Такой генезис имеют, к примеру, движения в Сербской Краине и Республике Сербской внутри отделившихся от Югославии Хорватии и Боснии и Герцеговины, движения в Крыму и Донбассе внутри отделившейся от СССР Украины и т. п. Кроме того, успешная сецессия может индуцировать и ординарное движение за независимость — перераспределение территории редко отвечает чаяниям всего ее населения. Фактически имеет место своеобразный эффект Лернейской гидры: на месте отрубленной головы всегда вырастает новая, и хорошо, если только одна.

Отметим, что все это касается только сецессии как таковой. Не стоит забывать, что часто сецессионистское движение имеет форму вооруженного противостояния с властями «материнского» государства и сопровождается массовыми жертвами и разрушениями, влекущими тяжелые экономические и социальные последствия. В теории этот довод слаб, поскольку легко «бьется» простейшим контраргументом — делением сецессионизма на «правильный» (т. е. мирный, конституционный) и «неправильный» (вооруженный). Однако политическая практика не столь снисходительна к сецессионистам.

III

Как уже упоминалось выше, сецессия, т. е. выход части территории государства из его состава под действием внутренних импульсов, традиционно рассматривается как частный случай самоопределения — определения индивидуумом своей государственной принадлежности³. Такая точка зрения предполагает существование некоторой жесткой связи между индивидуумом и так или иначе ассоциируемой с ним территорией, де-факто выступающей в роли его «приданого»: признание за человеком права выбора гражданства автоматически означает признание за ним права решать, в состав какого государства (не обязательно существующего) будет входить соответствующая территория.

Между тем возможность разработки ясных механизмов соподчинения индивидуума и территории вызывает серьезные сомнения. Ни

³ О праве на самоопределение в соответствующем контексте писали, в частности, известный австрийский экономист Людвиг фон Мизес и австралийский философ Гарри Беран. См.: *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции. М.: Начала-Пресс, 1994; *Beran H.* A Democratic Theory of Political Self-Determination for a New World Order // *Theories of Secession* / ed. by P. B. Lehning. London and New York: Routledge, 1998. P. 33–60.

принцип проживания, ни принцип исторических земель, ни апелляции к прошлым государственным и нынешним административным границам не могут легитимировать претензии какой бы то ни было совокупности индивидуумов на распоряжение каким бы то ни было участком территории государства. Более или менее оправдан логически только разве что принцип частной собственности⁴, но в условиях современной политической действительности его применение затруднено. Как подметил американский этноконфликтолог Дональд Горовиц, «если самоопределение относится к людям, то сецессия относится к территории»⁵, и абстрагироваться от этого невозможно.

Впрочем, такого рода неувязки не мешают устоявшемуся восприятию сецессии как морально легитимного инструмента обеспечения безопасности через самоопределение. В подтверждение этого тезиса предлагается множество разнообразных теорий права на сецессию, опирающихся на концепты национализма, либерализма или исторической справедливости. Каждая из них обладает определенной привлекательностью, однако ни одна не представляется реализуемой на практике даже без учета несводимости свободы распоряжения территорией к свободе самоопределения.

Обрисуем вкратце основные теории⁶.

IV

Разработка концепции права на сецессию в общем случае представляет собой поиск ответа на вопрос: при каких условиях сецессия

⁴ Тотальная приватизация и перевод в частную собственность всей территории планеты является центральным элементом абстрактной анархо-капиталистической модели американского экономиста-либертарианца М. Ротбарда, предлагаемой им в качестве возможного решения проблемы реализации на практике всеобъемлющего права на сецессию; см. *Rothbard M. N. Nations by Consent: Decomposing the Nation-State // Secession, State & Liberty / ed. by D. Gordon. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1998. P. 79–88.*

⁵ *Horowitz D. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law // National Self-Determination and Secession / ed. by M. Moore. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1998. P. 192.*

⁶ Более подробный анализ теорий права на сецессию см. в: *Попов Ф. А. Право на сецессию как новый элемент групповой и индивидуальной безопасности: критика основных концепций // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 248–259. См. также соответствующий раздел монографии: Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М. : Новый Хронограф, 2012. С. 50–60.*

может и должна быть оправдана? Возможные варианты группируются в три класса: *ни при каких условиях, при любых условиях и при определенных условиях*. Первый отбрасывается, оставшиеся составляют два типа концепций права на отделение — неограниченного и ограниченного соответственно.

Концепции *неограниченного права* исходят из либертарианского тезиса о свободе самоопределения любыми индивидуумами, объединяющимися в группы на основе общего согласия по данному вопросу⁷. Безопасность здесь — это личная безопасность выбора. При всей внешней простоте данный подход едва ли осуществим на практике из-за невозможности сделать общепризнанным минимальный размер группы-правообладателя. В качестве выхода предлагается определить исходную сетку территориальных единиц — объектов возможной сецессии. Но таким образом изменяется сама суть права на сецессию: правообладателями становятся уже не группы свободно объединившихся единомышленников, а группы населения, проживающие в пределах какой-то искусственно выделенной территории; субъект права оказывается производным от объекта, индивидуальная безопасность трансформируется в групповую.

Такое право может быть реализовано посредством референдума, и соответствующую теорию называют *плебисцитарной*. Легко заметить, что она ставит право группы над правом индивидуума и потому не согласуется с основополагающими либертарианскими принципами. Ведь если даже в группе из 100 человек за сецессию высказались 80, как быть со свободой и личной безопасностью оставшихся 20, которым придется подчиниться воле большинства? Кроме того, неясна процедура определения территориальных рамок референдума.

Концепции *ограниченного права* на отделение предполагают иной подход к определению субъекта права: таковым здесь выступает не произвольная группа, претендующая на территорию, а лишь та, природа которой, условия существования или специфика выдвигаемых требований отвечают неким заранее установленным критериям. Отличительной чертой таких теорий выступает разделение сецессионистских движений на «справедливые» («легитимные») и «несправедливые» («нелегитимные»).

Часть исследователей обосновывает право на сецессию для выделяемых групп их эмпирически доказанной способностью формировать

⁷ См., к примеру: Мизес Л. Указ. соч.; Rothbard M. N. Op. cit.; McGee R. W. Secession Reconsidered // Journal of Libertarian Studies. 1994. Vol. 11, № 1. P. 11–33; Hoppe H.-H. Nationalism and Secession // Chronicles. 1993. November. P. 23–25.

полноценные государства. Это плебисцитарные *теории жизнеспособного государства*, представленные, например, в работах Гарри Берана и Кристофера Уэллмана⁸. Ограничительный критерий жизнеспособности здесь направлен на минимизацию возможных негативных последствий сецессии. Этот подход, однако, уязвим уже потому, что в такой ситуации власти «материнских» государств получают явную мотивацию блокировать «жизнеспособность» территорий, рассматриваемых ими в качестве кандидатов на сецессию, — сдерживать их экономическое развитие и препятствовать становлению в них автономных политических институтов. Что не может не сказаться на росте напряженности в стране.

Идеи теоретиков жизнеспособного государства получают логическое продолжение в *теории права победы*. В соответствии с ней претензии группы на суверенитет над территорией признаются легитимными, если группа на деле демонстрирует свою состоятельность как суверена, т. е. способна удерживать контроль над территорией и формировать внутри нее новое пространство власти⁹. Очевидно, что при нынешней системе политических ценностей прямое и открытое использование такого принципа в качестве нормы международного права по меньшей мере затруднительно.

В рамках еще одной теории правом на сецессию наделяются только *аскриптивные группы*, сформированные вокруг предполагаемой общности качественных признаков — таких как язык, раса, вероисповедание и т. п. Это право базируется на необходимости обеспечения безопасности групповой идентичности, воспринимаемой как такая безусловная ценность, защитить которую можно только посредством обретения государственного суверенитета, что и требует сецессии. Создание государства мыслится как необходимое условие для сохранения идентичности и группы в целом.

Хотя субъект права в этом случае первичен по отношению к объекту, механизм их соподчинения остается неясным. Взятый в этом качестве принцип проживания в общем случае не работает: независимо от выбранного государствообразующего признака его носители делят территорию с представителями другой общности, и последовательная реа-

⁸ См. *Beran H.* Op. cit. P. 36–42; *Wellman C. H.* A Defense of Secession and Political Self-Determination // *Philosophy and Public Affairs*. 1995. Vol. 24, № 2. P. 160–164.

⁹ См., к примеру: Признание Приднестровья как гарантия будущего России / М. Ремизов, Б. Межуев, Р. Карев [и др.] // АПН — Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article10560.htm> (дата обращения: 30.01.2013).

лизация принципа приведет к образованию нежизнеспособных «рассеянных» государств. Стремясь избежать этого, сецессионисты идут на подмену принципов и распространяют претензии на большие территории, захватывая области проживания других групп. Субъект права де-факто становится производным от объекта, внутригрупповое голосование как механизм реализации права замещается территориально детерминированным плебисцитом.

Из-за того, что ясно и четко аргументировать выбор того или иного набора качеств невозможно, ни один из них не получает безусловного признания со стороны населения. Отсутствие ограничений на минимальный размер группы-правообладателя при выраженной иерархичности признаков грозит бесконечной атомизацией сецессии. Словом, в этой системе ценностей стремление устранить угрозу безопасности одной группы создает угрозу безопасности другой, не говоря уже о международной безопасности в целом.

Один из наиболее авторитетных исследователей права на сецессию Аллен Бьюкенен предлагает другой подход к систематизации соответствующих концепций. Он разделяет весь их массив на две категории — на теории *первичного права на отделение*, к которым относит все рассмотренные выше концепции, и теории *исправляющего права*¹⁰. В первом случае сецессия значима сама по себе — как проявление свободного выбора или как ключевое условие сохранения идентичности. Во втором случае в фокусе находятся другие, более приземленные ценности и традиционные категории групповой безопасности (экономическая, политическая, военная), обеспечение которых в данных конкретных условиях может быть достигнуто только посредством сецессии.

В теориях первичного права на сецессию речь идет фактически о принципе национального государства в том его понимании, что предложил Карл Поппер: «...политическое требование, согласно которому территория каждого государства должна совпадать с территорией, населенной одной нацией»¹¹. Данный принцип предполагает, что имеется нация — некая особым образом выделенная группа, — которая может существовать только в условиях политической независимости, поскольку обладает внутренним суверенитетом, а посему — и правом на сецес-

¹⁰ См., например: *Buchanan A. The International Institutional Dimension of Secession // Theories of Secession / ed. by P. B. Lehning. London and New York : Routledge, 1998. P. 225–253.*

¹¹ *Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М. : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. С. 63.*

сию. Нация воспринимается как естественная и первичная по отношению к государству субстанция, характеризующаяся восхитительной содержательной пустотой. Какие бы наборы признаков и атрибутов нации ни предлагались — от лингвистической концепции Иоганна Фихте до либертарианской «нации по согласию» Мюррея Ротбарда¹² — ни один из них не может считаться «более истинным», чем остальные.

Теория исправляющего права связана в первую очередь с именем самого Бьюкенена. Он отрицает существование первичного права на одностороннюю сецессию, но признает моральную оправданность сецессионистских требований в тех случаях, когда отделение представляется единственным средством восстановления справедливости¹³. В качестве угроз, наличие любой из которых делает сецессионистские притязания правомерными, называются следующие.

Во-первых, незаконное включение территории группы в состав государства (утрата военной безопасности). Сецессия подается как возвращение отнятой собственности и узурпированного права. Уязвимость подхода заключается в том, что выявить «законного владельца» любой территории чрезвычайно трудно: история большинства регионов пестрит аннексиями и захватами, а преемственность между его нынешним и прошлым населением часто сомнительна.

Во-вторых, экономическая и политическая дискриминация региональной группы, оборачивающаяся утратой либо реальной угрозой утраты экономической или политической безопасности. Слабость этого аргумента — в отсутствии внятных критериев дискриминации. Под нее можно подвести любые государственные реформы, каким-либо образом влияющие на распределение финансовых потоков между регионами или между регионами и центром либо так или иначе ведущие к снижению самостоятельности отдельных регионов.

В-третьих, угроза утраты или утрата группой физической безопасности вследствие действий властей государства или других групп, действия которых власти не могут или не желают пресечь. Данный аргумент, неотразимый в теории, малопригоден на практике: случаев действительно имевшего место геноцида новейшая история знает не так много, и практически во всех из них жертвами становились дисперсно расселенные по стране экстерриториальные группы (тутси в Руанде,

¹² См.: *Fichte J. G. Addresses to the German Nation*. London : The Open Court Publishing Company, 1922; *Rothbard M. N.* Op. cit.

¹³ См.: *Buchanan A.* Op. cit.; *Бьюкенен А.* Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М. : Рудомино, 2001.

евреи и цыгане в нацистской Германии, часть армян в позднеосманской Турции), в отношении которых сецессия неприменима.

V

Подобная антиномическая точка зрения на сецессию сформировалась буквально в последние столетия под совокупным действием ряда факторов. С одной стороны, в основе двух наиболее разработанных подходов к интерпретации права на самоопределение — плебисцитарного и аскриптивно-националистического — лежат два краеугольных камня современной системы политических ценностей: либерализм и национализм. Легитимация возможности человека свободно решать, в составе какого государства и на какой территории ему проживать, и прямой перенос этого права с индивидуума на группу (народ), а также сопутствующая переносу уверенность в том, что государственность — строго необходимое условие существования группы как особой культурной (этнической, национальной) общности, являются характерными атрибутами политической культуры сегодняшнего дня, как бы ни хотелось убедить себя в обратном.

С другой стороны, то же самое можно сказать и о рассмотрении любых политических процессов, в том числе сецессионистского характера, с позиции права / безопасности. До недавних пор определяющим принципом политического мироустройства выступало не теоретическое, а фактическое превосходство, действовало право победы. Соответственно, вопросы исторической, экономической, политической справедливости, составляющие ядро основных современных концепций исправляющего права, не привлекали пристального внимания исследователей-теоретиков, вопрос права на сецессию (права на самоопределение) в общем случае не ставился.

Аналогичным образом негативные последствия сецессии ранее волновали только непосредственных участников конфликтов и лишь относительно недавно стали подниматься в обобщенном виде. Иными словами, принцип неприкосновенности государственных границ практически ровесник принципу самоопределения наций, а национальная безопасность как абстрактное понятие, а не атрибут существования конкретного государства вряд ли существенно старше права на сецессию. В то же время относительная синхронность их вхождения в систему современного мироустройства не означает невозможности их расхождения в более или менее отдаленном будущем. Какая из точек зрения на феномен сецессии и его воздействие на различные формы безопасности окажется в конечном итоге господствующей — покажет время.

Различие подходов и казус ложных стратегий в международных отношениях

Безопасность в равной степени связывают как с международными отношениями, так и с внутренней политикой государства, будь то управление, контроль над общественным порядком или меры в условиях чрезвычайных ситуаций. В целом обе эти трактовки взаимосвязаны, так как исторические прецеденты указывают на конфликты между протогосударственными образованиями, угрожавшие благосостоянию и жизни целых народов, что со временем привело к институционализации принципов безопасности в международном праве. И в том, и в другом случае мы имеем дело с преемственностью принципов римского права в европейских странах, благодаря колониальной политике которых эта модель распространилась на весь мир.

Прежде всего, слово *безопасность* в разных языках несет различную смысловую нагрузку, что указывает как на неизбежный эффект логических ножниц при попытке трансляции идеи, так и на наличие у каждого народа культурного ядра, имеющего глубинные протоисторические корни. Например, в большинстве романских языков, происходящих от латыни, это слово берет исток в выражении *se cura*, что означает *без забот*. Интересно, что в древнегреческом языке слово безопасность (ασφάλεια от σφάλω = сбивать с ног, смирять, обманывать, наносить поражение) имеет другое значение — *устойчивость, постоянство, надежность, верность*. Таким образом, несмотря на кажущуюся временную и пространственную близость древнегреческой и латинской культур, мы имеем дело с совершенно различными принципами действия, связанными с этим выражением.

В русском языке слово *опасность* связано с глаголом *пасти*, который употребляли не только по отношению к скоту, но и по отношению к подданным, подразумевая заботу о них. Безопасность в широком смысле может означать неосмотрительность, свободу действий и анархизм.

В эпоху модерна безопасность стали связывать прежде всего с военной угрозой и интервенцией иностранных государств, а также с подрывными действиями агентуры конкурирующих или враждебных стран. Размежевание основных парадигм международных отношений во многом также связано с трактовкой проблем безопасности. От того, какая из

этих парадигм свойственна мышлению лиц, принимающих решения, зависит и модель ответа на возможные угрозы.

Ярким представителем школы политического реализма является ее основатель Ганс Моргентау. Согласно основным принципам этой школы, обществом управляют объективные законы, а не добрые пожелания; международные отношения определяются выраженными в терминах силы изменяющимися национальными интересами стоящих вне морали государств, а главный вопрос международных отношений сводится к тому, способствует ли внешняя политика государства росту могущества нации. В рамках этой парадигмы понимание возможных угроз и других факторов, связанных с вопросами безопасности, зависит от трактовки национальных интересов и изменяется вместе с ними.

В последней трети XX в. рамках реализма выделились новые направления, например структурный реализм, или неореализм, основными представителями которого стали Кеннет Уолтц и Стефен Уолт. С точки зрения Уолта, государства формируют альянсы, чтобы создать баланс против угроз, а не против других государств¹. Джон Миршаймер, принадлежащий к школе наступательного реализма, в частности, считает, что государства проявляют агрессию не только в попытках получить силу и добиться влияния, но, не будучи уверены в намерениях соперника, и для обеспечения безопасности. Поэтому государство не должно прекращать свои усилия по увеличению могущества и безопасности и, в то же время, не должно отдавать свой суверенитет в руки других государств².

Во всех школах теории международных отношений дефиниции безопасности со временем трансформировались. Ученые чаще стали говорить о различии между «широким» и «узким» подходами к вопросам безопасности, чему способствовало вынесение на повестку дня международных отношений вопросов экономики и окружающей среды в 70–80 гг. XX в. В 90-е гг. к ним добавились исследования по угрозам, связанным с идентичностью и транснациональными криминальными группировками. Феномен глобализации и новые теории конфликтов, в частности сетевых войн, также повлияли на спектр вопросов, связанных с безопасностью.

Новые аспекты безопасности выявили Барри Бузан и Оле Вэвер, известные концепцией секьюритизации и теорией комплексов региональной безопасности. По их мнению, само понятие безопасности связано с выживанием: «Она указывает на экзистенциальную угрозу по

¹ *Walt S. M.* The Origin of Alliances. Ithaca, NY : Cornell Univ. Press, 1987.

² *Mearsheimer J. J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York : W. W. Norton, 2001.

отношению к назначенному референтному объекту (традиционно, но не обязательно, это государство, территория и общество)»³. Особая природа угроз безопасности оправдывает применение экстраординарных методов для их сдерживания и легитимирует применение силы, открывая государству возможности для мобилизации и применения специальных полномочий по недопущению реализации угроз.

В политическом секторе экзистенциальные угрозы традиционно определяются в терминах конституирующих принципов суверенитета и идеологии государства. Суверенитету может угрожать все, что ставит под вопрос легитимность, признание или функционирование власти. Но угрозами могут быть и другие факторы; например, для ЕС ими могут считаться события, которые угрожают продолжению или существованию интеграции⁴. По мнению авторов, безопасность — это ссылающаяся на самоё себя практика, потому что в реальности проблемой безопасности не обязательно становится экзистенциальная угроза, но может стать проблема, которая представлена как такая угроза⁵.

Характерным примером могут быть нынешние исследования в области киберполитики, в основном американских политиков и ученых. Появилось огромное количество громких и пугающих терминов — *кибервойна*, *цифровой Перл-Харбор* и т. п., а вместе с ними — ужасающие сценарии, согласно которым группа хакеров выводит из строя критическую инфраструктуру США или кибервоины некоей страны или могущественной организации устраивают террористическую атаку посредством интернет-коммуникаций. Как справедливо замечают многие авторы, в киберпространстве невозможно осуществить прямое физическое насилие, следовательно, любые акции в этой сфере, даже агрессивные и преступные, не могут расцениваться как война. Несмотря на это, ряд политиков намеренно использует паникерские заявления о росте угроз, связанных с киберпространством, в интересах секьюритизации.

Неоднозначные толкования имеет и суверенитет. В политической науке вслед за С. Краснером принято выделять четыре типа суверенитета: внутренний, международно-правовой, вестфальский и суверенитет взаимозависимости. Внутренний суверенитет связан с организацией публичной власти на территории государства; суверенитет взаимозависимости означает способность государства регулировать трансграничные потоки. Международный суверенитет основан на том, что формально независимые государства признают друг друга равноправными

³ Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security. A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Pub., 1998. P. 21.

⁴ Ibid. P. 22.

⁵ Ibid. P. 23.

актерами международных отношений, а вестфальский состоит в праве государств определять внутреннюю политику без вмешательства извне. Кроме того, есть понятие ограниченного суверенитета, когда определенное государство попадает под опеку другой страны или группы стран. Из истории мы знаем, что все эти формы суверенитета взаимодействуют друг с другом и приводят к различным компромиссам и отклонениям от норм. Такие компромиссы, которые стали регулярными в международных отношениях, позволили Стефану Краснеру назвать суверенитет «организованным лицемерием»⁶. И конечно же, это «лицемерие» напрямую влияет на безопасность.

Если вернуться к разработкам Бузана и Вэвера, то в них можно обнаружить достаточно спорные моменты. Главная идея теории комплексов региональной безопасности, согласно Бузану и Вэверу, состоит в том, что, несмотря на глобализацию, большинство угроз безопасности в международных отношениях по-прежнему носит территориальный характер, и их степень напрямую зависит от географического расстояния⁷. Ранее они также выдвигали идею о том, что опасность часто ассоциируется с близостью в связи с тем, что большинство военных и политических угроз могут легче быть реализованы на коротких дистанциях⁸.

Выводы при такой постановке вопроса могут быть противоречивы. Например, атака на башни Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г., не входя в спектр угроз, выделяемых авторами, тем не менее стала формальной причиной интервенции в Ирак и Афганистан, а также расширения военного присутствия США в Центральной Азии.

Отечественные исследователи ставят под сомнение тезис Бузана и Вэвера о том, что границы регионов не пересекаются, что подразумевает принадлежность актора только одному региону. А. Л. Лукин указывает, что некоторые государства в силу своей геополитической природы могут быть актерами в двух или более регионах. В первую очередь таким исключением является Россия. Согласно Бузану и Вэверу, Россия имеет собственный регион (постсоветское пространство), который вместе с регионом ЕС-Европа образует слабо связанный суперкомплекс. Их мнение о том, что по отношению к Восточной Азии Россия выступает внешней державой, на наш взгляд, не вполне корректно и фактически отказывает России в праве на участие в решении проблем

⁶ *Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1999.*

⁷ *Buzan B., Waever O. Regions and Powers : The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. P. 70.*

⁸ *Buzan B., Waever O., De Wilde J. Op. cit. P. 11.*

безопасности восточноазиатского комплекса. Тем самым Бузан и Вэвер «по существу отказываются от краеугольного принципа своей теории, то есть примата территориальности»⁹.

Не согласуются с принципами Бузана и Вэвера и разработки из области геополитики. Так, революция в стратегической перспективе по Уолтону Дейлу¹⁰ указывает на новый сдвиг в глобальной политике, который автор связывает с окончанием постколумбовой эпохи и эры *Pax Americana*. Следовательно, изменение региональной и мировой систем должно глубоко затронуть и региональные комплексы безопасности, однако основные признанные зарубежные авторы в области геополитики продолжают размышлять в старой парадигме постколумбовой эпохи, в лучшем случае предлагая новые интерпретационные модели типа глобального лидерства, а отечественные специалисты, за небольшим исключением, транслируют их идеи.

Что касается либеральной парадигмы в теории международных отношений, которая видит внешнюю политику государств продолжением внутренней, то часть ее современных приверженцев склонна считать, что либерально-демократическая модель должна быть навязана остальным странам и регионам. Ярким примером такого подхода являются действия США по продвижению демократических норм и ценностей на международной арене.

Конструктивисты исходят из того, что социальная реальность не является неизменно данной и предопределенной, и считают, что наука о международных отношениях связана с видением исключительно западной цивилизации и остается при этом относительно закрытой для влияний, исходящих от остальной части мира. Хотя конструктивизм, который появился позднее других теорий, настаивает на важности культур, языков, религии, идеологий и различных форм знаний и признает уникальность идентичности каждого государства, в целом в вопросах безопасности это направление следует за реалистами и либералами, пытаясь синтезировать основные положения и обогатить их рядом элементов.

В итоге все указанные теории международных отношений ограничены позитивистским подходом, который укоренен в западноцентричной парадигме мышления, связанной непосредственно с мировосприятием эпохи Просвещения. В связи с этим хочется отметить, что

⁹ Лукин А. Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. 2011. № 2 (17). URL: http://www.ojkum.ru/arc/2011_02/2011_02_02.html (дата обращения: 15.11.2013).

¹⁰ Walton D. Geopolitics and the Great Powers in the Twenty-first Century : Multipolarity and Revolution in Strategic Perspective. London ; New York : Routledge, 2009.

наиболее интересные попытки переосмысления концепции безопасности в свое время были предприняты Мартином Хайдеггером и Мишелем Фуко, критиковавшими традицию европоцентризма. Если немецкий философ подходил к этой проблеме с позиции онтологии и этимологии¹¹, то его французский коллега пытался найти точки бифуркации в европейской истории в связи со становлением государств и аппарата насилия, что также привело его к небезынтесным выводам. Фуко рассматривал безопасность вместе с понятиями нормативности и дисциплинарности. Он сделал вывод о том, что «нет механизмов безопасности, заменяющих дисциплинарные механизмы, которые в свою очередь заменяли бы механизмы правовой законности», и установил «корреляции между механизмами правовой законности, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности»¹².

Не так давно в теории международных отношений начались попытки переосмысления действующих лиц (акторов) международных отношений и мировой политики. За теорией смешанных акторов Орана Янга¹³ последовали теории эмерджентности, сетецентризма, комплексности и прочие, которые отказывали в универсальности предыдущим концепциям с поправкой на новые научные подходы и «открытия». Тем не менее они во многом продолжают линию западноцентричной модели утилизации знаний в области политики.

Очевидно, что большое значение для выработки государственной стратегии в области безопасности имеет культура, охватывающая широкий спектр проявлений жизнедеятельности государствообразующего народа — религию, философию, традиции, обычаи предков, исторические прецеденты, включая мифологизированные комплексы. Колин Грей отмечал, что «никто и никакое учреждение не могут действовать вне культуры», что «природа и функция стратегии являются постоянными и универсальными» и что она также, «в ее специфической и динамической исторической форме и содержании, неизбежно является культурной»¹⁴.

Иными словами, развертывание доктрины безопасности проходит в сфере стратегической культуры, в центре которой лежат ответы на три

¹¹ Следует отметить, что в ранних сочинениях Хайдеггера слово *die Sicherheit*, которое переводится как *безопасность, обеспечение, гарантия, уверенность*, применялось в отношении подлинно научного метода, чтобы обозначить его надежность, т. е. достоверность полученных с его помощью результатов.

¹² Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб. : Наука, 2011. С. 22.

¹³ Young O. R. The Actors in World Politics // The Analysis of International Politics / J. N. Rosenau, M. A. East (eds). New York : The Free Press, 1972. P. 125–144.

¹⁴ Gray C. Modern Strategy. New York : Oxford Univ. Press, 1999. P. 129.

важных вопроса: роль войны в международных отношениях, природа врагов и угроз, которые они могут представлять, и применение силы¹⁵. К ней следует также отнести восприятие времени (как линейного и циклического) и пространства (как открытого и закрытого, включая классическую геополитическую дихотомию моря и суши). Матрица осознания времени может влиять на восприятие угроз. Например, исходя из представления о всемирном джихаде, «мученики за веру» готовы жертвовать собой и обеспечить себе вечное блаженство в загробной жизни. Для христианина конец физического существования означает переход к жизни вечной, однако последняя зависит от определенных этических императивов и качества выполнения своих функций в этом мире, а для атеиста жизнь существует только «здесь и сейчас». Следовательно, общества, где преобладает та или иная культура, будут по-разному реагировать на экзистенциальные угрозы.

Кроме того, стратегическая культура связана с таким понятием как этноцентризм, проистекающим из разделения на *нас* и *чужих*¹⁶. Один из признанных специалистов по данному вопросу Кен Бут доказывает, что этноцентризм напрямую влияет на выработку стратегии безопасности:

...думая о рациональном поведении других, стратеги имеют тенденцию проецировать свои собственные культурные ценности... но должно быть очевидно, что можно лишь предсказать поведение «рационального человека», если и у наблюдателя и у наблюдаемого сила и власть логически похожи. В этот процесс вмешивается этноцентрическое восприятие: это означает, что собственные ценности и смыслы по поводу приоритетов проецируются на другого. Этим процессом этноцентризм подрывает центральное действие в стратегии, которое сначала оценивает то, как другие смотрят на мир, а затем уже происходит процесс осмысления и действия¹⁷.

¹⁵ Johnston A. I. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1995.

¹⁶ Этноцентризмом (греч. *ἔθνος* — народ, племя, лат. *centrum* — центр круга, средоточие) принято называть: 1) механизм межэтнического восприятия, заключающийся в склонности оценивать явления окружающего мира сквозь призму традиций и норм своей этнической группы, рассматриваемой в качестве всеобщего эталона; 2) отношение предубеждения или недоверия к посторонним, которые могут существовать внутри социальной группы. Этот термин ввел Уильям Самнер в 1906 г., делая акцент на двойном моральном стандарте в поведении внутри групп по отношению к чужакам.

¹⁷ Booth K. Strategy and Ethnocentrism. New York : Homes & Meier Pub., 1979. P. 65.

Таким образом, неготовность или нежелание понять точку зрения другой стороны, зачастую из идеологических причин или чувства собственного превосходства, приводит к казусу ложных стратегий по отношению к другим акторам геополитических процессов.

Можно рассмотреть становление подобных ложных стратегий на основе парадигмы безопасности на примерах государств, которые имеют или имели конфликты с соседями и транслируют этот опыт на внешнеполитическую доктрину. Например, в Индии после окончания «холодной войны» появилось три направления, претендующих на выработку стратегии по отношению к внешним силам. Канти Бажпай характеризует эти направления как нерувианизм, неолиберализм и гиперреализм:

Если нерувианисты и либералы полагают, что международные отношения могут быть преобразованы либо посредством коммуникации и контакта, либо в соответствии с экономическими реформами свободного рынка и логикой сравнительных преимуществ, то гиперреалисты усматривают в межгосударственных взаимоотношениях бесконечный цикл повторений. Для них конфликты и конкуренция между государствами не могут быть преобразованы в мир и дружбу (кроме как посредством временного союза против общего противника), поэтому лучшими инструментами являются угрозы и применение насилия, из-за чего они считают, что самый верный способ достичь мира и стабильности — это накопление военной силы и готовность к ее применению¹⁸.

Кроме того, гиперреалисты отклоняют возражения своих оппонентов по поводу безудержных расходов на вооружения и высказывают сомнения относительно роли институций, законов и соглашений. В международных отношениях они берут в расчет только власть и силу, все остальное считая иллюзией. Соответственно, для нерувианистов и неолибералов война — это всего лишь один из возможных вариантов развития отношений между суверенными государствами. У гиперреалистов точка зрения немного иная. Брахма Челлэни отмечает, что «война начинается, когда конкурирующие государства приходят к пониманию, что другая сторона стала либо слишком сильной, либо слабой»¹⁹. Вероятно, выработка военной доктрины *Cold Start* в Индии и процесс ее нынешней модернизации связаны именно со стратегической линией гиперреалистов.

Другим примером может послужить Турция. В последние годы во внешней политике этого государства прослеживается заметный дисба-

¹⁸ *Bajpai Kanti*. Indian Strategic Culture // South Asia in 2020: Future Strategic Balances and Alliances / Michael R. Chambers (ed.). Strategic Studies Institute, November 2002. P. 245–305.

¹⁹ См.: *Chellaney Brahma*. Preface. Securing India's Future in the New Millennium // Ibid. P. XVII.

ланс в области стратегии, национальных интересов и вопросов безопасности. Во-первых, характеризуя соседние регионы Ближнего Востока и Северной Африки как нестабильные, стагнационные и потенциально тревожные, Стамбул не учитывает значение своих исторических и религиозных связей с этими регионами. Во-вторых, идеологически и стратегически сориентировавшись на Запад после Второй мировой войны по причине ощущения угрозы со стороны СССР, Турция не пересмотрела свои взгляды на роль и место России в мире в наши дни. В-третьих, в Турции превалирует мнение, что ее современная история — результат распада Османской империи и что подобные угрозы актуальны для страны и по сей день (в основном в курдских провинциях)²⁰.

Эксперты отмечают: эти обстоятельства сделали военную безопасность в Турции наивысшим приоритетом, что оправдывает влияние решений военной элиты на внешнюю политику. Альтернативные концепции внешней политики никогда не обсуждаются, а сама внешняя политика относится к делам «государства», т. е. военной и гражданской бюрократии, а не «правительства партий». Это разграничение присутствует в политическом диалоге Турции и до настоящего момента определяет статус-кво²¹. Подтверждают данный тезис нынешние действия правительства Турции по отношению к Сирии в рамках доктрины *стратегической глубины* министра иностранных дел Ахмета Давутоглу, которая предполагает не иметь проблем с соседями.

Безусловно, это также приводит к формированию ложных стратегий международной безопасности, что может отражаться на геополитической динамике и возрастании напряженности в регионе.

Как указывает Рачья Арзуманян, стратегии одних акторов напрямую или косвенно зависят от стратегий других. Дальнейшее усложнение системы международных отношений и связанное с ним возрастание ее непредсказуемости является следствием взаимодействия стратегий акторов. Каждый из акторов строит модель стратегии и поведения противоположной стороны, опираясь на которую он выстраивает уже собственную стратегию и линию поведения... Ошибочное понимание стратегии соперника приводит к неприятным сюрпризам и к непредсказуемому развитию событий.

Яркими примерами ложных стратегий являются многие дипломатические и военные сюрпризы. Государство верит, что препятствия на

²⁰ Seufert G. Foreign Policy and Self-image: The Societal Basis of Strategy Shifts in Turkey. Stiftung Wissenschaft und Politik. September 2012. P. 7.

²¹ Semih İ. Public Opinion as a Determinant of the New Turkish Foreign Policy // Südosteuropa-Mitteilungen. 2010. Vol. 50, № 6. P. 40–45.

пути политического курса противника так велики, что являются непреодолимыми, и, как следствие, ничего не предпринимает, чтобы блокировать его возможные действия или подготовиться к ним. Тем самым оно провоцирует противника прилагать дополнительные усилия, чтобы обеспечить успех именно в этом направлении.

При выборе собственной стратегии также следует принимать во внимание, что знание одной из сторон реального потенциала и стратегии другой является неполным и не всегда адекватно реальному положению дел. Такого рода частичное знание может спровоцировать одну из сторон на шаги, которых она должна была бы избегать, так как они приводят к негативному для нее развитию ситуации, полностью перекрывающему достигаемый позитивный эффект²².

На глобальном уровне можно обратить внимание на противоречия в области безопасности по вопросам киберпространства. Если Россия, Китай и другие страны, исходя из своих представлений о безопасности в киберпространстве, предлагают сосредоточить контроль над ним в руках надгосударственной организации — Международного союза электросвязи, то США и большинство стран Запада заняли противоположную позицию. Каждая сторона имеет свои аргументы, которые включают вопросы суверенитета, прав человека, борьбы с киберпреступностью и другими угрозами.

Таким образом, поскольку нет однозначной трактовки как понятия безопасности, так и других концепций, которые с ней связаны, — не может быть и общей модели международных отношений и, как следствие, единой политической мир-системы. Теории международных отношений, формулируемые с позиций реализма, либерализма, марксизма, конструктивизма, как и новейшие попытки интерпретации современной мировой политики на основе феминизма, постмодернизма, традиционализма, неоинституционализма и др., находятся в постоянном развитии и противоборстве. Следовательно, говорить о возможности выработки единого эталона, который охватывал бы национальные интересы существующих государств, их стратегии и концепции безопасности, не представляется возможным. Адекватным видится сосуществование и коэволюция одновременно нескольких геополитических систем со своими подходами к вопросам безопасности и суверенитета, а также с целым комплексом взаимных сдерживающих механизмов, что отвечает концепции полицентричного мироустройства.

²² Арзуманян Р. Метафора нелинейности в социальных системах // 21-й БЕК. 2004. № 2(4). С. 139. URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/226_ru.pdf (дата обращения: 15.11.2013).

**Совет сотрудничества арабских государств Залива¹:
концептуальные основы обеспечения безопасности**

В постконфронтационной системе международных отношений региональные организации начинают играть все более значимую роль в поддержании глобальной и региональной безопасности. Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), созданный в 1981 г., объединил шесть государств (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия), среди которых — крупнейшие экспортеры нефти и газа, чье экономическое развитие и политическая стабильность затрагивают интересы значительной части мирового сообщества. ССАГЗ является одним из ключевых элементов региональной системы, и его вклад в обеспечение безопасности региона весьма существен. Эта организация заинтересована в сохранении статус-кво, так как для успешной реализации стоящих перед ней интеграционных задач необходимо обеспечить стабильность региона и гарантировать его защиту от возможных вызовов и угроз. В Уставе ССАГЗ сотрудничество в области обеспечения безопасности не упоминалось, видимо, чтобы не зародить у соседних стран опасений, что организация является военно-политическим блоком. Тем не менее в ее деятельности эта проблема всегда занимала приоритетное место. Члены ССАГЗ были озабочены прежде всего возможностью нападения извне и потому делали акцент на военно-политической безопасности. Уже во время первого саммита ССАГЗ в 1984 г. был поднят вопрос о концептуальном подходе к обеспечению региональной безопасности. В заключительном коммюнике саммита отмечалось:

Ответственность за безопасность и стабильность региона несут его народы и государства. Совет сотрудничества как выражение воли этих государств и их права на защиту безопасности региона и своей независимости подтверждает неприемлемость какого бы то ни было иностранного вмешательства, считая недопустимым превращение региона в поле противостояния мировых держав и, в частности, нахождение в нем иностранных военных флотов и баз².

© Мелкумян Е. С., 2013

¹ В арабское и английское наименования организации не включается не признаваемое арабскими странами название «Персидский». — *Прим. науч. ред.*

² Аль-Байян аль-хитамиль ли муатамар аль-кимма аль-авваль (Заключительное коммюнике I саммита) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя. Аль-Джуз аль-авваль Аль-Джуз ар-рабаи ашар. Доха, 1987–1994. С. 92.

Процесс выработки решений по вопросам обеспечения региональной безопасности происходил в условиях биполярной системы международных отношений, характеризовавшейся жесткой конфронтацией между двумя военно-политическими блоками, а большинство развивающихся государств стремилось избежать втягивания в эту конфронтацию. Участники совещания министров внутренних дел ССАГЗ в Эр-Рияде в феврале 1982 г. выработали главный принцип обеспечения безопасности:

...безопасность Залива неделима, агрессия против одного из государств-членов является агрессией против всех государств Совета, все государства Совета несут коллективную ответственность за отражение агрессии против государства-члена³.

Этот принцип был претворен в жизнь в период кувейтского кризиса 1990–1991 гг., когда Ирак совершил агрессию против Кувейта, и все государства ССАГЗ приняли участие в освобождении территории своего партнера.

Опора на собственные силы, которую предпочли члены ССАГЗ, требовала развития собственных вооруженных сил и предполагала укрепление сотрудничества в военной области, как в рамках организации, так и с внешними, нерегиональными союзниками. Разрабатывая подходы к обеспечению безопасности, члены ССАГЗ столкнулись с различиями во взглядах на степень возможного участия иностранных государств в этом процессе.

Оман высказывался за тесное сотрудничество с западными державами, прежде всего с Соединенными Штатами. Его позиция объяснялась уже сложившимся сотрудничеством с Западом. Еще в 1979 г. Оман, единственный среди государств этого региона, пошел на заключение военного соглашения с США, предоставив им право пользования военными объектами на его территории.

Саудовская Аравия поддерживала идею интеграции членов ССАГЗ в военной области, но, соглашаясь с необходимостью помощи со стороны США, Эр-Рияд, который имел «особые отношения» с Соединенными Штатами, означавшие преимущественно получение современного вооружения, возражал против заключения официального договора о помощи.

Иную позицию занял Кувейт, настаивавший на преимущественной опоре членов ССАГЗ на собственные силы. Кувейт диверсифициро-

³ Муатамар вузара дахилийя дуваль Маджлис ат-таавун (Совещание министров внутренних дел государств Совета сотрудничества) // Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджий. Т. 1–3. С. 283.

вал свои военно-политические связи с иностранными государствами в значительно более широких масштабах, чем его партнеры по организации, развивая военное сотрудничество не только с США и со странами Западной Европы, но и с Советским Союзом.

По мере развития ССАГЗ принцип опоры на собственные силы и максимальной диверсификации военных связей получил одобрение всех участников объединения. Они полагали, что это отвечает их национальным интересам и соответствует их общей внешнеполитической стратегии, основой которой было стремление к поддержанию мира и стабильности на глобальном и региональном уровнях.

ССАГЗ не разработал всеобъемлющую доктрину обеспечения безопасности. Основные подходы были изложены в отдельных официальных документах организации и в выступлениях ее руководящих деятелей. Конкретные шаги по развитию военного сотрудничества были предприняты параллельно с выработкой концептуальных положений. Была создана специальная военная комиссия, проводились регулярно совещания министров обороны, начальников штабов, консультации и встречи представителей вооруженных сил членов ССАГЗ.

В октябре 1983 г. на территории ОАЭ были проведены первые совместные маневры вооруженных сил стран ССАГЗ, которые в дальнейшем стали носить регулярный характер. Кроме того, члены ССАГЗ участвовали в двусторонних маневрах. Соглашение о единой оборонной стратегии, разработанное на основе предложений военных специалистов всех шести стран, было принято на совещании в верхах в Кувейте в ноябре 1984 г.

Выбирая такую стратегическую линию, руководители ССАГЗ подчеркивали, что рассматривают ее как долговременную программу действий в военной области, не связанную с региональной политической конъюнктурой⁴. На основе единой оборонной стратегии было решено создать совместные вооруженные силы ССАГЗ под названием «Щит полуострова». Они были размещены на военной базе «Кинг Халед» на территории Саудовской Аравии. Командование было поручено представителю вооруженных сил Саудовской Аравии, заместителями которого назначались представители вооруженных сил других стран-членов. Предусматривалось развертывание двух бригад из частей различных родов войск — сухопутных, авиационных, бронетанковых, ПВО и других и оснащение их теми видами оружия, которое применялось во всех шести странах, чтобы личный состав был подготовлен к совместным боевым действиям. Однако во время войны за освобождение

⁴ Oman Daily Observer. 1988. December 24.

Кувейта от иракской оккупации в 1991 г. объединенные войска ССАГЗ не приняли участия в боевых действиях.

В посткризисный период страны ССАГЗ стали уделять внимание проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации. В декабре 2000 г. был принят совместный план по усилению оборонных возможностей организации. Он основывался на тех же принципах, которые были заложены в общей военной стратегии 1984 г. Пакт обязывал государства, входившие в ССАГЗ, участвовать в обороне каждого из союзников от внешнего нападения.

В 2001 г. государства ССАГЗ сформировали Высший оборонный совет, в том же году была создана единая система идентификации самолетов и слежения за ними, получившая название «Пояс сотрудничества». Еще раньше, в 1995 г., было завершено создание единой системы противовоздушной обороны «Щит мира», основу которой составила саудовская ПВО, оснащенная американскими радаром АВАКС. Для обеспечения воздушной безопасности был создан Региональный интегрированный центр по защите от нападения с воздуха и ракетной защиты, а для обороны побережья — Региональный морской координационный центр⁵.

Решение об увеличении численности сил «Щита полуострова» было реализовано Высшим оборонным советом ССАГЗ в 2002 г., когда в составе этих сил было создано подразделение быстрого развертывания. В 2003 г., накануне начала операции в Ираке, силы «Щита полуострова» были передислоцированы в Кувейт для его защиты от возможного нападения Ирака. Они были выведены спустя два месяца⁶.

Следующим шагом к углублению сотрудничества в оборонной сфере стало оформление Совместной оборонной стратегии ССАГЗ на саммите в Эль-Кувейте в декабре 2009 г., в которой провозглашалось стремление государств ССАГЗ к «оборонной интеграции»⁷.

⁵ Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварий ли муатамар Кембридж (Выступление генерального секретаря Совета сотрудничества в ходе диалога в Кембридже) // Аль-Масира. 2012. Август, № 53. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Аль-Байан аль-хитамий ли ад-даура ас-салясин ли аль-Маджлис аль-аалия (Заключительное коммюнике XX сессии Высшего совета). Эль-Кувейт, 14–15 декабря 2009 г. // Генеральный секретариат ССАГЗ : [офиц. сайт]. URL: <http://www.gcc-sg.org/indexce7c.html?action=Sec-Show&ID=303> (дата обращения: 15.08.2012).

Еще одним примером использования совместных вооруженных сил ССАГЗ стал их ввод в Бахрейн в марте 2011 г. Этот шаг стал «ответом на просьбу» бахрейнского правительства, «шагом, исходящим из принципа коллективной ответственности за стабильность государств Совета, определяемым Соглашением о совместной обороне» и направленным на отражение «возможной иранской агрессии»⁸.

Государства ССАГЗ координируют свою политику по широкому кругу вопросов, относящихся к сфере безопасности. Перечень специализированных комиссий, созданных для решения этой задачи, может дать представление о сферах их взаимодействия. Это Комиссия по дорожному движению, Комиссия паспортного контроля и иммиграции, Комиссия по гражданской обороне, Комиссия по борьбе с наркотиками. Кроме того, осуществляется сотрудничество между представителями правоохранительных органов, следователями по уголовным преступлениям, специалистами по обезвреживанию взрывчатых веществ и вооружения, подразделениями, осуществляющими охрану аэропортов, пограничниками, обеспечивающими безопасность сухопутных и морских границ.

В 90-е гг. XX в. государства ССАГЗ в большей мере, чем раньше, стали обращать внимание на экологический аспект безопасности — разрушение кувейтской нефтяной инфраструктуры в результате войны 1991 г. придало сотрудничеству в этой области актуальный характер. Перед членами организации вставали вопросы водной безопасности, определявшиеся загрязнением бассейна Персидского залива.

Список угроз, которые необходимо было отражать общими усилиями членов ССАГЗ, постоянно расширялся, включая, в частности, распространение ВИЧ. Для борьбы с организованной преступностью был создан орган, аналогичный Интерполу.

После 11 сентября 2001 г. государства ССАГЗ стали особо выделять терроризм среди угроз региональной безопасности и координировать свои действия по борьбе с ним. В 2002 г. члены организации приняли Маскатскую декларацию борьбы с терроризмом, спустя два года подписали Соглашение о борьбе с терроризмом, а в 2006 г. была создана Постоянная антитеррористическая комиссия ССАГЗ. Вступление членов ССАГЗ в международную антитеррористическую коалицию, как

⁸ Амин амм ли Маджлис ат-таавун ли «аш-Шарк аль-Аусат»: духуль аль-кувват аль-халиджий ли аль-Бахрейн лйса бидъа (Генеральный секретарь Совета сотрудничества заявляет «аш-Шарк аль-Аусат»: ввод войск «Щит полуострова» в Бахрейн не вымысел) // Аш-Шарк аль-Аусат : [офиц. сайт]. 2011. 16 марта. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796> (дата обращения: 17.03.2011).

и создание в феврале 2005 г. Международного антитеррористического центра в Эр-Рияде, в деятельности которого все они приняли участие, расширило их взаимодействие в сфере безопасности.

В то же время, с учетом слабых военных возможностей этих государств, было признано целесообразным обеспечить международные гарантии региональной безопасности. Поэтому члены ССАГЗ подписали оборонные соглашения с большинством постоянных членов Совета Безопасности ООН. Наиболее активно они развивают военные связи с США и странами Западной Европы, которые являются их традиционными партнерами.

Вклад США в освобождение Кувейта обеспечил Вашингтону ведущее положение во взаимоотношениях с государствами ССАГЗ в области обеспечения безопасности в 90-е гг. XX в. Вслед за Кувейтом все члены организации заключили с США двусторонние оборонные соглашения. Каждое из государств руководствовалось своими национальными интересами, поэтому формы сотрудничества не полностью повторяли друг друга. Важным аспектом военного сотрудничества между государствами ССАГЗ и США являются поставки американского вооружения. Они рассматриваются Соединенными Штатами как одна из форм размещения на территории этих государств военной техники, которую они смогут использовать в случае необходимости. Неслучайно пункт о поставках американского вооружения был включен во все оборонные соглашения между США и государствами ССАГЗ. То же самое относится и к проведению совместных военных маневров. Но при этом государства ССАГЗ стремились, как правило, избежать включения в текст соглашения пункта о предоставлении США права размещать войска на своей территории на постоянной основе. В 2000-е гг. США активизировали военное сотрудничество со странами ССАГЗ, что было связано с подготовкой, а затем с проведением военных операций в Афганистане и Ираке. В августе 2006 г. США заключили с Катаром, Кувейтом и ОАЭ соглашение о долгосрочном использовании военно-воздушных баз на территории этих государств в интересах обеспечения военных операций в Ираке и Афганистане.

После кризиса 1990–1991 гг. государства ССАГЗ начали заключать оборонные соглашения со странами ЕС. Наибольшую активность в этом плане проявила Великобритания, заключившая такого рода соглашения со всеми членами ССАГЗ. Франция следовала тем же курсом. В феврале 1993 г. соглашение о военном сотрудничестве с Саудовской Аравией и Кувейтом заключила Италия. Эти соглашения предусматривали, как правило, расширение поставок вооружения, а также проведение регулярных совместных маневров.

Государства ССАГЗ стремятся к тому, чтобы получить более широкие международные гарантии своей безопасности, поэтому они не возражают против развития военно-технических связей с Россией и КНР — постоянными членами Совета Безопасности ООН. Однако оба этих государства не прилагают усилий к тому, чтобы повысить свою роль в обеспечении безопасности региона Персидского залива путем расширения оборонного сотрудничества с государствами ССАГЗ.

В конце 1993 г. Россия и Кувейт заключили соглашение о военном сотрудничестве сроком на десять лет. Оно предусматривало закупку Кувейтом российского вооружения, стажировку и обучение кувейтских офицеров в российских военных академиях, проведение совместных военных учений и маневров. Первые маневры с участием военных кораблей обеих стран прошли в акватории Персидского залива в декабре 1993 г. Однако дальнейшая реализация этого соглашения, по сути дела, была приостановлена.

Обострение ситуации в регионе определило расширение военно-политического сотрудничества с Западом. В 2004 г. с целью сохранить статус-кво в зоне Персидского залива были установлены контакты между ССАГЗ и НАТО. 31 марта 2012 г. в Эр-Рияде прошло первое совещание комиссии по вопросам безопасности, созданной ССАГЗ и США. Ее целью является создание системы единой ракетной обороны и подключение к ней ракетных комплексов, которые развернуты в каждой стране ССАГЗ и которые отличаются друг от друга. Было также решено включить стратегическое сотрудничество по политическим, оборонным вопросам, а также вопросам безопасности в официальные рамки общего сотрудничества между двумя сторонами. Таким образом, новые угрозы безопасности заставляют членов ССАГЗ укреплять военно-политическое сотрудничество со своими стратегическими союзниками, в первую очередь с США.

Изменение ситуации в мире и развитие новых тенденций в области обеспечения безопасности отразилось и на подходах ССАГЗ к решению проблем безопасности. Выступая 11 июля 2012 г. в кембриджском Центре исследований Залива, генеральный секретарь ССАГЗ А. Л. Аз-Зайяни подчеркнул:

Неустойчивость региональной ситуации и угроза терроризма требуют укрепления отношений в сфере военного сотрудничества и борьбы с террористическими движениями не только между странами Совета сотрудничества, но и между ними и дружественными государствами. Страны Совета считают, что их безопасность и стабильность должны быть

обеспечены их собственными силами, а также развиваемым ими международным сотрудничеством⁹.

Опора не только на военную силу, но и на развитие взаимовыгодных связей с соседями и установление партнерских отношений с возможно большим числом государств получила отражение в новых подходах к обеспечению безопасности. Хотя государства-члены этой организации не сформулировали свою приверженность к таким новым концепциям, получившим распространение в странах Запада, как *Co-operative Security* или *Joint Security*, но, по сути, они придерживались их принципов.

ССАГЗ постоянно расширяет свои международные связи, развивая «стратегический диалог» с «дружественными государствами и международными организациями»¹⁰. В списке партнеров — США, ЕС, АСЕАН, Китай, Россия (с ноября 2011 г.), Турция, Пакистан, Австралия, государства Латинской Америки. Значение «стратегического диалога» состоит в том, что он создает условия для «лучшего понимания» партнерами ССАГЗ «ситуации в регионе Залива и важности обеспечения его безопасного и стабильного развития»¹¹.

Важным элементом международной деятельности государств ССАГЗ является «диалог цивилизаций, религий и культур», инициированный в 2008 г. королем Абдаллой бен Абдель Азизом и пропагандируемый созданным в Вене в октябре 2011 г. Международным центром религиозного диалога.

Концептуальные основы обеспечения безопасности, разрабатываемые ССАГЗ, включают, по мере развития организации и изменения глобальной ситуации, новые элементы, но, учитывая тот факт, что основные угрозы безопасности носят военно-политический характер, главной остается опора на развитие оборонных возможностей государств-членов и на их военное сотрудничество с союзниками.

⁹ Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварий ли муатамар Кембридж. С. 5.

¹⁰ Аль-Хивар маа ад-дувваль ас-садыка ва аль-маджмуат ад-дуввалий (Диалог с дружественными государствами и международными организациями) // Аль-Масира. 2011. Май, № 39. С. 84–85.

¹¹ Ат-Таавун аль-халиджий аль-аурубий (Сотрудничество ССАГЗ и Европейского Союза) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха : Визара аль-иалая ли Дауля Катар, 1993. Т. 12–13. С. 163.

Возможные направления и формат взаимодействия НАТО и ОДКБ по афганскому вопросу

Как известно, в настоящее время сотрудничество между Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не установлено, несмотря на многократные заявления ОДКБ о готовности начать и развивать диалог с Альянсом по вопросам безопасности и несмотря на конкретные предложения сотрудничества. В их число, помимо противодействия террористической угрозе и борьбы с незаконным оборотом наркотиков, включается взаимодействие организаций по афганской проблеме¹.

Эта проблема приобретает особую важность в связи с планируемым в близком будущем выводом из Афганистана контингентов стран — членов Североатлантического альянса и передачей полномочий по обеспечению безопасности афганским властям. В ноябре 2012 г. на Лиссабонском саммите НАТО, в ходе которого была принята новая стратегическая концепция Альянса, его лидеры подтвердили ранее озвученное президентом США Б. Обамой намерение к концу 2014 г. вывести из Афганистана войска НАТО² за исключением их представителей, которые должны остаться в Афганистане в качестве инструкторов и резерва на случай чрезвычайных ситуаций³.

Несмотря на очевидные проблемы в деятельности международной коалиции в Афганистане, она является одним из важных факторов поддержания относительной стабильности во всем регионе, включая Центральную Азию⁴. Следовательно, вывод контингентов стран — чле-

© Тимофеева У. М., 2013

¹ См.: *Бимендин А.* Заявление о налаживании взаимодействия между ОДКБ и НАТО представлено общественности. 2012. URL: <http://inform.kz/rus/article/2453703> (дата обращения: 22.04.2012); *Насретдинов Д.* ОДКБ в условиях формирования новой архитектуры международной безопасности // Дипломатическая служба. 2012. № 3. С. 21–22.

² Силы НАТО уйдут из Афганистана к концу 2014 года. URL: <http://ru.euronews.net/2010/11/21/nato-agrees-on-afghan-exit-plan-by-end-of-2014> (дата обращения: 22.03.2011).

³ Афганские силовые структуры начали сами отвечать за безопасность страны. URL: <http://ru.euronews.net/2011/03/22/karzai-names-first-phase-of-security-transition> (дата обращения: 22.03.2011).

⁴ Пункт НАТО в Ульяновске нужен для стабильности в Афганистане — Путин. URL: http://ria.ru/defense_safety/20120411/623189044.html (дата обращения: 22.04.2012).

нов НАТО из Афганистана может привести к *экспорту нестабильности* в прилегающие регионы, в том числе в Центральную Азию и на Южный Кавказ. Экспорт нестабильности может принимать различные формы — вплоть до целенаправленного, управляемого и активного проникновения диверсионно-террористических отрядов на территорию стран Центральной Азии и провоцирования масштабной партизанской войны, которая могла бы создать намного больше проблем, чем афганский конфликт в его нынешнем состоянии⁵.

Проблема 2014 остро стоит перед ОДКБ и её членами: они крайне озабочены планами Альянса по выводу войск из Афганистана в указанный срок, который, с учётом сложившейся в стране ситуации и реальной неспособности афганских силовых структур самостоятельно обеспечивать безопасность, характеризуется российской стороной как «не вполне корректный»⁶. Поэтому и ОДКБ не может остаться в стороне при урегулировании афганского вопроса, предлагая НАТО сотрудничать по ряду направлений, включая восстановление стабильности в Афганистане, противодействие террористической и наркотической угрозам и др.⁷ В свете вышесказанного представляется необходимым дать оценку потенциала, а также возможных направлений и формата взаимодействия организаций по афганской проблеме.

Существуют объективные предпосылки для сотрудничества НАТО и ОДКБ по противодействию террористической и наркотической угрозам, исходящим из Афганистана. И НАТО, и ОДКБ де-факто уже вовлечены в борьбу с терроризмом и нелегальным оборотом наркотиков и прекурсоров в регионе. Если на европейском направлении концептуальные расхождения и различные подходы к выстраиванию новой системы безопасности являются серьезным препятствием для полномасштабного всеобъемлющего или секторального сотрудничества, то в данном случае они не столь существенны и вполне преодолимы. Кроме того, хотя и частично, но в необходимой для развития партнерства на афганском направлении степени преодолено перцептивное препятствие со стороны

⁵ Вывод войск из Афганистана осложнит ситуацию в стране — генсек ОДКБ. URL: <http://ria.ru/world/20120412/624171757.html> (дата обращения: 22.04.2012); Лукьянов Ф. Афганистан без злорадства. 2010. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20101029/163925481.html (дата обращения: 08.11.2010).

⁶ Глава МИД России раскритиковал план НАТО по выводу войск из Афганистана. URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/04/20/1s424042.htm> (дата обращения: 22.04.2012); Вывод войск из Афганистана осложнит ситуацию в стране — генсек ОДКБ. URL: <http://ria.ru/world/20120412/624171757.html> (дата обращения: 22.04.2012).

⁷ Бимендин А. Указ. соч.

ОДКБ: деятельность НАТО в Афганистане не воспринимается более как нарушение *баланса угроз*, а видится фактором относительной стабильности в стране и в регионе в целом.

Потенциал взаимодействия НАТО и ОДКБ в сфере противодействия угрозам терроризма и наркотрафика, исходящим с территории Афганистана, во многом определяется перспективами преодоления Североатлантическим альянсом аналогичного перцептивного препятствия на пути установления сотрудничества с евразийским контрагентом. Иными словами, для начала диалога НАТО должно изменить свое отношение к ОДКБ и начать воспринимать ее в качестве актора безопасности в регионе.

ОДКБ, со своей стороны, не просто признает необходимость противодействия терроризму и нелегальному обороту наркотиков и прекурсоров, но и предпринимает конкретные шаги в этом направлении, закрепляя соответствующие положения в документах, определяющих деятельность организации⁸. В рамках ОДКБ сформированы специализированные структуры (например, Рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом, Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков — КСОПН), созданы многопрофильные коллективные силы (например, Коллективные силы быстрого развертывания — КСБР, Коллективные силы оперативного реагирования — КСОР). Не менее важно, что ОДКБ взаимодействует с другими международными организациями (например, с ООН) и проводит успешные многопрофильные учения и операции (например, «Рубеж» и «Канал»). Стоит также отметить, что контртеррористическая и антинаркотическая стратегии ОДКБ тесно связаны с ее пограничной стратегией, а также со стратегией пресечения незаконной миграции⁹. Все это свидетельствует как о потенциале ОДКБ в деле борьбы с терроризмом и наркотрафиком, так и о том, что в данной сфере ОДКБ способна формулировать цели, принимать решения и предпринимать конкретные действия.

⁸ ОДКБ: ответственная безопасность / С. А. Кулик, А. И. Никитин, Ю. А. Никитина, И. Ю. Юргенс ; под общ. ред. И. Ю. Юргенса. М. : Ин-т современного развития, 2011. С. 9–10. URL: <http://www.insor-russia.ru/files/ODKB-0709.pdf> (дата обращения: 06.11.2013).

⁹ Никитин А. И. Организация Договора о коллективной безопасности в современном контексте обеспечения безопасности в Евразии // В поисках новой роли: международные организации безопасности в евроатлантическом и евразийском регионах / под ред. А. И. Никитина, А. А. Казанцева. М. : МГИМО — Университет, 2011. С. 142–143.

Кроме того, необходимо обратить внимание на автономность ОДКБ, которую определяют как способность того или иного участника действовать и тем самым оказывать влияние на международную политику¹⁰. О том, что в деятельности ОДКБ это качество проявляется достаточно эффективно, свидетельствуют факты. Отмечается, например, что спад активности бандформирований в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности обусловлен деятельностью КСБР¹¹. В своём докладе за 2008 г. Международный Комитет ООН по контролю за наркотиками признал операцию «Канал» самым крупномасштабным и эффективным мероприятием по противодействию афганскому нарко-трафику¹². Автономность ОДКБ может быть интерпретирована и с позиций М. Мерля — как несводимость роли коллективного актора к ролям составляющих его участников¹³. Всё это говорит об акторстве ОДКБ в сфере противодействия террористической и наркотической угрозам в регионе. Следовательно, существуют объективные предпосылки для того, чтобы НАТО изменило свое восприятие ОДКБ и согласилось на секторальное сотрудничество, т. е. сотрудничество по этим направлениям в этом регионе.

Взаимодействие НАТО и ОДКБ по противодействию террористической и наркотической угрозам, исходящим с территории Афганистана, может осуществляться в следующих форматах, которые различаются формами и степенью координации, а также степенью обязательности совместно принимаемых решений:

1. Обмен информацией о ситуации в Афганистане, мерах, предпринимаемых для ее стабилизации. Формат может быть различным: от экспертных встреч и конференций до создания Евразийского межрегионального совета региональных организаций¹⁴.

2. Консультации по вопросам стабилизации ситуации в Афганистане, противодействия угрозам терроризма и нелегального оборота наркотических веществ и прекурсоров. Решения, согласованные в процессе консультаций, не имеют юридически обязательного характера и относятся к «мягкому праву».

3. Переговоры по вопросам стабилизации ситуации в Афганистане, борьбы с террористической и наркотической угрозами. По итогам

¹⁰ Bretherton C., Vogler J. The European Union as a global actor. London ; New York : Routledge, 1999. P. 21.

¹¹ ОДКБ: ответственная безопасность.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Bretherton C., Vogler J. Op. cit. P. 22.

¹⁴ Никитин А. И. Указ. соч. С. 145.

переговоров принимаются обязательные к исполнению решения. В качестве гарантии исполнения решений могут быть предусмотрены санкции за их нарушение.

4. Создание механизмов сотрудничества для координации контр-террористической и антинаркотической деятельности двух организаций в Афганистане.

5. Развитие функций Сил реагирования НАТО, а также КСБР и КСОР ОДКБ в направлениях совместимости, применимости и общей деятельности¹⁵.

Координация усилий НАТО и ОДКБ по противодействию террористической и наркотической угрозам, исходящим из Афганистана, может быть направлена на создание «зоны безопасности» или «пояса безопасности» по границе стран — членов ОДКБ и Афганистана. Измерения «зоны / пояса безопасности» могли бы включать **антитеррористическое** (предотвращение угрозы проникновения в страны Центральной Азии представителей исламистских вооруженных формирований, а также диверсионно-террористических отрядов; предотвращение угрозы непосредственного нападения талибов на южные районы Таджикистана и Узбекистана и др.) и **антинаркотическое** (выявление и перекрытие каналов нелегальной транспортировки наркотических веществ и прекурсоров из Афганистана).

Развитие сотрудничества по противодействию террористической и наркотической угрозам могло бы на первых порах ограничиться уровнем секторального партнерства, не оформленного в институционально-правовом плане. Чрезвычайно важным представляется создание прецедента коллективного сотрудничества двух организаций в надежде на то, что в его рамках может сработать эффект «переливания» (*spill-over*). Однако для выстраивания взаимодействия в сфере борьбы с терроризмом и нелегальным оборотом наркотиков и прекурсоров существуют и серьезные препятствия. В настоящее время ОДКБ и НАТО преследуют в Афганистане различные цели. В то время как ОДКБ стремится решить проблему и стабилизировать положение в стране, на первый план для НАТО вышли вопросы организации безопасного транзита своих контингентов и грузов из Афганистана. В свете сложившейся ситуации перспективность сотрудничества двух организаций в деле противодействия терроризму и наркотрафику в регионе можно оценить как низкую, и успех взаимодействия двух организаций будет зависеть от конструктивности подходов обеих сторон.

¹⁵ Там же. С. 148.

Что угрожает национальной безопасности России?

Термин *национальная безопасность* появился в США в начале XX в., причем на тот момент имелась в виду *внутренняя* безопасность. В 1947 г. президент США Гарри Трумэн подписал закон о создании Совета национальной безопасности (National Security Council) в качестве консультативного органа по вопросам внутренней и внешней политики. Появился также советник президента по вопросам национальной безопасности.

Год от года понятие национальной безопасности расширялось, вобрав не только защиту суверенитета и территориальной целостности государства, конституционного строя, его интересов на международной арене, но и продовольственную, энергетическую, экологическую, технологическую и информационную безопасность. Субъектом национальной безопасности считалось государство, действующее через органы исполнительной, законодательной и судебной власти. В последнее время объектом национальной безопасности стала и защита граждан, их социальных благ, прав и свобод, а также их правовая и юридическая безопасность. Соответственно, субъектом их защиты является уже и гражданское общество.

В Советском Союзе совета безопасности не было, впервые он был учрежден в 1991 г. в РСФСР, а в 1992 г. он стал называться Советом безопасности Российской Федерации. Согласно указу президента РФ № 590 от 6 мая 2011 г. он является конституционным совещательным органом при президенте, который его формирует и возглавляет, а также назначает секретаря, членов и постоянных членов совета¹.

В принятой в мае 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. безопасность трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства». Национальные интересы РФ, согласно Стратегии, являются «совокупностью внутренних и внеш-

© Кива А. В., 2013

¹ См.: Положение о Совете Безопасности Российской Федерации : утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590 // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/11/3.html> (дата обращения: 15.10.2013).

них потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства», а угрозой национальной безопасности названа «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства»².

Угрозы-провокации

Слово *безопасность* — антоним *опасности*, и задача тех, кто стоит на страже безопасности, выявлять и по возможности нейтрализовать угрозы или по крайней мере снижать их уровень. А еще они должны отделять реальные угрозы от мнимых и преднамеренно сфабрикованных ложных угроз, также направленных на подрыв национальной безопасности нашей страны. Есть примеры того, как советское руководство попадалось в ловушки, которые Запад, и в частности США, составляли с целью нанести ущерб жизнеспособности СССР. Доказанным фактом является то, что широко разрекламированная в США программа переноса гонки вооружений в космос («звездные войны») в рамках так называемой Стратегической оборонной инициативы (Strategic Defense Initiative — SDI) была такой ловушкой. Советник по национальной безопасности президента США Рональда Рейгана Роберт Макфарлейн после ухода в отставку признал, что это была не военная, а политическая акция, призванная втянуть СССР в непосильную для него гонку вооружений с целью истощения его ресурсов, ухудшения качества жизни населения и роста его недовольства существующей системой³.

В вышедшей в 1995 г. книге американского автора Петера Швейцера «Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря», в ходе работы над которой, по его словам, он консультировался в том числе с бывшими высокопоставленными чиновниками администрации США, подтверждается то, о чем говорил Макфарлейн. Так, П. Швейцер пишет, что в 1983 г. Советом по национальной безопасности по инициативе президента Рейгана была разработана сверхсекретная программа, направленная на подрыв жизнеспособности СССР. Она включала в себя военную и финансовую помощь афганским моджахедам и перенос их действий на советскую территорию;

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.

³ См.: Краткая история «звездных войн». URL: <http://grani.ru/Politics/m.5052.html> (дата обращения: 15.10.2012).

меры по резкому сокращению поступлений в СССР валюты за счет снижения цен на нефть (что стало возможным в результате ее выброса в крупных объемах на мировой рынок Саудовской Аравией по настоянию США) и по ограничению экспорта советского природного газа в страны Запада; всестороннюю и детально разработанную психологическую войну; комплексные акции международного масштаба с применением тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа СССР к западным технологиям; масштабную техническую дезинформацию с целью нанесения ущерба советской экономике; провоцирование СССР на новый тур гонки вооружений. Эта программа предусматривала и меры по дестабилизации обстановки в других социалистических странах⁴.

Но тут необходимо уточнение. Если реализация этой программы и способствовала краху социализма в СССР и развалу страны, то только потому, что в 80-е гг. ее общественный и государственный строй переживал глубокий кризис. Когда СССР развивался по восходящей, никакие заговоры и подрывные действия, которые имели место фактически с момента победы Октябрьской революции в России и создания СССР, не достигали успеха. Более того, тогда советские спецслужбы часто переигрывали западные спецслужбы, что тоже хорошо известно. Как известно и то, что крупные американские ученые тайно помогали СССР как можно скорее обзавестись атомным оружием, чтобы лишить США монополии на него — собственному истеблишменту они не доверяли. Но даже и в годы кризиса СССР при более высоком качестве советского руководства можно было бы не доводить дело до развала реального социализма и советской государственности, а реформировать их. Именно по этому пути пошел Китай. Но в последние годы существования СССР в сознание социально активной части советского общества радикально-либеральными западниками, которые при содействии некоторых лиц из близкого окружения М. С. Горбачева заняли сильные позиции в СМИ, внедрялась мысль: реальный социализм не реформируем, а к демократии можно прийти только путем разрушения СССР и создания на его месте нового Союза.

Правда и в том, что пожизненное правление дряхлеющих коммунистических «вождей» так надоело многим из нас, как и существовавший порядок запретов и ограничений, что любое будущее казалось лучше настоящего. И в правящей верхушке не угадывался человек, по таланту и мировоззренческим позициям близкий Дэн Сяопину. Ведь хрущевскую оттепель консервативное крыло в руководстве КПСС не

⁴ Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. URL: <http://www.en.bookfi.org/book/755722> (дата обращения: 15.10.2012).

очистило от «благоглупостей» малообразованного Н. С. Хрущева, а заморозило, а реформы одного из самых талантливых советских управленцев Н. А. Косыгина — сорвало. Была реальная опасность, что реакционное крыло компартии так же поступит и с перестройкой.

Так или иначе, но важнейшая задача аналитиков всех структур национальной безопасности — уметь отделять реальные угрозы от мнимых, от хитроумных и глубоко законспирированных провокаций, нацеленных, например, на то, чтобы побудить Россию тратить огромные средства на что угодно, только не на развитие экономики и научно-технической сферы.

Угрозы мнимые

К мнимым угрозам можно отнести *оранжевые революции* и *арабскую весну*. Боязнь повторения в России тех событий, которые происходили на Украине, в Грузии и ряде других стран и получили название оранжевых революций, у российского руководства, осмелюсь утверждать, носит иррациональный характер. Очевидно, она рождается на подсознательном уровне из того факта, что они, власти, многое делают не в интересах народа, который в каком-то будущем может с них за это спросить. Сам факт появления в стране с преобладанием бедного и полупнищего населения большего числа долларовых миллиардеров, чем в самых богатых странах, кроме США, уже о многом говорит. Да и тотальная коррупция пошла не снизу вверх, а сверху вниз. А трата народных средств на спортивные цели, превышающая расходы на развитие науки и высоких технологий, вообще выходит за рамки здравого смысла. Нашлось бы много вопросов, на которые властям трудно было бы дать вразумительные ответы.

Что же касается *оранжевой революции*, то, на мой взгляд, мы прошли через нее в 90-е гг. XX в. В самом деле, что такое оранжевая революция? Это, с позволения сказать, революция, которая готовится, направляется и осуществляется праволиберальными силами, тесно связанными с Западом, а нередко и при участии его эмиссаров. Так, по крайней мере, было в Украине. А что происходило в России в 90-е гг.? Либералы-западники реализовали созданную в США модель реформ при непосредственном участии американских советников во главе с профессором Колумбийского университета Джефффри Саксом и под пристальным присмотром Международного валютного фонда, который буквально диктовал команде Гайдара — Чубайса, что им делать и в какой последовательности. Более ярко выраженную «оранжевую революцию» даже трудно себе представить. Как и трудно найти более разрушительные и всем очевидные ее результаты: развал экономики, ВПК,

уничтожение научно-технического потенциала, разрастание коррупции и организованной преступности, резкое падение духовности и нравственности, появление феномена *сверхсмертности*.

Поэтому можно смело утверждать: либералы-западники настолько себя скомпрометировали в 90-е гг., что ни сейчас, ни в обозримой перспективе либеральная революция России не грозит. Не грозят ей и события, подобные *арабской весне*. Там, кроме глубокой пропасти между богатыми и бедными, чрезвычайно высокого уровня коррупции, фальсификации результатов выборов в органы власти, а в большинстве стран — и массовой нищеты, была еще и огромная безработица среди молодежи, которая в результате демографического взрыва составляет едва ли не большую часть населения арабских стран. В переживающей глубокий демографический кризис России мало молодежи, и среди нее нет массовой безработицы и нищеты — по крайней мере в больших городах, в которых обычно и зарождаются протестные и революционные движения.

А что касается нервной реакции властей (давшей начало новому витку закручивания гаек) на проходившие весной 2012 г. на Болотной площади и проспекте им. А. Д. Сахарова митинги протеста против предполагаемой массовой фальсификации результатов выборов в Государственную Думу, то ее тем более трудно понять. Это типичные митинги «возмущенных», как их называют в Америке и Европе. Только если там они носили действительно массовый характер, причем нередко с битьем витрин, переворачиванием автомашин, бросанием в полицейских камней, частей железных ограждений, бутылок с зажигательной смесью, то у нас в них принимала участие немногочисленная и вполне обеспеченная, по преимуществу либеральная и мирно настроенная интеллигенция. «Картину портили» лишь группировки левых радикалов, среди которых оказались анархисты и экстремисты. Однако ни те, ни другие не имеют массовой поддержки в обществе и не представляют опасности для существующего режима. Что действительно может пугать власти, так это пробуждение активности гражданского общества, которое способно поднимать неприятные для них (властей) вопросы. Например, о степени их легитимности, поскольку в обществе широко распространено мнение о том, что угодные властям результаты выборов достигаются не посредством свободного волеизъявления народа, а путем административного давления и массовых фальсификаций.

Угрозы реальные

Если вина советских руководителей в том, что они довели великую страну до глубокого кризиса ее общественного и государственного

строю, то вина первого президента России в том, что страна пошла по ложному пути развития. Б. Ельцин оказался не тем, за кого себя выдавал. Завоевав популярность в борьбе с привилегиями советской номенклатуры, он вскоре окружил себя новоиспеченными олигархами, среди которых были и откровенные жулики. Не умея вести диалог с законодательной властью в лице Верховного Совета РСФСР, он довел дело до острого с ней противостояния. Росчерком пера ликвидировав законодательную власть, он вооруженной силой подавил ее сторонников. А потом позволил корыстолюбивым «царедворцам» вписать в проект Конституции необъятные полномочия президента при резком сокращении прерогатив парламента в лице Государственной Думы и судебной системы, не отдавая себе отчета в том, что президентская власть не может нормально функционировать без сдержек и противовесов, что в России еще не изжито царистско-вождистское массовое сознание, что такая власть при определенных условиях может переродиться в диктатуру. А когда разразился мировой скандал по поводу коррупции, будто бы поразившей не только высший эшелон российской власти, но и семью Ельциных, он сделал ставку на бывших работников КГБ, которые, как якобы внушило ему окружение, только и способны защитить его и семью от судебного преследования⁵. Как будто он не знал, что людей в погонах учили чему угодно, но только не демократии и поискам компромиссов с оппозицией в решении жизненно важных для страны вопросов.

В постсоветской России, как это было и в СССР, угрозой национальной безопасности может стать сама политическая система. Фактически лишенная сдержек и противовесов, исполнительная власть может принимать плохо продуманные и просто опрометчивые решения по вопросам стратегии развития страны, кадровой политики, расходования бюджетных средств. Именно поэтому на ответственных постах у нас часто оказываются откровенно некомпетентные и сомнительных достоинств люди, например бывший министр обороны Анатолий Сердюков. Отсюда основная угроза национальной безопасности в РФ, как это было и в СССР, стала носить не внешний, а **внутренний** характер.

Исходя из ошибочного предположения о дальнейшем росте цен на нефть и газ на мировых рынках и делая ставку на иностранные инвестиции, исполнительная власть во главу угла поставила не модернизацию созданной еще в далекие советские годы промышленности, развитие до предела изношенной инфраструктуры и понесшей серьезные потери академической и прикладной науки, а дорогостоящие престижные проекты. В их числе строительство горнолыжного курорта в Сочи в

⁵ См.: Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. 2007. 9 октября.

рамках создания инфраструктуры для проведения зимней Олимпиады, обустройство острова Русский для проведения саммита АТЭС и создание там национального исследовательского университета без учета реалий того региона и целый ряд других высокозатратных проектов, не имеющих отношения к развитию жизненно важных для страны сфер. Как заявил по ТВ один чиновник, вопрос не в деньгах, а в том, что грандиозный олимпийский проект покажет миру, что Россия все еще сверхдержава. Да, размах трат редкий, с ним трудно сравнивать даже расходы на аналогичные проекты Китая, имеющего огромные валютные резервы. Так, на строительство железной дороги от города Цинхай до Тибета протяженностью 1142 км, которая проходит на высоте 4–5 тыс. км и через районы вечной мерзлоты, было затрачено менее 5 млрд долларов. Строительство спаренной железной и шоссейной дороги от города Сочи до горнолыжной базы в Красной поляне, по оценкам, обошлось в 10 млрд долларов. При этом считать российские расходы бесцельными нельзя: после олимпиады Сочи станет фешенебельным морским и горнолыжным курортом для элиты.

Самым слабым звеном внутренней безопасности стал сырьевой характер экономики. Новизна нынешней ситуации в том, что важнейшие потребители российских углеводородов — страны Запада — активно работают над созданием новой экономики, не загрязняющей окружающую среду и, соответственно, не использующей минеральное топливо. В среднесрочной перспективе в России себестоимость добычи нефти будет увеличиваться, а запасы ее рентабельной добычи сравнительно невелики. И есть опасность в обозримой перспективе превратиться из экспортера нефти в ее чистого импортера, как это случилось вначале с Китаем, а потом и с Индонезией. На газовом рынке ожидается усиление конкуренции, а себестоимость добычи газа у нас будет возрастать. В то же время огромные, легкодоступные и низкие по себестоимости запасы природного газа имеются в Катаре, а США добились крупных успехов в добыче сланцевого газа по новым технологиям и планируют через несколько лет экспортировать его в сжиженном виде в Европу. К экспорту сланцевого газа готовятся Канада и Австралия. Есть запасы горючих сланцев в Польше и ряде других европейских стран. Богата ими и Украина, которая уже заключила соглашение с компаниями Shell и Chevron на добычу сланцевого газа в Донецкой области. Но самые большие в мире запасы горючих сланцев имеются в Китае, который, конечно же, будет их разрабатывать. Руководство «Газпрома» игнорировало факт начала «сланцевой революции» и продолжает тратить немалые средства, включая заемные, на прокладку новых трубопроводов, в том числе в восточных регионах страны. Но уже сейчас Китай

готовов покупать наш газ только по цене, которая ниже его себестоимости, а что будет дальше?

Несырьевую экономику нельзя построить без развитой науки и научно-технической инфраструктуры. Директор Института США и Канады РАН член-корреспондент РАН С. М. Рогов описывает мрачную картину изменений в российской науке за годы либеральных реформ:

...резко сократилось бюджетное финансирование НИОКР, уменьшилась почти в 3 раза численность научных исследователей, произошла утрата целых научных школ... В этих условиях чуть ли не единственным уцелевшим оплотом науки в нашей стране оказалась Российская академия наук, главной задачей которой является осуществление фундаментальных исследований. Но и РАН понесла немалые потери. Не секрет, что уже на протяжении многих лет академия фактически ведет борьбу за выживание. В 2009 г. бюджет составлял всего 46 млрд, или 1,5 млрд долл.⁶

Это бюджет одного американского, причем среднего, университета, коих там сотни. Соответственно, и расходы на НИОКР в России от мировых расходов на эти цели составляют 2% — против 35% в США, 12,6% в Японии, 11,2% в Китае. Неудивительно, что удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%⁷. Откуда взяться инновациям при таких мизерных расходах на НИОКР и на российского исследователя, которые в пять раз меньше, чем в США и Германии, в четыре раза меньше, чем в Великобритании, Франции и Японии, и в три раза меньше средних общемировых расходов?⁸ При таком положении дел *утечка умов* будет продолжаться, а ведь за годы либеральных реформ страна уже потеряла от 100 до 250 тыс. ученых⁹. За крик отчаяния можно принять заявление вице-президента РАН Александра Некипелова:

Российская наука выжила в 1990-е годы, но сейчас рискует исчезнуть. Беспокоит и то, что проделана «большая» работа по дискредитации науки в глазах общества¹⁰.

⁶ Рогов С. М. Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М. : ИНЭС, 2010. С. 488.

⁷ Там же. С. 488–489.

⁸ Там же. С. 492.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: РАН попросила 15 миллиард рублей на «выживание» // KM.ru. 2011. 20 мая. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/05/20/nauka-i-innovatsii-v-rossii/ran-poprosila-15-milliard-rublei-na-vyzhivanie> (дата обращения: 21.05.2011).

По мнению Некипелова, если сейчас правительство РФ не обратит внимания на академическую науку, то в конечном счете «никакой серьезной науки в стране не останется»¹¹. Он же подчеркнул: в 90-е гг. высшая школа лишилась науки, и быстро создать ее не получится. Что касается низкой цитируемости российских ученых, то она, по словам А. Некипелова, прямо пропорциональна доле финансирования науки в общемировом масштабе. Но что самое удивительное, вице-президент РАН оценил размер помощи науке в 15 млрд рублей. Только на создание условий для проведения зимней Олимпиады в Сочи, по оценкам, мы затратим более 1 трлн рублей, не считая многократно увеличившихся расходов на развитие спорта вообще, а такую мизерную сумму не можем найти?! В СССР тоже придавали большое значение спорту, но расходы на его содержание были в десятки раз меньше, чем на развитие науки и высоких технологий. То же имеет место и в нынешнем Китае.

Беспокойство вызывает и стремление наших властных неолибералов, ухудшая финансирование РАН, сознательно принижая ее роль в научно-техническом развитии страны, заменить ее университетской наукой. Академик РАН Владимир Захаров, который многие годы возглавлял Институт теоретической физики им. Л. Д. Ландау РАН, является лауреатом Государственной премии СССР и РФ, обладателем престижной международной медали Дирака¹², ныне в основном живущий в США, где он занимает должность *Regent's Professor* Университета Аризоны, может объективно судить о роли в России как университетской, так и академической науки. Он подчеркивает:

Академическая наука находится в бедственном состоянии, а заменить ее ничем. Для исторически сложившейся в России формы организации и управления научным сообществом с помощью академических структур в настоящее время не просматривается альтернативы. Взятый же правительством курс — закупать новые технологии за рубежом и от туда же приглашать на работу специалистов — убьет российскую науку окончательно... Нет альтернативы Академии наук и как органу, способному провести серьезную научную экспертизу¹³.

Следуя примеру Запада, руководящие наукой чиновники стали делать ставку на развитие университетской науки. Как пишут изучавшие развитие университетской науки в Китае Ярослав Кузьминов и Ма-

¹¹ Там же.

¹² Медаль Дирака присуждается Международным центром теоретической физики за выдающиеся достижения одновременно в физике и математике.

¹³ *Захаров В. Е.* Наука в России и современном мире // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М. : ИНЭС, 2010. С. 512.

рия Юдкевич, там на этом направлении благодаря активной государственной поддержке достигнуты немалые успехи. В последние годы, отмечают они, и у нас были выделены «три группы ведущих университетов: МГУ и СПбГУ, семь федеральных и 14 национальных исследовательских университетов (НИУ), которым оказывается специальная поддержка»¹⁴. Однако «собственно исследований в этом списке нет. Отсутствует и повышенное финансирование зарплаты преподавателей, без чего странно вообще ставить вопрос об обновлении кадров»¹⁵. Иначе говоря, серьезного финансирования науки не получили и НИУ. Поэтому неудивительно, что в рейтинге лучших университетов мира 2011/2012 от независимого агентства «Quacquarelli Symonds» ни один из российских вузов не попал в первую сотню, в то время как китайские университеты там заняли пять мест¹⁶. И заметим, никто в Китае не поднимает руку на авторитет Академии наук, более того, все крупные государственные проекты направляются на экспертизу вначале в АН КНР, потом в Инженерную академию и Академию общественных наук и лишь затем передаются в правительство.

В абсолютном большинстве российских вузов научные исследования являются второстепенной после обучения студентов задачей, кроме того, у них нет опытно-конструкторской базы и всего того, что имеют университеты в развитых странах. Центром научных исследований, и тем более фундаментальных, всегда была Академия наук. Да, в ней немало рутины, но легче избавиться от рутины, чем создать что-то совершенно новое, уничтожив академию. Даже отличавшемуся сумасбродством Н. С. Хрущеву не удалось ликвидировать Академию наук — воспротивилось большинство членов Политбюро.

Нам реально грозит дезинтеллектуализация общества из-за неуклонной *утечки умов*, которую не остановить, если власти не изменят отношение к науке, в том числе к оплате труда ученых. Согласно данным о доходах ученых в государственных вузах 28 стран, в Канаде профессор получает в среднем в месяц 5390 евро, в Британии — 4452 евро, в Южной Африке — 6531 евро, в Индии — 4496 евро, в Саудовской Аравии — 4496 евро, а в России — 462 евро¹⁷. Но дело не толь-

¹⁴ Кузьминов Я., Юдкевич М. Университеты Китая: уроки «младшего брата». URL: http://www.examen.ru/main2/news_and_articles/articles/Chinese-Universities (дата обращения: 15.10.2012).

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <http://e-educ.ru/240-reyting-luchshih-universitetov-mira-20112012-ot-quacquarelli-symonds...> (дата обращения: 15.10.2012).

¹⁷ Сколько зарабатывают профессора в Голландии. URL: <http://www.eurogates.ru/news/a/8101/zarplata-professora-v-gollandii/> (дата обращения: 15.10.2012).

ко в зарплате, но и в научном оборудовании и в статусе ученого, который в РФ усилиями пропаганды оказался на самой низкой ступени в рейтинге престижных профессий.

Серьезной опасностью для России является демографическая ситуация. Людей больше умирает, чем рождается, и такая тенденция будет сохраняться, по мнению демографов, еще целый ряд лет из-за *демографической ямы* 90-х гг. Сказывается и то, что в России слишком много людей рано уходит из жизни вследствие несвоевременного лечения или отсутствия современного медицинского оборудования, в результате неестественной, в том числе насильственной, смерти и несчастных случаев. Растущей угрозой для общества становится наркомания, особенно среди молодежи. Не остановлена и алкоголизация населения.

Мы не добились продовольственной безопасности и немалую часть продовольствия импортируем.

Остро стоит проблема сплочения народа. Но на этом пути слишком много препятствий, и прежде всего глубокая пропасть между богатым меньшинством, с одной стороны, и бедным, полунцим и просто нищим большинством, с другой. Многие россияне не считают справедливым передел собственности в 90-е гг., одинаковый процент подоходного налога для богатых и бедных, жалуются на произвол чиновников и стражей порядка. Они не понимают, что мы строим и куда идем, а власти не могут им объяснить, поскольку сами этого не знают. В том числе и поэтому все попытки найти объединяющую общество идею заканчивались провалом. Ставка некоторых высоких чиновников на победы в спорте как на объединяющую народ идею более чем сомнительна, а разговоры тех, кто считает, что объединить общество может религия и нагнетание неприязни к Западу, отдают давно прошедшими временами.

Еще одна серьезная угроза национальной безопасности — это рыночный фундаментализм. Две великие державы, Китай и Россия, с небольшим временным разрывом встали на путь глубоких реформ. Но если за 20 лет сильно отстававший от России Китай совершил индустриализацию, то в нашей стране, наоборот, за те же 20 лет произошла деиндустриализация. В чем причина такого редкого в мире феномена? «Настоящая причина одна, — говорит член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Руслан Гринберг, — инфантильно-привинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленно обогащения, оказалось закрыто или заброшено»¹⁸. И дело не только

¹⁸ Гринберг Р. Шансы: Третья улыбка Фортуны // Ведомости. 2009. 1 июля.

в позиции команды Гайдара — Чубайса и их нынешних последователей во власти. «Нужно констатировать, — указывает Р. Гринберг, — что мировоззрение президента, как это ни печально, больше тяготеет к школе саморегулирования. Не факт, что оно уже устоялось...»¹⁹ Действительно, в последнее время президент Владимир Путин делает акцент на развитие реального сектора экономики, а приход в Кремль в качестве экономического советника президента такого авторитетного и независимого ученого, как академик РАН Сергей Глазьев, может позитивно повлиять на экономическую позицию государства.

Однако пока ситуация тяжелая. И дело не только в том, что так называемая точка невозврата уже пройдена: в стране нет ни промышленной базы, ни научно-технического потенциала, ни инженерно-технических кадров, ни даже квалифицированных рабочих, чтобы в ближайшей исторической перспективе построить инновационную экономику. Дело в том, что если мы не создадим жизненно нужные стране производства и не поднимем аграрный сектор, чтобы обеспечить себя продовольствием до того, как кончатся доходы от экспорта сырья, то развитие страны может пойти по худшему сценарию. Сократятся закупки за рубежом продовольствия и промышленных товаров бытового назначения, вырастет безработица и упадет рождаемость, как то произошло в 90-е гг. Ограниченность средств сделает невозможным активную модернизацию устаревшего оборудования и инфраструктуры, а также парка гражданских самолетов, что только умножит случаи техногенных аварий и катастроф, которые уже сейчас случаются невероятно часто. По этой же причине государство не сможет оказывать финансовую поддержку проблемным регионам, в которых сильны сепаратистские тенденции и имеется экстремистское подполье, могущее резко активизировать террористическую деятельность. Не будет возможности и вкладывать крупные средства в развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока как важных кладовых сырья, которые в постсоветские годы сильно обезлюдели и в которых производственная сфера и инфраструктура пришли в упадок. В итоге может подвергнуться серьезной опасности территориальная целостность России.

Но если руководство страны осознаёт серьезность проблемы, не будет тратить огромные средства на престижные проекты и сократит раздутые расходы на бюрократию и военные цели, не равняясь на США (у которых в десять раз больший ВВП и научно-технический потен-

¹⁹ Гринберг Р. Философия кубышки. URL: <http://rusref.nm.ru/kubyska.htm> (дата обращения: 15.10.2012).

циал), а станет придерживаться *принципа достаточности*²⁰, как это делает Китай; если потребители наших сырьевых ресурсов отложат переход на альтернативные источники энергии; если власти в борьбе с коррупцией перейдут от слов к делу, перекроют путь вывоза из страны капитала и вывода активов крупных компаний в офшоры и сумеют создать благоприятный инвестиционный климат — то развитие России может пойти по восходящей. Только планы развития страны должны быть реальными без привычного для нынешних властей пиара (которого, кстати, нет в Китае), и их не должны составлять те, кто по-прежнему стоит на позиции «рынок сам все расставит по местам». А именно они (ведущие либеральные экономисты из НИУ «Высшая школа экономики» и Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) работали над вторым вариантом документа «Стратегия — 2020», таким же далеким от реальности, как и первый. Чиновникам пора осознать: пиар сбивает с толку людей и не способствует их мобилизации для решения каких-то крупных и жизненно важных для страны проектов, а утопии — всегда реакционны. Попытка их реализации приводит к напрасной трате материальных и интеллектуальных ресурсов, нередко ломает судьбы талантливых и честных людей, встающих на пути строительства потемкинских деревень. Многие из нас хорошо помнят, какие негативные последствия имели планы Хрущева построить коммунизм за 20 лет или попытка команды Горбачева одним махом покончить с пьянством и алкоголизмом.

Международная составляющая национальной безопасности России. Реальной угрозой является резко возросший в последние годы приток в Россию героина из Афганистана через соседние азиатские страны. Потенциальной — возвращение талибов к власти после вывода из Афганистана войск США и их союзников и теоретически возможные попытки с их стороны распространять радикальный ислам на страны Центральной Азии и российские регионы, в которых проживают народы исламской культуры. Потенциальная угроза связана и с соседними странами, обладающими или стремящимися обладать ядерным оружием. Это Северная Корея и Иран. В случае их вооруженных конфликтов с другими странами с применением ядерного оружия могут пострадать и соседние с ними российские регионы.

На национальную безопасность России нельзя смотреть в отрыве от того, как у нее складываются отношения с основными мировыми

²⁰ Данный принцип означает отказ от гонки вооружений, но в то же время предполагает наличие такого арсенала оружия массового поражения, который будет сдерживающим фактором для любого потенциального агрессора.

центрами силы, и в частности с КНР (с которой у нас на данный момент существуют стабильно добрососедские отношения) и США (которые, наряду с Россией, обладают огромным ракетно-ядерным потенциалом и играют особую роль в международных отношениях). За исключением иногда появляющихся конфликтов национальных интересов, нет объективных причин для того, чтобы отношения между РФ и США не были конструктивными, взаимовыгодными. Нет больше «холодной войны», двух противоборствующих систем и самого государства как носителя идеи победы социализма над капитализмом. К сожалению, субъективные причины остаются, поскольку и у них, и у нас есть *дети холодной войны*, а некоторые политики одержимы имперскими амбициями.

* * *

Как говорится в русской пословице, на Бога надейся, а сам не плошай. Если мы лишимся возможности производить современное оружие, то всякое может случиться. Еще раз процитирую академика РАН В. Захарова:

С упадком образования придется распрощаться с надеждой развивать у себя новые технологии — для этого нужны высококвалифицированные кадры. Более того, даже поддержание уже имеющейся технически сложной инфраструктуры станет проблемой, и техногенные катастрофы, вроде той, что случилась на Саяно-Шушенской ГЭС, станут обыденным делом. Страна, не способная идти в ногу с техническим прогрессом, довольно скоро станет беспомощной в военном отношении. Через 10–15 лет произведенное нами оружие будет относиться к будущим стандартам, как арбалет к автомату. На ядерное оружие надеяться не стоит. Для его воспроизводства и обслуживания тоже нужны высококвалифицированные специалисты. И мы вряд ли окажемся способны производить высокоточное роботизированное тактическое оружие. Или правительство надеется покупать также и военные технологии?²¹

Без развитого инновационного сектора и без современной промышленности в XXI в. не может быть современных вооружений. И в том, что г-н Сердюков предлагал закупать бронетранспортеры у Италии, нет ничего нового: мы уже приобретаем военные суда у Франции, готовы были у кого-то покупать «беспилотники», а наши военные самолеты уже давно оснащаются французской и израильской авионикой. Так что предупреждение ученого о возможных тяжелых последствиях для страны, которые повлечет гибель науки, отнюдь не являются выдумкой.

²¹ Там же. С. 515.

**Представления российских студентов о безопасности
(по материалам опросов в университетах Сибири
и Дальнего Востока)¹**

Концепт *безопасность* в разных культурах и обществах включает, наряду с общечеловеческими смыслами, представления о безопасности и способах ее достижения, формирующиеся под влиянием местной социокультурной среды². Анализ представлений о безопасности позволяет определить, какие ее аспекты наиболее значимы для общества или отдельной социальной группы, какова оценка безопасности на данный момент, кем и какими средствами она должна обеспечиваться. Иными словами, представления о безопасности несут в себе информацию о *культуре безопасности*, сложившейся в том или ином обществе.

Для исследования в качестве референтной группы была выбрана студенческая молодежь. Способом зондирования представлений студентов о безопасности стали экспресс-опросы в формате фокус-групп. В 2011–2012 гг. такого рода опросы были проведены среди студентов Алтайского государственного университета (г. Барнаул), Иркутского государственного университета и Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). Всего в исследовании участвовали 136 студентов специальностей «История», «Международные отношения», «Регионоведение» и «Социальная работа».

Полученные результаты нельзя, конечно, автоматически переносить на всех студентов, тем более на молодежь в целом. Вместе с тем представления студентов указанных специальностей о безопасности, по моему мнению, особенно интересны: именно они по окончании обуче-

© Бочкарева И. Б., 2013

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта научных исследований «Центрально-Азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность», № 12-31-09012. Автор выражает свою глубокую благодарность Надежде Цой, любезно предоставившей материалы проведенных ею в 2011 г. опросов студентов Дальневосточного федерального университета.

² Основания для подобного суждения дают материалы и полевые исследования участников (включая автора) междисциплинарного международного семинара, проходившего в г. Суздаль в ноябре 2011 г. См.: Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 201–212.

ния чаще других выпускников пополняют ряды работников органов управления, учреждений образования, различных социальных служб и, следовательно, в перспективе могут оказывать влияние и на культуру безопасности, и на политику государства в области безопасности.

I

Сценарий опроса включал в себя три этапа³. На первом студентам было предложено письменно сформулировать свое определение безопасности. Таким образом предполагалось выяснить стереотипы восприятия ими этого состояния.

Исходя из того, что русской и советской политической культуре исторически присуще восприятие государства как высшей ценности и совокупности институтов, стоящей над обществом, коллективом, семьей, а в основе официальной политики Российской Федерации в сфере безопасности лежит государствоцентричная модель⁴, можно было ожидать, что в студенческих определениях безопасности государство будет лидировать в качестве и субъекта, и объекта. Однако 106 из 136 респондентов, то есть абсолютное большинство (78%), в качестве субъекта / объекта безопасности поставили человека и написали об условиях, обеспечивающих его достойное существование. Лишь в 10 ответах (7%) наряду с человеком в качестве субъекта / объекта фигурирует государство, и только в нескольких из таких ответов безопасность определялась как национальная, государственная безопасность. В остальных определениях вообще не был указан субъект безопасности, а сама она определялась методом от противного — как отсутствие угрозы и опасности.

Если соотнести ответы студентов с положениями основных концепций безопасности, то вырисовывающиеся из этих ответов представления больше соответствуют концепции *человеческой (human)* или *общей / совместной (common)* безопасности, нежели безопасности национальной. Основное положение концепции общей безопасности заключается, пожалуй, в том, что как субъект и объект безопасности человек должен быть не менее значимым, чем государство. Соответственно, безопасность жизни, прав и достоинства отдельного человека, малых и крупных человеческих общностей не менее, если не более, важна, чем

³ Сценарий опроса был разработан С. А. Панариным.

⁴ Об этом убедительно свидетельствуют Концепция национальной безопасности в редакциях 1997 и 2000 гг. (Рос. газ. 1997. 29 сентября; Независимое военное обозрение. 2000. 14 января) и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/sections/3/> (дата обращения: 23.09.2013)).

сохранение территориальной целостности государства и его политического строя⁵. Хотя ответы студентов, конечно, определялись не знакомством с положениями данной концепции, а скорее тем, что личная безопасность является наиболее значимой для каждого человека.

В представлении большинства студентов безопасность — это благоприятные внешние условия, необходимые для нормальной жизнедеятельности личности и государства. На втором месте по частоте оказываются ответы, в которых безопасность раскрывается через психологические состояния человека, — чувство защищенности, уверенности, спокойствия, доверия. Лишь пять респондентов истолковали *безопасность* как норму и право, прежде всего как право на личную неприкосновенность.

На формирование представления о безопасности оказывает влияние состояние личной идентичности, актуализирующее для человека его онтологическую безопасность. Понятие *онтологическая безопасность* (*ontological security*) обозначает «присущее людям чувство безопасности, упорядоченности и правильности их жизни»⁶. Считается, что наиболее отчетливо это чувство ощущается в случае устойчивой личной идентичности, не меняющейся в течение продолжительного времени⁷. Анализ ответов с точки зрения онтологических аспектов безопасности — по крайней мере, тех, которые позволяли это сделать, — показал, что в представлении большинства студентов безопасность отождествляется преимущественно с ее базовым уровнем — с **экзистенциальной** безопасностью, то есть с безопасностью жизни и здоровья, физического и психического (*отсутствие опасностей, которые могут причинить вред как физический, так и моральный; состояние, при котором человек не чувствует угрозы для своей жизни, чувство защищенности*). И в ряде случаев физическая безопасность дополняется **экономической и социальной** (*сохранение жизнедеятельности, сопровождающееся неприкосновенностью личности, нормальными условиями труда; состояние, при котором отсутствует угроза жизни и имущества*).

Если попытаться ответить на вопрос о том, что, помимо СМИ и социокультурной среды, влияло на представления студентов, то стоит обратить внимание на их специализацию. Влияние профессиональных

⁵ Подробнее о концепции *common security* см.: Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина ; Моск. Центр Карнеги. М., 2000. С. 26–31.

⁶ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь : пер с англ. / под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд. М. : Экономика, 2004. С. 179.

⁷ См. в этой связи: Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

знаний на представления о безопасности и на язык, используемый для выражения своих представлений, становится заметным у студентов старших курсов. В частности, суждения о безопасности в аспекте национальной безопасности появляются только у студентов пятого курса, обучающихся по специальностям «Международные отношения» и «Регионоведение», программы которых включают дисциплины «Национальная безопасность», «Теория международных отношений», «Конфликтология». С другой стороны, ответы студентов специальности «Социальная работа» отличает внимание к таким аспектам безопасности, как психологическая защищенность, устойчивость личности к стрессам, вознаграждающая занятость. Однако фактор специальности не являлся доминирующим, поскольку большая часть определений носит нейтральный характер и не указывает на специализацию студентов; хотя можно предположить, что в перспективе влияние профессии на их представления будет усиливаться.

Итак, анализ студенческих дефиниций безопасности показал: приоритетным объектом безопасности для них является человек, а ядро представлений о безопасности составляют базовые универсальные ценности.

II

Ответы студентов лишний раз подтвердили: понятие *безопасность* — многоуровневое, сложное по содержанию. Поэтому задачей второго этапа опроса стала расстановка приоритетов безопасности. Студенты должны были предложить свою иерархию определений безопасности с точки зрения их значимости. Для этого ответы студентов были в зависимости от содержания объединены в несколько категориальных групп. Хотя опросы проходили по одному сценарию, методика их проведения на втором этапе имела свои особенности в отдельных фокус-группах: варьировались критерии, по которым определения безопасности объединялись в категориальные группы. Вместе с тем, если обобщить все предложенные варианты группировки, их можно свести к трем основным совокупностям определений, вокруг которых велось обсуждение во всех фокус-группах. Первую совокупность составили определения безопасности как субъективного внутреннего ощущения защищенности человека. Наиболее типичное определение:

Безопасность — чувство защищенности, комфорта, когда действие внутренних и внешних факторов не беспокоит человека.

Во вторую совокупность вошли ответы, в которых содержание понятия *безопасность* четко объективировано:

Безопасность — состояние / положение, при котором отсутствует угроза жизни, свободе и здоровью человека.

В третью совокупность включены определения, в которых в качестве субъекта / объекта безопасности фигурировало государство:

Безопасность — состояние, которое государство создает для своего мирного существования.

Для решения задач второго этапа исследования студенты во всех фокус-группах были поделены на мини-группы, их в общей сложности получилось 26. Выстраивая иерархию приоритетов, студенты в основном придерживались следующей логики: во-первых, определить значимость выделенных совокупностей определений под углом оценки состояния безопасности, т. е. решить, что первично — внутреннее ощущение защищенности или внешняя среда; во-вторых, рассмотреть их с позиции субъектов безопасности и путей ее обеспечения.

Расстановка приоритетов безопасности показала, что в своем большинстве (18 из 26 мини-групп, или 2/3) студенческая аудитория осталась верна первоначальным представлениям, сохранив за индивидуальной безопасностью первое место. При этом девять мини-групп из этого большинства состояние защищенности человека как внешней данности поставили на первое место, а его внутреннее самоощущение — на второе, тогда как вторая половина этого большинства поменяла данные приоритеты местами. Безопасность как состояние защищенности государства оказалась на последнем, третьем месте у всех 18 мини-групп, хотя ее значимости как условия индивидуальной безопасности не отрицала ни одна группа. Одна из мини-групп так объяснила свой выбор:

Безопасность человека первична оттого, что безопасность человека и государства входят в противоречие между собой. При первичной национальной безопасности безопасность индивида может быть принесена в жертву ради достижения безопасности государства.

Вообще в суждениях студентов этих мини-групп присутствовала мысль о том, что иерархия приоритетов безопасности не является жесткой, зависит от конкретных обстоятельств и в представлениях человека на первый план выходит та сторона безопасности, угроза которой наиболее вероятна.

Вместе с тем во время работы в мини-группах увеличилось число сторонников национальной безопасности. Если в спонтанных индивидуальных определениях понятия *безопасность* государство присутствовало в единичных ответах, то после коллективного обсуждения вопроса

уже восемь мини-групп выдвинули безопасность государства на первое место. Доводы студентов в защиту этого решения практически повторяли одно из основных положений концепции национальной безопасности: без сильного государства, которое в состоянии обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность, индивидуальная безопасность невозможна. При этом решение выдвинуть национальный уровень безопасности на первое место было продиктовано не столько представлением, что защита целостности государства, его границ являются приоритетным объектом безопасности, сколько надеждой, что сильное государство обеспечивает индивидуальную безопасность человека. В качестве ответа на вопрос, кем должна обеспечиваться безопасность, все мини-группы вне зависимости от предложенных вариантов иерархий приоритетов выбрали государство. В то же время, оценивая состояние безопасности, студенты постоянно отмечали, что государство не справляется со своими обязанностями, что они не чувствуют себя защищенными — особенно в вопросах защиты прав. В этой ситуации, по мнению студентов, для достижения безопасности надо прилагать личные усилия, полагаясь в первую очередь на самого себя, во вторую — на близкое окружение, семью:

Если мы берем наше государство, то оно не является гарантом защиты. Если же в идеале, то важнейшая цель и задача государства — обеспечение защиты общества. В нашем государстве это не так, мы не ставим правовые нормы на первое место, поскольку они невыполнимы, каждый отвечает сам за себя.

Таким образом, картина, полученная по итогам второго этапа исследования, несколько отличается от той, которую мы видели на первом. Тенденция, изначально обозначившаяся в представлениях студентов о безопасности, — акцент на безопасность индивида как данность либо как внутреннее ощущение — несколько ослабла, но сохранилась. Обсуждая иерархию приоритетов безопасности, проблему способов ее обеспечения, студенты делегировали большую часть ответственности за достижение безопасности, в том числе и личной, государству. Можно констатировать, что в представлении студентов именно государству отводится роль приоритетного субъекта безопасности.

III

Задача третьего этапа работы со студентами заключалась в выявлении разных смысловых оттенков понятия *безопасность* в русском и английском языках путем нахождения синонимов и разбора их содер-

жания. В языке закреплены результаты познания мира, и сами слова, их этимология несут в себе сложившееся в обществе понимание того или иного явления. Национальные культуры безопасности не являются исключением: как на примере Европы убедительно показала Моника Гэрайп, «индивидуальность» любой из них в значительной мере определяется используемым дискурсом⁸.

В качестве синонимов к слову *безопасность* в русском языке почти все группы выбрали слова *защищенность*, *спокойствие*, *уверенность*, *стабильность*, *неприкосновенность*. Предложенные варианты совпадают с результатами контент-анализа индивидуальных формулировок студентов, показавшего, что слова *защищенность* (33%), *спокойствие* (16%), *уверенность* (15%) чаще всего используются для раскрытия содержания понятия *безопасность*. Передавая разные психологические состояния человека, эти слова в очередной раз указывают на значимость / распространенность представлений о безопасности как о субъективно переживаемом состоянии, ощущении, чувстве. На вопрос, какое из этих слов ближе всего по смыслу, студенты назвали слово *защищенность*. По их мнению, это наиболее общее понятие, оно затрагивает почти все аспекты, о которых они писали на первом этапе исследования. Выбор слова *защищенность* как наиболее близкого по смыслу к *безопасности* подтверждается его словарными значениями, зафиксированными в постсоветские годы. Например, в академическом словаре, отражающем изменения в языке конца XX в., дается следующее определение социальной защищенности⁹: «Стабильность положения, необходимый жизненный уровень населения, обеспеченные специальными условиями, мероприятиями», а в словообразовательном словаре русского языка читаем: «Защищенность — состояние надежной безопасности, защиты от кого-л., чего-л.»¹⁰

Студентами слово *защищённость* использовалось в двух значениях. Реже — в значении «психологическое состояние человека», чаще — для обозначения благоприятных внешних условий жизнедеятельности личности (*условия, при которых чувствуешь себя защищенным; состояние*

⁸ См.: Gariup M. European Security Culture: Language, Theory and Policy. Farnham : Ashgate, 2009.

⁹ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистич. исслед. СПб., 2002. С. 252.

¹⁰ См.: Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / сост. Т. Ф. Ефремова. URL:

экономической, военной, социальной защищенности индивида, общества, государства). Но общим смыслом, передаваемым через это слово, было, на мой взгляд, то, что желаемое состояние достигается за счет усилий какого-то внешнего защитника, скорее всего государства, тогда как индивидuum снова предстает скорее пассивным объектом безопасности, чем субъектом, активно стремящимся ее обеспечить.

В качестве аналогов русскому слову *безопасность* в английском языке были названы слова *safety* и *security*, а также *stability, defense, welfare, protection*.

Слова *safety* и *security*, по мнению всех студентов, лучше всего передают значение, которое имеет слово *безопасность* в русском языке, именно они употребляются в английском языке чаще любых других, когда речь идет о безопасности. Смысловое различие между ними студенты сформулировали следующим образом: *safety*, а также *welfare* употребляются в контексте безопасности человека, создания нормальных условий для его жизнедеятельности (в американском английском *welfare* синонимично понятию *social security*¹¹. — И. Б.); *security* же чаще употребляется в контексте защиты государства и нации. Оказывается, есть немало оснований именно для такого понимания этих слов студентами, пусть не во всем полного и точного. В Оксфордском словаре современного английского языка оба слова толкуются как состояние безопасности; однако последующие коннотации различаются. Так, *safety* указывает на средства защиты человека от возможных травм, тогда как одним из основных значений *security* является безопасность государства или института, например компании от шпионажа, хищений и других опасностей¹².

Анализ результатов позволяет сделать вывод, что в представлении студентов безопасность — это безопасность индивидуума, а не государства. При этом речь идет не только о «голом» физическом выживании биологической особи, а об *экономическом, культурном, социальном благополучии личности*. Ответы студентов подтверждают, что «человеческое измерение» безопасности, ее восприятие как условия нормальной жизнедеятельности личности является универсальной ценностью, присущей многим народам и культурам. В то же время приходится признать: в той мере, в какой представления студентов отражают сложившуюся в российском обществе культуру безопасности, культуре этой

¹¹ Oxford Wordpower Dictionary / ed. by S. Wehmeier. Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. P. 697.

¹² The Concise Oxford Dictionary of Current English. 8th ed. Oxford : Clarendon Press, 1991. P. 1061, 1093.

свойственна преимущественно пассивная позиция человека в вопросах обеспечения безопасности. Европейская культура безопасности уже на уровне понятия, слова несет в себе деятельностное начало¹³, а на уровне концептуализации обязательно признаёт за отдельным человеком и группами (общинами, сообществами, общественными организациями) одновременно и право, и обязанность участвовать в обеспечении безопасности. Ответы студентов не дают пока оснований говорить, что в среде российской молодежи утверждается близкая к европейской культура безопасности. Человек в предложенных определениях предстает скорее объектом, чем субъектом безопасности, о чем свидетельствует использование пассивного залога (быть защищенным), а большая часть ответственности за обеспечение безопасности делегируется государству.

¹³ См. в этой связи: *Перси У.* От Сенеки до *pubblica sicurezza*: эволюция понятия «безопасность» в итальянской культуре // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 177–178.

Раздел II СИТУАЦИИ

И. А. Буданова

Европейская стратегия безопасности: подход постнационального актора?

Среди многочисленных акторов современной мировой политики, оказывающих влияние на формирование глобальной повестки дня, выделяется Европейский союз — мощное интеграционное объединение 27 национальных государств, уверенно завоевывающее позиции на мировой арене. Вместе с тем, как утверждает профессор М. Энтин, «Европейский союз — очень странное, непонятное политическое существо... Ни одну характеристику ЕС нельзя оценивать однозначно негативно или однозначно позитивно. Нужно просто эти черты точно диагностировать»¹. На наш взгляд, такая диагностика возможна в контексте формирующегося постнационального мира. Еще в 80-е гг. XX в. его признаки были отмечены в связи с глобализацией и международной интеграцией. Глобализация экономической жизни — один из главных аргументов концепции постнационального мира: интернационализация ведущих компаний и финансовых групп, доминирование в экономике сетевых транснациональных проектов привели к тому, что целые области экономики структурировались в наднациональные (что является уже частью интеграционного взаимодействия. — *И. Б.*), перестав быть частями национальных экономик². Еще одна черта формирующегося постнационального миропорядка — появление не связанных с национальными рамками и государственными границами информационных сообществ, создающих новую транснациональную территориальность.

Политические, экономические и культурные процессы, протекающие в новой территориальности, размывают границы национальных государств и способствуют становлению постнационального мира. Хотя говорить о его наступлении рано, допустимо предположить, что в новом миропорядке (с)формируются постнациональные акторы — своеобраз-

© Буданова И. А., 2013

¹ *Энтин М. Л.* Европейский союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций. 2009. № 2 (24). С. 2.

² *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 117.

ные гибридные образования, вбирающие в себя основные постнациональные тренды и намечающие новые векторы развития. При этом акторы нового типа могут оказаться более эффективными в процессе трактовки и решения традиционных проблем, например в области безопасности, поскольку глобализация и другие тенденции стимулируют появление (и выявление) новых угроз, приводя к выстраиванию иной архитектуры международной безопасности.

В качестве постнационального актора ЕС воплощает в себе несколько важных трендов: размывание национального суверенитета и государственных границ, встраивание в глобальные экономические потоки и формирование собственной валютной, экономической, торговой политики, влияющей на мировые правила и меняющей их, и др. Расширяющиеся компетенции наднациональных институтов ЕС — одно из наиболее ярких свидетельств постепенного размывания национального суверенитета. Передавая полномочия на супранациональный уровень, государства получают взамен нечто большее — усиление позиций в мировой экономике и политике. Управляемый с помощью наднациональных институтов суверенитет помогает выстраивать прочную сеть гибких горизонтальных и вертикальных связей, позволяющих интеграционной системе сохранять динамизм и устойчивость. Одновременно происходит трансформация национальных интересов участников интеграции в *общеевропейские*. Таким образом, возрастает потенциал и интеграционной группировки в целом, и каждого участника в отдельности.

Интеграционные процессы меняют европейское пространство: реализуемая Евросоюзом *политика сплочения* формирует новую территориальность, которая, в свою очередь, влияет на состояние национальных границ, делая их более прозрачными. Проводя внешнеэкономический курс, ЕС прибегает к коммунитарному инструментарию. Так, в 90-х гг. Евросоюзу удалось подхватить один из успешных брендов — устойчивое развитие. По настоянию Брюсселя он нашел отражение в важных документах универсальных международных форумов и организаций и занял лидирующие позиции на всех международных переговорах по экономической проблематике³.

Эти и другие примеры позволяют ряду исследователей причислить ЕС к *постнациональным политиям*. Однако при таком подходе есть опасность идеализации интеграционной группировки. Чтобы ее избежать, следует обратиться к анализу традиционного для национальных государств вопроса — обеспечения безопасности. Такой анализ определит уникальность ЕС с точки зрения применяемых им инстру-

³ Зув В. Н. Механизм ЕС как модель для глобальных институтов // Вестник международных организаций. 2009. № 2 (24). С. 41.

ментов для достижения состояния внутренней и внешней безопасности и в целом «степень постнациональности» ЕС.

К началу XXI в. Евросоюз проделал большую работу на пути завоевания международного статуса: была институционализована Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), быстрыми темпами оформлялась Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО). Вопреки мнению о «безубности» ЕС, с 2003 г. он принял участие в операции по предотвращению распространения косовского конфликта на Македонию («Concordia»). Несмотря на сжатые сроки, небольшой контингент, использование ресурсов НАТО, эта первая попытка навести порядок «у себя дома», в Европе, подвигла ЕС на дальнейшее осмысление угроз современного мира и своего положения на международной арене.

На неформальном заседании Совета по общим вопросам и внешним делам в Греции (2–3 мая 2003 г.) Высокому представителю по ОВПБ Х. Солане было поручено создать проект стратегического документа. Уже 12 декабря 2003 г. главы государств и правительств ЕС одобрили Европейскую стратегию безопасности (ЕСБ) «Безопасная Европа в лучшем мире». Спустя пять лет 11 декабря 2008 г. Европейский совет для обсуждения реализации ЕСБ принял отчет под названием «Обеспечение безопасности в меняющемся мире»⁴.

ЕСБ и Отчет представляют собой обзор достижений, анализ недостатков и путей совершенствования в деле построения безопасной Европы и мира. Поскольку Отчет о реализации ЕСБ дополняет, но не подменяет ее, сопоставим оба документа для выявления составляющих европейского подхода к вопросам безопасности, в том числе его уникальности по сравнению с подобными национальными стратегиями.

Первое, что следует отметить — это наличие внутреннего консенсуса в восприятии угроз и формулировке интересов. Жан-Мари Гуэнно, в 2000–2008 гг. являвшийся заместителем Генерального секретаря ООН по миротворческим операциям, справедливо подчеркивал:

...если мы говорим о европейской внешней политике, то должны осознавать, что недостаточно преодолеть национальные интересы государств. Европейские интересы также нужно конструировать, причем при помощи понятия «европейская политика»⁵.

⁴ Некоторыми членами ЕС рассматривался вариант пересмотра самой ЕСБ, но Европейский совет решил оставить ее текст нетронутым. Многие государства-члены опасались, что дебаты приведут к серьезному расхождению, особенно в отношении России.

⁵ Цит. по: *Smith K. European Union Foreign Policy in a Changing World. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 3.*

В данном случае осознание в рамках ЕСБ *своих* разделяемых целей и интересов стало лакмусовой бумажкой, проверившей ЕС на прочность и единство.

Согласно ЕСБ, Евросоюз — глобальный игрок. Основания для такого заявления — четверть мирового ВВП, производимая 25 странами ЕС; военные мероприятия, осуществляемые за пределами своих границ, укрепление солидарности. Все это позволяет ЕС стать ответственным актором, отвечающим за построение нового мира⁶. Мысль повторена и в отчете: «...на ЕС легла бóльшая ответственность, чем когда-либо за всю историю его существования... ЕС остается основой стабильности»⁷.

При формулировке **глобальных угроз** (конфликты, борьба за ресурсы, болезни) сделан акцент на неразрывной связи между внутренними и внешними аспектами безопасности, при этом энергетическая уязвимость Европы (необходимость создания унифицированного энергетического рынка с более тесными взаимными связями, внимание к возобновляемым источникам энергии, обеспечение безопасности традиционных топливных маршрутов⁸) требует «особой озабоченности»⁹.

Основными угрозами, по версии ЕСБ 2003 г., являются терроризм, распространение ОМУ, региональные конфликты, ослабление национальных государств¹⁰, организованная преступность. Все они, по мнению Евросоюза, носят диверсифицированный и непредсказуемый характер. В 2008 г., с учетом меняющегося мира, список угроз был дополнен проблемами кибербезопасности и изменения климата. В отношении кибербезопасности европейский подход нуждается в разработке и принятии соответствующих экономических, политических и юридических механизмов. Изменение климата как «фактор, умножающий опасность», получило в отчете самостоятельное измерение, в том числе в контексте продвижения Евросоюзом теории и практики устойчивого развития¹¹.

⁶ A Secure Europe in a Better World : European Security Strategy. Brussels, 12.12.2003. P. 2. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf> (access date: 11.11.2012).

⁷ Report on the Implementation of the European Security Strategy — Providing Security in a Changing World. Brussels, 11.12.2008. P. 1. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/104630.pdf (access date: 11.11.2012).

⁸ Ibid. P. 5.

⁹ A Secure Europe in a Better World. P. 3.

¹⁰ Важно обратить внимание, что, не являясь национальным государством, ЕС проявляет заботу об утверждении в государствах надлежащего управления (*good governance*), т. е. выступает сторонником деятельного государства.

¹¹ A Secure Europe in a Better World. P. 4, 8.

Для борьбы с угрозами, по мнению ЕС, необходимо мобилизовать внутренний потенциал, прежде всего — стать активнее в действиях. Своим преимуществом объединенная Европа считает умение комплексно сочетать политические, экономические, гуманитарные, военные, полицейские, юридические меры, т. е. для решения международных проблем предлагается использовать позитивный опыт европейских государств. Данное положение подтверждает ставку ЕС на *мягкую силу* и мультиинструментальный подход:

...ни одна из новых угроз не носит чисто военного характера и не поддается ликвидации чисто военными средствами. Подход к каждой из них требует сочетания различных инструментов¹².

Выстраивание международного порядка на эффективной многосторонней основе — важнейшая часть *европейского подхода*, основой которого является коллективное решение:

...мы ставим перед собой цель создания более сильного международного сообщества, хорошо функционирующих и действующих по правилам международного порядка международных институтов... Наш долг — соблюдать международное право и обеспечивать его развитие¹³.

Для ЕС это означает усиление координации внешнеполитических акций, правового поля, подходов к разрешению конфликтов. Для этого Европа должна стать более компетентной, т. е. сократить дублирование и параллелизм, объединить дипломатические ресурсы государств-членов с ресурсами органов ЕС, а лучшим лекарством для преодоления недостатка взаимопонимания должен стать совместный анализ угроз.

Последнее неудивительно, если учесть, что документ во многом является детищем Х. Соланы. В своих выступлениях бывший Высокий представитель по ОВПБ ЕС неоднократно подчеркивал, что главный секрет достижения Евросоюзом успехов в сфере обеспечения безопасности кроется в осознании своих возможностей и налаживании взаимопонимания между уровнями власти ЕС и его государствами-членами.

Очевидно, что активная и компетентная Европа будет работать на достижение глобальной безопасности только при стабильном участии партнеров. В этом контексте приоритетными целями заявлены усиление роли ООН, развитие трансатлантических связей, укрепление региональных организаций (ОБСЕ, АСЕАН, МЕРКОСУР, АС), международных институтов (ВТО, Международный уголовный суд и др.), которые должны усилить доверие между государствами и повысить уровень безопасно-

¹² Ibid. P. 8.

¹³ Ibid. P. 10.

сти в мире. При этом важно подчеркнуть частые ссылки на «собственный опыт», т. е. для ЕС за партнерством стоит реальный опыт повседневного поиска приемлемого решения и согласования разнонаправленных интересов.

Еще одна черта европейского подхода зафиксирована в ЕСБ в виде тезиса о том, что качество международного сообщества напрямую определяется качеством правительств, т. е. зависит от хорошо управляемых демократических государств. Что же касается государств, которые поставили себя вне рамок международного сообщества, «ЕС должен быть готов помочь им» вернуться в него¹⁴. Этот тезис — своеобразный бренд ЕС, предназначенный для «внешних потребителей», — нашел отражение в отдельном разделе отчета:

...такие страны, как Сомали, попали в замкнутый круг слабого управления и возобновляющихся конфликтов. Мы пытаемся разорвать этот круг, оказывая содействие в развитии и принимая меры по обеспечению большей безопасности¹⁵.

Европейский подход должен быть распространен на особо важные для ЕС регионы. На первое место в ЕСБ закономерно поставлено обеспечение безопасности «у себя дома»: расширение ЕС и *политика соседства* создадут вокруг ЕС кольцо «друзей», воспринявших ценности европейской интеграции. К «своему полю» отнесены Турция, Хорватия, Македония, Косово, Молдова, страны Средиземноморья и государства Восточной Европы. Однако спустя пять лет в отчете был фактически констатирован провал попыток ЕС сформировать в Средиземноморском регионе зону стабильности, безопасности и сотрудничества, а относительно *политики соседства* было заявлено, что процесс «нуждается в реорганизации»¹⁶.

Еще одним регионом, на котором акцентируется внимание, является Ближний Восток. В силу сложности урегулирования арабо-израильского конфликта ЕС заявляет об объединении усилий со стороны ЕС, США, ООН, РФ, израильтян и палестинцев. При этом в отчете внимание к урегулированию арабо-израильского конфликта усиливается, а ЕС отводится «центральная роль» в его разрешении¹⁷.

В ряду приоритетов в 2003 г. появляется Южный Кавказ, к которому ЕС надо проявлять «более значительный и активный интерес»¹⁸, в том числе для разрешения *замороженных конфликтов*. Среди партне-

¹⁴ Ibid. P. 12.

¹⁵ Report on the Implementation of the European Security Strategy... С. 8.

¹⁶ Ibid. P. 10.

¹⁷ Ibid. P. 7.

¹⁸ A Secure Europe in a Better World. P. 9.

ров присутствует и Россия как важный фактор европейской безопасности и процветания. В расширенной Стратегии заявлено, что только «уважение стратегических ценностей будет способствовать ускорению прогресса в деле формирования отношений стратегического партнерства»¹⁹.

Представление о том, какую роль должен играть ЕС в современном мире, четко сформулировано в заключении Стратегии:

Активный, дееспособный, ответственный за защиту человека от возможных угроз Европейский союз мог бы стать одним из влиятельных глобальных акторов. Это стало бы вкладом в создание эффективной системы многостороннего сотрудничества на благо более справедливого, безопасного и более сплоченного мира²⁰.

Важно отметить, что ЕСБ действительно является *стратегией* в широком смысле: ЕС определяет долгосрочные политические цели по всем направлениям и основные категории инструментов для достижения этих целей. В Стратегии нашли отражение озабоченности по поводу слабой возможности ЕС использовать оперативный потенциал и традиционная для него ставка на *мягкую силу*²¹.

И в ЕСБ, и в Отчете неоднократно звучала мысль о комплексном применении различных инструментов. Сами инструменты в документах охарактеризованы довольно размыто, но, если исходить из целей европейского подхода, четко прорисовываются следующие механизмы: коллективный подход, нормативная, гражданская и полицейская сила. Рассмотрим их более подробно с точки зрения возможностей и сложностей использования и усиления позиций Евросоюза в качестве ведущего актора мировой политики.

Коллективный подход позволяет ЕС формировать *собственный* позитивный образ и *свою* позитивную программу через стремление договариваться на основе разделяемых ценностей и установленных правил. Стремление обрести разделяемый всеми консенсус позволяет видеть в ЕС позитивную конкурентоспособную силу. Отличие Евросоюза от других акторов заключается в прогрессивной идее, лежащей в основе его проекта. Он не создавался в качестве угрозы кому-то, он конструктивен²², ориентирован на достижение позитивных целей, направленных

¹⁹ Ibid. P. 12; Report on the Implementation of the European Security Strategy... P. 16.

²⁰ A Secure Europe in a Better World. P. 14.

²¹ Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. 2009. № 2 (24). С. 110.

²² См. более подробно: Biscop S. Permanent Structured Cooperation and the Future of the ESDP: Transformation and Integration // European Foreign Affairs Review. 2008. Vol. 13. № 4.

на устранение глубинных причин конфликтов и нестабильности. Объединение этих целей в рамках собственных интересов ЕС отражает чувство его ответственности за тех, кто обделен необходимыми ресурсами / возможностями. В этом отношении Евросоюз можно назвать «позитивной силой»²³. Своим опытом Европа демонстрирует глобальным игрокам, что залогом безопасности является коллективное решение, баланс интересов.

ЕС обладает уникальным механизмом принятия решений, который является страховочной сеткой, помогающей укреплять в общеевропейском доме чувство безопасности. Каждое новое решение, принятое путем многочисленных согласований и прохождения через многочисленные комитеты, может рассматриваться как своеобразная «собачка», не позволяющая «храповому механизму» ЕС двигаться в обратном направлении, что делает его развитие поступательным и необратимым²⁴. Однако существует и отрицательная сторона этого — снижение оперативности действий Евросоюза.

Второй инструмент — нормативная сила, которая помогает ЕС продвигать свой подход и таким образом достигать состояния безопасности. Понятие *нормативная сила* в контексте анализа внешней политики Евросоюза было применено Й. Маннерсом. По его мнению, нормативная сила не является ни военной, ни чисто экономической, но такой, которая создается через идеи и мнения, т. е. способна формировать представления о «нормальном»²⁵ через активное продвижение признанных универсальных норм и ценностей.

Для нормативной силы значимы нематериальные факторы и распространение норм через привлекательность и подражание. Такими нормами, составляющими сердцевину экспортируемой ЕС модели, являются демократия, права человека, надлежащее управление, верховенство закона, устойчивое развитие²⁶. Распространяя нормы на близких и далеких соседей, ЕС «одомашнивает» международные отношения.

²³ Бископ С. Указ. соч. С. 109.

²⁴ Более подробно о концепции «храпового механизма» применительно к анализу внешней политики ЕС см.: Wessels W. Theoretical Perspectives. CFSP beyond the Supranational and Intergovernmental Dichotomy // European Foreign Policy: From Rhetoric to Reality / ed. by D. Mahncke, A. Ambos, Ch. Reynolds. Brussels : PIE-Peter Lang, 2004. P. 67–93.

²⁵ Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.

²⁶ Широкая трактовка ценностей позволяет отнести сюда гендерное равенство, социальную включенность, культуру компромисса, бесконечное согласование интересов, отказ от применения силы (жесткой).

К тому же нормативная сила помогает доминировать над суверенным государством, не мешая его самостоятельности²⁷.

Нормативная сила ЕС связана с первым инструментом. Коллективные повторяющиеся взаимодействия, в которые ежедневно вовлечен ЕС, не создают условий для возвращения партнеров к односторонним действиям. Таким образом, Европа представляется в виде оператора особого свойства, не являясь при этом ни сверхгосударством, ни региональной организацией²⁸. Применительно к целям ЕСБ и устранению угроз инструмент имеет непосредственное отношение. Оставив за скобками его внутреннее предназначение, в качестве внешнего отметим распространение *acquis communautaire*, проецирование своих норм на международные отношения, формирование позитивного, притягательного для подражания образа и международного порядка, основанного на компромиссе, многостороннем подходе и т. д. Партнеры по всему миру, принимая нормы, распространяемые Европой, вольно или невольно становятся похожими на нее. Если прибегнуть к аллегории, то ЕС — Нарцисс, любующийся собственным отображением: создание себе подобных или, по меньшей мере, акторов, играющих по правилам ЕС, — вот цель использования нормативной силы в глобальном масштабе.

Третий инструмент, на который стоит обратить внимание — гражданская сила. Понятие *гражданская сила Европы* было сформулировано в начале 70-х гг. XX в. Франсуа Дюшеном вместе с идеей о том, что Европа может стать новым центром силы, опирающимся не на военные, а на гражданские средства обеспечения влияния²⁹. Гражданская сила создается в большей степени экономическими средствами; таким образом, она зависит от мягкой силы, убеждения, а не от насилия, «кнута».

Гражданская сила взаимосвязана с нормативной, так как использование экономических ресурсов возможно при условии соблюдения партнерами норм, распространяемых Евросоюзом. Так, стоит отметить три поколения соглашений, которые ЕС поэтапно заключает с партнерами из третьих стран. При этом кондициональность в соглашениях

²⁷ Мухина Е. Е. Нормативная сила Европейского союза // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 165.

²⁸ «Нормативная сила» ЕС на мировой арене : материалы круглого стола, проведенного Центром по сотрудничеству с Францией ГУ-ВШЭ совместно с Посольством Франции в Российской Федерации и Центром комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, 9 июня 2009 г. URL: <http://www.cceis.hse.ru/news/26432378.html> (дата обращения: 11.11.2012).

²⁹ Karen E. S. Still 'civilian power EU?' URL: <http://www.sv.uio.no/arena/english/research/projects/cidel/old/WorkshopOsloSecurity/Smith.pdf> (access date: 11.11.2012).

заставляет партнеров следовать ценностям (нормам) ЕС: в ряде случаев экономическая помощь напрямую зависит от соблюдения этих «кlausul». Желание получить помощь или стать объектом политики развития ЕС подталкивает третьи государства более активно воспринимать ценности Евросоюза.

Гражданская сила предполагает готовность развивать наднациональные структуры для управления международными проблемами, что укладывается в рамки коллективного подхода. При этом политика носит не конкретно-целевой характер, а «структурный», т. е. направлена на формирование благоприятной международной среды — европейской и глобальной³⁰. Таким образом, для достижения целей ЕСБ гражданская сила имеет первоочередное значение в плане расширения влияния на «близких» соседей, в частности на страны Средиземноморья.

«Полицейская сила», или социальное миротворчество, — связующее звено между мягкой и жесткой силой ЕС³¹. Инструмент эффективен после погашения острой фазы конфликта, когда нужно реанимировать регион, вернуть его к *нормальной* (мирной) жизни. До появления ЕПБО (в редакции Лиссабонского договора — ОПБО) ЕС упрекали в чрезмерной эксплуатации мягкой силы, говоря о «силе бессильного». Однако именно в недрах ОПБО появились не только военные операции, но и гражданские миссии, на которые в Стратегии сделаны многочисленные ссылки в качестве доказательства возможности ЕС влиять на безопасность в мире.

Гражданские миссии, как часть полицейской силы, являются формой социального управления, социальной работы с населением и администрацией. Что важно, у этой формы нет фиксированного значения; скорее, это набор практик, которые меняются в зависимости от региона и задач, стоящих перед ЕС в этом регионе³². Реабилитация разрушенных обществ, в свою очередь, является проводником нормативной силы, поскольку в выстраиваемых формах взаимодействия общества и полиции, общества и администрации первоочередную роль начинают играть распространяемые представления о *нормальном*. Путем многочисленных тренингов, проводимых специалистами ЕС, происходит мягкое внедрение европейских стандартов. Вслед за этим, чтобы представления о *нормальном* лучше «прижились», должно последовать применение

³⁰ Поздняк В. Европейский союз как международный актор // Наше мнение : экспертное сообщество Беларуси. 2005. 31 августа. URL: <http://nmnby.eu/news/analitics/2546.html> (дата обращения: 11.11.2012).

³¹ Merlingen M., Ostrauskaite R. ESDP Police Missions: Meaning, Context and Operational Challenges // European Foreign Affairs Review. 2005. № 10. P. 217.

³² Ibid. P. 218.

гражданской силы. Целостный подход дает ощущение того, что ЕС продвигает не только *свои* интересы, хотя попутно реализуются и они, на первый план выдвигается забота о *всеобщей* безопасности и стабильности.

Эффективность социального миротворчества не оспаривается исследователями. М. Энтин пишет:

ЕС и государствами-членами накоплен уникальный опыт. Отработаны процедуры, схемы взаимодействия, логистика и программно-целевые методы. И дело не только в том, что Брюссель выделяет на это внушительные суммы. Он достаточно четко представляет, что нужно делать для того, чтобы власти в центре и на местах начали работать в нормальном, приемлемом для Запада ключе³³.

Таким образом, наличие европейского подхода в сочетании с эффективными практиками позволяет видеть в ЕС важного глобального игрока на поле международной безопасности. Однако являются ли эти инструменты действительно уникальными с точки зрения формирования постнационального миропорядка? Можно с уверенностью сказать, что нет, сделав небольшие оговорки для социального миротворчества и нормативной силы. Это вполне устоявшиеся практики, особенно с точки зрения коллективного действия и гражданской силы.

Но толика уникальности все же присутствует. Заключается она в самом субъекте. Если брать за точку отсчета особенности самого ЕС, то направления его политики, действия, процедуры и механизмы приобретают налет уникальности, поскольку сформировались через многочисленные этапы согласования, преодоления стереотипов о своих соседях и партнерах.

Является ли ЕС в деле обеспечения международной безопасности постнациональным актором? В отличие от его роли в экономической сфере — скорее нет. ОВПБ, равно как и ОПБО, основана на традиционном межправительственном взаимодействии при слабом участии наднационального уровня. Безусловно, Лиссабонский договор усилил позиции ЕС как актора, снабдив его собственными внешними инструментами и реорганизовав дипломатические отношения. Поправки усилили международный статус ЕС, сделали Европу более легитимной, но со всей уверенностью можно утверждать, что это, скорее, важный глобальный игрок, который может предложить новые подходы к обеспечению безопасности или преподнести старые под новым европейским соусом. Сегодня в деле обеспечения безопасности ЕС рассматривает себя в качестве трансформационной силы, реализуя целостный подход,

³³ Энтин М. Л. Указ. соч. С. 42.

предоставляя странам-партнерам доступ к рынкам, экономическую и финансовую поддержку. ЕС стремится стимулировать экономические, политические и социальные реформы, сотрудничество по вопросам безопасности, с тем чтобы направить усилия на решение глубинных проблем и добиться устойчивых изменений среды, которая благоприятствует экстремизму, кризисам и конфликтам³⁴.

Сложность заключается не в том, что у Евросоюза чего-то нет для активного участия в решении проблем безопасности, а скорее в том, что ЕС пока не знает, как эффективно использовать имеющийся у него багаж. Согласно А. Гайд-Прайсу, великую мировую силу отличает «масштаб ресурсов, чувство ответственности, управление системой, обеспечение общественных благ» и воля к действию, и последнего Евросоюзу пока не хватает³⁵. Однако важно осознавать, что источник любой силы для Европы — это она сама. Именно поэтому интеграционный эффект от взаимодействия будет работать на благо ее собственной безопасности и безопасности мира, в какие бы рамки ни вписывали его исследователи и эксперты.

Fabio Indeo

Convergence or alienation of EU and US security interests in Central Asia?

The EU and US approaches and interests

From the analysis of the regional scenario, it is clear that some of the main threats to Central Asian security and stability come from Afghanistan. What is to prevent at the first turn looks as follows: drug traffic and its social and health repercussions on Central Asian populations, weapons' traffic, and the Islamic militant incursions into the Afghanistan bordering Central Asian states.

However, many serious threats to Central Asian stability are clearly rooted in the internal political, economic and social environment. I mean the authoritarian management of power, the lack of political representation

³⁴ Бискуп С. Указ. соч. С. 117.

³⁵ Hyde-Price A. European Security in the Twenty-first Century. The Challenge of Multipolarity. L. : Routledge, 2007. P. 38. URL: http://www.books.google.ru/books?id=pbnk54uXs4gC&pg=PA54&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (access date: 11.11.2012).

and absence of institutional reforms. All of these are likely to fuel social unrest and produce a widespread condition of instability. Furthermore, other threats that have an impact on regional stability are — as the recent worsening of Tajik-Uzbek trans-boundary relations has shown — the traditional mistrust and rivalry, an ever-present trait of local political life.

The EU and the US have tried to promote stability and security in Central Asia through the combination of bilateral cooperation in the military and security fields with a regional approach. These attempts found their key expression in the EU-Strategy for a new partnership with Central Asia and in the implementation of the Northern Distribution Network (NDN) backed by the US¹.

In its Central Asian Strategy, the EU recognizes that a regional approach, focused on a close and broad cooperation on security issues that would engage Central Asian nations, the EU, Afghanistan and other regional and international actors, is “suitable for tackling common regional challenges”². Implementation of the Northern Distribution Network has been aimed at strengthening the security and the stability in the region by means of military and economic cooperation between the Central Asian republics and the US³.

Thus, in spite of coincidence of their goals in terms of security, the EU and the US selected for themselves different strategies in the region. In turn, this difference highlights the divergent interests in the area: energy for the EU, geopolitical gains for the US.

Considering their wide engagement in Afghanistan, the US have preferred an extensive military cooperation with Central Asian states, i.e. hard security approach, which could better protect them from international terrorism through the improvement of Central Asian military defense capacity. That is to say, military priorities rule over the US strategy in the security field. Indeed, the US is bolstering up their cooperation with Uzbekistan, which, with 98 per cent of supplies transported via the northern route that crosses Uzbek-Afghan border, reasonably serves as a key hub for the NDN

¹ The NDN is a web of Central-Asian rails, roads and airlines meant to supply the US and NATO troops in Afghanistan. With the exception of Turkmenistan, all Central Asian republics are involved in this multi-route logistical network and signed transit agreements and economic-military cooperation deals with the US.

² Council of the European Union. The European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Bruxelles, 2007. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/EU_CtrlAsia_EN-RU.pdf (access date: 26.09.2012).

³ Kuchins A. C., Sanderson Th. M. The Northern Distribution Network and Afghanistan: Geopolitical Challenges and Opportunities / Center for Strategic and International Studies. Washington : DC, 2010. P. 1–12, 23.

implementation. The same is true about the US “geopolitical courting” of Turkmenistan. Bordering both Afghanistan and Iran, this country occupies a strategic position from the military point of view: no wonder that the US have tried to make it join the NDN.

On the contrary, the European Union employs a soft approach to the Central Asian security. Obviously, Europeans prefer actions and policies that would reduce the impact of the internal causes of instability in the region. The emphasis on a political and human rights dialogue, good governance and rule of law, the support of a democratization process, regional cooperation, and the fight against poverty are just some on the list of initiatives advocated by the EU. The 2010 Joint Progress Report on the implementation of the EU Strategy underlined strong European involvement in the economic and social spheres; otherwise, the effort to combat terrorism and extremism would fail to extirpate their social roots⁴.

These two different approaches to the issues of security appear particularly evident in their practical application, for instance, in border management. Both the EU and the US policies ought to ensure a better protection for the Central Asian borders. For their part, the US has supplied Central Asian border forces with military equipment and personnel training, thus employing them in the hard security initiatives conceived to counter the existing threats without the adoption of alternative border policies, which could handle the internal causes of instability.

On the contrary, the EU has never had an intention to become a hard security player in Central Asia. The main reasons for that are the geographical remoteness of the region and inability to act independently in the military sphere: the EU may intervene only through the NATO structures. Presumably, the other point is more important: the EU does not have a significant and clear-cut direct interest in the region, beyond demand for gas and oil. An additional consideration concerns the EU Common Security and Defence Policy: such as it is now, it is deprived of a global outlook and relevant military capacity⁵. That is why the EU has focused purposely on such initiatives as the Border Management Program in Central Asia (BOMCA), the Central Asia Drug Action Program (CADAP), and the Central Asia Border Security Initiative (CABSI). In case of success, all European programs would result

⁴ Council of the European Union. Joint Progress Report on the Implementation of the EU Strategy for Central Asia, 28 June 2010. P. 23, 26. URL: <http://www.register.consilium.europa.eu/pdf/en/10/st11/st11402.en10.pdf#page=2> (access date: 26.09.2012).

⁵ See: *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M.* Security and development approaches to Central Asia. The EU compared to Russia and China // EUCAM Working Paper № 11. 2012. May. P. 14–19, 21–23. URL: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Working_Papers/WP11.pdf (access date: 26.09.2012).

in strengthening infrastructure capacities along trade/transit corridors, as well as in intra-regional cooperation by means of a deepened dialogue between the Central Asian states, and building of their trans-boundary relations on reciprocal trust.

The divergent EU–US security approaches both have shown their substantial weakness. The military cooperation offered by the US to the authoritarian Central Asian states is allowing them to sustain a pervasive control over their nations, and to marginalize political dissent and opposition. This US orientation enables the EU efforts in the framework of a soft security approach. Nevertheless, the European decision to promote a regular dialogue with the same authoritarian governments — in the genuine belief that such engagement is much more likely to produce positive results than sanctions and isolation — have not pay off tangible improvements in the political and social spheres.

NATO withdrawal from Afghanistan and its impact on Central Asia

The planned withdrawal of NATO military forces from Afghanistan in 2014 is destined to have a serious impact on the Central Asian security scenario, because the Afghan government appears too weak to manage its national-building process alone.

During the NATO summit in Chicago on 20–21 May 2012, the members of the Alliance confirmed the military departure from Afghanistan, offering a new framework of commitment in the region — through military training of the Afghan security forces and economic assistance. They hope that the measures proposed would ensure the transition process and the internal stability. Unfortunately, the opposite scenario seems to be more realistic. Without the NATO's military support, the whole Central Asian region is open to the potential breakout of instability. As to the states that have a common frontier with Afghanistan, the explosive combination of the radical Islamism and the unsolved internal problems could set the conditions for an “Arab spring” scenario⁶ there.

For a while, the NATO and the OSCE activities in Afghanistan represented a good framework of cooperation for the EU and the US. The withdrawal of Alliance's troops prior to a real stabilization in Afghanistan could seriously undermine as their current security-aimed efforts as the prospects for achievement of their strategic interests in the region, because a condition

⁶ *Kucera J.* U.S. Military Aid to Central Asia: Who benefits? // Central Eurasia Project, Occasional Paper Series 7 / Open Society Foundation. New York, 2012. P. 10–12, 22. URL: <http://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/OPS-No-7-20121015.pdf> (access date: 01.10.2012).

of instability in the heart of Eurasia will block up of the East-West economic and energy corridor backed by EU and US⁷.

The NATO disengagement would negatively affect the US strategy towards Central Asia, weakening the country's geopolitical position in the region. There are two reasons for that. First, if the US military presence in Central Asia was once justified by the war in Afghanistan, after NATO's military departure Russia and China will definitely oppose US military presence in Kyrgyzstan (Manas airbase), Uzbekistan (Navoi airbase), Tajikistan, Kazakhstan and Turkmenistan, further reducing US influence in the region. Second, this decision puts in doubt one of the States' favorite geopolitical designs — to build, by means of opening the NDN infrastructure to broader trade and transport needs across Eurasia, a Modern Silk Road (MSR) to the benefit of security and prosperity in the region⁸. Truly, Obama administration has repeatedly confirmed the US engagement in the region after 2014, and the political will to implement the NDN and realize the MSR. That implies the improvement of the transportation infrastructure and opening Central Asian land-locked markets to the global market. The NATO disengagement will also create growing difficulties to the EU's soft approach strategy: indeed, a potential instability condition in the region will push Central Asian governments to isolate themselves, consolidate the authoritarian regimes and wreck the EU initiatives towards good governance and democratization process.

In order to enhance its action and to tackle regional challenges better, the EU is trying to improve its security approach, based on human security and regional cooperation. It is not difficult to disclose such a new approach in the 2011 "Report on the state of implementation of the EU Strategy for Central Asia" commissioned by the European Parliament. Its authors stressed that attention to human rights and the implementation of political reforms are *sine qua non* for stability, while the stability based on repression is doomed to failure in the long term⁹.

During the next two years, the EU and the US must reshape their security policies in the region and rearticulate their objectives, foster the bilateral coordination and — which is no less important — intensify the search for

⁷ Reisinger H. How to get out of Afghanistan: NATO's withdrawal through Central Asia // NATO Defense College Research Paper № 79. Rome, 2012. P. 1–5, 11.

⁸ Kuchins A. C., Sanderson Th. M. Op. cit.

⁹ See: Nielsen N. K. Report on the state of implementation of the EU Strategy for Central Asia. European Parliament, 2011 / 2008 (INI). 2011. October 11. P. 17–19. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pub-Ref=-//EP//NONSGML+REPORT+A7-2011-0338+0+DOC+PDF+V0//EN> (access date: 28.09.2912).

fields of common interest and better models for realization of their security programs.

Intra-regional cooperation and the border management of some destabilizing cross-border issues, such as traffic in drugs and weapons, form the main and most urgent common ground on which the EU-US efforts might converge. Other initiatives that the EU and the US should commonly adopt in the security field are the extension of fundamental rights towards ethnic minorities, with elaborating of a definitive political and legal status for existing ethnic enclaves, and establishing of an equal management of disputed and scarce resources — first of all, land and water.

Nowadays, given the lack of a strategic policy cooperation between Brussels and Washington, the EU-US attempts to protect their security interests in the region depend on the NATO and OSCE multilateral initiatives. There are two other powerful geopolitical actors with consolidated interests in the regional security architecture: Russia and China; and entering of both into the EU-US coordination circle is highly desirable. Similarly, the development of a regular political dialogue of the US and the UE with the Shanghai Cooperation Organization, focused on possible shared initiatives in Central Asia, seems no less relevant¹⁰. This perspective could also allow the participants to overcome the deep-rooted mistrust related to their geostrategic interests, which has yet prevented a constant and full-fledged cooperation between multilateral security institutions, namely between NATO and the Common Security Treaty Organization. For example, the EU-US policies of efficient border monitoring and management form a broader cooperation framework. Russia and China — as well as Central Asian nations — could take part in some common programs. Moreover, one can look at the EU-US border initiatives from a broader perspective. In fact, the strongest efforts are currently concentrated on the porous Tajik-Afghan border; but they generally ignore other destabilising trans-border conflicts, such as Uzbek — Tajik, Kyrgyz — Tajik and Uzbek — Kyrgyz border disputes.

The OSCE — the world's largest security organization — could serve as the preferential institutional setting for the EU and the US to inculcate a human security attitudes in Central Asia. At least, both extra-regional actors could continue their defense of democracy and human rights as prerequisites for stability and security. Unfortunately, just those who aid in one case can stand an obstacle in another case: at present, the Sino-Russian common desire to maintain the political *status quo* in Central Asia will set back the achievement of this ambitious goal. Furthermore, until now the participation of Cen-

¹⁰ EU-Central Asia Monitoring, NATO and Central Asia // EUCAM Watch. Issue 11. February 2012. P. 1–3, 5–6. URL: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Newsletters/EUCAMWatch-11.pdf (access date: 20.09.2912).

tral Asian republics in this wide forum of OSCE did not produce much effect: twenty years elapsing, all Central Asian nations — with the partial exception of Kyrgyzstan — live, as earlier, under the authoritarian rule, and elections in the region do not conform to international standards of freedom and fairness.

What is less disputable is that the convergence of EU–US security approaches could produce several benefits for them. Both would be able to achieve their security goals through a wise combination of a limited hard approach and broader soft policies aimed at the human security sphere. It is a pity that the EU and the US delay raising a corresponding bilateral cooperation framework. As matter of fact, the EU and the US took up to date the role of geopolitical-cum-geostrategic actor who acts, not infrequently, as if he were single and separate performer on the playground of Central Asian. They preserve reciprocally their spheres of influence and limit their cooperation to specific issues, trying to avoid engaging in a broader framework that might address their common concerns and targets.

Looking ahead

Central Asia stability and security remain the geopolitical priority of the EU and US involvement in the region. Despite divergent approaches, their attempts to coordinate policies and cooperate in a broader security sphere could help them to raise their influence in the reshaped Central Asian strategic scenario that is to follow the planned NATO military departure from Afghanistan in 2014.

However, what looks as the most desirable, rarely fits into what actually happens. At present, neither the hard security nor the human security visions have had a relevant impact on security and stability in Central Asia. A soft one demands a coherent political strategy; besides, it requires a whole set of economic and technical measures needed for its success. Concerning the hard security attitude, the current situation in the region clearly shows that the adoption of initiatives exclusively based on a military approach are destined to fail in the long period.

The best way to get out a kind of synergetic effect from the two security policies implies a combination of some aspects and issues of the EU-Strategy towards Central Asia and the US–NDN–MSR strategy, even if their divergent geostrategic objectives complicate this process.

Brussels and Washington should build an institutional framework for regular dialogue where they can address their policies and initiatives in the security field. Yet, this should be only the point of departure towards a broader cooperation extended to the regional actors and mainly focused on Afghanistan. Without the achievement of the pacification and the stabilization there, all the EU–US strategies are doomed to failure. Furthermore, any positive Afghan scenario will strictly depend on the deepening involvement

of Central Asian nations in decision-making process. They would be the first to fall under the threats to the regional security architecture coming from an unstable Afghanistan, and with them any outside actor, however strong its power happens to be, should share political and military responsibilities.

Ю. А. Кабанов

Современная архитектура европейской безопасности: на пути к единству и неделимости

Изменения, происходящие после крушения биполярного мира, коснулись и такого ключевого элемента системы международных отношений, как международная безопасность. В настоящее время концепт *безопасность* включает в себя не только традиционный дискурс о войне и мире, но и целый ряд новых аспектов, не связанных напрямую с открытым военным противостоянием (энергетических, миграционных, информационных и т. д.), вследствие чего появляются представления о *мягкой* и *жесткой* безопасности. Новые тренды заставляют по-новому взглянуть не только на концептуальное наполнение понятия *безопасность*, но и рассмотреть способы и методы ее практического обеспечения.

В этом контексте европейский регион представляет особый интерес. Во-первых, еще с проекта *вечного мира* аббата де Сен-Пьера (1712 г.), «европейская идея» объединения государств на основе общих ценностей была неразрывно связана с проблемами безопасности¹. Базируясь на этих представлениях, современный Европейский союз (ЕС) сформировал целостную систему безопасности, включающую общую внешнюю политику и политику безопасности, а также общую политику безопасности и обороны (ОВПБ / ОПБО). Во-вторых, с момента создания в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО) в европейские процессы активно включены США, что приводит к образованию единого евроатлантического пространства безопасности. В-третьих, ключевым актором региона остается Россия — правопреемница СССР, обладающая ядерным оружием и постоянным местом в Совете Безопасности ООН и стремящаяся деятельно участвовать в решении европейских и мировых проблем. В-четвертых, несмотря на усиле-

© Кабанов Ю. А., 2013

¹ Уткин С. В. Россия и Европейский Союз в меняющейся архитектуре безопасности: перспективы взаимодействия. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 7–8. URL: <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10035.pdf> (дата обращения: 10.11.2012).

ние роли других государственных и нетрадиционных акторов мировой политики, нельзя отрицать, что Европа продолжает оказывать во многом определяющее влияние на развитие всей международной системы в целом. В настоящей работе мы делаем попытку рассмотреть современную архитектуру европейской безопасности через призму институционального, нормативного, ценностного и перцептивного измерений, а также оценить роль России в ее развитии и реформировании в контексте продвижения проекта Договора о европейской безопасности (ДЕБ) и *концепции единой и неделимой безопасности*.

Архитектура европейской безопасности: измерения, состояние, проблемы

Европейское пространство безопасности, в соответствии с целями работы, понимается нами в широком смысле и включает страны Североамериканского континента (США и Канаду), а также Россию с ее партнерами по Содружеству независимых государств (СНГ) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Под архитектурой безопасности мы понимаем способ организации и функционирования системы европейской безопасности, который определяет, какие акторы и в какой степени включены в систему, как между ними организовано взаимодействие, каким образом система адаптируется к изменениям внешней и внутренней среды.

У современной архитектуры европейской безопасности нет единого стиля или «генерального плана строительства»; скорее, она формируется путем «точечной застройки», особенно с **институциональной** точки зрения. Список организаций, призванных обеспечивать безопасность на континенте, не ограничивается ОБСЕ и НАТО; свои миссии в области безопасности имеют и ЕС, и СНГ, и ОДКБ, не считая таких субрегиональных образований, как Арктический совет². При сложности и разнообразии структур безопасности наблюдается их недостаточная координация и наложение функций³. В связи с этим на повестке дня встают вопросы перераспределения полномочий между организациями, реформирования уже существующих или создания новых «зонтичных» структур.

Другим измерением архитектуры европейской безопасности может считаться **международно-правовое**. Здесь безопасность базируется

² Архитектура евроатлантической безопасности / под. ред. И. Ю. Юргенса [и др.]. М. : Экон-Информ, 2009. С. 12–16.

³ Borchert H. Strengthening Europe's Security Architecture: Where Do We Stand? Where Should We Go? URL: http://www.atlanticcommunity.org/Europe's_Security_Architecture.pdf (access date: 11.01.2012).

прежде всего на принципах Устава ООН, а также *хельсинкского декалога*, принятого СБСЕ в 1975 г.⁴ Согласно им, безопасность на континенте обеспечивается мирными средствами путем сотрудничества, на основании суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и нерушимости границ. Хотя принципы международного права должны выступать своеобразным каркасом европейской безопасности, на сегодняшний день эти надежды во многом не оправдываются. Государствоцентричные принципы не охватывают все пространство безопасности ввиду усиления нетрадиционных акторов и невоенных угроз. По этой же причине давно потеряли актуальность и договоры эпохи холодной войны, например Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)⁵. Иными словами, в правовом отношении архитектура европейской безопасности представляет собой ряд устоявшихся и, на наш взгляд, «застоявшихся» принципов и норм, которые нуждаются в актуализации, а также в более эффективном контроле над их исполнением.

Анализ архитектуры европейской безопасности в **ценностном измерении** можно было бы свести к вопросу, является ли Европа единым **«сообществом безопасности»**, если бы было ясно, сколько таких сообществ в настоящий момент существует. Под сообществом, следуя терминологии К. Дойча, следует понимать общность государств, члены которой уверены в отсутствии угрозы со стороны друг друга⁶. Главными критериями сообщества безопасности Дойч считал сопоставимость ценностей, предсказуемость действий, а также способность адекватно и своевременно реагировать на проблемы участников сообщества⁷.

На европейском пространстве сообществом подобного рода является НАТО, что подтверждает стратегическая концепция «Активное участие, современная оборона» (2010), в которой организация названа «уникальным сообществом». В ней подчеркивается, что «трансатлантическая связь сохраняет свою неизменную прочность и важность для

⁴ Устав Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml> (дата обращения: 11.01.2012); Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Принят 1 августа 1975 г. URL: <http://constitutions.ru/archives/5904> (дата обращения: 11.01.2012).

⁵ Караганов С. А., Бордачев Т. В. К новой архитектуре евроатлантической безопасности : доклад российских экспертов к конференции дискуссионного клуба «Валдай». Лондон, 2009. С. 18. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/European_security_rus.pdf (дата обращения: 15.11.2012).

⁶ Deutsch K. W. Political community and the North Atlantic Area. P. 2. URL: http://graduateinstitute.ch/webdav/site/political_science/users/elena.gadjanova/public/Deutsch%20-%20Political%20Community%20North%20Atlantic%20Are0001.pdf (access date: 09.10.2011).

⁷ Ibid. P. 65–67.

поддержания мира и безопасности в евроатлантическом регионе»⁸. Однако Альянс, который, несмотря на трансформацию, представляет собой скорее отголосок блокового противостояния и сменившего его «однополярного момента», вряд ли может выступить основой для общеевропейского сообщества безопасности. В частности, Россия, не входящая в Альянс, по-прежнему относится с недоверием к его расширению и политике⁹, при этом попытки вовлечения Москвы в диалог через Совет Россия — НАТО не приводят к кардинальному изменению ситуации. Другим сообществом безопасности в Европе в перспективе может стать ОДКБ, однако в настоящий момент организация все еще находится в поиске своей коллективной идентичности¹⁰. Очевидно, что для создания подлинного европейского сообщества безопасности будут необходимы усилия по налаживанию прочного доверительного взаимодействия НАТО и ОДКБ в целях недопущения новой межблоковой конфронтации и роста напряженности на континенте.

С ценностными аспектами связано и **перцептивное** измерение безопасности, основанное на сходстве и различии акторов в восприятии угроз (секьюритизации). Авторы концепции секьюритизации — представители копенгагенской школы Б. Бузан и О. Вэвер — рассматривают региональную безопасность как систему **комплексов безопасности**, каждый из которых представляет собой устоявшуюся, институционализированную структуру, члены которой имеют схожие подходы к секьюритизации и десекуритизации угроз¹¹. Применительно к Европе авторы рассматривают три возможных комплекса: ЕС — Европа, Турция и Балканы, а также постсоветское пространство¹². Поскольку секьюрити-

⁸ Активное участие, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора. Принята 19–20 ноября 2010 г. в Лиссабоне. URL: http://www.nato.int/cps/ru/SID-BFE5B878-C9E9060A/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 01.10.2011).

⁹ Военная доктрина Российской Федерации : утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 11.10.2011); Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/785> (дата обращения: 11.10.2011).

¹⁰ См. подробнее: *Тимофеева У. М.* НАТО и ОДКБ: ценностно-перцептивные, перцептивные и концептуальные препятствия на пути сотрудничества однопольных организаций // Вестник молодых ученых ИВГУ. Вып. 12. Иваново, 2012. С. 162–164.

¹¹ *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. P. 44, 490.

¹² *Ibid.* P. 343–346.

зация угроз у акторов по-прежнему различна, пока преждевременно говорить о складывании общеевропейского комплекса безопасности.

В рамки выделенных нами измерений укладываются и другие модели. Так, в частности, Х. Борчерт выделяет четыре ключевых опоры архитектуры безопасности: демократический мир, интеграция, институты и лидерство¹³. Его модель, однако, имеет ряд ограничений и не может быть экстраполирована на все европейское пространство. Во-первых, на настоящий момент говорить о комплексной интеграции в Европе можно лишь применительно к Европейскому союзу. Во-вторых, спорным является критерий лидерства в контексте европейской безопасности: если допустить, что лидером НАТО является США, то возникает вопрос, насколько это лидерство обеспечивает целостность и эффективность архитектуры безопасности всего европейского пространства.

Таким образом, на современном этапе архитектура европейской безопасности не является целостной. Многие ее элементы унаследованы от эпохи биполярности, они не универсальны. Множественность организаций с неопределенным статусом и легитимностью также способствует «размыванию» единой архитектуры, а международно-правовые нормы нуждаются в пересмотре с учетом новых акторов и угроз. Сохраняются и узлы развития конфронтации, прежде всего по линии НАТО — Россия.

Наиболее прочным ядром этой архитектуры остается НАТО — целостное и эффективное образование в институциональном, правовом, ценностном и перцептивном плане. Россия же, несмотря на попытки создания собственного сообщества — ОДКБ, по-прежнему остается выключенной из системы безопасности. Все это свидетельствует о необходимости реформирования архитектуры европейской безопасности.

Единая и неделимая безопасность в Европе: концепция и реалии

В эпоху «холодной войны» отношения между государствами рассматривались через призму *дилеммы безопасности*, сформулированной в 1950 г. Д. Герцем: безопасность одного государства — источник опасности для другого¹⁴. В условиях неопределенности, недостатка информации о намерениях других игроков, особенно когда регион не обладает

¹³ Borchert H. Op. cit. P. 2.

¹⁴ Цыганков П. А. Человеческая безопасность: теоретические споры и ответственность ученых // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики / под ред. П. А. Цыганкова. М. : МГУ, 2010. С. 6.

целостной архитектурой безопасности, акторы вынуждены наращивать оборонительный потенциал, в свою очередь провоцируя конфронтацию, гонку вооружений и способствуя увеличению конфликтогенности пространства¹⁵.

Дилемма безопасности не потеряла своей актуальности для Европы и после крушения биполярности. Так, несмотря на уверения НАТО, что Россия не является противником Альянса¹⁶, его расширение на восток вызывает крайнюю озабоченность Москвы. Создание системы противоракетной обороны США в Европе, с точки зрения НАТО, — оборонительное мероприятие, направленное против Ирана и Северной Кореи¹⁷, но в Москве оно воспринимается как приоритетная военная опасность для РФ¹⁸.

Россия неоднократно призвала реформировать европейские институты безопасности и систему в целом. Еще в 2005 г. глава МИД РФ С. В. Лавров на саммите Совета Европы указывал, что «сложившаяся система европейских организаций и институтов... недостаточно эффективна и не в полной мере отвечает требованиям времени»¹⁹, а в 2007 г. в знаменитой «мюнхенской речи» президент РФ В. В. Путин определил базовый принцип справедливой системы европейской безопасности: «безопасность каждого — это безопасность всех», который, по его мнению, нивелируется западными партнерами²⁰. В попытках выправить положение Россия в 2008 г. выступила с инициативой построения «единой и неделимой безопасности»²¹ в Европе, предложив проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ).

¹⁵ Booth K., Wheeler N. J. Rethinking the Security Dilemma. P. 3–5. URL: <http://cadair.aber.ac.uk/dspace/bitstream/handle/2160/1924/security%20studies%20chapter%2010%2c%20Wheeler.pdf?sequence=1> (access date: 10.12.2012).

¹⁶ Активное участие, современная оборона... URL: http://www.nato.int/cps/ru/SID-BFE5B878-C9E9060A/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 01.10.2011).

¹⁷ Бушнев М., Гончаренко Р. Система ПРО в Европе: почему НАТО и Россия не могут договориться. URL: <http://www.dw.de/система-про-в-европе-почему-нато-и-россия-не-могут-договориться/a-15921798-1> (дата обращения: 11.12.2012).

¹⁸ Военная доктрина Российской Федерации.

¹⁹ Лавров С. В. Выступление на 3-м саммите Совета Европы по вопросу «Европейская архитектура». Варшава, 17 мая 2005 г. // Лавров С. В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 329.

²⁰ Выступление В. В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Февраль 2007 г. URL: <http://www.lenpravda.ru/today/253283.html> (дата обращения: 11.12.2012).

²¹ Часто в концепт включается принцип «равной» безопасности.

Сама идея нового устройства архитектуры безопасности в Европе была озвучена президентом Д. А. Медведевым в июне 2008 г. в Берлине. За основу должна была быть принята идея единства и неделимости безопасности евроатлантического пространства от Ванкувера до Владивостока, выраженная в новом «региональном пакте»²². Новый импульс инициативе, которая была оформлена в виде проекта ДЕБ, представленного Д. А. Медведевым на конференции по мировой политике в Эвиане в октябре 2008 г., придал грузино-осетинский конфликт августа 2008 г., выдвинувший на первый план проблемы *жесткой* безопасности²³.

Являясь ядром российской инициативы, концепция *единой и неделимой безопасности* сама по себе не является новацией — и ранее в документах СБСЕ (ОБСЕ) прописывался принцип *равной и одинаковой безопасности*. Так, в будапештской Декларации 1994 г. указывалось на необходимость определять военный потенциал «с учетом законных интересов безопасности других государств», ни одно из которых не должно предпринимать попытки военного господства над другими²⁴. Принцип равноправия и неделимости безопасности был положен в основу отношений НАТО и РФ и документально закреплен в Основополагающем акте 1997 г., а также в Римской декларации 2002 г.²⁵

Иными словами, инициатива России отличается не новизной самой идеи, а скорее стремлением модифицировать ее в системообразующий и юридически обязывающий принцип посредством заключения ДЕБ. Согласно проекту, концепт *единая и неделимая безопасность* под-

²² Выступление Дмитрия Медведева на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии. 5 июня 2008 г., Берлин. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/prezident_rf/2351-vystuplenie-dmitrija-medvedeva-na.html (дата обращения: 11.12.2012).

²³ Кабанов Ю. А. Проект договора о европейской безопасности как элемент защиты национальных интересов РФ // Молодая наука в классическом университете : тезисы докладов науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, 20–30 апреля 2010 г. Иваново : Изд-во ИвГУ, 2010. С. 63.

²⁴ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Декларация Будапештской встречи на высшем уровне «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху». Будапешт, 6 декабря 1994 г. URL: <http://www.lawmix.ru/abro/7980> (дата обращения: 12.12.2012).

²⁵ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 1997 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_25468.htm (дата обращения: 12.12.2012); Декларация Глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО. Рим, 28 мая 2002 г. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/rome_declaration.htm (дата обращения: 12.12.2012).

разумеает, что «любые меры, принимаемые каждым Участником настоящего Договора... осуществляются с учетом интересов безопасности всех других Участников»²⁶. Концепт дополнен **принципом трех «не»**: не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других; не допускать действий, ослабляющих единство общего пространства безопасности; не позволять, чтобы развитие и расширение военных союзов наносило ущерб другим участникам договора²⁷.

Продвигая идею ДЕБ, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в своих выступлениях определяет единую и неделимую безопасность как принцип, согласно которому никто не должен обеспечивать безопасность за счет других²⁸. Принцип предполагает «преодоление логики негативной взаимозависимости, основанной на конфронтации потенциалов взаимного уничтожения, и восхождение к логике **позитивной взаимозависимости** в сфере безопасности на основе признания общности базовых интересов безопасности перед лицом всего спектра глобальных вызовов и угроз»²⁹.

С институциональной точки зрения единая и неделимая безопасность становится принципом создания всеобъемлющей организации, «Евроатлантического сообщества безопасности», которое станет «зонтичной структурой» для прежних военно-политических альянсов (НАТО, ОДКБ и т. д.)³⁰.

В ценностном смысле концепт может означать приверженность общим ценностям, обязательствам и нормам в интересах всех государств. Подобную трактовку принцип получил еще в 1997 г. в уже упоминавшемся нами Основополагающем акте³¹. Кроме того, исходя из

²⁶ Проект Договора о европейской безопасности. URL: <http://kremlin.ru/news/6152> (дата обращения: 08.12.2012).

²⁷ Там же.

²⁸ Стенограмма ответов С. В. Лаврова на вопросы корреспондента германской газеты «Зюддойче-Цайтунг». Дортмунд, 11 октября 2008 г. // Лавров С. В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. С. 423.

²⁹ Лавров С. В. Евро-Атлантика: равная безопасность для всех : полный текст статьи, опубликованной в журнале «Дефанс Насьональ» (Франция) в сокращенном виде, май 2010 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/11767A9C3045022CC325772D00415746 (дата обращения: 2.11.2012).

³⁰ Пархалина Т. Г. Перспективы договора о европейской безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2009. Июнь, № 16 (32). С. 8–9.

³¹ Котляр В. О неделимости безопасности государств. URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2011/07/10/o-nedelimosti-bezopasnosti-gosudarstv.html> (дата обращения: 02.11.2012).

ДЕБ, единство и неделимость безопасности становится **юридическим принципом**, предполагающим строгую согласованность действий акторов, недопущение гегемонии в сфере безопасности, а следовательно, подразумевающая международно-правовую ответственность за его нарушение.

В отечественном экспертном сообществе в содержание концепта также **включают** комплексный характер безопасности, взаимозависимость между европейским и международным уровнем безопасности³², юридическую обязательность со статусом принципа международного права³³. За рубежом идея о неделимости безопасности воспринимается скорее как декларативная, подразумевающая доверие и транспарентность в международных отношениях³⁴. В то же время на Западе термин используется и за рамками военных аспектов безопасности: так, в разгар экономического кризиса министр финансов США Г. Полсон заявил о неделимости финансовой безопасности — недопущении односторонних мер в области экономики³⁵.

Из-за утраты *трех поясов безопасности* — социалистического лагеря, стран Организации Варшавского договора и союзных республик — достижение единой и неделимой безопасности является важнейшим приоритетом России, что закреплено в Концепции внешней политики (2008) и в Стратегии национальной безопасности до 2020 г. (2009)³⁶.

С 2008 г. идея новой архитектуры европейской безопасности активно продвигается Россией в рамках Совета Европы, ОБСЕ, Совета Россия — НАТО, а также в рамках двусторонних встреч с лидерами стран ЕС и США. После прихода к власти в США Б. Обамы и провозглашения *перезагрузки*, казалось, что появились предпосылки для положительной реакции партнеров. Однако США, Великобритания, а также «новички» ЕС из Восточной Европы и Прибалтики, Франция, Германия, Испания и Италия высказались в целом за обновление архитектуры, но при этом со скепсисом восприняли перспективы принятия

³² Лихачев В. К современной системе европейской безопасности. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1247833113&archive=1247834106&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 02.11.2012).

³³ Журбей Е. В. Договор о европейской безопасности: перспективность российских инициатив. URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2010_01_09.pdf (дата обращения: 02.11.2012.).

³⁴ Архитектура евроатлантической безопасности... С. 46.

³⁵ Стенограмма ответов С. В. Лаврова на вопросы корреспондента германской газеты «Зюддойче-Цайтунг»... С. 423.

³⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 10.12.2012); Концепция внешней политики Российской Федерации.

юридически обязывающего документа³⁷. Среди стран СНГ проект был поддержан Казахстаном, Белоруссией и Арменией, позиция остальных осталась неопределенной³⁸.

К 2010 г. малые шансы на успех инициативы в первоначальном виде стали во многом очевидны. Генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен заявил, что новая Военная доктрина РФ не соответствует идеям обновления безопасности и улучшения отношений с НАТО, гос-секретарь США Х. Клинтон выступила с конкретными предложениями по реформированию ОБСЕ вместо создания новых структур³⁹. Позиция ЕС, выраженная верховным представителем по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, заключалась в том, что Европа готова к диалогу, но опять-таки в рамках ОБСЕ⁴⁰. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что ДЕБ охватывает лишь аспекты *жесткой* безопасности, тогда как на Западе принят комплексный подход (*comprehensive approach*), включающий и *мягкие* вызовы⁴¹. Россия, в свою очередь, критиковала партнеров за то, что неделимость безопасности остается политической декларацией, не имеющей необходимого практического наполнения⁴².

В случае с ДЕБ страны НАТО не увидели в документе новых идей, зато обратили внимание на попытки ослабить позиции Альянса и создать «лишнюю» бюрократическую структуру для защиты национальных интересов РФ⁴³. Не убедили партнеров и слова С. В. Лаврова о том, что новый договор не направлен против НАТО⁴⁴.

³⁷ Войтович К. Дискуссия в ЕС по вопросу о европейской безопасности // Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы / под ред. М. В. Братерского и С. В. Картунова. М., 2011. С. 80–85; Архитектура евроатлантической безопасности... С. 117–120.

³⁸ Гуцин Е. Отношение стран СНГ к проекту Договора о европейской безопасности // Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию... С. 63–70.

³⁹ Сирук М. Мюнхен: столкновение реальностей. URL: http://www.ukrudprom.ua/digest/Myunhen_stolknoenie_realnostey.html (дата обращения: 09.12.2012).

⁴⁰ 46-я мюнхенская конференция по безопасности. 07.02.2010. URL: <http://www.icocrimorg.ru/news/index.html?nid=139> (дата обращения: 09.12.2012).

⁴¹ Пархалина Т. Г. Иная культура мягкой безопасности : интервью / записала О. Колесниченко // Независимое военное обозрение. 2010. 12 марта. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-03-12/1_terrorism.html (дата обращения: 2.10.2010).

⁴² Лавров С. В. «Принцип неделимости безопасности на практике не сработал» : [интервью] // Радио «Голос России» : сайт. 2011. 12 июля. URL: <http://rus.ru/rv/2011/07/12/53122749.html> (дата обращения: 9.12.2012).

⁴³ Кабанов Ю. А. Проект договора...

⁴⁴ Стенограмма выступления С. В. Лаврова и ответов на вопросы СМИ по итогам заседания Совета Россия — НАТО в Брюсселе, 4 декабря 2009 г. //

С 2010 г. суть российской инициативы сужается до концепта единой и неделимой безопасности. По словам Лаврова, «проект... посвящен только одной теме — принципу неделимости безопасности, который имеет системообразующее значение. Мы предлагаем... придать этому принципу... юридически обязывающий характер, а также определить механизм его применения на практике»⁴⁵. С окончанием срока президентства Д. А. Медведева идея ДЕБ вообще отошла на второй план. Так, в указе президента РФ В. В. Путина «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» (2012) проект уже не упоминается. Однако сам принцип неделимости безопасности сохраняется как основополагающий, причем не только в контексте евроатлантической безопасности, но и в рамках архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴⁶. Кроме того, в противовес ЕС и НАТО, усиливается продвижение Евразийского Союза и ОДКБ⁴⁷.

По нашему мнению, даже в случае принятия ДЕБ не гарантировал бы кардинальные изменения архитектуры безопасности в сторону ее единства и неделимости. Документ носил рамочный характер, не затрагивал существующие институты и нормы и не содержал в себе новых идей, однако неуспех ДЕБ не означал краха самой концепции единства и неделимости безопасности, у которой остался потенциал для развития.

Прежде всего, данный принцип, оставаясь «добрым пожеланием на будущее», может стать основой для формирования в Европе пространства доверия и сотрудничества как предпосылки единого сообщества безопасности. Для этого действия России и ее западных партнеров должны быть прогнозируемыми и понятными для тех и других, причем не только в таких чувствительных вопросах, как система ПРО, но и в сфере *мягкой* безопасности, которая при актуальности для всех акторов имеет сравнительно меньше противоречий. Здесь России следует налаживать взаимодействие с ЕС, который уделяет особое внимание невоенным аспектам безопасности.

Лавров С. В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. С. 511.

⁴⁵ Лавров С. В. Евро-Атлантика: равная безопасность для всех...

⁴⁶ О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации : Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605. URL: <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--p1ai/acts/15256> (дата обращения: 11.11.2012).

⁴⁷ Weitz R. The Rise and Fall of Medvedev's European Security Treaty. URL: http://www.hudson.org/files/publications/1338307624Weitz_MedvedevsEST_May12.pdf (access date: 05.11.2012).

Гораздо сложнее представить быстрое установление доверительных отношений между Россией и Североатлантическим альянсом. Здесь, скорее, потребуются длительная и постоянная деятельность в рамках Совета Россия — НАТО; со стороны Альянса — дополнительные гарантии, что он не направлен против Москвы, а со стороны России — изменения в Военной доктрине и иных концептуальных документах.

Чтобы архитектура безопасности была целостной и представляла единый «комплекс безопасности», сторонам, и прежде всего РФ, следует сделать выводы из провала ДЕБ и признать единство и неделимость военных и невоенных аспектов. В институциональном измерении этот концепт может стать и платформой для обновления уже существующих организаций. Одной из них остается Совет Европы, который РФ с 2008 г. рассматривает как «солидную и надежную гуманитарную опору архитектуры, которая будет обеспечивать неделимый и равноправный характер безопасности»⁴⁸. При этом основной упор делается на *мягкие* аспекты безопасности⁴⁹, что, на наш взгляд, абсолютно оправданно. Российская инициатива также легла в основу *процесса Корфу* — серии консультаций по реформированию ОБСЕ, одним из принципов которого стала «приверженность концепции всеобъемлющей, неделимой безопасности, основанной на сотрудничестве»⁵⁰.

Следует признать, что идея единства и неделимости не может являться единственным принципом архитектуры безопасности. Необходимо коренное обновление и расширение правового пространства с учетом современных реалий, принятие серии договоров о противодействии новым угрозам: терроризму, международной преступности и пиратству, энергетическим вызовам и т. п.

Указанные меры в долгосрочной перспективе позволят архитектуре европейской безопасности стать более гармоничной, охватывать большее число акторов и затрагивать большее число аспектов. Безусловно, достижение единой и неделимой безопасности в ближайшей перспективе кажется утопичной идеей, однако на современном этапе кон-

⁴⁸ Выступление и ответы министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом. Москва, 17 мая 2011 г. URL: http://www.russiaeurope.mid.ru/doc/Lavrov_Iagland.htm (дата обращения: 11.11.2012).

⁴⁹ Выступление Сергея Лаврова на Сессии Парламентской ассамблеи, 26–30 апреля 2010 г. URL: http://www.coe.int/t/dc/files/pa_session/april_2010/20100429_disc_lavrov_RU.asp (дата обращения: 12.03.2011).

⁵⁰ Восстановление доверия: процесс Корфу. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/87587> (дата обращения: 11.11.2012).

цепция выполняет очень важную функцию, побуждая акторов задуматься об обновлении существующей архитектуры и сесть за стол переговоров для поиска взаимоприемлемых вариантов ее переустройства.

Nicolas Contessi

Multilateral security institutions in Central Asia: same threats, different norms

At the end of the Cold War, Central Asia was essentially *tabula rasa*, with fledgling and weak states making up a rather chaotic regional subsystem characterized by a relatively unmitigated degree of anarchy¹. Since then, numerous regional institutions have emerged. Among these are the Collective Security Treaty Organisation (CSTO), the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), and the North Atlantic treaty Organisation (NATO) through the Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC). All such organizations emerged under the leadership of an entrepreneur nation, emphasize discourse, display overlapping memberships, and operate in the security sector. Whereas multiple security externalities certainly stem from the region, if institutions are really created to manage goal-oriented cooperation alone, shouldn't *one* be sufficient?

The area literature tends to agree that in Central Asia's competitive environment such institutions serve as instruments of the major powers, for the purpose of "structuring cooperation... in a manner consonant with their perceived interests"². Some attention has been directed to normative factors³.

© Contessi N., 2013

¹ This regional context is here associated to the notion of "immature anarchy," stemming from the decline in the former Soviet overlay. See: *Buzan B., Jones Ch. A., Little R.* The Logic of Anarchy : Neorealism to Structural Realism. New York : Columbia Univ. Press, 1993.

² *MacFarlane S. N.* The United States and Regionalism in Central Asia // International Affairs. 2004. Vol. 80, № 3. P. 447; *Flikke G., Wilhelmsen J.* Central Asia : A Testing Ground for New Great-Power Relations. Oslo : Norwegian Institute of International Affairs, 2004. P. 460. See also: *Spero J. P.* Paths to Peace for NATO's Partnership in Eurasia // Limiting Institutions? The Challenge of Eurasian Security Governance / J. Sperling, S. Kay, S. V. Papacosma (eds.). Manchester : Manchester Univ. Press, 2003. P. 166–184; *Kay S.* Geopolitical Constraints and Institutional Innovation: the Dynamics of Multilateralism in Eurasia // Ibid. P. 128–143.

³ *Weitz R.* Averting a New Great Game in Central Asia // The Washington Quarterly. 2006. Vol. 29, № 3. P. 155–167; *Olcott M. B.* The Great Powers in Central Asia //

However, normative content is treated in merely static terms, as the beliefs held by actors, and is not seen as a further playing field of great power competition. This being said, Central Asian institutional frameworks actually put great emphasis on discourse and norm making. Importantly however, authors have found that, especially in this region, “the precise role of institutions in the post-Cold War security architecture remains contested”⁴. Building on the argument that international institutions in Central Asia are instruments of the major powers to a great extent, this paper proposes a theory-driven explanation of three regional multilateral frameworks in the regional security field.

The paper blends elements of realism and constructivism, particularly in the form of the securitization approach, to clarify how and to what extent institutions can be reduced to instruments of control. Hence, the paper evaluates the securitizing agency of Chinese, Russian and American leaders respectively in the Shanghai Cooperation Organization, the Collective Security Treaty Organization, and NATO’s Euro-Atlantic Partnership Council⁵.

Multilateral Security Cooperation in Central Asia

As certain realists have suggested, institutions have binding effects⁶. However realism is not suited to account for the discourse-intensive nature of cooperation within Central Asian institutional frameworks. To this end, the concept of socialization provides a useful complement to unveil the binding effects of institutions. By favouring the dissemination of crucial information, socialization processes are responsible for implanting attitudes, promoting desired values and principles, and broadly laying down the triggers for the exercise of leverage on individual actors. Therefore, constructivism might

Current History. 2005. October. P. 331–335; *Fumagalli M.* Alignments and Realignments in Central Asia: The Rationale and Implications of Uzbekistan’s Rapprochement with Russia // *International Political Science Review*. 2007. Vol. 28, № 3. P. 264–265.

⁴ *Sperling J.* Eurasian Security Governance: New threats, Institutional Adaptations // *Limiting Institutions? The Challenge of Eurasian Security Governance* / J. Sperling, S. Kay, S. V. Papacosma (eds.). Manchester : Manchester Univ. Press, 2003. P. 17.

⁵ On the link between major power interests and the emergence of the institutional frameworks at the center of this study see: *Contessi N.* Security Multilateralism in Central Asia: An Extension of Major Power Interests? // *The SRC’s Research Fellows Working Paper*. 2010. 14 October. URL: http://www.src.auca.kg/images/stories/files/Nicola_Contessi.pdf

⁶ *Ikenberry G. J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 2001; *Gruber L.* Power Politics and the Institutionalization of International Relations // *Power in Global Governance* / M. Barnett and R. Duvall (eds.). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. P. 102–129.

explain how institutions can shape and reshape interests and identities by managing socialization strategies.

In the field of security, values and principles are to be equated with definitions of threats and the formulation of policy responses, an outcome that is associated with processes of securitization, or the “intersubjective establishment of an existential threat with a saliency sufficient to have substantial political effects”⁷. This suggests that securitization may be taken to represent the distinctive socialization process through which security norms are produced.

Though the securitization framework is typically applied at the domestic level, with the role of securitizing actors being taken alternatively by leaders, governments, or even social movements⁸, international institutions can be likened to ‘polities’ wherein securitization processes can take place. Venues such as summits, conferences, and working groups are particularly conducive to construing definitions of threats, and understandings of adequate methods used to promote security, and of the patterns of cooperation used to pursue these goals. This warrants for evidence of efforts by a *securitizing actor* vis-à-vis their *audience*, directed at the “staging of existential issues in politics to lift them above politics”⁹. Therefore, the assumption is that the great power within a regional organization performs the role of *securitizing actor* while the associated member states represent the *audience*.

Eventually, these definitions may be formalized into legal documents or even institutions. In this sense institutions represent the intervening variable through which major powers seek to bind member states into a commitment to a common security perimeter. Therefore, effective securitization can allow a principal actor to generate desired security norms and promote conformity.

Case Studies

The claims of the theoretical framework delineated above are used to explain the effects of the SCO, the CSTO, and the EAPC, to the extent that they embody their leading states’ strategies as principal powers (China, Russia and the United States, respectively). The idea is that they strive to socialize Central Asian member states into desired security beliefs and norms. For this goal, a smaller sample of two member states for each forum, namely Kazakhstan and Kyrgyzstan, was selected on the basis that they represent both a large and a small state in the region, enjoying membership in all three

⁷ Ibid. P. 23–25.

⁸ Ibid. P. 40.

⁹ *Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis.* Boulder : Lynne Rienner Pub., 1998. P. 26.

groupings. For the purpose of this research, observations take into consideration the period between 2001 and 2009.

1. China as a securitizing agent: the Three Evils and the fight against terrorism.

Between 2001 and 2009, Chinese leaders have consistently emphasised the critical nature of terrorism as an existential threat to the region and its countries. They have done so by reference to a series of interlinked and mutually reinforcing images that added up into a coherent and peculiar discourse. The product is the *Three Evils* doctrine, which hinges on separatism, terrorism and extremism. This leads one to infer that this rhetorical device serves as a positioning strategy to instil direction and purpose into the organization, while rallying co-members around a shared vision of threat perceptions.

For instance, ahead of the January 2002 SCO Summit that was held in St. Petersburg, President Jiang Zemin spoke at a SCO Foreign Ministers meeting in Beijing, pointing out to the 9/11 events as demonstration that terrorism is indeed a threat to security:

The September 11 terrorist attacks showed that unstable elements are increasing although the international situation is generally relaxing, and all countries realize that they should strengthen cooperation to safeguard their common security¹⁰.

The words “unstable elements” are suggestive of an undefined and faceless entity that eschews ordinary control by states, and therefore justifies the exhortation to increase inter-state cooperation to counter it. The President was echoed by Zhou Li, Deputy Director-General of the Department of Eastern European and Central Asian Affairs of the Chinese Foreign Ministry, who released a long interview on the same occasion in which he defined the fight against terrorism as a “long-term task”, and suggested that “cracking down on the ‘three vices’ is an important point for cooperation among the SCO member countries, and is also part and parcel of the international anti-terrorism campaign”¹¹. Other than the ongoing effort to define terrorism, there seems to be a conscious effort to position the SCO as an actor that is capable of targeting the multiple facets of the phenomenon. Hence, Li also

¹⁰ Jiang Zemin Calls for Regional Anti-Terrorism Mechanism between SCO // Xinhua, 7 January 2002. URL: <http://www.ch.china-embassy.org/eng/xwss/t137991.htm> (access date: 10.10.2010).

¹¹ Deputy Director-General Zhou Li of the Department of Eastern European and Central Asian Affairs of the Foreign Ministry Gives a Briefing on the Just-concluded Non-regular Meeting of SCO Foreign Ministers / Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China, 9 January 2002. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw/wgjzxwzx/ipccfw/t18844.htm> (access date: 10.10.2010).

offered an enunciation of the criteria for the securitization of terrorism in Central Asia:

Terrorists of Chechen, 'East Turkistan' and the Uzbek Islamic Movement are the most ferocious terrorist groups. They are also part and parcel of the international anti-terrorism and should be cracked down on harshly. There must not be *different standards* from those taken against other terrorists¹².

At the 2005 SCO Summit, President Hu Jintao considered the "three forces to pose a severe threat to the member states and the region...We have to make every effort to step up security co-operation or else all our talk about stability will be pointless"¹³. A variety of state leaders at different levels reiterated similar views, always by reference to the famous keyword of the "three evil forces"¹⁴.

The SCO's Intervening Role. These Chinese efforts have been integrated within a variety of SCO texts and outputs of other nature, which then have served as a platform relaying these same security principles to the membership and to the outside world. Most notably, article 1 of the 2002 SCO Charter states that joint action against terrorism, separatism and extremism in all their manifestations is among the goals of the organization. Article 3 lists implementation of measures aimed at jointly counteracting terrorism, separatism and extremism among the main areas of cooperation within the SCO¹⁵. Both articles adopt the terminology encapsulated in the phrase "terrorism, separatism and extremism". Moreover, the 2001 Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism and the 2007 Treaty on Friendly and Good-neighbourly Relations further enshrine the SCO's three evils approach.

Effects of Chinese securitizing moves on the Central Asian republics. Both Kazakhstan and Kyrgyzstan have displayed a significant degree of adherence to the security discourse promoted within the SCO, as suggested by their propensity to echo Chinese-supplied language on security definitions.

As far as Kazakhstan is concerned, State Secretary Tokayev stated at the 2003 Council of Foreign Affairs Ministers that the activities of the SCO include the fight against terrorism, separatism and extremism¹⁶. Similarly, at

¹² Ibid.

¹³ SCO summit flexes anti-terror muscles, Hu Qihua // China Daily. 2005. 6 July.

¹⁴ Chinese president makes proposal on regional peace, common prosperity among SCO members // Xinhua. 2008. 29 August. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2008-08/28/content_9730025.htm (access date: 12.11.2010).

¹⁵ Charter of the Shanghai Cooperation Organization. URL: <http://www.hrichina.org/content/5207> (access date: 27.06.2013).

¹⁶ Выступление Государственного секретаря РК К.Токаева на пленарном заседании Совета министров иностранных дел ШОС // Официальный сайт Прави-

the 2006 Meeting of Foreign Ministers, Foreign Minister Tokayev stressed that “the continuation of joint military exercises between the armed forces of our countries is a measure of practical assistance in the fight against *terrorism, separatism and extremism*” (emphasis added. — N. C.)¹⁷. President Nazarbayev offered a similar view in 2006 when he declared in an interview with Chinese media and at the 2006 Summit (emphasis added. — N. C.):

I believe, for the SCO, its principal task is still the fight against *terrorism, separatism, extremism*, drug-trafficking and illegal immigration¹⁸.

As far as Kyrgyzstan is concerned, President Akayev declared that the main aims of the SCO are to “ensure security through joint, coordinated fight against international terrorism, extremism, national separatism. This evil is equally experienced by all our countries...”¹⁹ Successively, shortly after becoming President in 2006, Kurmanbek Bakiyev expressed Kyrgyzstan’s position on regional security issues within the SCO. In his statement, he fully endorsed the language of the “three evils”, suggesting Kyrgyzstan was following closely the path laid out by Chinese leaders²⁰.

2. Russia as a securitizing agent: terrorism, drug trafficking and Afghanistan.

Based on the selected observations, between 2002, the year of establishment of the CSTO and 2009, Russian leaders have consistently emphasized the critical nature of terrorism, narcotics-trafficking, and the situation in Afghanistan as existential threats to the region and its countries. The three elements tend to be conflated and treated as a single threat. At a press confe-

тельства Республики Казахстан, 29 апреля 2003. URL: <http://www.ru.government.kz/documents/publications/page83> (дата обращения: 10.10.2011).

¹⁷ Выступление Министра иностранных дел Республики Казахстан К. Токаева на заседании Совета министров иностранных дел государств — членов Шанхайской организации сотрудничества 15 мая 2005 года, г. Шанхай // Официальный сайт Правительства Республики Казахстан, 15 мая 2006. URL: <http://ru.government.kz/documents/publications/page115> (дата обращения: 10.10.2011).

¹⁸ Kazakh President Underlines SCO’s Great Achievements // Xinhua. 2006. 9 June. See also: Kazakh president stresses SCO role in fighting “three evil forces” // Chinaview.cn. 2006. 8 June.

¹⁹ Касаев А. Партнерство за шестью печатями. Президент Кыргызской Республики Аскар Акаев оценил для «НГ» пять лет развития «шанхайского процесса» // Независимая газета. 2001. 30 июня.

²⁰ Бакиев К. Шанхайский дух здоров и крепок : [интервью] // Время Востока. 2007. 11 августа. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/92.html> ; Пресс-конференция в Бишкеке // Jahon News Agency. 2007. 6 August. URL: http://www.jahonnews.uz/rus/ia_jaxon/press_relizi/press_konfereniya_v_bish-keke.mgr (access date: 07.07.2011).

rence after a meeting of the CIS Council of Ministers of Foreign Affairs in 2002, Russia's Minister of Foreign Affairs Igor Ivanov was illustrative of how this approach came about (emphasis added. — N. C.):

Today I was very pleased again that *the assessment and approaches of our countries on matters of principle are the same*. We continue to believe that *the main threat* to the CIS countries and all humankind are connected at this stage with *international terrorism ... illicit drug trafficking*²¹.

Similar definitions were made in 2003 and 2005, when President Putin referred to terrorism, drug, and crime as particularly threatening for the impact of Afghanistan²².

The CSTO's Intervening Role. Consistently with Russian discourse, the CSTO has constantly defined the three issues of terrorism, drug trafficking, and the situation in Afghanistan as almost an indistinguishable threat. In fact, traces of such a language can already be found in the CSTO's start-up phase prior to 2002. Even before 9/11, a 2001 Joint statement of the future organization's Heads of State declared:

*Terrorism and extremism stand hand in hand with... drug trafficking... [to] hamper the development of democratic processes, infringing on basic rights and freedoms*²³.

Official CSTO statements in the following years kept emphasizing the very same issues as threats to the security of CSTO member states²⁴.

²¹ Transcript of Remarks by Minister of Foreign Affairs of Russia Igor Ivanov at a press conference following the meeting of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the CIS in Moscow on May 30, 2002.

²² *Путин В.* Вступительное слово на встрече с секретарями советов безопасности государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности, 21 марта 2003 года // Президент России : сайт. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2003/03/21/0001_type63377_40967.shtml ; *Лавров С. В.* Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ по итогам заседания СМВД ОДКБ, Москва, 30 ноября 2005 г. // Министерство иностранных дел РФ : официальный сайт. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rsng.nsf/3a813e35eb116963432569ee0048fdb/432569d800221466c32570c90060b983!OpenDocument> (дата обращения: 20.10.2013).

²³ Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Подписано в г. Ереване 25.05.2001. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=9907> (дата обращения: 14.08.2013).

²⁴ Заявление глав государств-участников Договора о коллективной безопасности по случаю 10-летия подписания договора о коллективной безопасности, 14 мая 2002 года // Президент России : официальный сайт. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/05/30237.shtml> (дата обращения: 09.10.2011); Заявление

Effects of Russian securitizing moves on the Central Asian republics. As far as Kazakhstan is concerned, this country is a key Russian partner in the CSTO, and thus provides a crucial case to evaluate the theoretical framework proposed here, with the expectation to see it display significant discourse adherence.

At a meeting in July 2003, President Nursultan Nazarbayev and CSTO Secretary-General Nikolai Borduzha discussed the necessity to strengthen the Collective Rapid Deployment Forces, agreeing that terrorism and Afghanistan pose an intertwined threat that needs to be countered jointly²⁵. President Nazarbayev also described the CSTO charter as designed to “solving international issues and issues related to fighting *terrorism*”, coordinating the work of special services and interior ministries to fight this evil, and noting that “all of the CSTO’s activity is aimed at fighting *terrorism, extremism and drug trafficking*” (italics added. — N.C.)²⁶. Kazakhstan further identified affiliation with the CSTO as conducive to strengthening its *national security*²⁷.

As far as Kyrgyzstan is concerned, Security Council Secretary Tokon Mamytov declared in a 2007 interview to the press that “Kyrgyzstan is loyal to its commitments in the response to *international terrorism* [and it] will live up to its commitment to fight terrorism”²⁸. Kyrgyzstan’s Security Council Secretary Adahan Madumarov reinforced this message by pointing to the centrality of the CSTO in assisting its members’ adaptation to the new geopolitical situation, and in facilitating foreign policy coordination, military cooperation, information and analysis, and counteraction to new challenges and threats²⁹. Quoting President Kurmanbek Bakiyev, Madumarov affirmed that

глав государств Республики Армении, Республики Беларуси, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан, Душанбе, 28 апреля 2003 года // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/information/detail.php?ELEMENT_ID=147 (дата обращения: 09.10.2011); Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности, Астана, 18 июня 2004 года. URL: <http://www.zonazakona.ru/law/abro/103/> (дата обращения: 14.08.2013).

²⁵ Kazakh President deems it wise to strengthen the CSTO Collective Rapid Deployment Force // Kazinform. 2003. July 2.

²⁶ Kazakhstan: Kazakh President Defends Uzbek Govt Actions during Riots // Interfax. 2005. June 30.

²⁷ Kazakh President Defines Priorities in National Security // Interfax. 2005. December 15.

²⁸ Kyrgyzstan Vows To Live Up To Commitments to Fight Terror // Interfax. 2007. October 29.

²⁹ Ibraliyev J. CSTO to open public information center in Kyrgyzstan // Kg 24. 2008. November 19. URL: <http://eng.24.kg/community/2008/11/19/6517.html> (access date: 23.06.2011).

the most relevant goals served by the organization are security provision and the fight against terrorism, particularly in light of the events in the Caucasus and in the Kyrgyz Republic³⁰. Lastly, in the area of drug trafficking, Alimbay Sultanov, director of the Kyrgyz Drug Control Agency noted that greater interaction within the CSTO in the fight against trafficking in psychotropic substances and precursors would be beneficial to Kyrgyzstan³¹.

3. The US as a securitizing agent: the EAPC and terrorism.

Like the other two frameworks, the EAPC is engaged in the definition of a common security perimeter for its membership. This encompasses terrorism and crime. As Secretary of State Colin Powell suggested at the May 2002 EAPC Foreign Minister's Meeting, "many of NATO's Partners are on the front lines, facing the same threats as the Allies: terrorism and regional instability. To help them is to help ourselves"³². In this light, partners are equated to NATO allies for the challenges they face. Hence, it is important to integrate them into NATO's perimeter. To this end, the Secretary of State Colin Powell declared:

My primary goal is to take cooperation with Partners to a new level, to foster more fluid political consultation and higher-end military cooperation that will — among other things — increase Partners' ability to address key security concerns... and expand counter-terrorism cooperation³³.

The Secretary of State clarified the scope of this goal during a press conference following that meeting, suggesting the US's desire to increase cooperation with the Central Asian states that are in the forefront in the struggle against terrorism³⁴.

The EAPC's Intervening Role. At the November 2002 Summit in Prague, just before that year's EAPC Summit, NATO Heads of states established that:

³⁰ Karimov D. President of Kyrgyzstan: current situation in the CSTO zone of responsibility can be called difficult // Kg24. 2009. July 31. URL: <http://24.kg/cis/62402-glavy-antinarkoticheskix-struktur-organizacii.html> (access date: 23.06.2011).

³¹ Kyrgyz official, CIS security bloc chief discuss drug fight // AKIpress. 2008. June 23. URL: http://www.aikpress.com/_en_news.php?id=28464 (access date: 23.06.2011).

³² Speech by US Secretary of State, Colin Powell at the Meeting of the Euro-Atlantic Partnership Council. Panel 1: The Future of the EAPC/PfP: "Strategic Reach". Reykjavik, 15 May 2002 // NATO Speeches. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/2002/s020515e.htm> (access date: 09.10.2011).

³³ Ibid.

³⁴ NATO Foreign Ministers' Meeting Secretary. Colin L. Powell, Reykjavik, Iceland, 14 May 2002 // US Department of State Archive, Former Secretary of State Collin L. Powell. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/re-marks/2002/10140.htm> (access date: 06.10.2011).

The Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC) and the Partnership for Peace (PfP) have greatly enhanced security and stability throughout the Euro-Atlantic area...We encourage Partners, including the countries of the strategically important regions of the Caucasus and Central Asia, to take advantage of these mechanisms³⁵.

Central Asia is described as a “strategically important” region, and referred to as part of the Euro-Atlantic space. Countries in Central Asia (and beyond) are invited to take advantage of the PfP framework. Moreover, the *Review Report* of NATO’s EAPC/PfP framework released in the same period noted that the Allies intended to support regional cooperation in Central Asia and the Caucasus, building on the experience developed in South-Eastern Europe³⁶. Successively, in its 2002 Summit Declaration, the EAPC described itself as a coalition sharing a “common security”, of which the EAPC is one of the three pillars³⁷. As reported, in December 2003, EAPC Foreign Ministers welcomed the decision to “re-focus Partnership for Peace to better reflect its post-enlargement dimensions and the Alliance’s focus on new threats... and the Alliance’s objective to promote a special focus on the strategically important regions of the Caucasus and Central Asia”³⁸. At the same meeting, EAPC Foreign Ministers’ welcomed the decision by the Alliance to appoint one liaison officer for each region³⁹.

The June 2004 Report “The Euro-Atlantic Partnership — Refocusing and Renewal” confirmed that orientation by establishing new geographic priorities for the Alliance “as a result of the accession of seven former Partners to NATO... In response to the changing international environment, the Alliance will put special focus on engaging with Partners in the strategically

³⁵ NATO Heads Approve New Members, New Capabilities Declaration is issued at November 21 Prague summit session, Prague, 21 November 2002. URL: <http://www.america.gov/st/washfile-english/2002/November/200211211135217ross@pd.state.gov0.4453089.html#ixzz1X0vsZ2DT> (access date: 06.19.2011).

³⁶ NATO. Report on the Comprehensive Review of the Euro-Atlantic Partnership Council and Partnership for Peace, 21 November 2002. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19549.htm (access date: 06.10.2011).

³⁷ Chairman’s Summary of the Meeting of the Euro-Atlantic Partnership Council at Summit Level. Press Release (2002)128, 22 November 2002 // NATO Press Releases. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-128e.htm> (access date: 06.10.2011).

³⁸ Chairman’s Summary of the Meeting of the Euro-Atlantic Partnership Council in Foreign Ministers Session, Press Release (2003) 156, 5 December 2003 // NATO Press Releases. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2003/p03-156e.htm> (access date: 06.10.2011).

³⁹ Ibid.

important regions of Caucasus and Central Asia”⁴⁰. The document also listed a number of concrete measures:

To improve communication and support work with Partners in the Caucasus and Central Asia, NATO will:

- enhance committee and staff support for Partnership activities within existing structures and resources, including through visits from and to these Partners;

- enhance the role of NATO Contact Point Embassies (CPEs), including by expanding their mandate;

- expand the scope of national, committee and staff support to the CPEs;

- intensify work with the Missions to NATO from these countries;

- encourage exchange of information and co-operation with and between national Allied defence or military advisors working as experts in these countries; and

- nominate Secretary General’s Special Representative for the Caucasus and for Central Asia from among existing International Staff⁴¹.

Effects of US securitizing moves on the Central Asian Republics.

Kazakhstan has welcomed the EAPC’s role in Central Asia. At the 2003 EAPC Defence Ministers meeting, Defence Minister Colonel-General Mukhtar Altynbaev noted that: “Kazakhstan considers EAPC mechanisms an effective tool for the prevention and localization of international terrorism’s distinctive features” adding that:

We appreciate and welcome the growing attention of NATO/ EAPC to the Central Asian region. From the point of view of strengthening global security, the states of the region are situated on the front line of the struggle against the sources of international terrorism⁴².

At the May 2005 EAPC Security Forum, Deputy Foreign Minister Alexei Volkov implied that the grouping’s interest in Central Asia is a welcome development to counter the trafficking in humans, drugs and weapons⁴³. At the November 2005 NATO North Atlantic Council, Foreign Minister

⁴⁰ NATO. The Euro-Atlantic Partnership — Refocusing and Renewal, 23 June 2004 // NATO A — Z. E-library. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts/21015.htm (access date: 06.10.2011).

⁴¹ Ibid.

⁴² Partnership’s Role in Defence Reform between Prague and Istanbul. Speech by Colonel-General Mukhtar Altynbayev, Minister of Defence of the Republic of Kazakhstan at the Euro-Atlantic Partnership Council meeting in Foreign Ministers’ session with invitees, 2 December 2003 // NATO Speeches. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/2003/s031202h.htm> (access date: 03.10.2011).

⁴³ EAPC Security Forum, Panel 3 “Central Asia — Future Cooperation in the EAPC”. This transcript was published as received in: Ere, Sweden, 25 May 2005.

Kassymzhomart Tokayev said that “the decision to introduce the post of Secretary General’s Special Representative for Caucasus and Central Asia proved to be absolutely correct”⁴⁴, praising NATO’s role in Central Asia. Moreover, Deputy Minister of Defence General Bulat Sembinov at a June 2007 EAPC Meeting included the impact of Afghanistan on the security of Central Asia⁴⁵, suggesting an interest in expanding the dialogue within the EAPC.

As far as Kyrgyzstan is concerned, First Deputy Minister of Foreign Affairs Talantbek Kuschubekov told the 2003 EAPC Foreign Ministers Meeting that the multiple security threats in Central Asia require active measures in the framework of EAPC and PfP:

Facing the threats of international terrorism, religious extremism, political separatism...urges partner states to take active measures in the framework of EAPC and PfP. Everybody understands very clearly that all these threats are no longer domestic problems⁴⁶.

The reference to the transnational nature of such threats appears to assume that cooperation is ever more important, and almost unavoidable. Deputy Minister of Foreign Affairs Erkin Mamkulov echoes this statement in his remarks at the December 2004 EAPC Foreign Ministers’ meeting by declaring that:

Kyrgyz Republic welcomes the creation of institute of the NATO General Secretary’s Special Representative for Central Asia and Caucasus as follow up of the decisions taken at Istanbul Summit, especially on Refocusing and Renewal of Euro-Atlantic Partnership with focus on Central Asia and Caucasus regions⁴⁷.

Then, speaking with the news agency *Agentstvo Voyennykh Novostey* in October 2004, President Akayev indicated that the main goal for cooperation with NATO is the joint fight against terrorism and extremism⁴⁸.

⁴⁴ Kazakhstan, NATO to Prepare Signing of Individual Partnership Action Plan // Interfax. 2005. November 11.

⁴⁵ *Seminov B.* Deputy Minister of Defence of Kazakhstan. Statement at the Meeting of the Euro-Atlantic Partnership Council, 14 June 2007 // NATO Speeches. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/2007/s070614i.html> (access date: 03.10.2011).

⁴⁶ *Kushchubekov T.* First Deputy Minister of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. Speech at the Meeting of the EAPC, 4 June 2003 // NATO A — Z. E-library. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-35BDF767-6D557121/natolive/opinions_20455.htm (access date: 08.10.2011).

⁴⁷ Statement by H. E. Mr. Erkin Mamkulov, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic EAPC Foreign Ministers Meeting, Bruxelles, 9 December 2004 // NATO Speeches. URL: <http://www.nato.int/docu/speech/2004/s041209m.htm> (access date: 11.10.2011).

⁴⁸ Президент Кыргызстана удовлетворен отношениями с НАТО // Интерфакс — Агентство военных новостей. 2004. 19 октября.

Based on insights from the area literature this paper has developed a theoretical framework proposing a realist plus constructivist argument furthering the view of institutions as instruments of control. This argument holds that Central Asian security institutional frameworks should be viewed as competitive efforts to establish influence under the leadership of a major power external to the region.

Empirical evidence on Kazakhstan and Kyrgyzstan supports our claims to a significant extent. Thus, the major powers which played an important role in setting up the institutions as entrepreneurs continue to play a large role in defining security threats for the membership by orienting discourse within the institutional framework. Of these, the SCO has clearly the most coherent one, as captured in the three-evil narrative. Though it does not include an easy catch phrase comparable to the three evils, the CSTO's is just as articulate, and, while it overlaps to a large extent, it is quite clearly rooted in Russian security discourse as it emerged in the 1990's. Lastly, the EAPC has the least articulate threat definition with sporadic references to terrorism as a shared threat.

А. А. Костюхин

Взаимоотношения стран НАТО с государствами Центральной Азии и их влияние на военную безопасность России

Политические процессы в Центральной Азии уже сегодня, а тем более в обозримом будущем, невозможны без вмешательства США и НАТО в целом, Китая, Турции, Ирана и Афганистана. Возрастающий интерес к центральноазиатским государствам отмечен со стороны Индии, Пакистана и Японии, которые тоже расширяют масштабы своего присутствия в регионе, пока не играя здесь, впрочем, определяющей роли.

Россия рассматривает Центральную Азию как важную зону ее геополитических интересов, от стабильности которой зависит национальная безопасность. Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в этом регионе выглядят для России более острыми и являются несравненно более актуальными, чем для других внешних игроков. Россия не может игнорировать, например, поток наркотиков, идущих из Афганистана, превращение этой страны, а также некоторых районов

Центральной Азии, в базу для пополнения религиозно-экстремистских группировок. Как справедливо отмечают некоторые российские эксперты, «главное преимущество и отличие России от США, ЕС и любых других игроков извне заключается в том, что только ей выгодно превращение Евразии в один из влиятельных центров мировой политики. Евразия для остальных — лишь источник энергии и один из фронтов по борьбе с терроризмом»¹.

России важно также упрочить в Центральной Азии свои стратегические позиции, которые облегчают ей доступ к Китаю, Индии, странам мусульманского Востока и одновременно позволяют сохранять свое присутствие на территориях, традиционно являющихся сферой ее жизненных интересов. В самом общем плане российские национальные интересы в Центральной Азии можно свести к обеспечению стабильности на основе партнерских отношений со всеми государствами регионов и к использованию их геополитического потенциала для решения практических и статусных задач России как мировой и региональной державы, чтобы обеспечить международное признание ее ведущей роли в регионе.

Россия в связи с этим должна эффективно задействовать существующие многосторонние механизмы, обустривать южные границы, поддерживать и развивать военное сотрудничество, использовать энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии, продвигать на ее рынок российские энергетические компании и добиваться использования странами региона российской экспортной структуры².

Для нашей страны, являющейся многонациональным и многоконфессиональным светским государством, большое значение имеет сохранение в Центральной Азии исторически сложившейся — в том числе благодаря присутствию здесь России как в имперские, так и в советские времена — традиции секулярности политической власти и политических режимов. На современном этапе стратегически важным для Москвы остается необходимость противодействия вместе с центральноазиатскими государствами религиозному экстремизму, получающему поддержку от неправительственных религиозно-политических организаций Афганистана, Пакистана, Саудовской Аравии и ряда других стран Ближнего Востока. Совершенно нежелательной является и гипотетическая исламская альтернатива для государств Центральной Азии. Во-первых, она грозит непредсказуемым политическим развитием самой Цент-

¹ Злобин Н. Москве необходима новая стратегия в СНГ// Независимая газета. 2007. 21 мая.

² Годы, которые изменили Центральную Азию / ред. И. Звягельская. М. : ИВ РАН ; ЦСПИ, 2009. С. 287.

ральной Азии; во-вторых, дает возможность центральноазиатским исламистам сближаться на антироссийской основе с их единомышленниками в Афганистане, Пакистане и государствах Ближнего и Среднего Востока и, в-третьих, обеспечивает подпитку сепаратистских сил исламистского толка на Северном Кавказе и в Поволжье.

Состояние комплекса взаимоотношений государств Центральной Азии и НАТО имеет самую прямую и непосредственную связь с проблемами военной безопасности Российской Федерации. Данный аспект, как нам представляется, зачастую недооценивается или даже незаслуженно игнорируется военно-политическим руководством нашего государства.

Эта связь четко просматривается в целях и задачах, которые ставят перед собой США в отношении России. В исследовании «Расширение НАТО. Русский фактор»³, проведенном в 1996 г. корпорацией РЭНД для министра обороны США, анализируются стратегия и основные цели американской внешней политики в 90-е гг. Они заключаются, по мнению автора, в разрушении независимого евразийского геополитического пространства с последующим его включением в пространство, находящееся под американским геостратегическим контролем.

В этом исследовании подчеркивается необходимость установления так называемого *геополитического плюрализма Евразии*. Эта концепция, как считают в РЭНД, с одной стороны, препятствует реинтеграции стран СНГ, а с другой стороны, «открывает геополитическое пространство бывшего Советского Союза для американской политики “открытых дверей” и подавляет всякую попытку возникновения любого организованного блока, который мог бы угрожать расширению влияния США».

Специалисты РЭНД рассматривают стратегию «постепенного или поэтапного расширения влияния США» и связанное с этим поэтапное «отступление России». Применение этой стратегии в конце концов должно завершиться полной капитуляцией России:

Как только Россия признает инкорпорацию Вышеградских стран — Чехии, Польши и Венгрии — в НАТО, тем самым она позволит Соединенным Штатам предъявить право на Болгарию, Румынию, Балтийские страны и Украину. Первое отступление России поведет к последующим отступлениям. Как только балтийские страны и Украина будут взяты под контроль, наступит очередь для оставшихся стран СНГ⁴.

³ Kugler R. Enlarging NATO : The Russian Factor. Santa Monica, CA : RAND, 1996.

⁴ Ibid. P. 48.

Таким образом, военно-политическая активность блока НАТО, прежде всего США, на постсоветском пространстве является вовсе не «внутренним делом» отдельно взятых стран региона. Последствия проникновения НАТО в этот регион в долгосрочной перспективе могут оказаться самыми серьезными, даже катастрофическими для безопасности России, вплоть до распада российской государственности и расчленения Российской Федерации на целый ряд несостоятельных «независимых» государств.

Очевидно, что США будут и дальше поощрять геополитическое дистанцирование от России тех государств, которые не стремятся к тесной интеграции с ней. Главная цель США — не допустить каких бы то ни было тенденций к интеграции постсоветского пространства, и тем более — под эгидой России.

Стремление национальных элит постсоветских государств, в том числе Центральной Азии, к сближению с Западом, попытки любой ценой получить их расположение и финансовую помощь за счет благоприятной инвестиционной политики и распродажи национальных ресурсов, а с ними — национальных суверенитетов и государственных интересов — создают благоприятные условия для утверждения западного влияния. Эта политика идет в русле интересов США и их союзников по НАТО, которые стараются ослабить геополитические позиции Российской Федерации на постсоветском пространстве, постепенно вытеснить Россию и закрепиться по всем направлениям у ее южных границ.

На фоне попыток США и НАТО активизировать использование военной силы в качестве инструмента внешнеполитического воздействия влияние России на постсоветском пространстве слабеет. Эти опасные тенденции могут в какой-то момент привести к тому, что политические разногласия России и США из-за влияния на евразийском пространстве заставят Вашингтон применить в качестве аргумента военную силу.

Глобальный характер внешнеполитической стратегии современных США, включение всего постсоветского пространства в сферу «интересов безопасности» США и НАТО, готовность применить военную силу для защиты своих интересов в любом регионе мира могут обусловить американское военное вмешательство в кризисную ситуацию в одной из постсоветских стран. Тем более что право на такое вмешательство заложено в Стратегической концепции НАТО 1999 г. К таким источникам нестабильности в этом документе относятся «конфликты на этнической и религиозной почве, территориальные споры, неадекватные или несостоятельные попытки проведения реформы, нарушение прав человека и распад государств, акты терроризма, саботажа и организо-

ванной преступности, а также нарушение потока жизненно важных ресурсов, неконтролируемое передвижение большого числа людей». Отдельно выделяется озабоченность Альянса возникновением нестабильности на периферии НАТО⁵. Все «источники нестабильности», перечисленные в Стратегической концепции НАТО, в той или иной форме имеют место на территории всех государств Центральной Азии — и с формальной стороны военное вмешательство НАТО и США на постсоветском пространстве возможно уже сегодня.

В настоящий момент прямое военное вмешательство Запада вряд ли произойдет в силу того, что возможные дивиденды такой акции не оправдают необходимые для ее проведения расходы, но в будущем все может измениться. И тогда встанут главные вопросы: готова ли будет Россия отстаивать свои интересы и интересы бывших советских республик в создавшейся обстановке, сможет ли Россия ответить силой на силу, что она противопоставит военной интервенции США (или НАТО), например, в Центральной Азии, где американские вооруженные силы уже развернуты на «временно-постоянной» основе?

В центральноазиатских столицах тоже осознают, что американское базирование не может не быть долгосрочным, что угрозы из Афганистана и со стороны местной оппозиции не исчезают, да и сама геополитическая обстановка в регионе по-прежнему нестабильна. Наркотрафик в сочетании с предполагаемым ростом исламского радикализма — вот те угрозы, защититься от которых хотели бы центральноазиатские государства, в том числе и с помощью структур безопасности, действующих в рамках СНГ и под эгидой России. Стратегически важной и для Москвы, и для государств Центральной Азии остается необходимость противодействия радикальным религиозно-политическим движениям, базирующимся в Афганистане, а также стоящим за ними неправительственным силам в Пакистане и в арабских государствах Персидского залива.

Другой влиятельный игрок на центральноазиатской сцене, Китай, применяя присущий его политике реалистичный подход, предпочитает действовать осторожно, тем более что основные внешнеполитические проблемные точки Пекина расположены в Азиатско-Тихоокеанском регионе — это Тайвань и спорные островные территории в южных морях.

⁵ См. подробнее: *Анисимов А. Г.* Основные положения Стратегической концепции НАТО, принятой главами государств и правительств на сессии Североатлантического Совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. // Актуальные проблемы социально-экономического и политического развития / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. М., 1999. С. 16.

КНР не демонстрирует своих амбиций и стратегических интересов в Центральной Азии преждевременно, что вовсе не означает отсутствия таковых. Эти интересы, по мнению некоторых китайских исследователей⁶, формулируются следующим образом: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, обеспечение безопасности в пограничных районах, поддержание стабильности в регионе, содействие экономическому развитию, обеспечение дружественного отношения стран региона к Китаю, недопущение попадания Центральной Азии под монопольный контроль государств, враждебных Китаю, недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против Китая, и обеспечение доступности для Китая энергетических ресурсов региона.

По мере своего становления в качестве мировой державы Китай успешно использует во внешней политике американское ноу-хау — *мягкую силу* (*soft power*). В рамках этой стратегии поставлена задача сделать Китай и его культуру максимально притягательными не только для руководства других государств, но и для целых народов, в том числе и географически приближенной к Китаю Центральной Азии. Ослабление здесь позиций России в первой половине 90-х гг. XX в. и возникшая после 2001 г. реальная угроза заполнения геополитического пространства Центральной Азии американско-натовскими силами — вот стимулы, побуждающие Пекин активизировать свою политику в данном регионе.

Китаю важно, чтобы в странах региона не создавались базы уйгурских сепаратистов, чтобы оттуда не шли потоки наркотиков, нелегальных мигрантов и оружия. Китай рассчитывает также, что образовавшиеся после распада СССР независимые государства Центральной Азии станут для него буфером и спокойным тылом. Определенные гарантии сохранения стабильности в регионе существуют для Китая в рамках ШОС. Однако в случае возникновения новых вызовов, в том числе новых *цветных революций*, межэтнических конфликтов и т. п., Китай едва ли останется в роли стороннего наблюдателя. Какие шаги он предпримет, сказать трудно, но то, что он будет действовать, если угрозы его безопасности станут серьезными, сомнения не вызывает.

С целью сохранения стабильности и обеспечения российских интересов в Центральной Азии, как представляется, в основу военной политики РФ в отношении стран Центральной Азии должны быть положены такие важнейшие принципы, как примат национальных интересов Российской Федерации; любая форма максимально широкой и глубокой

⁶ Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества : Рабочие материалы. № 5. М. : Московский центр Карнеги, 2005. С. 50.

интеграции пространства Центральной Азии; увязка процессов экономической, военной и иной помощи с политическим курсом стран-реципиентов; жесткая, бескомпромиссная и последовательная позиция в отношении НАТО и США, проповедующих принцип *права силы*, а не *силы права*.

Наиболее надежный путь защиты интересов России на постсоветском пространстве в военной области — военно-политическая интеграция, военный союз с дружественными странами-соседями. В связи с этим развитие и совершенствование отношений в рамках ОДКБ представляется важнейшим направлением военной политики РФ на постсоветском пространстве.

Вместе с тем реализация этой программы встречается с многочисленными трудностями. Создание союзных военно-политических структур, подобных ОДКБ, как показывает опыт последнего десятилетия, к сожалению, не приводит к качественным изменениям военно-политической обстановки в регионе. Одной из важнейших причин является нежелание стран Центральной Азии в настоящий момент брать на себя серьезные военно-политические обязательства. Отсутствие общего врага — реального или гипотетического — приводит к тому, что центральноазиатские государства не стремятся объединять и свои силы. Таким образом, более продуктивной моделью военной политики на постсоветском пространстве является постепенное выстраивание союзнических взаимосвязей России с отдельными государствами Центральной Азии.

Представляет интерес мнение Л. Г. Ивашова о перспективах развития Договора о коллективной безопасности:

Перспективы будут существовать, пока государства, входящие в ДКБ, испытывают угрозу. Как только они каким-то образом ее нейтрализуют, на верное, необходимость в коллективных действиях отпадает.

Как показывает опыт, степень военно-политической интеграции России с другими государствами СНГ напрямую зависит от состояния их взаимоотношений с НАТО. Чем более жесткую позицию занимает страна СНГ в отношении НАТО (например, Белоруссия), тем более тесными становятся ее военно-политические отношения с Россией. В связи с этим военная политика РФ в отношении соседних государств на постсоветском пространстве должна строиться с обязательным учетом состояния и перспектив развития отношений этих государств с НАТО и США.

⁷ Ивашов Л. Г. Нужна гибкая система коллективной безопасности // Красная звезда. 2002. 5 июня.

Одновременно с этим Российская Федерация должна четко определить собственное отношение к НАТО и США. Имеется в виду не втягивание в новую «холодную войну» с Западом, а необходимость осознания объективной реальности. Россия никогда не была и не будет компонентом цивилизационного понятия *Запад*. Россия никогда не будет членом блока НАТО, суть которого как раз и заключается в том, чтобы «не допустить Россию в Европу», иными словами — не дать ей стать Западом.

Россия должна исходить из того, что все остальные страны СНГ имеют возможность вступить в НАТО. Более того, прием в этот блок стран Балтии показывает, что НАТО готово даже закрыть глаза на то, что новые члены не соответствуют требованиям. Именно поэтому, вполне вероятно, членами НАТО вскоре могут стать Грузия, Азербайджан, Молдова, а за ними и некоторые государства Центральной Азии.

Не допустить развития ситуации по этому сценарию — важная задача военной политики РФ на постсоветском пространстве. Это возможно сделать или путем интеграции с другими странами СНГ (что, как мы показали, является достаточно проблематичным), или путем воспрепятствования развитию отношений стран СНГ с НАТО. Рычагами такой политики способны стать, например, экономическая помощь и военнотехнические программы.

Центральная Азия представляет собой остропроблемный регион, напряженность в котором возрастает. Властям государств региона пока удается удерживать ситуацию в рамках относительной стабильности. Но тревожные симптомы в каждой из стран и регионе в целом становятся все более ощутимыми. И события осени 2001 г. после начала США контртеррористической операции лишь подтверждают этот тезис.

Стремление национальных элит в регионе к сближению со странами Запада, попытки любой ценой получить их расположение и финансовую помощь за счет благоприятной инвестиционной политики и распродажи национальных ресурсов, а с ними национальных суверенитетов и государственных интересов создают благоприятные условия для утверждения западного влияния, для формирования под влиянием различных амбиций «союзов по расчету». Что, в свою очередь, усиливает тенденцию к интригам и тайной манипуляции внутренней напряженностью, чревато опасностью спровоцировать длительные конфликты и нестабильность в регионе.

Некоторые государства Центральной Азии (Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан) проводят в регионе согласованную с Россией политику, другие (Узбекистан, Туркменистан) стремятся к поиску собственного внешнеполитического курса. Решение многих проблем власти

стран региона видят в *многовекторности* внешней политики, в подключении к «цивилизованному миру», во встраивании в мирохозяйственные связи, политические и военные структуры Запада. Эта политика согласуется с интересами США и их союзников по НАТО (Турции), которые с разной степенью эффективности продолжают работать над тем, чтобы ослабить геополитические позиции России в регионе, постепенно вытеснить ее с местных рынков и в результате получить преобладающее влияние в регионе и твердо закрепиться по всем направлениям у южных границ России.

После 2004 г. произошел пересмотр американскими специалистами энергетических запасов Каспийского региона, результатом чего стала переориентация усилий американской политики на государства Ближнего Востока. Главная цель — под флагом «демократизации» авторитарных режимов арабских государств обеспечить беспрепятственный доступ к ближневосточной нефти и дальнейшую изоляцию Ирана, что мы наблюдаем в настоящее время.

Но это не значит, что внимание американских стратегов к Центральной Азии ослабло. Наоборот, в преддверии заявленного вывода американских войск (и, соответственно, коалиционных сил НАТО) из Афганистана и начала переходного периода в 2014 г. стремление США закрепиться в Центральной Азии будет усиливаться. Это будет сопровождаться, с одной стороны, попытками играть на амбициях лидеров Узбекистана и Казахстана путем оказания выборочной гуманитарной и военной помощи, а с другой — попытками с помощью различных средств закрепиться в Кыргызстане и Таджикистане, в частности на Памире и прилегающих к нему районах.

А. В. Толстокорова

От третьего Рима к третьему миру: трудовая миграция как угроза человеческой безопасности в Украине

Изучение отношения граждан Украины к трудовой миграции за пределы страны (*заробитчанству*), ее влияния на их семьи и на социум в целом, а также на безопасность самих мигрантов и общества в целом имеет высокую научную актуальность. Мы полагаем, что следствием внешней экономической мобильности для украинского общества яв-

ляются антропоток, ¹ результат действия которых можно сравнить с эффектом «геополитических квазаров» или с миграционной «черной дырой», высасывающей из общества жизненную энергию. Это имеет пагубные последствия для человеческой безопасности ² мигрантов и для национальной безопасности Украинского государства.

Основная цель данного исследования состоит в выявлении типологии антропоток из Украины как государства — донора мобильной трудовой силы и в их оценке с точки зрения человеческой безопасности мигрантов. Особое внимание уделяется гендерному аспекту человеческой безопасности, т. е. специфике обеспечения безопасности женщин и мужчин, их семей и детей. Анализируя антропоток из Украины с точки зрения их секьюритизации, мы исходим из представления, что хотя не каждый антропоток создает угрозы безопасности, но любой из них формирует в полноте выбытия ситуацию ослабления или даже разрыва сложившихся социальных связей — хотя бы за счет сокращения числа их непосредственных участников ³.

Интеллектуальный антропоток: утечка умов, квалифицированного персонала и инновационного потенциала

Наибольшую группу украинских трудовых мигрантов составляют квалифицированные работники: 38,2% мигрантов имеют высшее образование, 0,8% — незаконченное высшее, 22,5% — среднее и 8,3% — среднее профессионально-техническое ⁴. При этом за рубежом работают почти 30% украинских научных кадров ⁵, а финансовые потери, связанные с «утечкой умов», составляют более 1 млрд долл. ежегодно ⁶.

¹ Под *антропоток*ами понимаются «человеческие течения» — сезонные и вековые, локальные и глобальные миграции. См.: Градиловский С., Лопухина Т. Типологии миграционных процессов. М. ; Симферополь : Таврия, 2003.

² *Человеческая безопасность* трактуется как один из аспектов прав и свобод человека, состоящий в защищенности жизненных потребностей людей от критических угроз и в предоставлении им возможностей для реализации их жизненных планов. См.: Human Security Now. New York : Commission on Human Security, 2003.

³ Витковская Г., Панарин С. Миграция и безопасность в России. М. : Интердиалект+, 2000. С. 41.

⁴ Українська трудова міграція в розширенній Європі. Київ : Institut Spraw Publicznych, PAUCI, 2005. С. 78.

⁵ Омбудсман України. Спеціальна доповідь «Про стан дотримання та захисту прав громадян України за кордоном», 2003. URL: http://www.ombudsman.kiev.ua/S_Report1/g11_2.htm (дата обращения: 08.10.2006).

⁶ Людський розвиток в Україні: можливості та напрями соціальних інвестицій (Колективна науково-аналітична монографія). Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України ; Держкомстат України, 2006. С. 159.

В середине 2000-х гг. только в США эмигрировало 45 тыс. украинских научно-технических работников⁷. По существу, Украина превратилась в поставщика дешевой квалифицированной рабочей силы для более богатых государств. В результате общество утрачивает свой интеллектуальный «золотой запас»⁸ и вряд ли может рассчитывать на высокий уровень социально-экономического развития в будущем.

В то же время существует точка зрения, что оснований для утверждений о высоком уровне «утечки умов» из Украины нет, как в силу терминологической неопределенности понятия «высококвалифицированный персонал», которое рекомендуется применять лишь по отношению к научным работникам высшей категории, так и из-за отсутствия строгого учета его мобильности⁹. Действительно, средний образовательный уровень украинцев, работающих за рубежом, несколько ниже среднего по Украине: 10,9 года обучения против 11,4 соответственно¹⁰. Это позволяет говорить, что трудовая миграция из Украины — это «отток рабочих рук», а не квалифицированных научных кадров. Однако приведенные выше данные однозначно свидетельствуют об *оттоке квалифицированного персонала среднего звена (skill drain)*, что имеет не менее пагубные последствия для национальной экономики, чем отток специалистов высшей квалификации.

Кроме того, наблюдается выезд из Украины *потенциальных* представителей данной категории, т. е. перспективных и конкурентоспособных выпускников местных образовательных учреждений, уезжающих на учебу за рубеж, что, по мнению российских исследователей, также свидетельствует об «утечке умов»¹¹. Увеличение числа украинских сту-

⁷ Портал неpolітичних новин. До США виїхало 45 тисяч українських вчених. 03.07.2007. URL: <http://www.civicua.org/news/view.html?q=958085> (дата обращения: 15.01.2013).

⁸ Людський розвиток в Україні... С. 160.

⁹ Parkhomenko N. "Brain Drain" from Ukraine: Current Situation and Future Challenges // Euroatlantic Ukraine, 2006. Retrieved August 28. URL: http://www.ea-ua.info/main.php?parts_id=58&news_id=1998&news_show_type=18 (access date: 11.11.2012).

¹⁰ Парламентські слухання «Стан та проблеми правового і соціального статусу сучасної трудової міграції». Київ, 2004. URL: http://portal.rada.gov.ua/control/uk/publish/article/news_left?art_id=53905&cat_id=4666 (дата обращения: 15.01.2013).

¹¹ Ушкалов И. Г., Малаха И. А. «Утечка умов» как глобальный феномен и его особенности в России // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 110–117.

дентов в зарубежных университетах с 25,2 тыс. в 2004 г.¹² до 32,87 тыс. в 2009 г.¹³ подтверждает это мнение. В результате в Украине происходит *снижение инновационного потенциала*, необходимого для адаптации государства к стремительно меняющимся условиям информационного общества. И если для самих акторов «интеллектуального антропо-тока» миграция не обязательно связана с угрозой их индивидуальной безопасности, то для государства возникающий «дефицит талантов» означает вызов национальной безопасности, поскольку ведет к деградации интеллектуального капитала нации в целом и к ее пролетаризации.

Молодежный антропоток: отток молодежи и населения активного трудоспособного и репродуктивного возраста

Украинские *заробитчане* являются преимущественно людьми активного трудоспособного и репродуктивного возраста. Доля молодежи в возрасте до 28 лет в 2004 г. составляла 20–30% общего количества трудовых мигрантов¹⁴, а в 2008 г. — уже 43,6%¹⁵. Отток трудовой силы из Украины означает прежде всего сокращение когорты населения, определяющей демографический потенциал общества, а следовательно, приводит к «истощению жизненных сил общества» и в результате — к «снижению уровня пассионарности» украинского народа¹⁶.

Этот антропоток несет в себе ряд потенциальных социально-демографических угроз, поскольку сопровождается усугублением гендерных диспропорций на рынке труда и ухудшает половозрастную структуру общества-донора. Так, Донецкий государственный центр занятости сообщает о постоянном дефиците мужских трудовых кадров в результате оттока мужчин на заработки в российскую строительную

¹² Global Education Digest 2006: Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO Institute for Statistics. Montreal : UNESCO-UIS, 2006. P. 132. URL: <http://www.uis.unesco.org/TEMPLATE/pdf/ged/2006/GED2006.pdf> (access date: 15.01.2013).

¹³ UNESCO Global Education Digest 2011: Comparing Education Statistics Across the World. UNESCO Institute for Statistics. Montreal : UNESCO-UIS, 2011. P. 201. URL: www.unesdoc.unesco.org/images/0021/002135/213517e.pdf (access date: 15.01.2013).

¹⁴ Особливості зовнішньої трудової міграції молоді в сучасних умовах. Київ : Державний інститут проблем сім'ї та молоді, 2004. С. 10.

¹⁵ Майданик І. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ : Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України, 2010. С. 63.

¹⁶ Ніколаєвський В. Інтелектуальна міграція та соціальна безпека // Міграція та толерантність в Україні : зб. ст. / за ред. Ярослава Пилинського. Київ : Стилюс, 2007. С. 121–126.

отрасль¹⁷. В то же время инфраструктура западного региона Украины, где наблюдается активный отток женщин на работу в страны Евросоюза, испытывает острую нехватку женских рабочих рук.

Отмеченные гендерные асимметрии в составе рабочей силы представляют угрозу для когерентности демографической структуры общества, во-первых, ввиду количественного возрастания миграционных потерь населения репродуктивного возраста в целом и, соответственно, снижения демографического потенциала общества. Во-вторых, в семьях мигрантов в результате транснационального стиля их жизни, ее «фрагментации» наблюдается снижение фертильности¹⁸. В-третьих, увеличивается гендерный дисбаланс на региональных брачных рынках¹⁹, что ведет к снижению уровня брачности²⁰ и рождаемости.

Кроме того, очевидно, что основную когорту миграционных потоков составляют наиболее экономически активные, креативные и социально самодостаточные люди, имеющие способности к самоорганизации и предпринимательской деятельности, но вынужденные уезжать на заработки на чужбину из-за отсутствия возможностей для самореализации у себя на родине. Так, несмотря на всю сложность ведения бизнеса в Украине, намерение заработать стартовый капитал для открытия своего дела было одной из основных мотиваций выезда на работу за рубеж более чем для 20% потенциальных трудовых мигрантов²¹. Выезд из страны этой когорты населения свидетельствует об «оттоке креативного класса»²², что также является вызовом национальной безопасности Украины, так как ставит под угрозу как предпринимательский, так и творческий потенциал нации и имеет негативные последствия для человеческого капитала общества.

¹⁷ Точка зору на проблему, яка на вустах у всіх фахівців служби зайнятості // Донецький регіональний центр зайнятості. 14.11.2005. URL: http://www.dcz.gov.ua/don/control/uk/publish/article?art_id=8353471&cat_id=1243257 (дата обращения: 25.09.2013).

¹⁸ Зовнішні трудові міграції населення України. Київ : РВПС України, 2002.

¹⁹ Становище сімей в умовах малих міст України. Київ : Державний інститут проблем сім'ї та молоді, 2005. С. 22–24.

²⁰ Так, наприклад, в Черновицькій області, характеризующоюся високим рівнем міграційного відтоку, рівень брачності на протязі 90-х гг. знизився в 1,3 рази (Статистичний щорічник Чернівецької області за 2001 р. Чернівці : Державний комітет статистики України ; Чернівецьке обласне управління статистики, 2001. С. 235).

²¹ Соціальний аналіз основних чинників торгівлі людьми. Київ : Державний комітет України у справах сім'ї та молоді ; Державний інститут сім'ї та молоді, 2003. С. 42.

²² Florida R. The Flight of the Creative Class. New York : Harper, 2005.

Женский антропоток: выкачивание ресурсов «заботы и ухода», брачная и репродуктивная миграции

В 90-е гг., когда строительство было основной сферой трудоустройства для украинских гастарбайтеров, в миграционных потоках преобладали мужчины. С 2000-х гг. начинается волна женской миграции, ставшая реакцией украинской трудовой силы на глобальные изменения рынка труда, в частности на возникновение в обеспеченных государствах с сервисно-ориентированной экономикой массового спроса на домашний обслуживающий персонал из экономически депривированных стран. Таким образом, феминизация трудовой миграции из Украины была обусловлена «кризисом заботы и ухода» в странах глобального Севера и предопределена новыми потребностями рынка транснациональной трудовой силы. Здесь следует отметить, что этот вид выкачивания ресурсов связан с феноменом «вовремя подоспевшей женской миграции»²³, когда ухудшение положения женщин в постсоциалистических странах «удивительно совпало»²⁴ с повышением спроса на их труд в постиндустриальных экономиках, обеспечив эффект *Deae ex machina* — «внезапный приток относительно дешевой и мобильной иммигрантской трудовой силы»²⁵ в нужный момент.

Следовательно, налицо процесс «выкачивания персонала по предоставлению ухода» (*care drain*) и, соответственно, «выкачивание женских трудовых ресурсов» (*female drain*)²⁶. Первостепенная роль иммиграционных политик стран-реципиентов в контроле миграционных потоков состоит в создании «миграционных фильтров»²⁷, посредством

²³ Karjanen D. Women's 'Just-In-Time' Migration // Migration and Mobility in an Enlarged Europe : A Gender Perspective / S. Metz-Gockell, M. Morokvasic, A. S. Munst (eds.). Opladen and Framington Hills : Barbara Budrich Pub., 2008. P. 159–178.

²⁴ Fodor E. Introduction // The Story Behind the Numbers : Women and Employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States. Bratislava : UNIFEM, 2006. P. 6.

²⁵ Lyberaki A. "Deae ex Machina": migrant women, care work and women's employment in Greece // GreeSE Paper № 20. Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe, 2008. P. 1.

²⁶ Tolstokorova A. Bitter Berries of Better Life: Socio-Demographic Costs of Labour Migration for the Ukrainian society // ENQUIRE Online Journal. Stories of Migration: Research, Theories and Everyday Lives / eds. S. Okyere, R. Madziva, J. Greener, S. Brown. 5th ed. 2010. P. 68–94. URL: <http://www.nottingham.ac.uk/Sociology/Prospective/Postgraduate/ENQUIRE/ENQUIRE-Edition-5.aspx> (access date: 15.01.2013).

²⁷ Градировский С., Лопухина Т. Указ. соч.

которых тщательно отбираются востребованные профессиональные группы и отсеиваются все остальные. При этом предпочтение женской трудовой силе отдается из-за ее дешевизны по сравнению с мужской. Отмеченная закономерность дает основания заключить, что возникновение категории «новой домашней прислуги», преимущественно в лице женщин, является результатом «гендерно-селективной миграции», обусловленной потребностями «заказчика» миграции. Способы миграции объясняются не выбором индивидов, а процессом неравномерного глобального капиталистического развития, заставляющим перемещаться классы и группы; возникающие в результате этого институциональные порядки служат цели репродукции глобального капитализма²⁸.

Другим направлением выкачивания женщин репродуктивного возраста является *брачная миграция*, сложившаяся в Украине еще при советском режиме и усилившаяся после его распада. Украинки традиционно высококонкурентны на международных брачных рынках и умело используют свои преимущества для обеспечения семейного благополучия, вступая в смешанные браки с мужчинами из экономически перспективных государств. Эта категория женщин эмигрирует из страны, не имея намерения вернуться, а их дети, рожденные за пределами Украины, нередко остаются с отцами даже в случае развода родителей и возвращения матери на родину, поскольку законодательство «развитых» стран обеспечивает и защищает отцовские права, особенно в смешанных браках. Следовательно, хотя количество смешанных браков в общем количестве заключаемых семейных союзов невелико (приблизительно 1:30), брачная миграция тоже подрывает демографическую безопасность Украины, а значит, и ее национальную безопасность, изымая из общества молодых женщин, которые могли бы вырастить его полноценных членов.

Еще одной разновидностью женского антропоттока из Украины является *репродуктивная миграция* в форме «репродуктивного туризма», иногда вынужденного, с целью предоставления услуг суррогатного материнства для зарубежных семейных пар. Этот антропотток можно квалифицировать как «репропоток», т. е. поток людей или человеческих органов, направляемых с репродуктивной целью²⁹. По мнению экспер-

²⁸ Misra J., Woodring J., Merz S. The Globalization of Carework: Immigration, Economic Restructuring, and the World-System // Globalization. 2006. Vol. 3, № 3. P. 317–332.

²⁹ Inhorn M. C. Assisted' motherhood in global Dubai: reproductive tourists and their helpers // The Globalization of Motherhood — Deconstructions and Reconstructions of Biology and Care / W. Chavkin, J. M. Maher (eds.). New York : Routledge, 2010. P. 180–202.

тов³⁰, Украина — традиционный источник репродуктивного туризма для Европы, прежде всего для Германии и Италии. Это объясняется легальным характером и невысокой стоимостью услуг суррогатного материнства в Украине по сравнению с другими странами. Выкачивание качественного репродуктивного материала представляет собой угрозу как индивидуальной человеческой безопасности вовлеченных в нее женщин и их семей, так и демографической безопасности общества. Однако противоречивость официальной статистики и неизученность этого вида миграции пока не дают оснований для более точных выводов.

Антропоток детей и подростков: вызовы для демографического будущего Украины

Отток женщин из Украины влечет за собой «по цепной реакции кризиса заботы» другой вид ресурсных потерь — *отток детей*. Эта новая тенденция стала результатом все более частого воссоединения транснациональных семей благодаря достигнутому двусторонним договоренностям с рядом стран-реципиентов. Воссоединение матерей-за-робитчанок с мужьями и родителями происходит гораздо реже, чем с детьми, что дает основания говорить о «детской эмиграции»³¹. Кроме того, возрастает число украинских детей, родившихся и проживающих за пределами страны. По данным украинского посольства в Италии, за 2006 г. 1700 новорожденных из украинских семей, проживающих в Италии, были зарегистрированы как граждане Украины³². Это также способствует ослаблению человеческой безопасности общества, поскольку усугубляет процесс старения населения и ведет к увеличению демографического давления на поколение работоспособного возраста.

Побочным эффектом *оттока женщин* является эффект «изменения гендерного сознания детей женщин-мигранток»³³, обуславливаю-

³⁰ Исупова О. Репродуктивный туризм: дети, технологии и миграция // Демоскоп Weekly. 2012. № 509–510; Пустовит А. Феномен «репродуктивного туризма» в Украине // Юридический портал Pravotoday.in.ua. 2010. 17 ноября. URL: <http://pravotoday.in.ua/ua/press-centre/publications/pub-375> (дата обращения: 25.09.2013).

³¹ П'ята хвиля дитячої міграції з України // Радіо Свобода. 2012. 25 серпня. URL: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/24308072.html> (дата обращения: 15.01.2013).

³² Україна — Італія. Діалог на відстані // Радіо Свобода. 2007. 7 серпня. URL: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/967725.html> (дата обращения: 23.09.2013).

³³ Чернинська Т. Жіноча міграція: зміна гендерних ролей // Сайт Фонду суспільної безпеки. 2007. URL: <http://fsb.net.ua/articles.php?lng=ua&pg=11> (дата обращения: 23.09.2013).

щий *отток подростков* из Украины. В результате отсутствия родителей дети из семей мигрантов нередко становятся «социальными сиротами», лишенными естественного опыта семейной социализации и образцов гендерных ролевых моделей, возможности овладеть необходимыми жизненными навыками самоорганизации, личной ответственности, достичь эмоциональной зрелости. Кроме того, миграция порождает явление *социального паразитизма* среди этой категории молодежи: такой подросток, «подобие рантье»³⁴, существует за счет средств, присылаемых родителями. Эти юноши и девушки не видят трудностей, которые приходится преодолевать их отцам и матерям за рубежом, чтобы обеспечить достойный уровень жизни своим детям. Трансферты из-за границы заменяют им родителей, которые ассоциируются с «денежными мешками» и «домашними банкоматами», а миграция — с легкими деньгами и *dolce vita*. В результате у молодежи из транснациональных семей формируется убеждение, что зарабатывать на жизнь стоит только за рубежом. Имея больше финансовых возможностей, чем многие их сверстники, они становятся для окружающих убедительным доказательством справедливости таких представлений. Неудивительно, что социологический опрос среди старшеклассников из семей мигрантов показал, что 86% из них не видят для себя будущего в Украине, а 65% настроены на работу за рубежом сразу же по окончании школы³⁵. Это свидетельствует о том, что в Украине формируется новое поколение транснациональной молодежи, не имеющей намерений поддерживать отечественную экономику.

Отток детей и подростков в результате трудовой миграции усугубляется процессом усыновления украинских детей иностранными гражданами: за годы независимости усыновлены более 30 000 детей³⁶. Такой *усыновительный антропоток*, т. е. *отток малолетних детей в результате зарубежного социального родительства*, является еще одной разновидностью миграционных потерь в Украине.

Помимо этого возрастает число украинских детей, ставших жертвами торговли людьми, проданных в сексуальное и сельскохозяйственное рабство, используемых для коммерческого попрошайничества

³⁴ Миграция и безопасность в России. С. 41.

³⁵ Кирчів А. Трудова міграція і національна безпека України // Журнал «І». 2004. 7 жовтня. URL: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/kordon/migration/2004/kyrchiv07-10.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

³⁶ Иностранцы усыновили тридцать тысяч украинских детей // Комсомольская правда. 2009. 22 августа. URL: <http://kp.ua/daily/210809/191664> (дата обращения: 15.01.2013).

и т. д., что свидетельствует о вызовах для индивидуальной человеческой безопасности данной группы мигрантов.

В условиях старения населения в Украине выкачивание детей, подростков и молодежи в сочетании с оттоком женщин репродуктивного возраста представляет собой угрозу национальной безопасности общества. Истощается генетический запас нации, существенно подрывается ее репродуктивный потенциал, что может иметь трагические последствия для демографической структуры общества в будущем.

Заключение

В работах авторов, представляющих интересы стран-потребителей мигрантской трудовой силы, подчеркивается положительная роль экономической мобильности в установлении баланса между спросом и потреблением на рынках труда как принимающих обществ, так и государств-доноров. Более того, утверждения о трансфертах мигрантов, в которых они рассматриваются в качестве панацеи от экономических проблем и для транснациональных семей, и для стран — экспортеров трудовой силы, стали своего рода *миграционной мантрой*. Доходы от ремитирования приводятся как основной аргумент в спорах с теми, кто обеспокоен негативными последствиями миграции. При этом игнорируется, что трансферты усиливают инфляцию и сокращают покупательные способности населения и что доходы от трансфертов не обязательно превосходят затраты на систему социального обеспечения в результате невыплаты мигрантами налогов у себя дома, в то время как их семьи пользуются благами общественного достояния (бесплатной медициной, образованием и др.). Подчеркивая финансовые преимущества экспорта человеческого материала, подобный подход игнорирует социальные и человеческие затраты, обусловленные миграцией, особенно в средне- и долгосрочной перспективах. В результате акцент в миграционных исследованиях смещается с человека как субъекта миграционной безопасности на экономические результаты его деятельности, т. е. на экономическое измерение безопасности, что объясняет популярность известной фразы: «Мы ждали рабочих, а приехали люди»³⁷.

В Украине трудовая миграция воспринимается как «плюс для экономики», но «минус для общества»³⁸. Основным ее отрицательным

³⁷ Gaining from Migration. Towards a New Mobility System / J. Dayton-Johnson, L. Katseli, G. Maniatis, R. Münz, D. Papademetriou. OECD, 2007. P. 23.

³⁸ Волянська Н. Плюс для економіки — мінус для суспільства // Газета ЗІК. 2005. 21 января. URL: <http://zik.ua/ua/news/2005/01/21/7450> (дата обращения: 15.01.2013).

последствием является сокращение человеческих ресурсов в сочетании с социальными и эмоциональными затратами для личности, семьи и общины. В свою очередь, эта позиция объявляется «антимодернистской» «консервативной и «традиционалистской»³⁹ теми, кто озвучивает интересы потребителей мобильной трудовой силы.

Таким образом, постсоветский переходный период, призванный обеспечить демократизацию основных направлений жизнедеятельности ранее тоталитарного государства, по существу превратил Украину в страну-поставщика рабов для «золотого миллиарда», подверженную многочисленным видам ресурсного «обесточивания» в его пользу. Так, Украина была отмечена как третья в мире страна — экспортер трудовой силы, поставляющая больше «живого товара» в страны глобального Севера, чем более обеспеченные человеческими ресурсами Индия и Китай⁴⁰. Она подвержена утечке интеллекта, квалифицированного персонала и женской трудовой силы, сопряженной с оттоком персонала по уходу, детей, подростков и поколения активного трудоспособного и репродуктивного возраста, что приводит к иссяканию демографического потенциала нации и утрате ее «креативного класса». Многостороннее истощение ресурсов страны постепенно изменяет ее статус в глобальной мировой системе, смещая из полупериферии, где она находилась при государственном социализме, в направлении «миллиардов дна», где она приобрела репутацию «народа сиделок»⁴¹. Таким образом, Украина следует траектории «от резервуара трудовой силы до обезлюдившей периферии»⁴², характерной для ряда африканских стран. Кроме того, за постсоветские годы страна превратилась в основной источник торговли людьми в Европе: начиная с 1991 г. более 120 тыс. «освобожденных от тоталитаризма» женщин, детей и даже мужчин были проданы в рабство с целью сексуальной эксплуатации и принудительного труда в 65 стран мира⁴³, а по экспертным оценкам их

³⁹ Zimmer K. How Labor Migration Is Changing Ukraine // Bloomberg Businessweek. 2007. January 22. URL: http://www.businessweek.com/globalbiz/content/jan2007/gb20070122_058176.htm (access date: 15.01.2013).

⁴⁰ Migration and Remittances: Eastern Europe and the Former Soviet Union / A. Mansoor, D. Quillin (eds.). World Bank, 2007.

⁴¹ «Народом доглядальниць» називають в Італії українських заробітчанок // 33 канал. 2012. № 14, 28 марта. URL: <http://33kanal.com/33channel/4893-12-14-5> (дата обращения: 15.01.2013).

⁴² Cobbe J. Lesotho: From Labor Reserve to Depopulating Periphery? // Migration Information Source. 2012. May. URL: <http://www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?ID=891> (access date: 15.01.2013).

⁴³ Krcmar R. Targeting Needs of Male Victims of Human Trafficking in Ukraine // IOM Gender and Migration News. 2012. № 38. P. 6–8.

число достигает 500 тыс. человек⁴⁴. В последние годы торговля живым товаром принимает особенно циничные формы, объектами «усовершенствованного рабства»⁴⁵ все чаще становятся не только доверчивые молодые девушки, но и зрелые и даже высокообразованные мужчины, имеющие опыт работы за рубежом. В 2011 г. их доля в общем количестве украинских граждан, ставших жертвами торговли людьми, составила 43%⁴⁶. Чаще всего ими являются моряки дальнего плавания: каждый пятый член экипажей, захваченных морскими пиратами, — гражданин Украины⁴⁷. Это свидетельствует о том, что трудовая мобильность связана с серьезными угрозами для индивидуальной человеческой безопасности украинцев.

Постсоветская миграция не стала «школой демократии»⁴⁸, не поставила ее участников в центр демократизирующейся социальной системы, а превратила их в экспортный товар, приносящий валюту национальной экономике, и в объект доходной торговли для «космополитической, компрадорской, буржуазной» элиты⁴⁹, позволяющий последней выживать в глобальной экономической системе. Видимо, под «демосом» как субъектом демократии в данном случае следует понимать не весь народ, а только обладателей собственности⁵⁰. Миграция не является и эффективным способом решения социально-экономических проблем, вызванных рыночными трансформациями, поскольку, решая ряд

⁴⁴ Для запобігання торгівлі українцями на Львівщині зібрались представники з майже 10 країн // Громадський простір : портал. 2012. 31 травня. URL: <http://www.civicua.org/news/view.html?q=1836554> (дата обращения: 15.01.2013).

⁴⁵ Якель Р. Вдосконалене рабство // Дзеркало тижня. 2005. № 48, 10 грудня. URL: http://dt.ua/SOCIETY/vdoskonalene_rabstvo-45324.html (дата обращения: 15.01.2013).

⁴⁶ Крестар Р. *Op. cit.*

⁴⁷ Карпачова: Моряки — одна з найбільш незахищених груп трудових мігрантів // ForUm. 2012. 20 квітня. URL: <http://ua.for-ua.com/ukraine/2012/04/19/142241.html> (дата обращения: 15.01.2013).

⁴⁸ Хомра О. Зовнішня трудова міграція як школа демократії (на матеріалах зовнішньої трудової міграції населення західного прикордоння України), 2000. URL: http://www.democracy.kiev.ua/publications/collections/conference_2000/section_7/Khomra.pdf (дата обращения: 15.01.2013).

⁴⁹ Соскін О. Шлях України: через демократію до європейської спільноти // Економічний часопис — ХХІ. 2007. № 11/12. С. 3–6.

⁵⁰ Фурсов А. И. «Империиология» без теории, или «Хлопок одной ладонью» // Агентство политических новостей. 2007. 30 января. URL: <http://www.apn.ru/publications/article11379.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

текущих проблем, она порождает более серьезные вызовы на близкое будущее. Иначе говоря, хотя благодаря транснациональному капиталу *заробитчан* миграция действительно может принести некоторую краткосрочную выгоду экономике Украины, но в долгосрочной перспективе она может иметь (и уже имеет), катастрофические последствия, представляя серьезную угрозу человеческой безопасности общества. Безусловно, трудовая миграция может послужить временной мерой для решения экономических проблем переходного периода, и на начальном этапе экономических реформ такой подход к ней являлся оправданным и целесообразным. Однако сегодня потери миграционных потоков составляют 20–30% вовлеченных в них людей, и отток населения из Украины приобретает постоянный характер⁵¹. Пагубный эффект миграционной «черной дыры» для Украины заключается в невозполнимых потерях наиболее ценного сегмента человеческого капитала, ставящих под угрозу как индивидуальную человеческую безопасность членов общества, так и национальную безопасность государства, которое в результате этих потерь неуклонно движется от «третьего Рима» в «третий мир».

Cagri Erdem

**Challenging perspectives
on security and environment in the Arctic:
Russia vs the West**

Since the end of the Cold War and the beginning of the 21st century, rivalries between the great powers over natural resources have become astonishingly intense. This competition has reaffirmed itself in rapid growth of energy prices and some adjustments in geopolitical considerations involving energy security.

Energy resources, certainly, are a source of potential international cooperation. The shared interest of energy producers and consumers in energy trade can be the source of harmonious relations among states. International cooperation is needed to bring resources from remote reserves to consumer

⁵¹ Людський розвиток в Україні. С. 160.

© Erdem C., 2013

centers. To this end, energy development projects can be structured in a way that all the participants would benefit from them¹.

On the other hand, energy can also be a source of potential conflict between states. Energy resources are regarded as a source of zero-sum or mixed-sum competition because the amount of hydrocarbons in the world is limited². To a great extent, politics determines economics and reflects the concern for war. The view that force and the threat to use force are the salient features of the international system means that states must prepare for future conflicts. Heavy reliance on foreign suppliers for strategic resources, such as oil, natural gas and coal, can be a threat to national security. Consequently, in a situation of a crisis or a war, access to those vital resources can be denied. Given the importance of energy to a state's ability to wage war, disruptions in supply could put national security and independence at risk.

In that aspect, the Arctic Region has been of particular interest to the great powers due to its possibly vast energy resources and strategic location. In fact, any sort of analysis of energy issues can no longer be reduced merely to a discussion of supply and demand in the world market, but must also focus on global energy security, from geopolitical and geo-economic perspectives. In this milieu, major oil and gas importers such as the United

¹ *Russett B.* World Energy demand and World Security // Policy Sciences. 1979. Vol. 11, № 2. P. 187–202; *Yergin D.* Energy Security in the 1990s // Foreign Affairs. 1988. Vol. 67, № 1. P. 111–132; *Victor D. G., Victor N. M.* Axis of Oil? // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82, № 2. P. 47–61; *Ross M. L.* How Do Natural Resources Influence Civil War? Evidence from Thirteen Cases // International Organization. 2004. Vol. 58, № 1; *Stulberg A. N.* Well-Oiled Diplomacy: Strategic Manipulation and Russia's Energy Statecraft in Eurasia. Albany : State University of New York Press, 2007; *Winchester R. F.* European Energy Security: Wrestling the Russian Bear for Caspian Natural Gas. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute ; U.S. Army War College, 2007; *Winrow G.* Geopolitics and Energy Security in the Wider Black Sea Region // Southeast European and Black Sea Studies. 2007. Vol. 7, № 2. P. 217–235; *Energy Security and Global Politics: The Militarization of Resource Management / Daniel Moran and James A. Russell (eds.).* New York : Routledge, 2009.

² *The Geopolitics of Resource Wars: Resource Dependence, Governance and Violence / Phillip Le Billon (ed.).* New York : Routledge, 2005; *Chun Hongchan.* Russia's energy diplomacy toward Europe and Northeast Asia: a comparative study // Asia Europe Journal. Vol. 7, № 2. P. 327–343; *Ebel R. E.* The Geopolitics of Russian Energy : Looking Back, Looking Forward. Washington, DC : Center for Strategic & International Studies, 2009; *Broache M.* Re-Examining Russian Energy Power // Journal of International Affairs. 2010. Vol. 63, № 2. P. 233–235.

States, Europe, China, Japan and India are paying close attention to the developments in the Arctic region. To this end, Russia is making every effort to retain influence over its strategic resources³.

It is critical to understand that Arctic Ocean is one of the richest regions in the world in terms of its petroleum, natural gas, coal and mineral resources. It also has immense geopolitical importance. With the advances in science and technology, it is possible to measure and quantify the economic potential of those resources more accurately. Consequently, it would be fair to argue that this changing situation made the region more attractive for big powers surrounding it. Russia, with an extensive coastline in the Arctic zone, increased its strategic operations and started to sign some international economic agreements concerning the region⁴.

In accordance with this reasoning, this study describes and evaluates Russia's new role in the Arctic region, under the frame of geopolitics, energy security and environmental changes.

Geopolitics of the Arctic

The Arctic region comprises eight states: Canada, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Russia, Sweden, and the United States. In a more restrictive way, of those eight states, only five border the Arctic Ocean: Canada, Denmark (through Greenland), Norway (through Svalbard), Russia and the United States. Essentially, the Arctic Ocean is the world's smallest and shallowest ocean. It covers an area of approximately 14 million square kilometers⁵.

³ *Howard R.* The Arctic Gold Rush : The New Race for Tomorrow's Natural Resources. London : Continuum, 2009.

⁴ *Dalby S.* Geopolitical Identities: Arctic Ecology and Global Consumption // *Geopolitics*, 2003. Vol. 8, № 1. P. 181–202; *Byers M.* Who Owns the Arctic? Understanding Sovereignty Disputes in the North. Vancouver : Douglas and McIntyre, 2009; *Emmerson Ch.* The Future History of the Arctic. London : The Bodley Head, 2010; *Fairhall D.* Cold Front : Conflict Ahead in Arctic Waters. New York : I. B. Tauris, 2010; *Gerhardt H., Steinberg P. E. et al.* Contested Sovereignty in a Changing Arctic // *Annals of the Association of American Geographers*. 2010. Vol. 100, № 4. P. 992–1002; *Grant Sh. D.* Polar Imperative : A History of Arctic Sovereignty in North America. Vancouver : Douglas and McIntyre, 2010.

⁵ *Allain M. A.* Canada's Claim to the Arctic: A Study in Overlapping Claims to the Outer Continental Shelf // *Journal of Maritime Law & Commerce*. 2011. Vol. 42, № 1. P. 1–47.

Over the last two decades, there has been considerable interest *vis-à-vis* the region in Western academic circles⁶ and in Russian academia⁷.

The Arctic Ocean is melting at startling pace. There are some serious implications of this Arctic meltdown in terms of geopolitics. On the one hand, the ecological balance in the region will change with the thinning of the ice. There will be implications for the global climate, too. The waters of the Arctic Ocean will absorb more heat from the sun, thus bringing more

⁶ *Anderson A.* After the Ice : Life, Death, and Geopolitics in the New Arctic. New York : Smithsonian Books, 2009; *Byers M.* Op. cit.; *Gupta A.* Geopolitical Implications of Arctic Meltdown // Strategic Analysis. 2009. Vol. 33, № 2. P. 174–177; *Howard R.* Op. cit.; *Zellen B. S.* Arctic Doom, Arctic Boom : The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Santa Barbara, CA : ABC CLIO Publishing, 2009; *Emmerson Ch.* Op. cit.; *Gerhardt H., Steinberg P. E. et al.* Op. cit.; *Grant Sh. D.* Op. cit.; *Sale R., Potapov E.* The Scramble for the Arctic : Ownership, Exploitation and Conflict in the Far North. London : Frances Lincoln, 2010; *Wilder M. P.* Who Gets the Oil Arctic Energy Exploration in Uncertain Waters and the Need for Universal Ratification of the United Nations Convention on the Law of the Sea // Houston Journal of International Law. 2010. Vol. 32, № 2. P. 505–544; *Allain M. A.* Op. cit.; *Young O. R.* The Future of the Arctic: cauldron of conflict or zone of peace? // International Affairs. 2011. Vol. 87, № 1. P. 185–193.

⁷ *Пыж В. В., Конович И. А.* Военная политика стран НАТО в Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2007. Т. 2, № 18. С. 44–52; *Селин В. С., Цукерман В. А.* Россия и мир в XXI веке: геополитические и экономические факторы обеспечения суверенитета России в Арктике // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 76–84; *Колодкин А. Л., Шинкаревич Г. Г.* О континентальном шельфе России в Арктике // Государство и право. 2009. № 10. С. 21–27; Социально-экономические последствия ожидаемого изменения климата в Арктике / В. Васильев, В. Селин и др. // Регион: экономика и социология, 2009. № 2. С. 125–136; *Богоявленский В.* Углеводородные богатства Арктики и российский геофизический флот: состояние и перспективы // Морской сборник. 2010. № 9. С. 53–62; *Мазур И. И.* Арктика — точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2. С. 93–104; *Селин В., Николаева А.* Проблемы и возможности развития морских портов в российской западной Арктике // Морской сборник. 2010. № 3. С. 39–49; *Коньшев В., Сергунин А.* Арктическое направление внешней политики России: проблемы и перспективы // Обозреватель = Observer. 2011. № 3. С. 13–20; *Богоявленский В., Лавров Н.* Стратегия освоения морских месторождений нефти и газа Арктики // Морской сборник. 2012. № 6. С. 50–58; Геоэкономические вызовы морской политики в российской Арктике / С. Козьменко, В. Селин и др. // Там же. 2012. № 6. С. 33–42; *Тамицкий А.* Государственная политика современной России в Арктике: этапы, приоритеты и некоторые итоги // Арктика и Север : электрон. науч. журн. 2012. № 6. С. 110–117. URL: http://narfu.ru/aan/archive/AaN_2012_6.pdf (дата обращения: 02.04.2013).

energy into the ocean. On the other hand, there are serious geopolitical implications of the Arctic's melting. Arctic Ocean will become navigable throughout the year. The sea route linking the North American continent with Europe and Asia will shorten the shipping distance between Europe and Asia by over 4,000 kilometers. This will lead to changes in the pattern of global trade and shipping. Maybe more importantly, the countries in the Arctic zone are now engaged in laying sovereignty claims on the new territories as well as the continental shelf of the Arctic Ocean for possible concealed resources⁸.

In geopolitical terms, the Arctic region is witnessing a significant change in terms of conflict and cooperation. In the recent past, militarization was in greater demand than cooperation. However, with the end of the Cold War and the Arctic's return to peace, the international community and international law are demanding greater cooperation and much less militarization. The current issues facing the Arctic Region have developed around the concept of sovereignty. There is no doubt that the Arctic States may eventually resolve their disputes in accordance with international law⁹.

Yet the difference between these Arctic States is the degree to which they are cooperating and militarizing. This makes the future of the New Arctic uncertain and fragmented, to say the least. If the New Arctic is indeed based on cooperation, Arctic States must enter into it with a common goal and a common understanding of how real cooperation is to be achieved. "Russia's approach to the Arctic has been to create a win-win situation, that is, gain early military and commercial regional supremacy and hope to win equally at the United Nations and other multilateral tables. Uncertainty remains as to how Russia will attempt to maintain this win-win strategy as the other Arctic States are now approaching the Arctic differently. Canada, Denmark and the United States, in varying degrees, have placed more emphasis on cooperation and bilateral governance structures. They are nevertheless feeling the pressure of Russia's militarization and ever increasing commercial capabilities"¹⁰.

The emerging change in Arctic politics has led many Arctic experts to question Russia's role in the New Arctic. Currently, the Arctic States are pre-occupied with their respective Arctic possessions and focus on how to secure them. As a result, Arctic States largely ignore a pan-Arctic view of the region that would shape the conditions in which sovereignty is exercised.

Russia is currently increasing its military activity in the Arctic by developing its fleet of ice breakers and its naval force, thus making its military the strongest in the Arctic. Its impressive military build-up suggests that Rus-

⁸ *Gupta A. Op. cit.*

⁹ *Allain M. A. Op. cit.*

¹⁰ *Ibid. P. 10.*

sia has the potential to become an extremely unpredictable and aggressive player in the region. On the other hand, since the summer of 2007, the Russian Duma has repeatedly reassured the international community of the country's good intentions in the Arctic region and its respect of its obligations under the UN Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the rules of international law. Russia participated in the Arctic Council — a high-level intergovernmental forum that addresses issues faced by the Arctic governments and the indigenous people of the Arctic. The Council has eight member countries: Canada, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Russia, Sweden, and the United States.

Russia also respected its obligations under the Ilulissat Declaration. In the 2008 meeting at Ilulissat (Greenland); the political representatives from the five coastal states of the Arctic Ocean affirmed that the continental shelf entitlements would be pursued in a systematic manner. This was a significant confirmation of the coastal states' cooperative attitude and their will to deal with any overlapping claims by legal means. This meeting was mainly designed to explain to the rest of the world that there is no rush for resources in the Arctic, but rather that there is an orderly development. Nevertheless, they also asserted their dominance in the region by highlighting their sovereign rights and jurisdiction.

However, Russia and other Arctic States are all in process of increasing their military presence and developing their infrastructure for the anticipated increase in population that will be associated with the increased exploration and exploitation of the Arctic's natural resources¹¹.

Global Energy Security

There is an undeniable correlation between global economic growth and the rise of global demand for energy. World population is projected to increase by some 2 billion people from its current level of 7 billion by the middle of the 21st century. Almost all of that growth will originate from developing countries. Consequently, the demand for energy will grow even faster. It is important to acknowledge that modern economies are vitally dependent on reliable and affordable energy supplies. Taking in consideration the fact that approximately 2 billion people currently do not have access to electricity in their daily lives, the developing world is not likely to accept restrictions on either the form or the quantity of energy it uses before reaching some adequate standard of living that would match the one in the developed countries. In basic terms, this means that the international demand for reliable energy supplies will increase over the foreseeable future. Along this

¹¹ *Allain M. A. Op. cit.*

line of logic, global energy consumption is expected to jump 53% by 2035, largely driven by strong demand from places such as India, China and Indonesia¹².

Within the context of this expected rise in global energy consumption, energy security is increasingly associated with geopolitics and national security concerns. Therefore, the state sees itself as the guarantor of energy security¹³. Russia is the only permanent member of the United Nations Security Council that is a net energy exporter. Moreover, it is the second largest oil exporter after Saudi Arabia and it holds world's largest reserves of natural gas. Russian government's triumphant efforts to regain control of the natural gas industry and much of the oil industry have permitted Russia to envisage itself again as a great power in the global arena.

However, the Russian economy is now heavily dependent on the energy sector. Consequently, foreign energy policies pursued in the Arctic region by Russian government reflect this dependence and the desire to have upper hand in global energy politics in the 21st century. Russia's energy strategy includes the objective of answering the strategic national interests of the country, while being a reliable supplier to its main clients, such as European Union, Turkey and China. In crude terms, the Russian Federation links economics and politics by seeking influence over energy resources where it can.

Environmental Changes and the Arctic Region

Global warming is the 21st century's phenomenon which greatly influences the development of the world. Recently observed changes in the Arctic region and sea ice cover may be an indication of global climate changes. The region is going through serious climatic changes and it would straightforward to observe that most of the Arctic ice cap melting took place over the last decade.

Transportation through the Arctic seems enticing by its own. A sea journey from Western Europe to China requires a road through the Suez Canal and takes 15 days. However, along the Siberian Coast — free of ice during summer — ships can do this journey in 10 days; it is an important shortcut in terms of time, fuel and carbon emissions.

Global warming increased the importance of geopolitics in the Arctic region. The Arctic is rapidly becoming the subject of increasing political and

¹² *Hargreaves S.* Global energy use to jump 53%. 2011. September 20. URL: http://money.cnn.com/2011/09/19/markets/global_energy_use/index.htm (access date: 02.04.2013).

¹³ *Yergin D.* Op. cit.; *Idem.* The Quest : Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. New York : Penguin Press, 2012.

economic interest, not only to the eight Arctic States, but also to the global community. This concern stems from the need for new sources of oil, natural gas and minerals, faster shipping routes, and new fish stocks¹⁴.

As a result of this global warming phenomenon, a sort of power struggle is taking place between the bordering states of the Arctic — Russia, USA, Canada, Norway and Denmark. Without thick ice cover, the region's rich oil, gas, mineral deposits and shipping lanes will become open to exploitation.

Opening up the Arctic to development — shipping or natural resources — will bring benefits, but, unfortunately, ecological damage, too. At this point, a recent report by the Finnish government urged the states to combat oil spills in case of an accident. Even with the use of current technology, it would be impossible to deal with such environmental catastrophe in icy waters. The Arctic is probably the most environmentally sensitive region on the planet, yet few treaties exist to protect it¹⁵.

It is argued that Russia has operated in the Arctic since the 1960s. However, with the impact of global warming and technological advancement, it has become much easier to operate and exploit the region's valuable resources. Russia has the world's longest Arctic border which is more than 10.000 miles. In fact, Russia has few islands in the Arctic Ocean; the country's northern border effectively ends where the Arctic Ocean begins. Yet the Russian government argues that its territorial perimeter should spread northward. Russian authorities claim that there is a mountain range — Lomonosov Ridge — which goes to the North Pole. This is shown as a proof by Russian government, in order to make a claim to a much bigger piece of the Arctic region. To this end, Russia has sent teams of scientists to the Arctic Ocean in order to collect evidences to back its claim.

Russia's Arctic Policy

There is a growing interest in the Arctic on the part of the Russian government. Indeed, Russia is the most determined and assertive player in the Arctic. In May 2007, Vladimir Putin, then the president of Russia, pro-

¹⁴ Gerhardt H., Steinberg P. E. et al. Op. cit.

¹⁵ Sawhill Steven G. Cleaning-up the Arctic's Cold War Legacy: Nuclear Waste and Arctic Military Environmental Cooperation // Cooperation and Conflict. 2000. Vol. 35, № 1. P. 5–36; Keskitalo C. International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region // Ibid. 2007. Vol. 42, № 2. P. 187–205; Zellen B. S. Op. cit.; Sale R., Potapov E. Op. cit.; Titley David W. Arctic Security Considerations and the U.S. Navy's Roadmap for the Arctic // Naval War College Review. 2010. Vol. 63, № 2. P. 35–48; Wilder M. P. Op. cit.; Rosamond A. B. Perspectives on Security in the Arctic Area / Danish Institute for International Studies. Report No. 9. Copenhagen, 2011; Young O. R. Op. cit.

posed the creation of the National Arctic Council, which would be charged with the role of coordinating Russian national policy and strengthening Russian interests in the Arctic. The country obtains a big chunk of its gas, oil, nickel, cobalt, copper and platinum from her Arctic regions. Needless to say that Russia's wealth in natural resources is at the centre of its new Arctic policy and development strategy. Indeed, from Moscow's perspective, Russia's wealth of energy reserves strengthens its influence on the international stage and thus forms the foundation of Russia's security strategy in the Arctic.

In 2001, Russia formally presented to the UN Commission for Limits of the Continental Shelf (UNCLOS) its claim to approximately 1,19 million square km of the maritime region of the Arctic. Its reasoning was that the 2,000 kilometer long Lomonosov Ridge, an underwater mountain range in the Arctic, is connected to Russia's Siberian continental shelf and hence, under the UNCLOS rules, belongs to Russia. The Russian claim was rejected. Undeterred, a Russian expedition planted a Russian flag, made of titanium, on the ocean floor under the North Pole in 2007, to buttress its claim. The Russian move was considered highly provocative and was strongly criticized by other countries that, in turn, intensified their own efforts in claiming the Arctic Ocean¹⁶.

In September 2008, the Russian Security Council considered an ambitious plan for the development of its Northern regions adjoining the Arctic shoreline. Its strategic bombers have started flying over the North Pole. Russia's renewed interest in the Arctic coincides with its assertive foreign policy and worsening relations with the West. Russian president has declared that Russia would like to convert the Arctic region as a resource base for Russia in the twenty-first century¹⁷.

In September 2008, Russian Security Council also approved a new policy on the Arctic. This new policy was formulated in a special program entitled "Fundamentals of the State Policy of Russia in the Arctic in the Period until 2020 and Beyond"¹⁸, and signed by Russia's then president, Dmitry Medvedev. "Fundamentals" brought about a significant amount of discussion as the document set out an ambitious plan to develop an economic and military infrastructure in the Arctic. It offers a good overview of the policy and states that its main goal is to ensure that provisions of the country's national security strategy are fully realized throughout Russia's Arctic zone. It is important to note that the Russian policy focuses not only on increasing its mili-

¹⁶ Gupta A. Op. cit.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ See: Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Рос. газ. 2009. 27 марта. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения: 02.04.2013).

tary presence in the Arctic, but also on developing Arctic Region and exploiting its resources¹⁹.

Russian capabilities for research in the Arctic are much stronger than in other Arctic states²⁰. Moreover, Russian private companies are well equipped to function in the Arctic as well. Indeed, some major Russian mining companies maintain complete independence from Russian military nuclear-powered icebreakers, thanks to their brand new Arctic vessels.

Therefore, it would be fair to assert that Russia is the world's leading oil and natural gas producer. However, it needs to find and develop new fields in order to keep that leading position in global energy markets. The Arctic region seems to be a natural and expected match for those Russian policy goals.

* * *

All Arctic states are trying to protect their ability to gain territory and access to Arctic resources. The non-Arctic States have also increasingly recognized the potential of the ice-free Arctic and have started to show a genuine interest towards the region.

Great power relations will continue to shape the international system in the years ahead. Consequently, it may be predicted that they will also influence Russia's involvement in the Arctic region. Russia's behavior in the region will be shaped by its great power aspirations, its relationship with other great powers and particularly by the resources available to the Russian state to back these ambitions.

There is no doubt that the Arctic region is one of the priorities of Russia's foreign policy because its resources form a bastion for security and economic development of the country. It is also true that new economic possibilities bring new opportunities for the region — but new dangers, too.

Russia will try to avoid any confrontation in the Arctic region. To this end, Russian leaders incessantly pursue their efforts to settle the issue of the partition of the Arctic inside existing legal and institutional frameworks. However, Moscow is equally determined to assert its status as the greatest Arctic power due to the fact that the Russian North is considered vital for economic development and the defense of the country.

¹⁹ On April the 18th, 2012, Putin facilitated an agreement between Russian oil giant Rosneft and Exxon Mobile regarding the oil exploration in the Arctic region. The main goal of that agreement was to show the Russian presence / interest / claim in the region and maintain Russian position as the top producer.

²⁰ Russia's seven newest icebreakers have multi-mission capabilities and are fueled by nuclear reactors capable of breaking through ice twice as thick as their diesel competitors. Russia has 18 icebreakers in its military fleet, including the largest and most powerful icebreaker in the world.

Восточноазиатская безопасность: институциональные и страновые измерения

Анализ региональной и глобальной проблематики безопасности в настоящее время осложнен отрицательным фоном, связанным с последствиями природно-техногенных катастроф в Японии и развитием событий на арабском Ближнем Востоке. Эти явления (особенно японские) отчасти приглушили сложившееся восприятие безопасности как борьбы с традиционными и нетрадиционными вызовами и угрозами, но не изменили структуру безопасности на северо-востоке и юго-востоке Азии.

Сохраняются два блока угроз. Традиционный включает военные угрозы, распространение обычного и ядерного оружия и др.; нетрадиционный — сухопутный терроризм, морской терроризм и пиратство, трансграничную преступность, экологические и природные бедствия, техногенные катастрофы, наркотрафик, незаконные миграции, экономические угрозы и проблемы энергетической безопасности.

Очевидно, что оба «списка» вызовов и угроз постоянно обновляются и пополняются новыми явлениями, усложняя и без того достаточно пеструю и противоречивую ситуацию. Причем второй блок увеличивается гораздо быстрее, чем первый. Экономический вызов также сохраняет свое действие, прямо или косвенно влияя на безопасность: эффективность развития государства, в конечном счете, характеризуется состоянием внутренних индикаторов общества — качеством жизни, уровнем инфляции, безработицы, бюджетного дефицита, объемом золотовалютных резервов, долей теневой экономики, масштабом коррупции и др.

Так, используя показатель объема ВВП на душу населения, можно другими глазами посмотреть на разрыв, существующий между странами региона, и на уровень *внутренней экономической комфортности*. В Восточной Азии можно выделить группу государств с высокими (Япония, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Бруней), средними (Таиланд, Филиппины, Индонезия) и низкими (КНР, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, КНДР) показателями. Если в качестве критерия использовать другой параметр — ВВП по паритету покупательной способности (ППС), картина радикально изменится. Китай из аутсайдеров сразу выходит на первое место в регионе (5,7 трлн долл.), обгоняя Японию (5,3 трлн), и на второе место в мире после США. Очевидно, что кроме общих валовых показателей для социально-экономической ста-

бильности и безопасности страны наиболее важны внутренние индикаторы качества жизни, поскольку именно они связаны с возможностью политических протестов.

Значительно более масштабный характер с учетом последствий и разрушений, вызванных цунами 2010 г. в Таиланде и Индонезии и землетрясением в Японии, приобрел в Восточной Азии экологический вызов. Фактически данные события поставили вопрос о выживании страны (особенно Японии) и сплочении общества. Другими словами, проблемы окружающей среды сегодня выходят за рамки собственно экологии.

I

В институциональном плане в Восточной Азии сложились три модели, или проекта, связанные с безопасностью. **Первая модель** представлена инициативами АСЕАН как в рамках организации в целом, так и с участием входящих в нее стран (АРФ — Форум по безопасности АСЕАН и др.).

Вторая модель основана на российско-китайских политических инициативах по сохранению безопасности и стабильности в регионе. Институционально она частично реализуется в рамках взаимодействия двух держав в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), совместных заявлений, деятельности Антитеррористического центра и совместных войсковых учениях. За рамками ШОС действует статья 9 российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. В нем, в частности, говорится, что «в случае возникновения ситуации, которая, по мнению договаривающихся сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы... безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»¹. К данной модели можно отнести также сделанные в конце 2010 г. политические заявления президентов РФ и КНР Д. А. Медведева и Ху Цзиньтао о необходимости создания азиатско-тихоокеанской системы безопасности, которая отвечала бы интересам всех заинтересованных держав.

Третья модель — сложившаяся в годы «холодной войны» система двусторонних военно-политических союзов США с Японией, Южной Кореей, Австралией и др. (договоров об обороне и проч.), выполняющих функции военных альянсов и отвечающих исключительно интересам

¹ Сборник российско-китайских документов : 1999–2007 гг. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 146.

США и их союзников. В последнее время просматривается желание США перейти от двусторонних к сетевым форматам регионального военного сотрудничества, т. е. к созданию в Восточной Азии системы для координации планирования и действий вооруженных сил стран региона. Первым шагом в данном направлении стали совместные американо-тайландские учения «Золотая Кобра», к которым присоединились не только традиционные партнеры (Япония, Южная Корея), но и Филиппины, Сингапур, Монголия.

Первая и вторая модели являются достаточно транспарентными, открытыми и не ориентированы на развитие черт военно-политических союзов. Как правило, это либо диалоговые формы и совещания по безопасности, либо комплексные организации (типа ШОС), не являющиеся военными альянсами или блоками. Третья модель, наоборот, четко ориентирована на жесткую военно-политическую систему партнерства, на защиту интересов США и их союзников в регионе Восточной Азии. В последнее время наблюдается тенденция расширения «зоны ответственности» американских договоров на спорные территории, например, острова Дяоюйдао (в японской версии — Сенкаку) или Южные Курилы.

В условиях подобной односторонней безопасности усиливаются старые и новые процессы, особенно из списка нетрадиционных вызовов и угроз.

Важный ресурс институциональной безопасности в Азии — *превентивная дипломатия*. Российский эксперт Е. В. Колдунова, проведя анализ данного подхода на уровне различных региональных проектов, отмечает:

Достоинство концепции превентивной дипломатии в современных условиях применительно к региональному уровню заключается в том, что в целом она отвечает новым реалиям ситуации в области международной безопасности в АТР: в идеале она может быть применима к реагированию и на военно-стратегические угрозы, и на новые транснациональные угрозы².

Эксперт справедливо выделяет два преимущества превентивных мер. Во-первых, превентивная дипломатия акцентирует внимание не на срочном решении проблемы, а на запуске процесса, который мог бы предотвратить негативные последствия, в противовес одномоментным мерам, сосредоточенным на результате — возвращении к ситуации безопасности и стабильности. Этому принципу, в частности, на региональном уровне более или менее соответствует такое понятие, как *путь*

² Колдунова Е. В. Восточная Азия: новые вызовы безопасности. М. : Навона, 2010. С. 105.

ACEAN (ASEAN Way), обозначающее особый подход стран Юго-Восточной Азии к межгосударственным отношениям и основывающееся на принятии ими двух основных поведенческих норм, выраженных распространенными в Индонезии и Малайзии терминами *мушаварах* (консультации) и *муфакат* (консенсус). Однако, в отличие от превентивной дипломатии, такой подход не подразумевает создание механизма решения проблем, а направлен, скорее, на избежание конфликтных ситуаций как в отношениях между самими странами Ассоциации, так в отношениях Ассоциации с внешними игроками.

Во-вторых, в силу транснационального характера многих новых угроз безопасности в механизмах превентивной дипломатии требуется участие и конструктивное сотрудничество сразу нескольких государств. В этом плане региональный уровень превентивной дипломатии представляется наиболее адекватным с точки зрения эффективной организации коллективных действий. Однако при этом большое значение приобретает являющийся ключевым для многих стран региона вопрос о том, как такие действия могут быть соотнесены с принципом суверенитета.

Кроме того, за прошедший период на региональном уровне в АТР, конкретнее — в рамках АРФ, сформировались различные взгляды на содержание превентивной дипломатии, проводящие своеобразный водораздел между азиатскими и неазиатскими участниками АРФ, между основной частью участников АРФ и Китаем и т. д.³

II

К институциональному уровню безопасности с некоторыми оговорками можно отнести Форум АТЭС. Цель АТЭС, как известно, состоит в создании открытой торговой системы, обеспечении роста экономик — участниц проекта. Лозунг Форума — «бизнес без политики». Может ли подобный «мягкий» проект адекватно и эффективно реагировать на жесткие вызовы и угрозы в сфере безопасности? Целесообразно ли вообще рассматривать АТЭС в контексте региональной и глобальной безопасности?

Несмотря на открытый и неинституционализированный характер, Форум не может существовать вне общемировых политических тенденций. Усиленное позиционирование АТЭС в качестве неполитического проекта на самом деле является проявлением некоего лукавства организаторов и идеологов Форума. Все участники прекрасно осознают, что политика пронизывает его. Она негласно присутствует в энергетике, торговле, инвестициях, транспорте, экологии. Она витает в воздухе там,

³ Там же. С. 119.

где замешаны большие деньги, где сталкиваются интересы крупных, малых и средних игроков, когда обсуждается будущее Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а следовательно, будущее всего мира.

Своеобразные нити неразрывно связывают Форум с проблематикой безопасности. Факты противоречивого экономического и интеграционного взаимодействия 21 экономики мира автоматически вскрывают весь спектр «болевых точек» и угроз безопасности.

Понятно, что, исходя из специфики проекта, нельзя говорить о его военно-политической направленности или блоковом характере. Но современная эпоха, к сожалению, расширила рамки самого понятия международной безопасности и перечня вызовов и угроз. Блок новых, нетрадиционных рисков — рост терроризма, транснациональной преступности, угрозы энергетической, экологической, продовольственной безопасности, увеличение частоты природно-техногенных катастроф и прочее — влияет на Форум.

После событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке на китайском (Шанхай, 2001) и мексиканском (Лос-Кабос, 2002) форумах были приняты заявления о борьбе с международным терроризмом. На сегодняшний день в структуре АТЭС действует Специальная группа по борьбе с терроризмом (СТТФ, Counter-Terrorism Task Force), в официальные задачи которой входит «координация контртеррористических усилий экономик АТЭС, развитие контактов с профильными многосторонними организациями, деятельность по борьбе с финансированием терроризма, обеспечение безопасности транспорта, телекоммуникаций, энергетики и пр.»⁴

Трудно до конца точно и объективно оценить эффективность этой группы. По мнению ряда зарубежных экспертов, в частности китайских, ее деятельность «вторична и связана больше с отстаиванием узкопрофильных интересов отдельных ТНК и финансовых групп, имеющих свой бизнес в Восточной Азии»⁵. Скорее всего, данная оценка близка к реальности. Деятельность СТТФ с каждым годом формализуется, толстые отчеты содержат массу общих фраз, деклараций и призывов. Явно не хватает фактов, свидетельствующих об эффективности структуры. Хотя деятельность спецслужб всегда «тайна за семью печатями», и, возможно, это справедливо и по отношению к данной группе.

⁴ АТЭС : справочная информация. [М.] : Российский центр исследований АТЭС, 2012. С. 41.

⁵ *Zhao Qinghai*. New Changes of the World Structure // The CIIS Blue Book on International Situation and China's Foreign Policy (2012). Beijing : World Affairs Press, 2012. P. 18.

Специфика работы группы — деятельность в международной финансово-экономической сфере. Вопросы военно-стратегического характера, по понятным причинам, не фигурируют в повестке. Что касается нетрадиционных вызовов, то на них Форум пытается отвечать в основном по трем следующим направлениям: 1) реакция на чрезвычайные ситуации (природные, техногенные и экологические бедствия), 2) деятельность на треке энергетической безопасности, 3) шаги по минимизации вызовов продовольственной безопасности.

Понятно, что список «болевых точек» Форума тремя направлениями не исчерпывается. В документах АТЭС сформулирована некая общая задача «обеспечения личной безопасности человека», которая вряд ли может вызвать возражения. Однако многие участники проекта по-разному видят ее решение как у себя в стране, так и в рамках Форума и приводят свои аргументы, включая цивилизационные, политико-правовые и гуманитарные. Так, американский подход рассматривает личную безопасность в том числе и с позиций соблюдения «прав человека», что раздражает Китай и ряд других стран Форума. Любят американцы и их союзники поговорить и о «гуманитарной составляющей» этих прав, что вообще (в свете *арабской весны*) вызывает у многих стойкий защитный рефлекс.

Процветающие «азиатские драконы» делают акцент на качестве жизни личности и социальной защищенности человека. Понятно, что такая методология холодно воспринимается бедными членами, а порой стимулирует рост их зависти к «сытым братьям», ощущение «несправедливости». И никакие идеологемы, социалистического или иного характера, не могут избавить правящие элиты «обиженных» от подобных эмоций. Поэтому реально прийти к консенсусу по вопросу личной безопасности в рамках проекта оказалось делом сложным, хотя формальные декларации на этот счет имеются, и в них легко заметить слова, навеянные событиями 11 сентября 2001 г., а также природными и техногенными катастрофами 2008–2011 гг., включая печально известную Фукусиму. Пока эти формулировки устраивают и даже в какой-то мере сближают всех.

В концепции участия России в Форуме 2012 г. записано, что, поскольку «стратегическая обстановка в АТЭС не несет непосредственных угроз для России, безопасность трактуется не как баланс сил, а как безопасность через совместное развитие»⁶. Документ не определяет конкретные «вешки» и степень интеграции России, но констатирует одну принципиальную вещь: в условиях «недостаточной вовлеченности Си-

⁶ Концепция участия Российской Федерации в Форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). М. ; Владивосток, 2012. С. 39.

бири, Дальнего Востока и крайнего Северо-Востока в общероссийское развитие форсирование сотрудничества с АТЭС несет угрозу их превращения, скорее, во внешние рынки сопредельных с Россией государств, чем в интегральную часть отечественного рынка»⁷. Другими словами, внутренняя неразвитость окраинных российских территорий автоматически отодвигает интеграционные перспективы России в АТР.

III

Указание бывшего генерального секретаря ЦК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012) на возможность дальнейшего возвышения Китая в 2012–2049 гг. до «могущественного социалистического государства» позволяет предположить наличие у Пекина некоей «дорожной карты» смены положения развивающегося государства на статус великой державы⁸. И новое руководство только начинает движение по ней. Проблема в том, что часть ориентиров пути обозначена, а другая пока не очень видна и существует только в сценариях и прогнозах китайских и зарубежных экспертов.

Из видимых ориентиров этого движения особенно заметен **военный**. Модернизации национально-освободительной армии Китая (НОАК) и способности ее вести победоносные «локальные войны» был посвящен целый раздел отчетного доклада на XVIII съезде КПК. В мире внимательно наблюдают за качественным и количественным увеличением вооружений и других компонентов в КНР, за быстрым формированием военно-промышленного комплекса, за динамикой и содержанием импорта, а также экспорта вооружений.

Могущество любой державы, особенно великой, основано на военном потенциале. В неспокойных условиях современной эпохи это особенно важно. Китайский вариант имеет свою специфику. При наличии самой большой армии в мире страна занимает второстепенные позиции по уровню стратегических вооружений. Понятно, что при этом ее возможности влиять на стратегическую безопасность в мире серьезно ограничены. Американцы же пытаются навязать Пекину совершенно ненужный ему стратегический диалог на основе создания режима открытости (транспарентности) по модели существующего российско-американского.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 15.10.2012).

Другая особенность связана с военными, тактическими задачами на ближайшее время. В отчетном докладе Ху Цзиньтао (почему-то в экологическом разделе) сформулирована цель — превратить Китай в «могущественную морскую державу». Понятно, что это прямое указание военным и промышленникам форсировать морской компонент, т. е. строительство новых авианосцев (уже спущен на воду один, планируется еще четыре), подводных лодок, крейсеров и проч. Возможно, термин «морская держава» имеет не только региональный (в отношении Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей), но и глобальный смысл⁹.

Одним из ориентиров **финансовой безопасности** для КНР является «глобализация» китайской валюты, вытеснение доллара и создание новой финансовой архитектуры мира. Последняя, по мысли китайских стратегов, в идеале и заменила бы нынешнюю долларовую, которая так раздражает всех, но без которой никто не может жить. Китай, имеющий второй ВВП в мире и один из самых больших валютных резервов, особенно жестко привязан к «зеленому президенту». Понятно, что данный ориентир стоит далеко впереди в китайском маршруте, и его очертания в основном рисуют ученые и эксперты. Есть российская версия, что тактически задачу продвижения китайского юаня как новой региональной, а затем и мировой валюты должен начать решать БРИКС. Затем к этому процессу подключатся реформированный МВФ и «двадцатка» (G20).

Китайские аналитики пока воздерживаются от обсуждения этого сценария, делая акцент на собственных инициативах КНР и его профильных институтов по либерализации юаня и подчеркивая исключительно региональные перспективы.

Важным представляется создание в 2012 г. в структуре китайского МИД специального департамента, который будет заниматься финансово-экономической дипломатией. Тема либерализации юаня в официальных заявлениях нового подразделения не фигурирует, но по логике проводимых кадровых перестановок и некоторым административным делам можно предположить, что истинная цель — дипломатическое обеспечение новой валютной стратегии.

Для России «глобализация» Китая — дело близкое (в территориальном смысле) и осязаемое, учитывая вступление РФ в ВТО и выход КНР на второе место в общем российском товарообороте. На съезде КПК не назывались (персонально) друзья или враги Поднебесной, но, похоже, Россия — неформальный лидер в списке друзей. Объясняется это не столько бескорыстной симпатией китайцев к русским, сколько прагматическими соображениями руководства. На сегодняшний день Россия — почти единственная из больших держав, с которой у КНР нет

⁹ Там же.

серьезных (системных) противоречий. На всех остальных флангах (американском, японском, индийском и др.) есть проблемы. Для Китая чрезвычайно важно сохранить протянувшуюся на север стратегическую ось стабильности и безопасности на долгий срок (по крайней мере до 2049 г.). Дружественные отношения с Россией позволяют Китаю спокойно продолжать свои реформы, усиливая свой глобальный статус и не ожидая удара в спину. Нынешний руководитель КНР Си Цзиньпин прекрасно это понимает, он будет сохранять и развивать стратегическое партнерство в период своего правления, то есть до 2020–2022 гг., не переводя его, однако, в союзнические отношения. Формат кооперации двух стран по наиболее острым мировым вопросам (Сирия и др.) уже сложился в СБ ООН, существует партнерство в ШОС и БРИКС, а в G20 основная кооперация еще впереди. Возможно, китайские руководители будут предлагать России углублять и диверсифицировать именно международную и глобальную кооперацию, применяя ее к различным моделям и ситуациям. В данном сценарии просматриваются и российские интересы.

Формат российско-китайского сотрудничества шаг за шагом расширяется, проникая в мировую геополитику и отдельные регионы. Отчасти это происходит в связи с планами Китая стать «могущественным государством», отчасти по вине США, которые явно активизировались по всем направлениям от Восточной Азии до арабского Востока. В противовес старому «американскому миру» постепенно формируется мир «китайский», границы и время «легализации» которого пока очень условны. Но процесс идет, и Россия в нем занимает вполне определенное место.

Обе державы, как известно, критически относятся к американским проектам и ценностям, активно используя механизмы БРИКС, ШОС, а также постоянное членство в СБ ООН. «Сдерживание» США не является и не может быть единственной (главной) целью глобальной кооперации двух стран, да и само партнерство стороны явно не планируют превратить в нечто большее, например в союз против третьей державы. Времена идеологических союзов прошли, у каждой из сторон имеется свой растущий интерес к Америке, особенно у поднимающегося Китая.

В любом случае РФ, в отличие от США, ЕС, Японии и ряда других, единственная большая держава, которая не имеет с Китаем глубоких политических противоречий. Это в Пекине хорошо понимают и ценят. И в перспективе там хотели бы активнее вовлекать Россию в свою глобальную игру. Для РФ подобное вовлечение и отведенная роль в целом выгодны, поскольку ее геополитические дивиденды позволяют от-

части компенсировать экономическое отставание. Да и противостоять «американской машине» в одиночку достаточно сложно.

Из регионального перечня российско-китайских интересов выделяются центральноазиатский (Афганистан и ШОС) и восточноазиатский (территориальные споры Китая с Японией и др.). Премьер Вэнь Цзябао не случайно прибыл в Москву из Астаны и Бишкека, где обсуждались перспективы китайско-казахстанских связей и возможности ШОС. Организация для КНР — мостик для нынешней и будущей региональной интеграции и источник углеводородов, новые рынки сбыта и инвестиций. Возможно, что в Пекине (и в Москве) не возражали бы против дальнейшей (неофициальной) «специализации» России в сфере региональной безопасности, Китая — по торгово-экономическим, инвестиционным и транспортным направлениям. Сложнее дело обстоит с российско-китайским взаимодействием по *островным вопросам* в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. В Чжуннаньхае с восторгом бы восприняли известие из Кремля о российской поддержке Китая по проблеме Дяоюйдао (Сенкаку) против «японских территориальных претензий». В ответ китайцы готовы оказать поддержку Москве по вопросу о южнокурильских островах, которые на китайских картах пока обозначены как временно оккупированные.

Подобный расклад не вызывает энтузиазма у российского руководства. И это правильно, поскольку и в историческом, и в международно-правовом плане вопросы Курил и Дяоюйдао (Сенкаку) абсолютно разные, и России нет резона вмешиваться в китайско-японское разбирательство. Ряд западных экспертов справедливо считает, что любая попытка России вторгнуться в китайско-японский спор будет выглядеть как вариант «интернационализации конфликта», что даст США дополнительные аргументы для помощи своему союзнику — Японии.

Перманентно развивающийся **островной конфликт Китая и Японии** меняет настроения в регионе, превращаясь в своеобразную «островную ловушку» для Пекина. Многие южные соседи, особенно имеющие с ней аналогичные споры Вьетнам и Филиппины, стали побаиваться КНР. Многие призывают США выступить третейским судьей в территориальных спорах.

Дать команду отойти назад и пойти на примирение китайскому руководству уже достаточно сложно. Общественное мнение и СМИ требуют от руководства «жесткости и бескомпромиссности» в японских делах. С другой стороны, Китай понимает, что эскалацией уже частично воспользовались США, и они будут дальше получать региональные дивиденды, организуя различные неформальные антикитайские группы и проекты из малых стран Юго-Восточной Азии. В этих условиях

Си Цзиньпину, видимо, придется так или иначе купировать «островные» эмоции в стране, усмирить военных и отдельных политиков. В противном случае капкан может и захлопнуться, не дав Китаю возможность двигаться дальше.

Японские протесты подогрели и без того активные националистические настроения в КНР. Похоже, что на волне возрождения китайской нации и успеха реформ формируется еще одна, **националистическая ловушка** для Китая. Она, пожалуй, будет самой опасной, так как достаточно сложно определить грань между патриотизмом и национализмом, а тем более контролировать стихийные процессы национальной эмансипации в самой большой по численности населения стране в мире. Как показывает мировой опыт, по мере продвижения страны к статусу великой патриотическая активность, как правило, пропорционально нарастает. Уже сегодня часть населения КНР требует более решительной внешней политики, а социологи фиксируют рост ожиданий более жесткого лидера, чем Ху Цзиньтао. Си Цзиньпину, чтобы обойти эту ловушку, придется приложить немало усилий. В стране хорошо помнят его заявление в Мексике (2009) о «сытых иностранцах, которые тыкают в Китай пальцем», и о том, что КНР в отличие от Запада «не экспортирует голод, нищету и не вмешивается в чужие дела». Очевидно, это заявление, правильное по сути, невольно усилило национально-патриотическую мотивацию в стране.

Отчетный доклад бывшего генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао на съезде был подготовлен в достаточно традиционном партийном стиле, и ключевым лозунгом выступления стал «социализм с китайской спецификой». Контрастом прозвучала речь нового партийного руководителя, который говорил образным и понятным миллионам китайцев языком. Ключевая идея Си Цзиньпина, который предложил Китаю «слушать мир», а миру — «слушать Китай», — это «возрождение китайской нации».

Отношения Китая с КНДР и Южной Кореей давно вышли на уровень не только потенциального регионального, но и глобального конфликта. Ведущие эксперты, обсуждая проблемы Корейского полуострова, выделяют в основном региональные вызовы и риски, связанные с северокорейской ядерной программой, острыми межкорейскими отношениями. При этом подчеркивается высокая степень традиционной политической близости КНР и КНДР, наличие некоей неформальной ответственности Пекина за своего непослушного «младшего брата»¹⁰. Однако в последнее время в корейской проблеме стали просматриваться

¹⁰ См. работы Г. Д. Толоран, А. В. Торкунова, В. И. Денисова, А. З. Жебина, А. В. Воронцова, А. Ланькова и др.

и глобальные аспекты. После известных ракетных пусков Пхеньяна, артиллерийских перестрелок корейских государств и замораживания шестисторонних переговоров эта проблема стала влиять на общее противостояние КНР и США. Пентагон, указывая на Пхеньян, проводит расширение своей противоракетной обороны (ПРО) в Азии, создавая дополнительные стратегические рычаги сдерживания. Причем направлены они не против Северной Кореи, а в первую очередь против Китая. На южных островах Японии и на Филиппинах размещаются новые радары раннего предупреждения, увеличивается (с 26 до 36) число специальных военных кораблей, оснащенных антиракетами и др.

Одновременно идет подготовка к реформатированию американо-японского и американо-южнокорейского союзных договоров в сторону углубления военно-политических обязательств сторон. Заметим, что причины активизации Японии и США связаны не только с Северной Кореей, но и с известным островным спором Китая с Японией. При этом Пхеньян, играя на грани «ядерного фола», вольно или невольно подставляет под удар своего «старшего брата» в его геополитическом и региональном соперничестве с Америкой.

Теоретически, как отмечает ряд радикально настроенных китайских экспертов, существует вариант использования Северной Кореи против США в качестве элемента китайской *политики сдерживания* своего заокеанского партнера. Но для этого потребуется, как минимум, реализовать две вещи — во-первых, сделать Северную Корею полностью зависимой и подконтрольной Китаю, включая ее политическую и военную жизнь. Пока такого Пекин добиться не может. Несмотря на давние братские связи, Пхеньян проводит собственную политику, не особенно прислушиваясь к советам китайских товарищей¹¹. Во-вторых, Китаю необходимо получить от Северной Кореи некие экономические гарантии дееспособности, что возможно только на пути системного усвоения КНДР опыта китайских реформ. В этом случае КНР гипотетически могла бы закрыть глаза на северокорейскую ядерную программу, органично встроив ее в собственную политику сдерживания США.

Складывающиеся реалии совершенно иные. КНДР не торопится перенимать китайский опыт, сосредоточив все силы и ресурсы на развитии ядерной программы. Атомная бомба для многих северокорейцев, возможно, является и некоей национальной идеей, и единственным оружием защиты от Америки и других врагов, и, одновременно, понятным миллионам объяснением, «почему мы живем так бедно». При этом Пхеньян требует от Пекина увеличения размера кредитной, продоволь-

¹¹ Yu Shaohua. Situation on the Korean Peninsula in 2011 // CIIS Blue Book on International Situation... P. 146–164.

ственной, энергетической и иной помощи. К слову, Китай всегда поддерживал идеологически близкий ему режим, иногда спасая его от смертельной угрозы (межкорейская война 1950–1953 гг.). Не оставил он КНДР и после установления дипломатических отношений с Южной Кореей (24 августа 1992 г.), хотя это событие и вызвало на севере полуострова бурю негодования и обвинений в предательстве.

В Чжуннаньхае с сожалением констатируют стойкое нежелание Пхеньяна строить социализм по китайской модели. Еще в конце 90-х — начале 2000-х гг. многие ученые КНР писали о «легкости и быстроте» реализации данного проекта, указывая на опыт открытых зон КНР, возможности использования китайского финансового и кадрового ресурса. Сегодня тон публикаций резко изменился. Многие эксперты вообще не верят в корейскую модернизацию по китайскому варианту и считают, что Северная Корея «превращается в обузу» на пути превращения Китая «в великую региональную и мировую державу»¹².

Возможно, одной из причин неудачного визита в КНР 13 августа 2012 г. Чан Сон Тхэка (заместителя председателя Государственного комитета обороны КНДР, ближайшего советника молодого вождя Ким Чен Ына) как раз и стало недовольство китайских руководителей, вызванное подобной «строптивостью» северокорейцев. Посланник не смог убедить Ху Цзиньтао в необходимости визита молодого руководителя в КНР до XVIII съезда. Не удалось Чан Сон Тхэку и получить новый льготный кредит в несколько миллиардов долларов. Более того, по сообщениям корейских СМИ, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао предъявил корейскому представителю некие претензии, связанные с фактами ущемления Пхеньяном китайского бизнеса, в частности горнодобывающей компании «Сиян групп». Корейцам было изложено пять условий, без выполнения которых не может идти речь о дальнейшем сотрудничестве: принятие соответствующих законов о регулировании иностранного бизнеса, борьба с коррупцией, отмена практики введения новых налогов для инвесторов, оказание помощи со стороны властей, реорганизация таможни.

Очевидно, что новому руководству Китая придется встречаться с Ким Чен Ыном и «забыть» временные разногласия. Этого требует протокол и более общие проблемы региональной и глобальной безопасности. Если бы Си Цзиньпину в итоге удалось каким-то образом вернуть КНДР за стол шестисторонних переговоров и возобновить работу «шестерки», это стало бы сильным козырем нового китайского руководителя в его дальнейшей региональной и глобальной игре с США и их союзниками.

¹² Ibid. P. 149–154.

Что касается Южной Кореи, то здесь у КНР создан прочный задел. Сложилось взаимовыгодное экономическое и инвестиционное партнерство с товарооборотом более чем в 200 млрд долларов в год. 19 ноября 2012 г. премьер Вэнь Цзябао в Пекине на встрече с президентом Южной Кореи Ли Мен Баком сообщил о планах сторон увеличить его к 2015 г. до 300 млрд (для сравнения: объем торговли КНР с КНДР в лучшие времена не превышал 2,8 млрд).

В отношениях КНР с РК в военно-политической области не все так благополучно. В зарубежных СМИ появилась информация о желании Южной Кореи построить собственный авианосец, аналогичный китайскому. Известны факты расширения американского военного присутствия в Южной Корее в рамках союзнических отношений Сеула с Вашингтоном и многое другое.

Видимо, Пекину и дальше придется лавировать между Пхеньяном и Сеулом, всячески содействуя той или иной возможности нормализации. Скорее всего, любой вариант силового «наказания» Северной Кореи или свержения режима неизбежно приведет к эскалации конфликта на полуострове. Спор в данном случае пойдет уже о размерах конфликта и о составе его участников. Для Китая оптимальным выглядел бы сценарий подключения дополнительных (политических, экономических и иных) южнокорейских ресурсов для нормализации, но без американского «спонсорства». Вероятно, новый президент РК Пак Кын Хе, избранная 20 декабря 2012 г., попытается при гласной или негласной поддержке КНР начать перезагрузку «зависающего корейского компьютера» с целью поиска новых комбинаций мира и региональной стабильности.

IV

В Восточной Азии, как видим, фактически не сложилась пока региональная система безопасности, которая бы охватывала всех участников международного процесса и была выгодна всем государствам региона. С одной стороны, сохраняются старые, достаточно жесткие американские проекты безопасности, ориентированные исключительно на интересы США и их союзников. При этом создаются новые: при поддержке США, например, формируется японо-австралийский проект сотрудничества в области военной безопасности, американцами инициируется соглашение США с Новой Зеландией о военном сотрудничестве. Последнее можно квалифицировать как некий ремейк «старого» договора АНЗЮС.

В регионе усиливаются традиционные и нетрадиционные вызовы и угрозы. Причем ближневосточный кризис вольно или невольно уси-

лил *процессы нуклеизации* как в проблемных, так и благополучных странах. В то же время в Восточной Азии не сформировалась система конкуренции проектов безопасности, в отличие, например, от региона Центральной Азии, где существует система безопасности ОДКБ и одновременно отличающиеся варианты НАТО («Партнерство во имя мира» и др.). Доминирует американская версия безопасности, выросшая и окрепшая в биполярную эпоху «холодной войны».

В заключение — два риторических вопроса. Смогут ли страны региона, а также заинтересованные большие державы, США и РФ, адаптировать старую, «американскую» и новую, диалоговую структуры к современным вызовам и угрозам и создать качественно новую структуру безопасности? Что в конечном итоге возобладаст — стремление к региональной интеграции, *соразвитию* или взаимное недоверие, прошлые и нынешние обиды, рост конфликтности и напряженности? Вопросы, на которые сегодня, к сожалению, нет однозначных ответов. Может быть, они появятся в ближайшем будущем.

У. К. Иманалиев

Национальная безопасность в контексте демократизации (на примере Кыргызстана)

В 1755 г. Бенджамин Франклин написал от имени Законодательного собрания Пенсильвании письмо губернатору штата. В письме он защищал намерение законодателей обложить налогом прежде изъятые из налогообложения земли семьи Пенн, что было необходимо для создания фонда средств, которые могли обеспечить охрану границ штата от нападений индейцев — союзников французов в только что разразившейся Семилетней войне. Пенны готовы были внести приличную сумму в фонд при условии отказа Собрания от права отменять налоговые изъятия на всем пространстве штата. С точки зрения Франклина, такое отступление от демократического принципа самоуправления, какие бы сиюминутные выгоды оно ни принесло, было недопустимо, что он и изложил в письме¹.

© Иманалиев У. К. , 2013

¹ *Wittes B.* What Ben Franklin really said? // Lawfare. Hard National Security Choices. URL: <http://www.lawfareblog.com/2011/07/what-ben-franklin-really-said/> (access date: 06.07.2013).

По существу, тогда впервые в политической практике возникла ситуация, когда задача обеспечения безопасности *здесь и сейчас* вошла в противоречие с демократическим принципом, который признавался действующим *всегда*. С тех пор прошло более 250 лет, однако вопросы обеспечения национальной безопасности и развития демократии по-прежнему перерастают в дилемму, возникающую вновь и вновь и каждый раз разрешаемую — если это вообще происходит — с трудом. Особенно остро она стоит перед транзитными странами, где сама демократия часто воспринимается как экспортируемый из-за рубежа политический продукт, угрожающий национальной безопасности.

Актуальна эта проблема и для Кыргызстана. Здесь тоже задаются вопросом, что приоритетно — демократия или безопасность? Возможна ли безопасность вне демократии? Насколько демократия угрожает безопасности?

I

Прежде чем пытаться ответить, определим понятия. Общеизвестно, что демократия — это политический режим, при котором народ облечен высшей властью и осуществляет ее либо непосредственно, либо через своих избранных представителей в рамках свободной избирательной системы. Или, как лаконично сказал в своей Геттисбергской речи Авраам Линкольн, это «правление народа, посредством народа и для народа».

Согласно Закону Кыргызской Республики «О национальной безопасности», она представляет собой «гарантированное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»². Основными принципами ее обеспечения являются:

- соблюдение Конституции Кыргызской Республики, законов и иных нормативных правовых актов Кыргызской Республики, а также общепризнанных принципов и норм международного права;
- уважение основных прав и свобод человека;
- единство, взаимосвязь системы мер обеспечения национальной безопасности и адекватность угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства;
- приоритет политических и экономических мер обеспечения национальной безопасности;

² См.: О национальной безопасности : закон Кыргызской республики от 26 февраля 2003 г. № 44 : (в редакции Законов КР от 13 октября 2008 г. № 212, 25 ноября 2011 г. № 222). Ст. 1. URL: <http://www.aks.kg/navigation/viewfull/id/231> (дата обращения: 07.07.2013).

- соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства;
- взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению национальной безопасности;
- интеграция с международными системами безопасности;
- открытость и доступность информации о деятельности органов государственной власти по обеспечению национальной безопасности, за исключением случаев, когда такая открытость и доступность в соответствии с законом может нанести ущерб национальным интересам обеспечения безопасности³.

Как видим, и в развитии демократии, и в обеспечении национальной безопасности главенствующими признаются интересы граждан государства, такие ценности, как права и свободы, материальное и духовное благосостояние, а также физическая защищенность от посягательств. По крайней мере, в идеале. Но, как показывает практика, в странах, где власти авторитарны, под лозунгами обеспечения национальной безопасности проводится политика ущемления прав и свобод человека и гражданина, а государственный аппарат вместо того, чтобы служить всему обществу, начинает обслуживать интересы правящей верхушки, и как раз постсоветская история Кыргызской Республики — яркий тому пример.

II

Политические события в Кыргызстане, где за годы независимости насильственное свержение верховной исполнительной власти имело место дважды и где в 2011 г. выбрали четвертого по счету президента республики, в то время как в соседних странах правят одни и те же люди, являются своеобразным показателем политической динамики. Свержение авторитарных режимов и изменение формы правления с президентской на парламентскую можно считать достижением в процессе демократизации. Однако равным образом эти успехи можно ставить под сомнение, поскольку межэтнический конфликт 2010 г. на юге страны показал несостоятельность государственных институтов, их неспособность обеспечить элементарные основы безопасности. Все же, прежде чем оценивать состояние системы обеспечения национальной безопасности страны, тем более в ситуации межэтнических столкновений, вспыхнувших при форс-мажорных обстоятельствах, следует обратить внимание на факторы, обусловившие ее паралич.

³ Там же. Ст. 5.

События апреля и июня 2010 г. в Кыргызстане стали закономерным итогом предшествующих десятилетий. С распадом СССР власть в Кыргызстане перешла от прежней партийной номенклатуры в руки считавшегося либералом академика Аскара Акаева. Его приход стал возможен благодаря активности демократически настроенной части общества, ее протеста против власти прежней коммунистической верхушки. При президентстве Акаева республика двигалась поначалу сравнительно либеральным путем, Кыргызстан даже стал позиционироваться как *остров демократии*. Тем не менее были явными устойчивые тенденции к авторитаризму. Конституция страны была несколько раз изменена в пользу президента. Президент стал вести единоличную политику, что привело к установлению семейного правления; коррупция набирала обороты, обнищание населения носило стремительный характер, это в конечном итоге привело к мартовским событиям 2005 г.

Тогда поводом для массовых антиправительственных выступлений послужили парламентские выборы. В них в качестве кандидатов участвовали члены президентской семьи, ставшие депутатами парламента, тогда как часть оппозиционно настроенных политиков не попали в парламент из-за фальсификации итогов выборов. Оппозиция их оспорила и стала требовать отставки президента, чего и добилась 24 марта 2005 г.

После отставки Акаева было создано так называемое Конституционное совещание, целью которого было ограничение президентской власти. Но сменивший первого президента Курманбек Бакиев, вопреки ожиданиям народа, осуществил переход от мягкого авторитаризма к более жесткому. Это вызвало сильное сопротивление демократически настроенной оппозиции. Под давлением массовых акций протеста, организованных оппозиционным «Движением за реформы», в ноябре 2006 г. Бакиев был вынужден принять новую редакцию Конституции, предусматривающую усиление функций парламента. Однако в дальнейшем он аннулировал «ноябрьские достижения».

В ответ на реакционно-репрессивную политику президента оппозиционные силы, объединившись в движение «За справедливость», разработали альтернативную концепцию развития страны, в которой предусматривалось ограничение президентской власти и усиление парламента. В ноябре 2008 г. оппозицией был организован *курултай* (всенародный сход), где было заявлено буквально следующее:

...главным истоком кризиса, порождающим все остальные проблемы и болезни общества, является существующая политическая систе-

ма, которая допускает безответственность и безнаказанность верховной государственной власти в лице президента⁴.

Оппозиция настаивала на реализации своей концепции, предлагала начать с переговоров, однако конструктивного диалога между нею и властью не получилось. Конфронтация нарастала, в декабре 2008 г. было образовано Объединенное народное движение, силами которого режим Бакиева и был свергнут. Революционное Временное правительство, пришедшее к власти после 7 апреля 2010 г., провело конституционную реформу, Кыргызстан стал парламентской республикой⁵.

Таким образом, путь Кыргызстана к парламентской форме правления был долгим. Начиная с середины 80-х гг. XX в. заметны перманентные попытки построения демократии, и каждый раз, когда руководство страны сворачивало с демократического пути, происходили революции. При этом народные протесты против авторитарной президентской власти вспыхивали не из-за того, что кыргызское общество по определению жаждет демократии и к ней готово, а из-за того, что при высочайшем уровне коррупции и глубочайшем социально-экономическом кризисе жизнь становится просто невыносимой. Сами же кризисы явились порождением режима личной власти глав государства, когда абсолютная и бесконтрольная власть президентов превращалась в инструмент обогащения членов их семей.

Немалое значение имело и то обстоятельство, что попытки оппозиционно настроенной части общества противостоять такой политике подавлялись все более жесткими методами. Так, если в годы правления Акаева на оппозиционеров в большинстве случаев возбуждались уголовные дела с обвинением в экономических и должностных преступлениях, то при Бакиеве их просто начали уничтожать физически. В качестве примера можно привести убийство остро критиковавшего власть и сотрудничавшего с оппозицией журналиста Геннадия Павлюка. 11 октября 2011 г. специализированный межрайонный суд по уголовным делам города Алматы, где произошло убийство, вынес приговор по данному делу. Бывший сотрудник Государственного комитета национальной безопасности Кыргызстана Алдаяр Иманкулов был признан виновным в организации умышленного убийства и похищении журналиста по предварительному сговору и приговорен к 17 годам колонии строгого

⁴ Кыргызстан: Курултай оппозиции прошел без чрезвычайных происшествий. 29.11.2008. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=10757> (дата обращения: 06.07.2013).

⁵ См.: Конституция Кыргызской Республики. Ст. 84. URL: http://www.gov.kg/?page_id=263 (дата обращения: 06.07.2013).

режима. В Кыргызстане он хорошо известен как доверенное лицо Марата Бакиева, старшего сына свергнутого президента и в годы его правления — фактического главы Государственного комитета национальной безопасности Кыргызстана⁶.

Вторым ужасающим примером является убийство одного из самых влиятельных политиков страны Медета Садыркулова. Он работал руководителем администрации президента Бакиева, но из-за разногласий с ним подал в отставку и начал тесно сотрудничать с оппозиционными силами. Сотрудничество с оппозицией влиятельного политика, имевшего своих ставленников во всех структурах власти, включая членов парламента, было реальной угрозой для Бакиевых. Пока они оставались у власти, считалось, что Садыркулов погиб в автокатастрофе, но после апрельских событий МВД республики арестовало группу подозреваемых в убийстве политика. Среди них оказались: экс-руководитель погранслужбы, действующие сотрудники спецслужб и офицеры милиции. «По их показаниям, заказчиком убийства был родной брат Президента, председатель Службы государственной охраны Жаныш Бакиев, который лично участвовал в убийстве»⁷.

В марте 2010 г. парламент Кыргызстана принял законы, которые допускали упреждающие прослушивания телефонных переговоров граждан и перехват их электронной почты без санкции суда, что фактически означало установление тотального контроля властей над мнениями граждан, поспание их права на тайну переписки. Эти меры объяснялись необходимостью защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности страны. Стоит напомнить, что за спиной законодателей стояли брат и сын президента, курировавшие спецслужбы. В том же году президент Бакиев публично раскритиковал исторические принципы демократического устройства, заявив, что Кыргызстану больше всего подходит «совещательная демократия»⁸. Вслед за этим был начат процесс изменения Конституции, целью которого была замена всенародных выборов главы государства процедурой передачи высшей власти из рук в руки в рамках так называемого государственного совета.

⁶ См. материал: Убийцы Геннадия Павлюка осуждены, но заказчики все еще не найдены. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7127> (дата обращения: 05.07.2013).

⁷ См.: Организатором и заказчиком убийства Медета Садыркулова является Жаныш Бакиев — МВД. URL: <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/10265> (дата обращения: 05.07.2013).

⁸ «Совещательная демократия» Курманбека Бакиева. URL: http://www.ng.ru/cis/2010-03-26/6_bakiev.html (дата обращения: 08.07.2013).

По мнению профессора А. Джуманалиева, подавление гражданских и политических прав граждан стало одной из главных причин свержения Бакиева⁹. Апрельский революционный взрыв и последовавшие за ним кровавые события июня 2010 г. явились результатом политики, в рамках которой попирались конституционные права граждан, грубо фальсифицировались итоги выборов, преследовались — вплоть до физического уничтожения — оппоненты власти. Политики, которая разрушала демократические институты и традиции и одновременно наносила сильнейший ущерб национальной безопасности.

Как показывает анализ политики К. Бакиева, в годы его правления прилагались усилия по укреплению не столько национальной безопасности, сколько личной власти президента и принципа nepотизма. Они «естественным образом» требовали ужесточения преследований инакомыслящих, в том числе и на законодательном уровне. В первую очередь эти преследования были направлены против независимых средств массовой информации, гражданских активистов и политиков, публично осуждавших произвол власти и призывавших ее сменить.

Сегодня в Кыргызстане угрозами национальной безопасности, наряду с традиционным и все более набирающим обороты религиозным экстремизмом, являются коррупция и клановость в политике, отрицательно влияющие на саму систему обеспечения безопасности. Но безопасность сегодня — это не только физическое выживание населения и территориальная целостность государства. В условиях глобализации в категориальный аппарат безопасности вошел широкий спектр понятий, таких как высокие технологии, конкурентная экономика и человеческий потенциал, чем лишний раз подтверждается тезис: в современных условиях эффективно обеспечивать безопасность одними силовыми методами невозможно. Инструментом достижения этого состояния может послужить концепция политической системы, не допускающая концентрации власти в одних руках. В государствах с неразвитой политической культурой правительства всегда подвержены соблазну силового ограничения политической конкуренции. Практика показала, что абсолютная власть, обеспечиваемая путем создания в парламенте монолитного конституционного большинства, приводит к деградации политической системы, отчуждению власти от жизни общества и нужд населения. Итоги такой политики в Кыргызстане общеизвестны: 24 марта 2005 г. и 7 апреля 2010 г.

⁹ *Джуманалиев А.* Революции в Кыргызстане: причины, цели и задачи // Апрельская народная революция: уроки истории и взгляд в будущее Кыргызстана / Ин-т истории и культурного наследия НАН КР. Бишкек, 2011. С. 44.

Когда властные отношения строятся на принципах непотизма, что, в свою очередь, можно интерпретировать как следствие начинающейся агонии клановости в политике; когда коррупция становится методом государственного управления, что является следствием ее негласного поощрения властью, а не борьбы с ней; когда истоком кризиса, распространяющегося на все стороны жизни, оказывается сама политическая система, допускающая безответственность и безнаказанность верховной государственной власти, — крайне необходимо разорвать этот порочный круг, исключить саму возможность его воспроизводства. В условиях Кыргызстана достижению этой цели может послужить новая политическая система, построенная на принципах равных возможностей политических сил, открытости и прозрачности политических процессов, и Конституция республики, принятая в 2010 г., во многом такую систему обеспечивает. Конституция не допускает концентрации власти в одних руках, полномочия президента сильно сокращены в пользу правительства. Правительство, в свою очередь, формируется партийным парламентом. А для того, чтобы избежать парламентской монополии одной партии, введена не имеющая аналогов в мировой парламентской практике норма, согласно которой ни одна партия, какой бы процент голосов она ни набрала на выборах, не может иметь в парламенте конституционного большинства — более 65 мест из 120.

В то же время нельзя не согласиться с американским исследователем Джеймсом Гибсоном, который в своих работах приходит к мысли, что успешная демократизация не может быть гарантирована лишь институциональными трансформациями — изменением конституции, законодательства, институтов политической власти. Необходимо формирование совершенно определенной системы культурных ценностей¹⁰ — политической культуры поддержки демократии, включающей такие *усвоенные* демократические ценности, как свобода слова, СМИ, собраний, религии, прав оппозиционных партий, прав человека. Ведущие американские ученые в области политических наук Г. А. Алмонд и С. Верба также констатируют, что развитие стабильного и эффективного демократического строя во многом зависит от политической культуры: если она не способна поддерживать демократическую систему, то шансы на успех последней весьма слабы¹¹. А по мнению российского

¹⁰ См., например: *Gibson J. L. Putting Up With Fellow Russians: An Analysis of Political Tolerance in the Fledgling Russian Democracy* // *Political Research Quarterly*. 1998. Vol. 51, № 1. P. 37–68.

¹¹ *Алмонд Г. А., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // *Политические исследования*. 1992. № 24. С. 122.

исследователя Д. Е. Фурмана, причины так называемых *киргизских циклов* — нестабильности и частых революций в Кыргызстане — кроются в слабости психологических и культурных предпосылок правового демократического государства¹².

III

Наряду с формированием демократической политической культуры огромное значение имеет одновременное становление институтов гражданского общества — совершенно необходимого условия укрепления демократии. Деятельность неправительственных организаций в идеале способствует и первому, и второму.

При Акаеве гражданские активисты, представленные разными неправительственными организациями (НПО), благодаря сравнительной либеральности законодательной базы Кыргызстана, чувствовали себя довольно вольготно. Местные НПО получали и получают всемирную поддержку, как финансовую, так и методическую, от иностранных некоммерческих структур. Среди их доноров выделяются INTRAC — Международный образовательно-исследовательский центр для неправительственных организаций; Internews — поддерживающая независимую прессу сетевая некоммерческая организация; IWPR — Институт по освещению войны и мира; USAID — Агентство США по международному развитию и действующий при его поддержке фонд «Евразия Центральной Азии»; IREX — Совет по международным исследованиям и обменов США; ACCELS — Американский совет по международному образованию; Freedom House — формально НПО, на деле обильно финансируется правительством США; NED — Национальный Фонд поддержки демократии (США) и финансируемый этим фондом NDI — Национальный демократический институт международных отношений; IRI — Международный республиканский институт США; Фонд «Сорос-Кыргызстан — филиал фонда «Открытое общество»; DAAD — Немецкая служба академических обменов и др.

О масштабах поддержки, оказываемой неправительственным организациям Кыргызстана западными спонсорами, говорит такой факт: один только фонд «Сорос-Кыргызстан» выделил на это более 60 млн долларов с 1993 по 2012 г. включительно¹³.

¹² Фурман Д. Е., Шерматова С. А. Киргизские циклы // Доклады Института Европы РАН. № 258. М. : Русский сувенир, 2010. С. 74.

¹³ Официальный сайт Фонда «Сорос-Кыргызстан». URL: http://soros.kg/?page_id=32 (дата обращения: 07.07.2013).

При Бакиеве были предприняты попытки ограничить деятельность НПО. В 2006 г. министр юстиции М. Кайыпов «поручил своим подчиненным проверить все НПО, получающие зарубежную финансовую поддержку, на предмет угрозы национальной безопасности Кыргызстана»¹⁴. В ответ на это ряд НПО обратились к президенту Бакиеву и премьер-министру Ф. Кулову с обвинением в возврате к тоталитаризму¹⁵. В 2009 г. попытка ограничить деятельность НПО была предпринята уже на законодательном уровне. Инициированный пропрезидентскими депутатами законопроект о некоммерческих организациях предусматривал ряд существенных ограничений. Согласно нормам предложенного законопроекта, НПО запрещалось заниматься политическими вопросами, также значительно ограничивалась деятельность зарубежных организаций. Неудивительно, что большинство общественных организаций, гражданские активисты, а также оппозиционные политические силы выступили против этой инициативы. Критически отреагировали и международные организации. В связи с резкой негативной реакцией общественности, части политических сил и международного сообщества секретариат президента решил отложить рассмотрение данного законопроекта.

В транзитных странах с авторитарными режимами поддержка гражданских инициатив является необходимым условием укрепления демократии. Специфика Кыргызстана — восприятие неправительственных организаций как чего-то равнозначного гражданскому обществу и конкурентного ему и государству, а не как отдельного, частного элемента последнего¹⁶. Отсюда, как представляется, и берет свое начало недоброжелательное отношение части общества к НПО.

Широко распространена точка зрения, что то, чем занимаются НПО — поддержка и продвижение демократических ценностей — есть не что иное, как один из способов реализации разработанной в США концепции *мягкой силы* (*soft power*). По мнению многих экспертов, цветные революции на постсоветском пространстве — плоды этой кон-

¹⁴ Правительство Кыргызстана проверит деятельность НПО. URL: <http://iwrp.net/ru/report-news/правительство-кыргызстана-проверит-деятельность-нпо> (дата обращения: 07.07.2013).

¹⁵ Кыргызские НПО, обеспокоенные намерением Минюста тотально проверить НПО, обращаются к руководству страны. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=4199> (дата обращения: 07.07.2013).

¹⁶ Шульте Ю. Рефлексия как необходимый этап в развитии гражданского общества // Кыргызстан на современном этапе развития : Аналитические заметки : Гражданское общество, миграция, ислам, коррупция / Американский ун-т в Центр. Азии, Центр соц. исслед. Бишкек, 2008. С. 21–27.

цепции¹⁷. Также некоторыми авторами высказывается мнение, что Кыргызстан является несостоявшимся государством¹⁸. Однако углубленное исследование внутренних причин политических потрясений в Кыргызстане дает основание утверждать, что их нельзя относить целиком на счет США и НПО. Равным образом сегодняшнее «несостоявшееся государство» путем самоорганизации завтра вполне может стать «состоявшимся»¹⁹.

Подозрительное отношение к НПО основывается во многом на убеждении, что финансируемые извне некоммерческие организации по определению не отвечают интересам Кыргызстана, делу обеспечения национальной безопасности. В частности, данную точку зрения выразил один из инициаторов законопроекта об ограничении деятельности НПО И. Масалиев²⁰. Носители такого рода мнений болезненно относятся к институтам гражданского общества в целом, а не только к получающим западную поддержку. Это можно считать результатом низкого качества образования и недостаточности информации, хотя было бы неверно признать подобные мнения полностью безосновательными. Но в тех случаях, когда деятельность конкретной организации угрожает национальной безопасности страны, следует применять принцип индивидуального подхода к проблемным субъектам в рамках демократических ценностей, а не поддаваться шпиономании. Обеспечение безопасности государства посредством пресечения разведывательно-подрывной деятельности иностранных организаций должно достигаться в рамках демократического строя и не в ущерб ему.

Стереотипное отношение к западным ценностям также обусловлено идейно-пропагандистской составляющей позиции, занимаемой противниками Запада. Поскольку многие западные неправительственные организации, например «Freedom House», были созданы в США в эпоху «холодной войны» как вспомогательные структуры правительства в деле продвижения демократических ценностей во всем мире в качестве

¹⁷ Абрамов В. Н., Соловьев А. В. Информационное противоборство и неправительственные организации // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2008. № 2. С. 31.

¹⁸ Политический атлас современности / под рук. и ред. А. Ю. Мельвиля. М. : МГИМО-Университет, 2007. С. 163.

¹⁹ Политолог Д. Фурман — о «несостоявшемся государстве» Киргизия. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2074540.html> (дата обращения: 07.07.2013).

²⁰ Внесение поправок в ряд законов, регулирующих деятельность некоммерческих организаций: за и против : матер. круглого стола. URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/761/> (дата обращения: 07.07.2013).

альтернативы строю, устанавливавшемуся тоталитарными режимами; они до сих пор несут в себе некоторые родовые черты «холодной войны» и в пространстве бывшего СССР воспринимаются как оружие недавнего врага. Но текущая деятельность этих организаций в Кыргызстане направлена на развитие демократических институтов путем поддержки партийного плюрализма, НПО и СМИ, что вполне отвечает национальным интересам республики. Примечательным является высказывание спикера парламента Кыргызстана о том, что сегодня «гражданское общество не дает чиновникам спать спокойно»²¹ — это ли не показатель растущей эффективности контроля гражданского общества над государственным аппаратом?

IV

В настоящее время в Кыргызстане, по-видимому, достигнуто такое положение, когда *национальная безопасность как система* обеспечивается *политической системой сдержек и противовесов*, строящейся на конкуренции политических сил страны. Другое дело, что вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что это положение является необратимым. Для упрочения демократических ценностей и институтов нужно сделать так, чтобы *прецедент* силового антиавторитаризма трансформировался в *традицию* поддержки демократии без насилия. А для этого нужны сильное гражданское общество, независимые СМИ и честные выборы.

Обобщив вышесказанное, можно сделать и другой вывод: в условиях острого социально-экономического кризиса населению не до высоких идеалов демократии, оно «зациклено» на элементарном выживании, думает только об экономической безопасности. В действительности это не так — или не совсем так. Мировой опыт показывает, что демократические механизмы могут обеспечить и устойчивую безопасность, и экономическое процветание, тогда как антидемократический режим рано или поздно порождает комплексный кризис в государстве. Кроме того, как свидетельствует опыт Кыргызстана, далеко не всегда борьба за выживание лишает людей стремления к справедливости, к защите своего достоинства, обеспечению его безопасности. Взгляд со стороны этого опыта подтверждает, что развитие институтов гражданского общества — такое же необходимое условие укрепления демократии, как демократия — условие обеспечения национальной безопасности.

²¹ Спикер Ж[огорку]К[енеш] А. Жээнбеков: Гражданское общество не дает чиновникам спать спокойно // ИА АКИпресс. 2012. 22 сентября. URL: <http://kg.akipress.org/news:560947> (дата обращения: 07.07.2013).

Безопасность в Кыргызстане

Безопасность в современном Кыргызстане из теоретической проблемы и онтологической данности превратилась в важную цель выживания индивида, общества и государства в целом. При этом на всех трех уровнях субъектности преобладают тенденции к разрушению, а противостояние им происходит на основе инстинкта самосохранения, обеспечивающего повседневное существование. Целостность государства на протяжении всего периода суверенного развития находится под постоянной угрозой, и на уровне международного сообщества некоторые политики уже мысленно расчленяют республику, определяя будущих «хозяев» той или иной части. Безопасность из нормы бытия превратилась в лелеемую в умах и сердцах людей недостижимую ценность, и неостыжимой ее делает повседневный ход общественно-политической жизни.

Для определения существа безопасности в Кыргызской Республике в качестве теоретического концепта приемлемым представляется положение Якуси Акаси, высказанное на конференции ООН:

Нам нужна более широкая, более всеобъемлющая концепция безопасности, которая охватывает не только военную безопасность как таковую, но и проблемы экономического благополучия, экологической и даже культурной безопасности¹.

Говоря о безопасности в Кыргызстане, мы имеем в виду *системную* безопасность, проявляющуюся во всех сферах развития. В этом смысле также приемлемо употребление термина *позитивная безопасность* в значении способности государства и общества «выявлять и искоренять традиционные источники конфликтов, направлять свои усилия на предотвращение любых угроз стабильности и безопасности»². С конца 90-х гг. в концепции позитивной (всеобъемлющей) безопасности общепризнанными остаются такие элементы, как гуманитарная, политическая, военная, экономическая, экологическая, информационная формы безопасности.

Все основные внутренние и внешние факторы безопасности, относящиеся к государству в целом, выражаются в понятии *национальная безопасность*. Для Кыргызстана национальная безопасность есть про-

© Урманбетова Ж. К., 2013

¹ Science and Technology and Their Implications for Peace and Security : Topical Papers 2 / United Nations. New York, 1990. P. 3–4.

² Doyle S. Civil Space Systems : Implications for International Security. Dartmouth : Aldershot, 1994. P. 10.

явление способности государства обеспечить территориальную целостность, сохранение и защиту национальных интересов, политическую, экономическую, гражданскую безопасность, стабильность условий жизнедеятельности, предвосхищение угроз и вызовов. Утвержденная указом президента КР Концепция национальной безопасности содержит общепринятые нормы с акцентом на национальные интересы, внешние и внутренние угрозы, однако ее теоретическая составляющая существует в отрыве от реальности. За последнее десятилетие основной угрозой для Кыргызстана как государства являются перманентные *революции*, нарушающие самую главную составляющую безопасности — стабильность жизни, возможность гарантированного спокойствия и безусловной веры в будущее. Поэтому первый аспект безопасности — *гуманитарный* — звучит наиболее остро. Два кардинальных поворота судьбы целого государства за пять лет — это слишком много для любой страны, не говоря о запутавшейся в бесконечных противоречиях и политических конфликтах, переживающей перманентный экономический кризис маленькой республике. Внутренние угрозы безопасности по количеству и качеству превосходят внешние, соответственно обеспечение стабильности жизнедеятельности как основы существования полностью ложится на плечи государства, долженствующего не только декларировать концепции национальной безопасности, но и претворять их в реальность, что не удавалось на протяжении всего десятилетия, да и сейчас дается с большим трудом. Сами граждане очень невысоко оценивают гарантии стабильной жизни, что выражается в непрекращающейся миграции в ближнее и дальнее зарубежье.

Если гуманитарный аспект безопасности актуализируется как следствие происходящих в республике революций, то доминирующим фактором разрушения безопасности в Кыргызстане является *политический* фактор. Постоянный кризис власти и конфликты между ее представителями приводят к внутривластной нестабильности и, как следствие, к возникновению угроз экономической, культурной, демографической, гуманитарной и в целом национальной безопасности.

Два десятилетия с момента обретения Кыргызстаном суверенитета являются историей бесконечных конфликтов внутри политической элиты. Как это ни прискорбно, политическая безопасность республики страдает и зависит от отдельных политических деятелей и кланов. С начала суверенной истории государства именно Аскар Акаев как первый президент Кыргызской Республики заложил негативную традицию политического лидерства, которая с неизбежностью приводила к нашумевшим свержениям власти.

Политические катаклизмы с особенной силой проявляются в периоды выборов в Жогорку Кенеш (главный законодательный орган вла-

сти), тем самым отражая актуализацию феномена *трайбализма* в политической сфере (в кочевом обществе данная черта менталитета способствовала сплочению рода, сейчас же она трансформировалась в негативную характеристику политической системы). Издревле существовал институт аксакалов (старейшин), отражавший родовой характер власти. Родовые признаки политического сознания оказались достаточно сильными и стабильными на уровне подсознания, что способствовало переходу трайбализма и в современную политику. Современный политический процесс особенно сильно насыщен трайбализмом, который переходит в ярко выраженный регионализм.

В этом смысле необходимо подчеркнуть глубокое своеобразие *политического сознания* и *социальной памяти*, которые предопределяют нестандартность исторической, политической и социально-культурной жизни. Специфика политического сознания и социальной памяти проявляется в том, что исторически для Центральной Азии (в частности, для киргизов) была характерна сакрализация власти. С обретением суверенитета она усилилась, что отчасти явилось реакцией на запреты и ограничения эпохи социализма; а в переходный период обороты набирал новый виток «демократической сакрализации» власти. Социальная память, включающая в себя этническую память, так же как и политическое сознание, сохраняет признаки родового сознания, что с неизбежностью приводит к тому же трайбализму. Отсутствует единая политическая культура, наблюдается процесс сосуществования традиционной политической культуры с современным политическим мышлением.

Общеизвестно, что инициатором важных общественных преобразований должна стать элита как носитель инновационных идей и организатор практических действий. Именно элита провоцирует кардинальные изменения общественного развития, политической системы, социально-культурных новшеств. Что мы имеем в нашей республике в этом смысле? Ни элита, ни контрэлита, появившиеся в первые годы суверенитета, не сумели с достоинством нести бремя ответственности и высоко поднять символы независимости в период преобразований. Если быть честным, необходимо с твердостью сказать, что в Кыргызстане пока так и не сформировалась *общенациональная элита*, которая сумела бы взвалить на свои плечи груз чаяний народа и с высочайшей ответственностью нести их вперед. Наша так называемая элита меняется с каждыми новыми выборами в Жогорку Кенеш и с завидным постоянством погрязает в нескончаемом конфликте. В данном случае как нельзя кстати приходится мысль К. Ясперса о превращении массы в существо так называемой элиты³. Уровень политической культуры многих пред-

³ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. С. 313.

ставителей элиты катастрофически низок, бывает смешно и одновременно грустно слушать их лозунговые речи. Лозунги подхватываются массами только в дни «революций», когда они действительно увлекают народ на воинственные шествия. Но в повседневной жизни одними лозунгами увлечь народ уже невозможно, поскольку лимит доверия к властям предрождающим давно исчерпан.

Еще один аспект безопасности, военный, тесно связанный с политическим фактором, обнаруживает свою зыбкость в настоящее время, сталкивая различные политические силы извне. *Военная* безопасность приоритетна для любого государства, тем более для маленькой республики, не обладающей достаточным потенциалом для обеспечения сохранности своей целостности. Второе десятилетие данный аспект прежде всего отражает столкновение интересов России и США, когда речь идет о предоставлении военных баз и присутствии военного контингента. Эта проблема, остающаяся нерешенной со времен А. Акаева, обострилась в период президентства К. Бакиева. В данном вопросе Кыргызстан не сумел выработать обоснованную тактику взаимодействия, обостряя то одну, то другую линию межгосударственных отношений.

Наибольшую сложность представляет неумение или нежелание элиты стратегически определить приоритеты для сохранения национальной безопасности. Сегодня данная проблема актуализируется с большей силой, так как уже не просто не получается усидеть на двух стульях одновременно, а скорее Кыргызстану не хотят предоставлять такой возможности, вынуждая определить стратегические ориентиры страны. Кроме того, «с позиции региональной безопасности в XXI в. аналитики прогнозируют, что потенциальной угрозой для Кыргызстана в будущем, наряду с религиозным экстремизмом, станет неизбежность пограничных конфликтов с сопредельными государствами. В частности, это может коснуться спорных водоземельных проблем, территориальных претензий, вызванных неурегулированностью государственных границ, межэтническими проблемами, обусловленными несоответствием существующих границ реальному национально-территориальному размещению населения и т. д.»⁴. В этом смысле согласно договоренности ОДКБ российская база в Канте, где дислоцированы российские военные, является долгосрочным элементом системы обеспечения внешней безопасности в условиях, когда «вооруженные силы Кыргызстана как основная составляющая системы обеспечения военной безопасности и, следовательно, сама система не отвечают оборонным потребностям страны» и не позволяют гарантировать ее безопасность⁵. На данном

⁴ Эсенбекова А. Военная безопасность Кыргызстана и современный мир, или Как свести Концы с Концами. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/1/4/317.html>

⁵ Там же.

этапе необходима коренная реформа системы обеспечения военной безопасности на новых принципах.

Еще одним важным аспектом безопасности является *социально-экономический*, отражающий взаимодействие экономического и социального бытия. Экономика Кыргызстана находится в состоянии перманентного кризиса. Наиболее сложными и противоречивыми проблемами выступают миграция и бедность, способствующие усилению социальной напряженности в обществе и, как следствие, предопределяющие рост митинговых страстей. С этой точки зрения «наиболее актуальным вопросом страновой повестки выживания (именно выживания, а не развития) является острая необходимость верстки основ, принципов и наиболее важных направлений экономической безопасности и политического календаря их точной и ежедневной реализации в последующем», а также развитие экономической дипломатии для «решения вопросов, связанных с экономическим развитием и обеспечением экономической безопасности»⁶. Однако экономическая дипломатия в республике практически не развита, отсутствует культура продвижения экономических интересов Кыргызстана за рубежом, а также низок уровень культуры в работе с донорскими организациями, что зачастую приводит по меньшей мере к неэффективности, а зачастую и к бессмысленности деятельности последних при их значительном числе. Экономическая безопасность находит свое отражение и в состоянии среднего класса, призванного выступать основанием стабильности экономической жизни. Хотя в республике предпринимаются определенные попытки для облегчения налогообложения малого и среднего бизнеса, нельзя сказать, что полностью созданы благоприятные условия для его развития. Экономическая безопасность сама по себе системна, поскольку складывается из внутренних и внешних источников, однако стратегия должна быть единой. Такая стратегия в республике отсутствует, соответственно и проблемы экономической безопасности далеки от решения и вливаются в общую канву проблематичности обеспечения позитивной безопасности.

Особым аспектом безопасности выступает *экологическая* безопасность, проецирующая включенность государства в общий ход глобализации. Экологические программы в республике практически не работают; время от времени спонтанно поднимаются вопросы таяния ледников, составляющих национальное богатство Кыргызстана и выступающих гарантией существования чистой, целебной, уникальной воды не только в пределах республики, но и во всем регионе. Это касается и еще

⁶ Иманалиев М. Дипломатия и экономическая безопасность Кыргызстана. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227092>

одного национального достояния — озера Иссык-Куль, имеющего тенденцию к обмелению. Однако это вопросы стратегического характера, не обнаруживающие злободневности и не связанные с выживанием республики, а потому перманентно обозначаемые, но не решаемые.

Издrevле одним из элементов традиционной номадической культуры, являющейся истоком киргизской культуры, выступала экологичность мышления: кочевник жил и мыслил в гармонии с окружающим миром, что было особенностью кочевой культуры, ее отличием от оседлой⁷. В этой связи имеет смысл использовать архетипы, актуализирующие историко-культурное наследие и позволяющие выделить новые смыслы у имеющихся символов культуры. Прав К.-Г. Юнг, утверждавший, что «в действительности от архетипических предпосылок невозможно избавиться законным путем. Поскольку нет возможности объявить архетипы несуществующими, постольку каждая заново завоеванная ступень культурного усложнения сознания оказывается перед задачей: отыскать новое и отвечающее своему уровню истолкование архетипа, чтобы связать все еще присутствующую в нас жизнь прошедшего с современной жизнью, которая угрожает оторваться от первой»⁸.

Формирование позитивной безопасности в Кыргызстане, таким образом, должно строиться на достижении системности как в теоретическом осмыслении, так и в социальной реальности. Во главу угла при этом должны ставиться *национальные интересы*, а лозунги должны содержать глубокий, стратегический смысл — только в этом случае можно прогнозировать положительный исход принятия решений на уровне государства. Это говорит о том, что на уровне элиты необходимо формирование нового уровня понимания и отношений, исходя из приоритета идеи целостности общества и стабильности развития. Здесь чрезвычайную важность получает *идеология* государства, которая так и не была выработана за два десятилетия эйфории от обретения суверенного пути. Не обладая масштабным видением ситуации и перспектив, сложно, а скорее и невозможно обуздать хаос общественных противоречий и катаклизмов. Республика должна иметь развернутые стратегические программы развития всех секторов бытия — и экономического, и политического, и социального, и культурного. Все это в концентрированном виде может и должно содержаться в идеологии. Очень важен культур-

⁷ Урманбетова Ж. К. Культура кыргызов в проекции философии истории. Бишкек : Илим, 1997. С. 77, 136.

⁸ Юнг К. К пониманию архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века : Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М. : Политиздат, 1991. С. 123.

но-идеологический контекст представления демократии, определение того, какие ценности должны доминировать в построении государства.

Также необходимо понимать, что без выверенной и скрупулезно просчитанной идеологии будущее Кыргызстана весьма и весьма зыбко. В республике на протяжении последних двух десятилетий неоднократно предлагались идеи, но ни одна из них не сумела дойти до сознания каждого человека. Не было ни сколько-нибудь значимой идеологии, ни механизмов ее проникновения в сознание масс. Здесь очень важна гражданская идентичность, если учесть полиэтнический характер нашего общества. В нашей стране пока не преодолен *кризис идентичности*, являющийся следствием кризиса государственного развития. Без должного культивирования феномена *гражданской идентичности* сложно говорить о возможности сплочения народа вокруг какой-либо идеи. В данном ракурсе содержательную часть полиэтничности, а соответственно и поликультурности общества составляют проблемы сохранения этнического многообразия и обеспечения устойчивого этнического развития всех групп на базе гражданского единства, объединяющего всех представителей всех наций и этносов. Идентичность индивидуальна, но вместе с тем она есть продукт социального взаимодействия:

...членом этнической группы — и тем самым носителем определенной этнической идентичности — индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует ее открытость и подвижность⁹.

Отсутствие ярко выраженной гражданской идентичности и позволяет манипулировать чувствами различных этносов в период митингов, когда социальная напряженность способна обретать различные формы, в частности — этническую. Без формирования гражданской идентичности невозможна консолидация общества. Такой подход связан с актуализацией патриотизма, служащего камертоном единства народа. Патриотизм является важной составляющей гражданской идентичности, поскольку проявляет нераздельное единство человека именно с этим обществом, когда находят выход чувство собственного достоинства и гордость за принадлежность к данному обществу или государству.

В последнее время особенную актуальность приобретает и *информационная безопасность*. Внешние источники порой играют существенную роль в формировании и пропаганде негативного имиджа, ярким примером чего являются многочисленные статьи как в печатных,

⁹ Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Идентичность: поиск, производство и воспроизводство / Фонд Сорос-Кыргызстан. Бишкек, 2005. С. 12.

так и электронных СМИ многих держав мира в дни кыргызских революций. В этом смысле Кыргызстан беспрестанно проигрывает информационную войну и с неизбежностью оказывается в невыгодном с точки зрения восприятия происходящего положении.

На основе рассмотрения наиболее важных аспектов безопасности можно заключить, что Кыргызстан нуждается в обновленной стратегии позитивной безопасности, способной выявлять источники конфликтов, а также предупреждать угрозы.

Friederick B. V. Glüger

**From pole to pole as a guide and protector:
the case of the Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance
in the internationalization of the US National Security Doctrines**

The Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance (more known by its Spanish / Portuguese acronym TIAR, or Rio Pact), was signed in 1947 in Rio de Janeiro, then the Brazilian capital, in response to a call from the US Government. The Treaty settled American continent, as well as a large part of the Arctic Ocean and of the Antarctic continent, as a security condominium where a foreign menace against one or more of the signatories would be considered a menace to all.

The Treaty, which entered into effect in 1948, was clearly a counter-measure on the part of the United States to the Soviet advancements in Eastern Europe after the end of the Second World War. In this sense, it can be considered as the first of a set of military agreements signed by the US with allies across the world which helped shape the ideological field pitting the West against the USSR-led field, the East. The whole concept of Cold War had its origins in this juxtaposition, although “West” and “East” were political rather than geographical categories. In fact, Cuba that is located in insular Central America, i. e. in the West, was referred to the “East” because it adopted Socialism and was aligned with the USSR. Australia, on the contrary, lies to the East of Europe, but was regarded as part of the “West” because it embraced capitalism and was aligned with the USA.

As a result of objective conditions that prevailed at that time, the Treaty was born out of very well determined historical reasons that could be represented by three major developments from the first decades of

the 19th century through the first decades of the 20th century: the 1823 Monroe Doctrine, the 1904 Roosevelt Corollary and the 1945 Truman Initiative.

These were some of the major events, which gave the contours of the presence of the US as a regional and a global power. Each one had its own characteristics and shaped that country both historically and geographically. The importance of the TIAR for the US security was so obvious that, before the Treaty, it acted with inertia even to help its closest military ally and cultural cradle in Europe, the United Kingdom, against the Nazi menace.

With the end of the Second World War, and being one of the winning countries, the US organized the TIAR not as a country looking inside its own borders, but as a superpower that needed to secure control of its ideological field against the advancements of the other superpower, the former SU. Hence, the TIAR was the instrument that allowed the US to “test the waters” and, as subsequent events tell us, the scheme was only the first of a series that spread across the world along the whole Cold War. As such, it functioned as a cornerstone for the internationalization of the US security doctrine.

Territorial affirmation

The Monroe Doctrine (named after US president James Monroe), promulgated only some decades after the Independence War (1775–1783), marked the emergence of the US as a republican and independent American state, in contrast with its former condition of a colony of a European empire.

The US affirmed itself as a regional power through a consistent process of border expansion. New territories were bought, as in the case of Alaska, a former Russian asset; acquired diplomatically, as in the case of frontier with Canada; and taken over militarily, as in the case of Texas and other former Mexican territories. These events allow us to say that with its independence the USA left the colonial condition as a colony but remained on it as a colonial power, preparing itself to replace the metropolitan power regionally. Imperialism and colonialism have been at the heart of the US foreign policy towards Latin America along history through not only wars but also other processes that sometimes include territorial occupation. In the case of Haiti, the occupation lasted from 1915 through 1934. Other events resulted in the settlement of the US Naval Base of Guantánamo, in Cuba, that remains to the present; in the establishment of the US-controlled Panama Canal Zone that remained until 1999; and in the transformation of Puerto Rico in a dependency under the international status of “a free-associate state”. The US was not the only country to do that, being followed by other countries such as Brazil, South Africa, India and Australia.

In fact, the British Empire’s process of decadency, made evident through the independence of a number of former colonies, was the context inside which the Roosevelt Corollary came up. Named after the US president

Theodore Roosevelt, it was initiated during the State of the Union Address in 1904. It allowed the USA to extend its influence and might beyond Mexico, reaching continental and insular Central America, where England and France had performed colonial roles prior to that era.

Frontier expansion

During the First World War (1914–1918) the USA affirmed itself across the American continent, being the only country among its hemisphere neighbours (except Canada) to send in troops to help Great Britain defeat its foes in Europe. Mexico and Brazil helped with supplies. However, a real stage for the US global emergence was the Second World War (1939–1945), when its almost untouched military-industrial capability helped recover Europe and the Far East, including former enemies like Germany and Japan.

As the Soviet Union, another big winner, strove to establish socialism over the whole Eastern Europe and elsewhere, the US understood that counter-measures should be taken to win over Western Europe and the rest of the planet to its values of free market and liberal politics. On 12th of March, 1947 the US president Harry Truman announced economic and political support for Greece and Turkey allegedly in order to arrest the Soviet expansion in Europe. Some historians consider this as the official start of the Cold War:

President Truman addressed a joint session of Congress and asked for \$400,000,000 in economic aid for Turkey and Greece. He announced that the US would support Greece and Turkey to prevent their falling into the Soviet Sphere. The Truman Doctrine stated that it would be: 'the policy of the United States to support free peoples who are resisting attempted subjugation by armed minorities or by outside pressures'. The Truman Doctrine marked the point at which America's foreign policy toward the SU shifted from one of friendship to one of containment¹.

The Truman Initiative was a category of actions that had two dimensions: political-military and political-economic. It operated over Germany and Japan by means that from certain angles resemble a familiar neo-colonialist pattern. If my interpretation is correct, we should consider the two countries the US' greatest neo-colonial acquisitions because, among other reasons, they were strategically located on the borders of the Soviet expansion towards West and East, so that they acted like barriers to that process.

In the American continent, it was not that different: the US positioned itself through TIAR, gathering the region's countries in a political-military alliance and then integrating them to the Alliance for Progress, a political-economical project formally designed for development purposes. The Alli-

¹ Cited from: Cold War Origins : 1946–1990. URL: <http://www.authentichistory.com/1946-1960/1-cworigins/> (access date: 13.05.2013).

ance for Progress was a political-economic initiative started by US president John F. Kennedy in 1961. The aim of this initiative was to promote development in Latin America, so preventing the USSR to instigate socialist revolutions in the region.

The TIAR came up prior to all other political-military agreements signed by the US around the world to prevent further Soviet expansion in Latin America. The treaty's geopolitical logic is evident: the Treaty covered a space located right near the US borders.

A product of the Cold War

TIAR is, therefore, a direct product of the Cold War and had its most glorious days during the Cuba missiles crisis (15–28 October 1962), when it was invoked by the USA to unite the continent and to isolate Cuba, in an incident that is generally regarded as most dangerously close to the unleashing of a nuclear war. The Treaty faded away during the Falklands War (2 April – 14 June 1982), when Argentine Armed Forces invaded the disputed archipelago, being eventually expelled by the British Armed Forces. Argentina invoked the TIAR, but the USA, which was a member of both TIAR and NATO, preferred to side with Great Britain. All Latin American countries except Chile and Colombia (which maintained strong military ties with the US) backed Argentina. The discredited TIAR lost its *raison d'être* definitively with the dissolution of the USSR in 1991, an event that, on Washington's sight, was supposed to put an end to the Soviet menace and to inaugurate an era of American dominance over the world.

Reality, however, seems contradict these expectations. Several, if not the majority of authors, such as Dickinson² and Lukyanov³, share the point of view that with the end of the USSR the world entered a multi-polar era, instead of one of sole US dominance. What occurs in Latin America is that American influence over the region that used to be an American “backyard” is decreasing⁴. Other authors, such as Huntington⁵, understand that the US dreamed paradise of the “West” with no the Soviet threat was in fact replaced

² Dickinson E. New order. How the multipolar world came to be // Foreign Policy. 2009. Nov.-Dec. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2009/10/19/new_order (access date: 06.02.2013).

³ Lukyanov F. Rethinking Russia. Russian dilemmas in a multipolar world // Journal of International Affairs. 2010. № 2. P. 19–32.

⁴ See, among others: Latin America: is US influence waning? // Huffington Post. 2013. February 5. URL: www.huffingtonpost.com (access date: 06.02.2013). (Huffington Post is published by the Miami Herald, a newspaper focused on Latin American subjects.)

⁵ Huntington S. Clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer. P. 22–49.

by a “West” driven against Islamic menace⁶. Some suggest that Islamism replaced socialism as a menace to capitalism⁷ in a dramatic shift from economy to culture. Others⁸ argue that the post-Soviet world is far from an American-dominated one. The author of this paper agrees fully with both parties.

Vulnerability from inside

In what respects more properly to the objectives of this paper, the end of the Soviet Union resulted in the translation of the Truman Initiative into the Bush Project — the war against terrorism.

On one hand, the 9/11 attacks showed the vulnerability of US territory not only against forces coming from outside, but from inside, too. On the other hand, they produced a psychological impact on the world, strong enough that few could imagine the US as the only global superpower.

Politics aside, the USA entered a period of economic decadence when both the European Union and China has been substituting for the country-initiator of the TIAR as Latin America’s main foreign investor and commercial partner. At least, this is true to an extent for several Latin American countries and is definitely so in the case of Brazil. Let us see, for instance, what Peter Hakim, then president of the Inter-American Dialogue, a US think-tank, said back in 2006:

Relations between the United States and Latin America today are at their lowest point since the end of the Cold War. <...> After 9/11, Washington effectively lost interest in Latin America. Since then, the attention the United States has paid to the region has been sporadic and narrowly targeted at particularly troubling or urgent situations. Throughout the region, support for Washington’s policies has diminished. Few Latin Americans, in or out of government, consider the United States to be a dependable partner. U.S.–Latin American relations have seriously deteriorated — the result of failures of Washington’s leadership, the United States’ uncompromising stance on many critical issues, and the unwillingness of the administrations of both Bill Clinton and George W. Bush to stand up to powerful domestic constituencies⁹.

⁶ *Lewis B.* The roots of Muslim rage. Why so many Muslims deeply resent the West and why their bitterness will not as easily be mollified. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1990/09/the-roots-of-muslim-rage/304643> (access date: 13.05.2013).

⁷ See, among others: *Scruton R.* The trouble with Islam, the European Union — and Francis Fukuyama // Open Democracy. Free thinking for the world, 31.05.2006. URL: http://www.opendemocracy.net/democracy-fukuyama/trouble_3605.jsp (access date: 13.05.2013).

⁸ *Lukyanov F.* Op. cit.

⁹ *Hakim P.* Is Washington losing Latin America? // Foreign Affairs. 2006. January-February. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/61372/peter-hakim/is-washington-losing-latin-america> (access date: 14.05.2013).

Hakim is not the only one to spouse such a point of view. Others, like Shlomo Ben-Ami, a former Israeli Foreign Affairs minister, later vice-president at Toledo International Center for Peace, another US think-tank, wrote an absolutely similarly entitled article in which he supports the idea:

It is a mantra increasingly heard around the world: US power is in decline. And nowhere does this seem truer than in Latin America. No longer is the region regarded as America's 'backyard'; on the contrary, the continent has arguably never been so united and independent. <...> Indeed, at the Summit of the Americas in Cartagena in April 2012, Latin American leaders felt sufficiently confident and united to challenge US priorities in the region. <...> It is also true that Latin American countries have pursued a massive expansion of economic ties beyond America's sway. China is now Latin America's second largest trading partner and rapidly losing the gap with the US. India is showing keen interest in the region's energy industry, and has signed export agreements in the defense sector. Iran has strengthened its economic ties, especially in Venezuela. Similarly, in 2008 then-president Dmitri Medvedev identified the war on terror as an opportunity to create strategic partnerships with rising powers such as Brazil...¹⁰

This trend has reflected over Latin American countries in a variety of manners. Taking Brazil's trade imbalance as an example and using official figures, we see that until 2009 the US was that country's first commercial partner both in regard of import and export, but "since 2009, China has been the largest importer of Brazilian products, replacing the United States". This gap broadened particularly in 2011, when exports to China increased by over 44% during that period, comprising 17.3% of Brazil's total exports, whereas exports to the United States increased less — by nearly 34%, comprising 10.1% of Brazil's total exports. "In 2012, for the first time, China surpassed the United States as the main source of Brazilian imports (comprising 15.3% of Brazil's imports). The U.S. came in a close second place (comprising 14.6%)"¹¹.

¹⁰ *Ben-Ami Sh.* Is Washington losing Latin America? URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-nature-of-us-influence-in-latin-america-by-shlomo-ben-ami> (access date: 14.05.2013).

¹¹ Brazil's Trade Statistics/Results and Top Trading Partners in 2011. Saturday, March 2012 // B2blog Intl Business and Online B2B. URL: <http://b2bwithbrazil.blogspot.ru/search/label/Brasil%20Brazil%20trade%20exports%20imports%20partners%20results%202011%20b2brazil%20b2b%20suppliers%20companies%20exporters%20statistics%20partners> ; Brazil's Trade Statistics/Results and Top Trading Partners in 2012. Sunday, January 20, 2013 // B2blog Intl Business and Online B2B. URL: <http://b2bwithbrazil.blogspot.ru/2013/01/brazils-trade-statisticsresults-and-top.html> (access date: 10.08.2013).

Most importantly, the dynamics of the US economic crisis dealt a blow to the values of liberalism it had spread over the world for decades. In the 1990's, following the end of the USSR, a wave of US-inspired privatization swept across Latin America. In the current crisis affecting the USA themselves, however, that country has used the same classical antidote it had condemned: injection of public resources in the private sector. In fact, the controversial Troubled Assets Relief Program that Republican and Democrat administrations in Washington have been developing since the start of the last US financial crisis was responsible to place in private pockets \$700 billion in order to help recover banks. But the US banks refused to detail how they were spending the federal bailout money, and investigations demonstrated that billions of the funds taken from taxpayers "are financing buyouts worldwide, instead of lending at home"¹².

The results of all these trends for the American continent and for the TIAR were dramatic. For the countries of the Western Hemisphere, it signified the loss of confidence in the USA as a guide and protector; TIAR, as a result, lost its credibility.

The signs of the decay of TIAR project are everywhere. In the High North, there are diplomatic conflicts with Canada over rights to passage through the Canadian territory to reach the Arctic; in Latin America, there are the Falkland Islands, the British gateway to Antarctica disputed by Argentina, with Fidel Castro's Cuba and Venezuela in the midst. Brazil took advantage of the situation to present itself realistically as the South American leader and with much lesser realism, at least for the time being, to try to extend its leadership to Mexico-led Central America.

One of the examples of Brazil's far reach in the American continent was president Dilma Rousseff's trip to Cuba and Haiti early last year. To Cuba, she offered an investment packet composed of \$550 million in credit lines, plus more than \$1 billion in private investments from Brazilian largest corporations in infrastructure and agriculture, and sealed an agreement that increased trade between the two countries 31 times, to \$642 million a year. With Haiti, where the Brazilian Army already heads the United Nations peacekeeping force, she promised a training program for the Haitian police and 1,200 visas for migrants¹³.

¹² *Patalon III W.* U.S. Banks Refuse to Detail How They're Spending Federal Bailout Money // Money Morning. 2009. January 6. URL: <http://moneymorning.com/2009/01/06/us-banks-federal-bailout> (access date: 10.08.2013).

¹³ *Glickhouse R.* Rousseff Extends Brazil's Regional Influence in Cuba and Haiti // Americas Society / Council of the Americas. 2012. February 2. URL: <http://www.as-coa.org/articles/rousseff-extends-brazil%E2%80%99s-regional-influence-cuba-and-haiti> (access date: 10.08.2013).

Brazil succeeded, too, to organize the Unasul (South American Nations Union), an economic and political reproduction of the EU that is formed by Mercosul and the Andean Community, the two free trade associations comprised by South American countries. Unasul goes beyond with a regional military pact. Titled as Unasul Council of Defense it was signed on 15th December 2008 by all South American countries, does not include the USA, the United Kingdom's Falkland Islands and France's French Guyana, and aims to provide joint defense, armed forces personnel exchange and military drills, among other tasks¹⁴.

In this context, the TIAR no longer represents the former US influence and might over the Americas, being considered by most academic think-tanks and government circles a *déjà-vue* remain of the Cold War, with moral, political and military ground for survival shrinking rapidly.

* * *

Eventually, members of TIAR have deserted the organization. The first to leave was Mexico, in 2002: it made a rational choice by adhering to the side of other oil producers just before the Iraq War, in the aftermath of the 2001 terrorist attacks. Politics also counts, so that in 2012 several countries which happened to be members of both TIAR and ALBA announced the decision to withdraw¹⁵ — Venezuela, Bolivia. It will not be a surprise if the Unasul group takes the same decision.

¹⁴ For additional information see the Unasul page in the web, housed by Brazil's Foreign Affairs Ministry. URL: www.itamaraty.gov.br

¹⁵ Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America, in Spanish — Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América or ALBA — is an organization for economic cooperation founded by Venezuela and Cuba in 2004. It appeared as an alliance among those Latin American and Caribbean nations opposing aims and structures of the US-backed Free Trade Area of the Americas or FTAA. As on 2012, ALBA's member nations included Cuba, Venezuela, Bolivia, Nicaragua, Dominica, Honduras, Ecuador, Saint Vincent and the Grenadines, and Antigua and Barbuda. Four of them decided to leave TIAR this year: Venezuela, Bolivia, Ecuador and Nicaragua. See: Foletto ALBA-TCP en Ingles. URL: http://www.alba-tcp.org/public/documents/pdf/Ingles/ALBA_Pamphlet.pdf; ALBA countries renounced the TIAR in OAS Assembly. URL: <http://www.acercandonaciones.com/en/news/paises-del-alba-renunciaron-al-tiar-en-asamblea...>; Bourne J. Backgrounder on ALBA, the Bolivarian Alliance for the People of Our America / Center for democracy in the Americas. URL: http://www.democracyinamericas.org/pdfs/Backgrounder_on_ALBA.pdf (access date: 14.05.2013).

Стратегические интересы КНР на Арабском Востоке в контексте китайской концепции безопасности и событий *арабской весны* (2011–2012)

Арабская весна, выявившая и обострившая многие проблемные точки региона и мировой политики в целом, заставила КНР более четко обозначить свои интересы и уязвимые места в отношениях со странами Арабского Востока. Этот процесс оказал и продолжает оказывать, хотя и в разной мере, серьезное влияние на масштабы и механизмы взаимодействия КНР со всеми вовлеченными в ближневосточные дела странами. Раньше считалось, что Пекин всегда и всюду придерживается гибкой позиции, не вступая в конфронтацию с США¹; теперь все больше исследователей полагают, что политика Китая давно заслуживает **переосмысления**, и ставят вопрос о смене стиля китайской дипломатии². Из пяти случаев применения права вето в СБ ООН за последние 20 лет Китай четырежды блокировал решения по сирийскому вопросу³, а с момента утверждения КНР в качестве официального члена ООН в 1971 г. он прибегал к вето всего восемь раз⁴.

Концепция безопасности КНР на современном этапе и ситуация на Ближнем Востоке

Для Китая, как и для любой другой страны, понятие внутренней безопасности тесно связано с безопасностью внешней. После III Пленума ЦК КПК в 1978 г. основной целью внешнеполитического курса стра-

© Пахомова М. А., 2013

¹ См.: *Shichor Y.* Competence and Incompetence: The Political Economy of China's Relations with the Middle East // *Asian Perspective*. 2006. Vol. 30, № 4. P. 41. Сходного мнения придерживаются и многие представители оксфордской школы, см., например: *Beijing's Influence Grows In Middle East*. URL: http://www.forbes.com/2006/09/13/china-mideast-oxford-biz-cx_0914oxford.html (access date: 15.10.2012).

² См., например: *Антипов К.* События на арабском Востоке и позиция Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2012. № 6. С. 4–17.

³ *Чжан Фэн.* Кань-цин Мэйго 21 шицзи ды «ши-цзы цзюнь» дун-чжэн (Пристальный взгляд на американские «крестовые походы» на Восток в 21 в.), 13.08.2012. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2012-08/3020658.html> (дата обращения: 15.10.2013).

⁴ Замминистра иностранных дел КНР: Китай взвешенно и ответственно подходит к использованию права вето в СБ ООН // *Синьхуа*. 2012. 10 февраля. URL: http://russian.news.cn/china/2012-02/10/c_131401775.htm (дата обращения: 15.10.2012).

ны было названо обеспечение благоприятных внешних условий для развития. Безопасность рассматривалась КНР как некий баланс между интересами различных акторов на международной арене и их взаимозависимостью в той ситуации, когда угроза конфликта в значительной мере затрагивает интересы сторон.

Как подчеркивал седьмой министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, общие интересы, независимо от разницы в силах, — это основа для взаимного сотрудничества в области безопасности, как внутренней, так и внешней. Эта идея, позднее получившая название *концепции гармоничного мира*, легла в основу новой концепции безопасности Китая (*新安全观* — *синь аньцюань гуань*)⁵, одна из формулировок которой гласила:

Китай отстаивает новую концепцию безопасности на основе взаимодоверия, взаимовыгоды, равноправия и сотрудничества, тесно связывает коренные интересы китайского народа, развитие и безопасность Китая с **общими интересами народов мира** (выделено мной. — М. П.), развитием и миром на всей планете.

Как отмечает М. Мамонтов, новая концепция окончательно сложилась к XVII съезду КПК. С ней связано понятие *великая ответственная держава*⁶, примененное при выработке стратегического курса по сирийскому вопросу. По заявлению заместителя министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, «будучи постоянным членом СБ ООН и “ответственной державой”, Китай намерен играть конструктивную роль в достижении мира, стабильности, а также развитии данного региона»⁷. Как известно, незадолго до этого одной из четырех целей и задач оборонной политики Китая, которые были поставлены на приоритетное место в Белой книге национальной обороны КНР за 2010 г., основанной на новой концепции, стала защита мира и стабильности на планете⁸, естественно, распространяющаяся и на ближневосточный регион.

⁵ Национальная оборона Китая в 2010 году / пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2011. С. 1. URL: http://russian.china.org/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676601.htm (дата обращения: 15.10.2013).

⁶ См.: Мамонтов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm#10> (дата обращения: 20.10.2013).

⁷ Чжунго-гао-дяо чун-шэнь: цзай Чжун-Дун Бэй-Фэй цзянь-ши бу-гань-шэ юань-цзэ (Китай вновь заявляет о своей приверженности принципу «невмешательства» в регионе Ближнего Востока и Северной Африки). URL: <http://military.china.com/important/64/20110504/16519136.html> (дата обращения: 15.10.2012).

⁸ Три другие задачи: защита интересов государственного суверенитета, безопасности и развития, обеспечение общественной гармонии и стабильности, содействие модернизации национальной обороны и армии. См. подробнее:

Китай, позиция которого оказывает в настоящее время значительное влияние на происходящие на Ближнем Востоке события, уделяет ее поддержанию и укреплению особое внимание. В 2010 г. было установлено стратегическое партнерство между КНР и странами Лиги арабских государств (ЛАГ). В 2011 г. товарооборот между КНР и странами ЛАГ составил почти 200 млрд долларов. Арабские страны стали седьмым по значению торговым партнером Китая, а Китай еще в 2010 г. вышел на второе место среди торговых партнеров арабских стран.

Интерес китайского руководства к Ближнему Востоку не ограничивается только сферой экономического взаимодействия. В рамках курса на обеспечение мировой стабильности и укрепления консультаций и сотрудничества по вопросам безопасности и обороны Китай развивает со странами региона двусторонние и многосторонние связи. Например, были созданы механизмы взаимодействия в области обороны с Египтом, Турцией и ОАЭ⁹. Однако, как отмечают китайские исследователи, в данном направлении Китай все еще привык полагаться на так называемую *борьбу против трех сил зла* (сепаратизм, терроризм, религиозный экстремизм. — М. П.), а также на обеспечение энергетической безопасности и торгово-экономических интересов¹⁰. В то же время, как отметил один из ведущих сотрудников Академии национальной обороны Гу Дэсинь, «повышение способности встречать неожиданно уже сейчас стало важнейшим содержанием обеспечения национальной безопасности Китая»¹¹. Правда, остается лишь предполагать, какие события на Ближнем Востоке оказываются неожиданными для Пекина, а какие — нет.

Современная внешнеполитическая стратегия Китая на Ближнем Востоке

Если за последнее время в Пекине были созданы Стратегия Китая в отношении стран Африки (январь 2006 г.) и Стратегия Китая в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ноябрь 2008 г.),

2010 го-фан бай-пи-шу цюань-вэнь. Гун-бу цзюнь-фэй цзе-гоу цзю-ти шу-цзю (Белая книга национальной обороны 2010), 31.03.2011. URL: <http://mil.huanqiu.com/china/2011-03/1601186.html> (дата обращения: 15.10.2013).

⁹ Там же.

¹⁰ Лю Чжун-мин. Чжун-Дун бэй-цзю юй Чжунго вай-цзю цзи гэ цзи-бэнь вэнь-ти (Основные вопросы, связанные с переменами на Ближнем Востоке и китайской дипломатией) // Го-цзи гуань-ча (Международное обозрение). 2012. № 1. С. 16.

¹¹ Цит. по: Китайские политологи о войне в Ираке и корейском ядерном кризисе / Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2004. С. 20–23. (Экспресс-информация, № 5).

придавшие оформленный вид китайской внешней политике в данных регионах, то в отношении стран Ближнего Востока подобного документа так и не было выпущено¹². Принимая во внимание активное развитие отношений с регионом за последние 20–30 лет не только на межгосударственном уровне, но и в таких форматах, как КНР — ЛАГ, КНР — ОИС (Организация исламского сотрудничества, до 2011 г. — Организация Исламская конференция, ОИК), КНР — ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), Форум китайско-арабского сотрудничества и т. п., трудно объяснить отсутствие аналогичного документа в отношении стран Ближнего Востока. Создана достаточно многоуровневая система двустороннего и многостороннего диалога, что не позволяет говорить об отсутствии стратегии Китая в отношении ближневосточных стран, но наводит на мысль о том, что эта стратегия еще четко не сформулирована и должным образом не закреплена на государственном уровне. Именно с этим многие китайские аналитики связывают и убытки китайских компаний в Ливии, и резкое ужесточение курса, проводимого Пекином в отношении волнений в арабских странах и иностранного вмешательства в их дела.

Как утверждают эксперты Центра китайско-арабских исследований Шанхайского института иностранных языков, «необходимо проанализировать влияние событий на Ближнем Востоке на внутреннюю и внешнюю политику КНР... осуществить научное планирование долгосрочной и среднесрочной внешнеполитической стратегии Китая в регионе и... усилить свое участие в ближневосточных делах»¹³.

Вопрос об отсутствии китайской стратегии на Ближнем Востоке можно поставить иначе: а не сыграет ли устойчиво сформулированная и четко закреплённая на государственном уровне внешнеполитическая стратегия роль **сдерживающего фактора** в развитии отношений со столь нестабильным и динамичным регионом? Другими словами, не соответствует ли отсутствие подобного документа практическим нуждам китайской дипломатии?

Основные геостратегические интересы КНР на Ближнем Востоке

Очевидно, что в ходе принятия решения по любому вопросу в контексте ближневосточной политики КНР сталкивается с рядом проблем, напрямую затрагивающих обеспечение ее безопасности.

Китайские аналитики выделяют две области стратегических интересов Китая на Ближнем Востоке. Во-первых, регион рассматривается как важный объект «стратегии укрепления окружения и стратегии

¹² Там же.

¹³ Там же.

большого окружения»¹⁴, а его безопасность и развитие — как глобальные проблемы, которые не могут остаться за пределами ответственности КНР. Китаю, в свою очередь, требуется поддержка стран Ближнего Востока по вопросам энергоресурсов, торговли, финансов и климатических изменений¹⁵. Во-вторых, ближневосточная политика Пекина рассматривается исходя из геостратегического положения Большого Ближнего Востока (ББВ). Данный регион вместе с Центральной и Южной Азией составляет так называемый геополитический *сердцевинный пояс*, влияющий на безопасность северо-запада Китая. С точки зрения морской безопасности ближневосточные проблемы влияют на транспортировку энергоносителей и стратегические интересы Китая в Индийском океане¹⁶.

Представляется целесообразным, несколько расширяя китайский подход, выделить четыре ключевых направления стратегии КНР относительно Ближнего Востока, почти равнозначные по актуальности.

1. Как заявил председатель Ху Цзиньтао, «события “арабской весны”, несомненно, оказали влияние на внутреннюю стабильность в Китае»¹⁷. Тесная связь с внутренней политикой проявляется в контексте не всегда стабильной ситуации среди китайских мусульман (по данным китайской официальной статистики, их число составляет 20 млн человек¹⁸). Здесь внутренняя политика Китая коррелирует не только с отношениями в формате КНР — арабский мир, но с отношениями с исламским сообществом. Форматы этих отношений выработаны достаточно давно. Один из них — поддержание постоянного диалога между КНР и ОИС, который ведется как посредством довольно частых переговоров государственных деятелей, так и при активном участии Национального бюро по делам религии, Китайской исламской ассоциации, Китайского центра изучения истории искусства и культуры ислама и Китайской академии социальных наук.

¹⁴ Чжу Вэйлэ. Шилунь Чжунго юй Чжун-Дун ислань гоцзя ды чжаньлюэ-син гуаньси (Рассуждения о стратегических отношениях между Китаем и исламскими государствами Ближнего Востока) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи (Мировая экономика и политика). 2010. № 9. С. 7.

¹⁵ Лю Чжун-мин. Указ. соч. С. 16.

¹⁶ Лю Чжун-мин. Мэйго цзя-жу Наньхай чжэн-дуан-и цзай цань-чжи Чжунго (Цель американской военной интервенции в Южно-Китайском море заключается в том, чтобы ограничить действия Китая) // Фачжи жибао (Правовая газета). 2010. 25 августа.

¹⁷ Цит. по: Лю Чжун-мин. Чжун-Дун бай-цзю юй Чжунго вай-цзю цзи гэ цзи-бэнь вэнь-ти. С. 18.

¹⁸ URL: <http://www.islamopediaonline.org/country-profile/china/ethnic-and-geographic-distribution-muslims-china> (access date: 22.10.2013).

С начала 80-х гг. XX в., то есть после проведения реформ открытости, между КНР и рядом государств — членов ОИК весьма развит и студенческий обмен, в цели которого входит ознакомление граждан этих стран с Китаем и китайской культурой, создание у них образа дружественной страны и «ответственной державы», нацеленной на построение взаимовыгодных отношений с арабскими странами. По сути, речь идет о столь часто упоминаемой в последнее время концепции *мягкой силы* или близком к ней понятии «народной дипломатии». Вспомним такие проекты, как школы Конфуция, фестивали китайской культуры в арабских странах или высказанное Ян Цзечи 31 мая 2012 г. на заседании Совета (на уровне министров) Китайско-арабского форума сотрудничества приглашение для ста представителей образованной арабской молодежи посетить Китай в ближайшие два года, а также то, что с 2012 по 2014 гг., по его заявлению, Китай намерен отправить на обучение в арабские страны 5 тыс. человек¹⁹. С другой стороны, следует выделить и усилия по предоставлению китайским мусульманам так называемого «правильного» исламского образования, свободного от экстремистских влияний.

2. Вопрос ближневосточной политики КНР пересекается и с *политикой невмешательства во внутренние дела* (ПНВД), являющейся одним из основополагающих принципов современной системы международных отношений, отраженным и в Уставе ООН (ст. 2 п. 7). Пекин демонстративно берет ПНВД за основу своего внешнеполитического курса, считая ее важнейшим гарантом сохранения региональной и глобальной стабильности и при этом проводя параллель с «невмешательством во внутренние дела Китая», например, по таким вопросам, как статус Тайваня и Тибета и др. Именно стойкое нежелание отойти от этой концепции зачастую вменяется в вину правительству КНР не только многими членами международного сообщества, но и внутренними политическими силами. Однако китайская дипломатия подчеркивает, что «невмешательство и неприменение силы не означает бездействия... Китай координирует действия с ведущими странами, региональными организациями... избегая как жесткого, так и пассивного поведения. Например, проголосовав за санкции против Ливии в резолюции ООН, Китай воздержался от голосования по резолюции № 1973 о бесполетных зо-

¹⁹ См.: Вайцзяобу фу-бучжан Ян Цзечи цзай Чжунго ю исылань вэньмин яньлуньхуэй-шан чжи цы (Речь заместителя министра иностранных дел КНР Ян Цзечи на Форуме «Китай — исламская цивилизация»), 01.06.2012. URL: http://news.china.com.cn/txt/2012-06/01/content_25533181.htm (дата обращения: 15.10.2013).

нах...»²⁰. «Голосование против резолюции по Сирии, предложенной Западом, также отражает политическую волю Китая по сохранению стабильности на Ближнем Востоке»²¹.

В ходе поездки в Египет в мае 2012 г. Ян Цзечи особо подчеркнул созидательную роль ПНВД в ходе событий *арабской весны* в Египте. Гибкость позиции Китая, по его мнению, отражает и признание китайской стороной Национального переходного совета Ливии²². Тем не менее многие аналитики, особенно после приостановления членства Сирии в ЛАГ и ОИС, задаются справедливым вопросом: а не повлияет ли столь жесткая приверженность политике невмешательства, к примеру, на отношения в таких важных для Китая форматах, как КНР — ЛАГ и КНР — ССАГПЗ? Кроме того, для КНР крайне нежелательно повторение опасной ситуации с китайскими гражданами за рубежом, имевшей место во время событий в Ливии; между тем, «оборотной стороной... официального курса Пекина стал вопрос о соотношении принципа невмешательства во внутренние дела и принципа защиты жизни и интересов своих граждан за рубежом», и «есть основания полагать, что приоритетным для Пекина окажется второй принцип»²³.

Хотя политика невмешательства встречает критику как со стороны международного сообщества, так и внутри страны, официальный Пекин, с нашей точки зрения, вполне оправданно указывает на ее позитивный вклад в стабилизацию ситуации в регионе. Однако очевидно, что на китайские позиции может негативно повлиять как дальнейшее проведение указанной политики, так и отказ от нее, в равной степени грозящие ослаблением влияния на Ближнем Востоке.

3. По мнению экспертов, среди приоритетных задач обеспечения энергетической безопасности Китая выделяются оптимизация использования энергоресурсов и поиск новых источников энергии²⁴. Но ключевой целью на настоящем этапе все же является диверсификация источников импорта нефти и газа, а также путей их транспортировки, в том числе приобретение зарубежных нефтяных активов и освоение зарубежных нефтяных месторождений, ускорение строительства нефтепро-

²⁰ У Сыкэ. Буганьшэ нэйчжэн бу-дэн юй у-соцзовэй (Невмешательство во внутренние дела не приравнивается к бездействию) // Жэньминь жибао (Народная газета). 2011. 30 мая.

²¹ Китай вновь заявляет о своей приверженности принципу «невмешательства»... URL: <http://military.china.com/important/64/20110504/16519136.html> (дата обращения: 15.10.2013).

²² Там же.

²³ Мамонтов М. Указ. соч.

²⁴ URL: http://asia-business.ru/lenta/china/2010/04/12/news_662.html (access date: 15.10.2013).

водов и обеспечение безопасности на существующих путях морской транспортировки. Зависимость Китая от энергетических поставок определяет и необходимость поддержания и укрепления отношений с ключевыми странами-экспортерами нефти, значительная часть которых расположена в нестабильном в настоящее время регионе. Как утверждает, например, директор Центра стратегических энергетических ресурсов при Институте изучения международных вопросов Китая Ся Ишань, 56% сырой нефти Китай получает посредством импорта из стран Ближнего Востока. Среди них необходимо выделить как страны, с которыми у КНР уже давно существуют отлаженные отношения в области поставок энергоресурсов, так и потенциально перспективные объекты китайских инвестиций в разведку энергоресурсов и в строительство нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих мощностей, в развитие сопутствующей инфраструктуры. Именно такая программа была характерна для политики, проводившейся КНР в отношении Ирака до вторжения 2003 г. и Ливии, которая до начала кризиса 2011 г. давала 3% общего объема китайского импорта энергоресурсов²⁵.

Необходимо обратить внимание и на другой крайне важный аспект. Два ключевых поставщика нефти в КНР, занимающих второе и третье место (Саудовская Аравия и Иран), проводят в регионе весьма противоречивую политику, а Китай вынужден лавировать между ними. Здесь ему помогает весьма спокойное отношение к разным режимам, представленным в регионе. Очевидно, что концепция *золотой середины*²⁶, составляющая идеологический стержень ряда китайских учений, нашла свое воплощение и в стиле китайской дипломатии и внешней политики, как нельзя кстати контрастирующей с заявлениями и санкциями со стороны многих ведущих держав.

4. События, происходящие на Ближнем Востоке, могут почти полностью подорвать так называемую финансовую дипломатию КНР, являющуюся на протяжении последних полутора десятков лет стержнем китайской внешнеполитической стратегии и долгое время позволяющую Пекину лоббировать свои интересы на взаимовыгодной (!) основе. К числу угроз национальной безопасности в КНР относят «ситуации, при которых в каком-либо государстве происходит разрушение основных властных институтов, что создает серьезную угрозу интересам КНР в этом государстве; случаи проведения конфискации и экспроприации

²⁵ Приведёт ли война в Ливии к дефициту нефти? («Жэньмин жибао», Китай) // Радио «Голос России». 2011. 25 марта. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/03/25/47950623/> (дата обращения: 15.11.2013).

²⁶ См. подробнее: *Линь Юйтан. Моя страна и мой народ*. М. : Восточная литература, 2010. С. 111.

зарубежных предприятий, наносящие ущерб промышленным и внешнеполитическим интересам Китая; действия организованной преступности»²⁷. Здесь в качестве примера представляется уместным упомянуть о полной эвакуации граждан КНР из Ливии (всего 35 860 чел.)²⁸ и весьма затянувшимся процессе подсчета убытков, причиненных китайской стороне.

Концепция безопасности *синь аньцюань гуань* основана на развитии взаимовыгодных внешнеэкономических отношений. Движущей силой этого курса, несомненно, является бурное экономическое развитие КНР. Еще в 1997 г. министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем было подчеркнуто, что «безопасность не может основываться на росте вооружений и военном союзе. Она должна основываться на взаимном доверии и общих интересах»²⁹.

Развитие экономических отношений с исламским миром позиционируется Китаем не только как одна из основ безопасности, но и как важнейшая составляющая межкультурного обмена. По заявлению официального Пекина, «китайская и исламская цивилизации стали моделью гармоничного сосуществования цивилизаций в мире»³⁰. Под данным лозунгом в июне 2012 г. прошел первый форум «Китай — исламская цивилизация». А под понятием *межкультурного взаимодействия* подразумевается обширный спектр областей сотрудничества.

* * *

Еще в 2003 г. Гу Дэсинь писал:

Безопасность Китая, в конечном счете, определяется общей тенденцией развития мировой стратегической ситуации, а также национальной суммарной мощью, международным статусом, стратегией и тактикой КНР... отношения Китая с другими странами сохраняют тенденцию стабильности **на базе общих интересов**³¹ (выделено нами. — М. П.).

Конфликтные ситуации на Ближнем Востоке в сочетании с более широким рядом факторов ставят под вопрос геополитические интересы, а во многом и безопасность КНР, о чем свидетельствует активная реакция Пекина на ближневосточные события. Решающую роль играет

²⁷ Су Чжанхэ. Лунь Чжунго хай-вай ли-и (К вопросу о внешнеполитических интересах Китая) // Ши-цзе цзин-цзи-юй чжэн-чжи (Мировая экономика и политика). 2009. № 8. С. 15–16. Цит. по: Мамонтов М. Указ. соч.

²⁸ Чжунго тун Либия-дэ гуань-си (Китайско-ливийские отношения) // МИД КНР : официальный сайт. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/fz/1206_28/sbgx/t6306.htm (дата обращения: 15.10.2013).

²⁹ Су Чжанхэ. Указ. соч.

³⁰ Речь заместителя министра иностранных дел КНР Ян Цзечи...

³¹ Цит. по: Китайские политологи... С. 20–23.

баланс между присутствием в указанном регионе и созданием прецедента для нарастания нестабильности внутри КНР. Под удар, в частности, была поставлена такая важная составляющая внешнеполитического курса КНР, как политика невмешательства во внутренние дела.

В области обеспечения ресурсной безопасности интересы КНР не были серьезно затронуты в плане изменения объемов текущих поставок (так как в меньшей степени наблюдалось обострение ситуации в крупнейших странах — поставщиках энергоресурсов), но дальнейшая активизация действий китайских компаний в нестабильных регионах была приостановлена, что негативно сказывается на финансовой дипломатии КНР.

В отношении поддержания конструктивного межкультурного диалога с исламским сообществом, подкрепляемого экономическими интересами, политика КНР не претерпела значительных изменений. В то же время указанные события заставили китайских аналитиков открыто заявить о ряде недостатков китайской дипломатии в данном регионе. Предположительно совершенствование ближневосточной политики КНР и укрепление безопасности Китая по четырем указанным направлениям будет продолжено в ускоренном темпе, в связи с чем следует ожидать закрепления на государственном уровне стратегии внешней политики КНР в этом регионе.

A. M. Y. Salah El Din

**Personal security:
a missed good and a desired goal after the Arab Spring:
a case study of Egypt¹**

Friday 28th of January 2011, stands out as a day known to all Egyptians as “Friday of Anger”. Of course, it meant severe confrontation between those who revolted against the authoritarian regime and the regime forces;

© Salah El Din A. M. Y., 2013

¹ We publish the last available version of this article, as submitted by the author in May 2013, i.e. before the removal from power of President Mohamed Morsi and the ensuing chaos in the streets of Egyptian cities. Political events in Egypt have been unfolding at such a rapid pace that, perhaps, some of the author’s points that the reader will find in the article would appear to be outdated. We did try to get a revised version, but failed, and we suspect that it is just the current political turmoil that interrupted our intercourse with Aida. Yet, we took a decision to publish her paper — such as it is — because there is no doubt about its main conclusion that current power struggles have not, in any way, enhanced Egyptians’ sense of personal security.

but what else it meant — and what became explicit just over a time — was the loss by Egyptians a sense of personal security. The forces behind Mubarak regime thought that they could knock down the January revolution by opening prisons on that day and letting the criminals run loose on the streets. Ever since then, security — and its restoration — has topped the agenda of many of the newly established parties, which use this “keyword” in their parliamentary elections campaign. Furthermore, many of the presidential candidates’ campaigns have stressed upon security. Meanwhile, the majority of Egyptians feel that they are not free from fear and thousands of them in a number of the country’s governorates have suffered physically because of the lack of security. Despite the efforts of the three governments that had been succeeded one another since February 2011, to restore security and safety in the streets, the goal has been very difficult to attain. The absence of security has created many divisions among Egyptians. It is broadening cleavages between the supporters of the revolution and clients of the ousted *rais*; what is much more meaningful, it is creating divisions within the broad coalition of the former. The result that follows is not difficult to anticipate: the loss of strong unity created by the revolution and a further upsurge in crime rates.

This paper will argue that the security lost in the course of the Arab spring has become an ardently desired goal and that the sense of its absence has reached its peak up to day. The paper will focus on Egypt as a case study. The time scope for the paper starts from the beginning of the revolution in January and ends on September 2012.

Defining Personal Security

Personal security is one out of seven dimensions of human security². All seven dimensions are interrelated and affect each other. Human security means, in its simplest form, the freedom from fear and from want. To begin with, a definition of personal security has to be made. In the 1994 Human Development Report gave a following definition of personal security:

In poor nations and rich, human life is increasingly threatened by sudden, unpredictable violence. The threats take several forms: threats from the state (physical torture), threats from other states (war), threats from other groups of people (ethnic tension), threats from individuals or gangs (crime, street violence), threats directed against women (rape, domestic violence), threats directed at children based on their vulnerability

² “The list of threats to human security is long, but most can be considered under seven main categories: Economic security, Food security, Health security, Environmental security, Personal security, Community security, Political security” (Human Development Report. 1994. Ch. 2. New Dimensions of Human Security. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1994. P. 24–25).

and dependence (child abuse) and threats to self (suicide, drug use)... For many people, the greatest source of anxiety is crime, particularly violent crime³.

Therefore, “personal security is threatened by various forms of violence”⁴. An anonymous retired general, whom I interviewed, defined personal security as “one person’s inner feeling with safety and security regardless to the presence or absence of thousands of police forces in the streets”⁵. Hence, from the previous definitions, we could describe it as one person’s sense of being protected against any threats to his/her safety and well-being.

During the January revolution, Egyptians have witnessed many forms of threats both to the former and the latter. Let me repeat that the release of criminals was one of the attempts of Mubarak’s regime to halt the revolution. The attacks on security continued even after the collapse of his regime. The supporters of Mubarak and ex-members of the National Democratic Party (NDP) have been constantly trying to restore the old regime system.

The threats to Egyptians’ personal security have come in different forms. During the 18 days of the revolution, many houses were under threat. As a result, many neighborhoods had to secure themselves using their own means. As a kind of self-sustained effort aimed to protect their families, homes and families themselves sent men and boys to defend the streets and patrol in shifts. After the 18 days of the revolution people thought that the crisis ended, but they were mistaken. Threats to their personal security took various forms. There were thefts, ranging from snatching women’s bags in the streets to car theft. Some criminals robbed the victims, who were known to have large amounts of money on them (usually people coming out of the bank). Not infrequently, criminals have kidnapped family members, especially children, to exchange them for large amounts of money. This is not to mention the carjacks at gun-points and a lot of women harassment cases reported during the revolution and after it, particularly in the course of protests that followed the revolution.

It may seem that, although such crimes happen everywhere around the globe, in the countries that witnessed the Arab Spring these events went to the extreme. Egypt is no exception; in fact, threats to personal security in Egypt are probably more severe than in other Arab states that have experienced revolution. This is due to the troubled political and social state of

³ Ibid. P. 30.

⁴ Owen T. Challenges and Opportunities for Defining and Measuring Human Security // Disarmament Forum. 2004. Issue 3. P. 18.

⁵ An interview with an anonymous retired police general, taken in Cairo, on 12th of September 2012.

the country and abrupt incidents — strikes and radical demands of teachers, nurses, bus drivers, doctors, etc.

Clashes between security forces and protesters that took place at the Cabinet Office headquarters were one of the meaningful events to show the absence of security. The violence broke out when a group of the families of the martyrs (who died on the 25th of January 2011 revolution) organized a sit-in, and the police used force to oust them. This provoked many youths who felt that the brutality of the police would never end, to attack the Ministry of Interior. “The clashes continued for five days and nights, with some fighting until they could no longer stand from tear gas or exhaustion. The clashes ended due to exhaustion, construction of a concrete wall and the human chains of civilians helping protestors out of Tahrir square”⁶.

One could also mention the massacre of football fans in Port Said Stadium in February 2012, when a normal football match between “Al Ahly” and “Al-Masry”, two famous Egyptian clubs, suddenly turned into a blood bath. Although “Al Masry” (the local team of the city of Port Said) won the game, this team’s fans went crazy and killed more than 70 fans of the opposite team. The murder happened in the presence of police forces that did not react and did not try to stop the bloodbath. This shows that even with the presence of police chaos continues. The reason given for the indifferent attitude from police forces was that high officials banned them to interfere:

Security officials said the ministry has issued directives for its personnel not to ‘engage’ with civilians after recent clashes between police and protestors in November left more than 40 people dead⁷.

This shows that even football matches became unsafe for families to send their children or men to, due to the lack of security.

In an interview that I conducted with the recently retired police general and a vice-president of the Police Academy who preferred to stay anonymous, he said:

People lost their personal security when their personal belongings began to be stolen on a regular basis after the revolution. When people witnessed the burning down of 99 police stations during the revolution and couldn’t find

⁶ *Jaberi Abulkasim*. Out of sight but not out of mind: Mohamed Mahmoud remembered // Egypt Independent. 2012. November 19. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/out-sight-not-out-mind-mohamed-mahmoud-remembered> (access date: 20.03.2013).

⁷ *Hussien Abd El Rahman*. Port Said Football disaster exposes political vacuum left by revolution // The Guardian. 2012. February 2. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/feb/02/port-said-football-disaster-revolution> (access date: 20.03. 2013).

enough help on the streets from police because of the shortage in police officers, only then people felt that the importance of the presence of police in their lives and that their personal security was at peril⁸.

He added that the areas, which felt mostly threatened by thugs, were the desert roads connecting the governorates. In another interview conducted with the police captains who was still in office, the officer appreciated both Suez and Port Said as the governorates that report the highest crime rates and lack of security⁹. The captain further explained the cause:

These two cities and Suez were the first cities to witness the burning of police stations. They have a lot of gangs and areas harboring thugs. Yet now people of Suez and Port Said feel to be better safe and secure, as level of security has risen. It is now by 30 per cent more secure than during the days of the revolution¹⁰.

Security is to become a top priority

As a result, the problem of security restoration has settled down firmly on the top of agenda for three consecutive governments. Shafik's government (the last government appointed before Mubarak stepped down) was followed (in March 2011) by Sharaf's government. Sharaf was appointed prime minister due to street pressure on the Supreme Council of Armed Forces (SCAF). In November 2011, Sharaf stepped down and El Ganzoury, also appointed by the SCAF, became prime minister.

However, none of these governments managed to restore the sense of security. This has driven new parties running for parliamentary elections and a number of the strong candidate running for presidency in 2012 presidential elections to put the problem of security on top of their agendas.

An example of new plans to restore security may be provided by the Freedom and Justice Party (FJP), more known as the Muslim Brotherhood party, which won majority of seats in the parliament of 2011. In the party's program, one would discover a statement, straight in the first chapter, under the title of "a vision for reforming the Egyptian security structure". The FJP has decided that there are three main ways to restore security by "immediate and decisive actions"¹¹. Firstly, it is necessary to filter the current police cadres, prosecuting those charged with the killings of pro-

⁸ An interview with an anonymous retired police general, taken in Cairo, on 12th of September 2012.

⁹ An interview with an anonymous police captain, taken in Cairo, on 20th of September 2012.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Freedom and Justice Party. Parliamentary Elections Program 2011. Ch. 1. (In Arabic, mimeo).

testers during the revolution. Then, depending on the degree of guilt, some officers were to be fired while others either retired or transferred to remote governorates' police stations. The party mentioned improving prisons and interrogation rooms in all police stations, too.

Secondly, there was a plan to "handle cumulative routines"¹², which was to be done with the help of the Ministry of Justice and in cooperation with law experts. These agencies were to inspect the police academy's and similar institutions' curricula, and add courses on human rights. These actions would provide police with the staff highly trained and educated who would know how to deal with all citizens. Besides, having better salaries and less working hours and more days off for the policeman to spend with his family, these measures were supposed to improve police forces' performance.

Third, there should have been a "movement from the media and the society"¹³. Egyptians themselves should be more willing to participate in crime prevention and act together against the rise of crime. This would ensure their personal safety. A duty of media is to explain the rights of citizens and emphasize the vital role of the police. The media could also launch a campaign that informs the citizens about the positions of police stations and their emergency numbers, in order to enable the people to contact them. Media should also work closely with the Department of Information (in the Ministry of Interior), publicizing the efforts of police to restore security.

This paper would also help to investigate the agenda for the three presidential candidates: Amr Moussa, Ahmed Shafik and Hamdeen Sabbahi. President Mohamed Morsi's plan for restoration security will not be considered here since his presidential agenda is the same as that of the Freedom and Justice party discussed above.

The first candidate, Amr Moussa, who served as the minister of foreign affairs and the Secretary-General of the Arab League before, mentioned that he would focus on raising the level of security and safety in the country. He stressed women's safety in the streets against any harassment, promising to punish "sexual harassment and other crimes against women. Restoring stability and security is a priority for both personal safety and the health of the economy"¹⁴, he added. In other words, nobody can count on the growth in the Egyptian economy with people deprived of their personal security. On the contrary, as people feel safer, they would go out and work to produce more. Egypt is a rentier economic state, the country heavily relies on tourism

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Q&A with Amre Moussa // Egypt Today. 2012. May 1. URL: <http://egypttoday.com/news/display/article/artid:683/Q-A-With-Amre-Moussa/secid:34> (access date: 01.08. 2012).

as a source of revenue, so an increase in personal security would improve Egypt's image in the world and this would encourage tourists to come back to Egypt. As for Moussa's plan to restore trust between people and the police he envisioned that "we must then work to raise the professional standards of police and focus its work on maintaining order for the people and lawful police work, not traffic enforcement or other duties. This requires overhauling the Police Academy by focusing on a civilian-based staff that would make it distinct from national security apparatus"¹⁵.

The second candidate with his agenda under my perusal is Ahmed Shafik, last Prime Minister appointed by Mubarak (a former Minister of Civil Aviation in 2002 — 2011). Outlining his program for presidency, Shafik chose the topic of restoring security as its second goal. He stressed that security should be restored for all Egyptians; they would feel safe at home, in the streets and at work. Shafik promised to do this through a set of policies. First, Egypt should be a country where rule of law will be evident to everyone. Shafik promised to impose discipline in all streets in every governorate and create trust between the people and the Ministry of Interior. One way to achieve that is by restructuring the Ministry of Interior, giving police officers better salaries and providing them with all financial and vocational support. Next, Shafik stressed the fact that there should be a sharp line between police and politics. The police academy and its institutions should inculcate respect for human rights into mind of every junior studying in them. Finally, there is an urgent need to combat corruption and to solve social and political problems that turn citizens into gangsters and thugs¹⁶.

The third candidate is Hamdeen Sabbahi, a Nasserist politician and one of the figures in the old parliament that opposed the ruling National Democratic Party in 2005. Sabbahi stated that lack of security in the country is due to the wrongdoings of those in power, and that he can easily put an end to the threats to people's security in a week¹⁷. He added that his agenda for restoring security in the country would comprise "reforming the security body, including the change in the culture of the security system as to leave there only the people who can prove to us that they really serve the people and not

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Shafik Ahmed*. Program Agenda for Egypt 2016. URL: www.ahmedshafike.com; *El Sayed Nadine and Hania Moheeb*. Q&A with Ahmed Shafik // Egypt Today. 2012. May 2. URL: <http://egypttoday.com/news/egypttoday.com/news/display/article/artId:691/Q-A-With-Ahmed-Shafik/secid:34> (access date: 01.08. 2012).

¹⁷ Q&A with Hamdeen Sabahi // Egypt Today. 2012. May 7. URL: <http://www.egypttoday.com/article/artId:715/Q-A-with-Hamdeen-Sabahi/secId:46> (access date: 01.08. 2012).

the regime; the (security) body's civil nature is stressed"¹⁸. Here Sabbahi's thoughts and ideas make an effort to convince citizens that the Mubarak supporters were the force behind the sense of the loss of security experienced by Egyptians.

To conclude this part, it is obvious that due to the deteriorating security situation in Egypt, both government officials and presidential candidates competed to restore it. The three chosen candidates, as well as the newly established FJP party tried to provide solutions to the problem. Amr Moussa's plans were the most applicable, but, because he lost the elections, he lost the possibility to implement them as well. All suggestions seemed promising but they did not mention which mechanisms were necessary to implement them. The FJP has been in power since the parliamentary elections in 2011, yet, it certainly failed to regain security for the Egyptian society. The security situation in the country is as dramatic as before the FJP government. The same is true about the mechanisms needed for restoration security: they work poorly or, better to say, they are so inactive as if they were absent.

Why have Egyptians lost their personal security after the January revolution?

What remains to explain is why the loss of the sense of personal security in Egypt differs from the same phenomenon in other states that have witnessed the Arab Spring. An anonymous police captain gave one possible answer to this question: the size of Egypt's population. He also added:

...A large section of Egyptian society tasted the injustice of the previous regime of Mubarak that led to higher crime rates. Widespread illiteracy and poverty among large segments of the Egyptian population is also to blame. Moreover, one could remember the spread of non-licensed arms among thugs and gangs which they stole from the police stations before burning them down¹⁹.

A retired police general suggested:

The Egyptian ministry of interior is unique to the region, as it is very strong and important, that's why many actors domestically and internationally are interested in destroying it. Also, thugs and gangs targeted 'all' segments of the Egyptian society, not just a specific group, and that made all Egyptians

¹⁸ Ibid.

¹⁹ An interview with an anonymous police captain, taken in Cairo, on 20th of September 2012.

experience the loss of security. Therefore, Egyptian lost their sense of personal security on a greater scale than the citizens of other Arab countries²⁰.

Finally, here are some proposals how to give back to the Egyptians the lost sense of personal security. First, the released criminals should be back to prisons, especially serial criminals. Second, as a retired police general explained once more, “neither a political party nor a president would be able to restore the police force and security unless the Muslim Brothers stay apart from security”. Third, there is a suggestion given by a police captain:

Better salaries for policemen, and more incentives, since most policemen are in constant danger of being killed... a protection should be provided to policemen, first of all to those who chase serial criminals. These teams should be equipped with the latest weapons and anti-bullet jackets. Most importantly, an anti-corruption campaign against all corrupted figures in all ranks should be carried out²¹.

There are some proponents of private security companies as auxiliaries to the police. However, only rich people may afford such protection. Both my interlocutors refused this way, as they agreed that there is no alternative to police force.

One useful idea we can find in an article published in “Al-Ahram”:

Non-governmental organizations concerned with human rights should monitor police stations and the interrogation process to ensure the protection of human rights²².

Finally, another Al-Ahram’s author argued that “stiffer laws and regulations should be imposed to control spread of weapons in the streets, so they would not reach the hands of thugs who could use them to threaten people and steal them”²³.

* * *

Egyptian personal security has been under threat from many factors. The citizens lost their sense of safety and were not free from fear. Threat to their personal security came from thugs and paid gangs that proliferated in the streets. Rising levels of street violence due to the spread of unlicensed arms is also to blame. Restoring security will take a long time and require

²⁰ An interview with an anonymous retired police general, taken in Cairo, on 12th of September 2012.

²¹ An interview with an anonymous police captain, taken in Cairo, on 20th of September 2012.

²² *Owas Mohamed*. Reducing Protests // Al-Ahram. 2012. July. 21.

²³ *Abdin Mahmoud*. Japanese Lesson to Dr. Morsi // Al-Ahram. 2012. July 8.

huge efforts by both the citizens and the state. This has driven many Egyptians to view their personal security as a something what they lost after the January revolution and are striving to restore.

By means of toppling the authoritarian and bureaucratic regime of Hosni Mubarak an active core of Egyptian civil society has extended the field of political freedoms and the right of men. This has helped to ensure and strengthen the *security of dignity*. However, people paid an intolerable price for the achievement — a loss of *personal security*.

One can say that such a result is an inevitable consequence of the downfall of any authoritarian regime, which suppresses, by very its nature, the people's self-organization and responsibility. At the same time, this development poses probably the greatest threat to the political victories of Arab Spring. Newly-won freedom appears valuable just to the minority of Egyptians, whereas the desire to bring back the lost sense of safety seems to be a quite more widespread feeling that might strongly influence the people's political preferences at the time of election and, as a consequence, promote the emergence of new authoritarian regime.

И. В. Рыжов, Д. А. Белащенко

Влияние борьбы за водные ресурсы на состояние региональной безопасности на Ближнем Востоке¹

Ближний Восток на протяжении столетий остается одним из наиболее конфликтных регионов планеты, а с образованием Государства Израиль здесь уже более 60 лет царит сопровождающаяся террористическими актами и вспышками насилия напряженность в отношениях между палестинцами и израильтянами. Напряженность существует и между Израилем и его непосредственными соседями, например Сирией и Ливаном. Военная доктрина и доктрина национальной безопасности Израиля формировались одновременно с созданием государства, и одним из основных средств поддержания национальной безопасности долгое время являлось силовое давление на реальных и потенциальных противников — арабские государства.

© Рыжов И. В., Белащенко Д. А., 2013

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в XXI веке: тенденции, проблемы и перспективы развития», № 12-03-00399.

Однако национальная безопасность включает в себя не только (а иногда и не столько) военную составляющую. Уже сейчас население Ближнего Востока составляет 5% жителей Земли, а запасы пресной воды здесь не превышают 0,9% от мировых². Рост населения, экономическое развитие и неконтролируемая урбанизация делают особо актуальным для всех государств региона вопрос о доступе к питьевой воде. В 2020 г., согласно расчетам ООН³, арабским государствам, где будет проживать 320 млн человек, будет не хватать более 127 млрд кубометров воды.

Хотя вопросы дефицита воды обсуждаются на каждом саммите арабских государств, они одни не могут ничего решить — основные реки региона Иордан, Нил и Евфрат контролируются неарабскими государствами — Израилем, Эфиопией, Турцией.

Египет зависит на 98% от Нила, Ирак — на 82% от Тигра и Евфрата, Иордания — на 96% от Иордана и Сирии — на 75% от Евфрата. В Израиле 80% потребностей в воде и 67% водных ресурсов исходят из Голанских высот, сектора Газа и Западного берега⁴. Вода рассматривается в качестве одной из пяти составляющих арабо-израильского конфликта, наряду со статусом Иерусалима, проблемами еврейских поселений на оккупированных территориях, беженцев и границ.

Таким образом, одним из наиболее остро стоящих вопросов в регионе становится обеспечение безопасности каждого его жителя, зависящей как от политических и военных факторов, так и от удовлетворения основных физиологических потребностей, необходимых для существования и развития. Не решив этих задач, мы рискуем в XXI в. вернуться к реалиям первобытной эпохи — войнам за пищу и воду, но уже с помощью современных вооружений и ОМУ.

Самым развитым государством региона является Израиль, водные ресурсы которого сосредоточены в Тивериадском озере, а также в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. В 1991 г. эти источники обеспечивали потребности Израиля на 85,5%, однако на его территории находилось всего 45% необходимых ресурсов⁵.

Правительство Израиля серьезно озабочено вопросами безопасности в плане обеспечения необходимого количества воды как для потребления гражданами, так и для развития экономики государства. Не-

² URL: <http://www.fao.org/n/water> (access date: 10.01.2013).

³ Demographic statistics. URL: <http://data.un.org/Explorer.aspx?d=POP> (access date: 10.01.2013).

⁴ Allan T. Israel and water in the framework of the Arab-Israeli conflict. URL: <http://www.al-bab.com/arab/env/water.htm> (access date: 10.01.2013).

⁵ Ibid.

которые исследователи предполагают, что военные действия Израиля против ливанской «Хезболлы» летом 2006 г. имели целью еще и разведку пути к реке Литани, которая дает в год около 920 млн кубометров воды⁶, чтобы в дальнейшем продлить ее русло до Тивериадского озера. Вопрос о реке Литани играет большую роль в ливано-израильских отношениях. После оккупации Израилем Южного Ливана в 1982 г. в его распоряжении оказались все технические документы относительно реки и ее гидроэлектросооружений. Хотя в настоящее время Израиль самостоятельно вряд ли может изменить направление течения реки, в среднесрочной перспективе данный вопрос останется одним из основных в отношениях между государствами региона.

Израильский закон от 1959 г., который признал воду общественным достоянием, находящимся под контролем государства, предполагал свободное использование водных ресурсов палестинцами⁷. Однако с 1967 г. Израиль ввел контроль потребления воды на палестинских территориях, а после «шестидневной войны» 1973 г. запретил строительство любых новых объектов гидроинфраструктуры, бурение без разрешения скважин и колодцев в секторе Газа и на Западном берегу, водные ресурсы которых были также объявлены собственностью Государства Израиль.

После конференции в Мадриде 1991 г. арабы и израильтяне находятся в переговорном процессе, однако никаких значительных улучшений за это время достигнуто не было. В 1995 г. согласно ст. 40 Договора, заключенного в Осло, было признано право палестинцев на воду, однако распределение ее потребления осталось прежним (80% Израилю и 20% Палестинской автономии)⁸.

Более результативным в недалеком прошлом был диалог между Турецкой Республикой и Государством Израиль, начавшийся в 1996 г. и учитывавший Декларацию о принципах отношений между Израилем и Организацией освобождения Палестины 1993 г. и мирный договор между Израилем и Иорданией 1994 г. Путем участия в решении проблемы водных ресурсов Турция надеялась усилить свои позиции в регионе. Были разработаны два основных проекта: доставка воды по морю и создание нефтепровода мира между Турцией, Ближним Востоком и Пер-

⁶ *Libiszewski S.* Water Disputes in the Jordan Basin Region and their Role in the Resolution of the Arab-Israeli Conflict. URL: <http://meadeastweb.org> (access date: 10.01.2013).

⁷ *Paul D.* Water issues in the Arab-Israeli conflict. URL: http://www.bintjbeil.com/water/david_paul.html (access date: 11.01.2013).

⁸ Gestion de l'eau: entre conflits et coopérations. URL: <http://blog.mondediplo.net/2008-01-14-Gestion-de-l-eau-entre-conflits-et-cooperation> (access date: 11.01.2013).

сидским заливом. Хотя 1 июня 2004 г. был подписан договор, согласно которому Израиль взял обязательство в течение 20 лет построить флот из пятидесяти танкеров для транспортировки 50 млн кубометров воды в год из Турции⁹, проект был провален израильским руководством, которое сослалось на открытие станции по опреснению воды в Ашкелоне. Создание нефтепровода было остановлено 4 мая 2006 г. турецкой стороной, которая объяснила это ростом цен на нефть. Израильское правительство видело в реализации проекта опасность попасть в зависимость от правившей в Турции исламистской партии (ПСР), которая высказывала недовольство политикой Израиля в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан.

Нехватка воды в регионе чаще всего описывается количественно, но значительную роль играет качество воды. Попадание морской воды в пресные источники, например в Тивериадское озеро, вызывает повышение содержания соли. Основным источником загрязнения воды являются отходы сельского хозяйства. Теплый климат и интенсивное развитие сельского хозяйства способствуют широкому употреблению удобрений и пестицидов, а регулирование применения сельскохозяйственных химикатов не отличается строгостью. В результате в Израиле самое высокое в мире содержание пестицидов и удобрений на гектар земли. Ситуация на палестинских территориях, где механизмов контроля и мониторинга просто не существует, значительно хуже.

На данный момент остроту проблемы воды в регионе слегка снизила «виртуальная вода», цена которой включена в стоимость товаров, но она еще больше связала арабские государства, импортирующие до 100% основных продуктов питания, с глобальным рынком продовольствия. Не все страны этого региона обладают достаточными финансовыми средствами. Страны, имеющие углеводородные ресурсы, чрезвычайно зависимы от мировых цен на них, а те, где нефть и газ отсутствуют (Египет, Иордания, Йемен и др.), вынуждены импортировать продовольствие при значительных проблемах в экономике и обществе.

В последние десятилетия возникла проблема, связанная с освоением Турцией водно-энергетического потенциала Евфрата. В 1983 г. Турция разработала генеральный план освоения шести крайне неразвитых провинций юго-восточной Анатолии, где расположено 40% всех пригодных к обработке земель. В основе плана лежало комплексное использование водных ресурсов верховьев Тигра и Евфрата для орошения 1,7 млн га полусухих земель и производства гидроэнергии. Планом, оценочной стоимостью в 32 млрд долларов, предусматривалось

⁹ *Libiszewski S. Op. cit.*

осуществление тринадцати крупных проектов, включающих строительство 22 плотин (семи из них — на Евфрате) и 19 крупных электростанций.

Одной из целей плана является контроль над водными ресурсами, который Турция считала и считает основным элементом безопасности и мощи государства. Контролируя воду, идущую в Сирию и Ирак, Турция получила рычаги воздействия на политику этих стран. Также турецкое правительство питало надежду, что ему удастся реализовать дополнительно полученную сельскохозяйственную продукцию на сумму в 20 млрд долларов. Зарегулирование стока реки со стороны Турции выразилось в резком сокращении объема воды, поступающего в Сирию. Последняя, в целях создания резерва для обеспечения водой своего сельского хозяйства, построила на Евфрате плотину Ас-Саура и водохранилище Эль-Асад¹⁰.

Сирия и Ирак неоднократно обвиняли Турцию в одностороннем незаконном использовании вод Тигра и Евфрата в ущерб их интересам. Анкара же даже не уведомляла их о своих новых проектах в противоречии с международно-правовыми нормами, хотя и утверждала, что эти страны получали всю необходимую информацию в рамках встреч Совместного технического комитета, включающего представителей трех стран.

Когда 13 января 1990 г. турецкие гидротехники для заполнения водохранилища плотины имени Ататюрка на месяц остановили сток Евфрата в Сирию, русло реки от южных границ Турции до искусственного озера Эль-Асад в районе города Алеппо стало полностью сухим. Анкара продемонстрировала свое мощное водное оружие. Межгосударственные отношения между Турцией и Сирией накалились до предела. Хотя Турция и утверждала, что приняла все необходимые меры для минимизации ущерба Сирии и Ираку, вызванного технической необходимостью строительства плотины, в арабском мире эти действия однозначно оценивались как преднамеренное лишение арабских стран вод Евфрата. Да и ранее односторонние действия Турции по использованию водных ресурсов неоднократно являлись причиной кризисов в отношениях между Турцией с одной стороны и Сирией и Ираком с другой (например, в 1974 и 1981 гг., во время строительства плотин Кебан и Каракайя) или вызывали острые дипломатические трения между этими странами.

В контексте планов Турции достичь лидерства в регионе, сделав зависимыми его страны от турецкой воды, арабские страны небезосновательно рассматривают и идею, выдвинутую премьер-министром Тур-

¹⁰ Жильцов С., Зонн И. Борьба за воду. URL: http://psj.ru/saver_national/detail.php?ID=13981 (дата обращения: 11.01.2013).

гутом Озалом в 1987 г., — о постройке водовода или трубопровода мира для переброски излишков воды из влажных районов Турецкого Курдистана в засушливые страны Ближнего Востока (Сирию, Иорданию, Израиль и страны Персидского залива).

Сирия, рассматривая Тигр и Евфрат как международные водотоки, настаивает на использовании их вод совместно всеми тремя странами и напоминает и о том обстоятельстве, что Турция, постоянно заявляя о дефиците водных ресурсов, предлагает экспортировать воду. Со времен начала строительства плотины имени Ататюрка Дамаск, требуя распределения воды по квотам, не раз обвинял Турцию в нарушении духа добрососедства и в причинении значительного ущерба сельскому хозяйству, гидроэнергетике и водоснабжению¹¹.

Имеются предпосылки для конфликта и по поводу распределения водных ресурсов Нила. Эфиопия рассматривает проблему воды как первостепенную. После свержения коммунистического режима Менгисту в 1991 г. и разрушительного конфликта с Эритреей Эфиопия не обладает ни экономической стабильностью, ни достаточными финансовыми возможностями для получения необходимых объемов воды, что в значительной мере определяет ее отношение к использованию вод Нила Египтом. Несколько раз появлялись сообщения о том, что Эфиопия намерена в одностороннем порядке отказаться от выполнения всех соглашений, подписанных с Египтом (включая соглашение 1959 г.), что может привести не только к конфликтной ситуации, но и к вооруженному столкновению.

Со своей стороны Египет, долгое время занимавший жесткую позицию в отношении Нила, в настоящее время ставит проблему водных ресурсов в центр своей внешней политики. Несмотря на предпринятые ранее попытки сконцентрировать как можно больше водных ресурсов на своей территории, например путем строительства Асуанской плотины в 60-е гг. XX в., в Египте из-за ухудшения состояния окружающей среды и качества нильской воды год от года растет дефицит водных ресурсов. Этому способствуют частые засухи в Эфиопии, а также неспособность Асуанского водохранилища сохранять равновесие между испарением и притоком вод Нила. Давно используемые ограниченные сельскохозяйственные территории сокращаются на фоне роста населения (к началу XXI в. численность населения Египта достигла 70 млн человек)¹².

¹¹ Мосаки Н. З. Если арабы владеют нефтью. URL: <http://www.alfar.ru/smart/2/4/> (дата обращения: 11.01.2013).

¹² Глебова Н. Вода и мир на Ближнем Востоке. URL: <http://madan.org.il/node/286> (дата обращения: 13.11.2013).

Богатые нефтяные монархии Персидского залива, являясь лидерами по опреснению воды, тем не менее также страдают от ее нехватки. Ежегодные расходы Саудовской Аравии и ОАЭ на опреснение превышают 6 млрд долларов. Примечательно, что в случае необходимости опреснительные заводы Эмиратов смогут обеспечить лишь четырехдневный запас пресной воды.

Единственными возобновляемыми водными ресурсами в субрегионе Персидского залива являются мелкие водоносные горизонты, располагающиеся вдоль основных *вади* (сухих долин), каналов и водосборных бассейнов. Глубокие водоносные горизонты вследствие невозобновляемости имеют ограниченный срок службы.

В Саудовской Аравии 90% невозобновляемых источников артезианской воды используется для сельскохозяйственных нужд. Их запасы достигли опасно низкого уровня не в последнюю очередь из-за конфликтов в зоне Персидского залива. Сжигание нефтяных скважин в Ираке способствовало еще большему загрязнению подземных вод, и без того значительно страдающих от выбросов сельскохозяйственной отрасли. Все это привело к дефициту водных ресурсов, который Саудовская Аравия не в состоянии устранить, несмотря на значительные средства, затрачиваемые на опреснение. В поисках альтернативных источников воды королевство начало масштабные исследования водоносных горизонтов в Восточной провинции, что, в свою очередь, негативно повлияло на водоснабжение Бахрейна и Катара¹³.

Таким образом, все страны региона сталкиваются с одними и теми же проблемами, решение которых в будущем будет даваться еще труднее и, возможно, будет провоцировать рост числа конфликтов между странами. Каким мог бы быть выход из создавшегося положения? Для решения проблем нехватки воды необходима координация усилий всех государств региона, которая также могла бы способствовать и разрядке ближневосточной напряженности. Сочетая технологические достижения Израиля, политику по предотвращению деятельности террористических организаций и формирований с экономической помощью международного сообщества, правительства государств региона сообща могли бы решить данную проблему. Односторонние усилия не изменят ситуацию. Так, несмотря на то что Израиль имеет технологические и экономические возможности для совершенствования оросительных систем, строительства опреснительных станций и т. д., сложное положение с водой в соседних государствах будет провоцировать появление новых противоречий и усиление конфронтации.

¹³ Игошина Ж. Вода как повод для войны. Ч. 1. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118964> (дата обращения: 11.01.2013).

Дефицит воды в так называемой *дуге кризиса*, проходящей через Сомали, Судан, Египет в Африке и Йемен, Ирак, Сирию на Ближнем Востоке, приводит к постоянным засухам и голоду, вынужденной миграции и конфликтам. Будущее всего региона во многом зависит от того, останется ли каждая страна при своих интересах (что приведет к ухудшению ситуации и, в конечном счете, к конфликтам на почве распределения водных ресурсов) или же вода станет тем фактором, который объединит Ближний Восток. Для этого акцент в ближневосточном сотрудничестве должен быть сделан на расширении регионального диалога и обмене знаниями, направленными на выработку новых технических решений и эффективных формул распределения водных ресурсов. Примечательно, что в рамках 6-го Всемирного водного форума, проходившего в марте 2012 г. в Марселе, состоялось обсуждение межарабской стратегии эффективного использования водных ресурсов и водной безопасности в контексте политических изменений на фоне *арабской весны*, что вселяет надежду на мирное разрешение в будущем водного кризиса на Ближнем Востоке¹³.

М. В. Попадейкина

**Международно-правовые аспекты
развития института ответственности
в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности**

Современное международное экономическое развитие характеризуется резким усилением напряженности в отношениях между государствами и иными субъектами международного права по вопросам борьбы с правонарушениями в сфере международной экономической, промышленной, продовольственной, энергетической и экологической безопасности. При переходе от производящей экономики с характерными для нее огромными затратами материального и человеческого капитала к стадии постэкономического общества¹ и международной зеленой экономики неминуемо возникают новые научные модели развития мира

¹³ Игошина Ж. Вода как повод для войны. Ч. 2. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118965> (дата обращения: 11.01.2013).

© Попадейкина М. В., 2013

¹ См.: *Иноземцев В. Л.* К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998.

и технологические угрозы, требующие от международного публичного и частного права адекватных ответов.

Анализ состояния международной безопасности показывает, что глобализация имеет не только положительные, но и отрицательные последствия, причем последние носят трансграничный характер, примерами чего могут быть взрыв газа на химическом заводе в Бхопале, катастрофа в Чернобыле, разлив нефти в Мексиканском заливе, трагедия Фукусимы и др. Потенциал таких катастроф велик: так, осуществление гидротехнического проекта «Юго-Восточная Анатолия» способно привести к тому, что Турция будет контролировать буквально весь сток Тигра и Евфрата, лишив Сирию 40%, а Ирак — 80% воды, получаемой от этих рек. Трансграничный характер главных речных артерий на Ближнем Востоке предопределяет в ближайшем будущем вероятность возникновения в этом регионе полномасштабных «водных» войн.

Для противодействия этим тенденциям подрыва международной безопасности необходимо углубленное межгосударственное сотрудничество в области защиты окружающей среды, развитие и усиление международного правоохранительного права и права международно-правовой ответственности. Хотя теме обеспечения международной безопасности жизнедеятельности человечества посвящено значительное количество работ, отдельные проблемы международно-правовой ответственности в условиях современной глобализации еще требуют своего решения. Так, проблемы международно-правовой ответственности государств в сфере борьбы с трансграничными переносами опасностей, ответственного отношения к инновациям, представляющим угрозу для международной безопасности, а также с международной преступностью в техносфере (в особенности *белых воротничков* и *банковских элит*) в условиях глобализации после начала мирового кризиса в 2008 г. были практически сняты с повестки дня².

Вопрос о международно-правовой ответственности государств в сфере технической и экологической безопасности впервые был поставлен в полной мере после взрыва химического завода в Бхопале. Тогда же, в связи с деятельностью ТНК и участвовавшими трансграничными переносами опасности, был поднят и вопрос о международной экономической преступности. С разработкой концепции устойчивого развития и основных постулатов международной «зеленой» экономики эта

² См.: Международное уголовное правосудие : Современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Ин-т права и публич. политики, 2009; Международное уголовное право : учеб. пособие / под общей ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1999.

идея постепенно превратилась в реальный принцип международного права. Первые попытки его установления связываются с созданием Международного экологического трибунала со штаб-квартирой в Мексике (одно время его возглавлял советский специалист в области международного экологического права О. С. Колбасов).

Сегодня человеческие и материальные потери вследствие техногенных аварий сравнимы с потерями в вооруженных конфликтах XX в. и требуют пристального рассмотрения с точки зрения международно-правовой ответственности. При этом следует признать, что до настоящего времени мировое сообщество так и не смогло реализовать на национальном и международном уровнях принцип неотвратимости наказания даже за грубейшие нарушения принятых большинством стран международных конвенций по обеспечению промышленной и экологической безопасности.

В далекие 40-е гг. XX в., когда принимался Устав ООН, еще не были известны новые угрозы, появившиеся вследствие развития атомной энергетики и химических производств. В преддверии глобализации специалисты по международной ответственности даже не разрабатывали конкретных программ, которые препятствовали бы трансграничному переносу опасностей, появлению опасных технологий, экологических и экономических войн, ядерного терроризма. Сейчас стала очевидной потребность в скорейшем сокращении разрыва между правотворчеством и правореализацией в сфере обеспечения международной безопасности жизнедеятельности (комплексной безопасности) с жесткой международной ответственностью за нарушение безопасности стран, непричастных к авариям, катастрофам и опасным технологиям. Механизм реализации международных норм по предотвращению чрезвычайных ситуаций, промышленной и экологической безопасности, охране и гигиене труда, основанный только на политических и экономических средствах, явно неэффективен. Необходимо скорейшее развитие института международно-правовой ответственности за их нарушение, адекватной степени опасности, за распространение в мире опасных технологий и инвестирование средств транснациональных корпораций и юридических (физических) лиц в опасные промышленные объекты, которые могут приводить к нарушению развития мировой экономики, к человеческим жертвам.

Работа в данной области права только начата. В первую очередь нужно признание и юридическое закрепление уголовной ответственности государственных органов и служащих, юридических и физических лиц за промышленную и иную экономическую деятельность, приводящую к нарушению экологической безопасности вне территории своих

государств, за преступления в сфере промышленной и энергетической безопасности, а также за другие международные экономические преступления с трансграничными последствиями. К таким преступлениям неприменим срок давности, так как негативные последствия зачастую проявляются через много лет. Ответственность должна наступать также и в том случае, если деяния отдельных юридических и физических лиц в сфере экономики и промышленности связаны с деятельностью государства, государственных органов и их должностных лиц. Этот принцип получил отражение в Уставах международных военных трибуналов 1945–1946 гг., а также в других международных конвенциях, касающихся различных уголовных преступлений международного характера.

Кодификация международных норм в этой области могла бы начаться с выработки единого подхода к обеспечению безопасности объектов повышенной опасности на территории третьих стран. Назрела необходимость принять международный акт о международной ответственности государств, их административно-управленческих структур и должностных лиц, ответственных за промышленную и экологическую безопасность в стране, если ими нарушены международные нормативы и стандарты по безопасности жизнедеятельности, что повлекло за собой крупные аварии с человеческими жертвами на территории иностранных государств.

Для этого необходимо, во-первых, установить неукоснительную обязанность государств нести ответственность за нарушения международных норм и стандартов по безопасности жизнедеятельности, промышленной безопасности и охране труда, за действия юридических и физических лиц с их территориями, приведшие к негативным последствиям международного масштаба. Во-вторых, нужно выделить в международном праве перечень конвенций и международных норм, нарушение которых влечет ответственность в случае негативных последствий, и определить понятие серьезных нарушений безопасности жизнедеятельности человечества наряду с военными преступлениями. В-третьих, требуется создать международную систему расследования и представления отчетов о крупных авариях в специально созданный орган ООН (Международный трибунал по преступным трансграничным переносам опасностей). Наконец, в-четвертых, надо всемерно развивать и поддерживать идею создания международной системы эколого-правового мониторинга с целью установления оснований для привлечения нарушителей международных норм по экологии и промышленной безопасности к международно-правовой ответственности.

Например, процесс установления в будущем международной ответственности может исходить, учитывая опыт бхопальской трагедии,

из таких предпосылок, как отсутствие достоверной информации об опасных химических веществах или доступа к ней; недооценка государственными органами потенциальной опасности химических веществ и их комбинаций для здоровья человека и окружающей среды третьей страны в случае поставки в эту страну промышленных химических технологий, не соответствующих уровню технического и научного потенциала этой страны; заведомо известное отсутствие квалифицированных кадров, необходимого оборудования, технологий и методов сбора, переработки и утилизации химических веществ в стране, принимающей опасную технологию (завод в Бхопале не располагал подготовленными инженерно-техническими и рабочими кадрами для надлежащего использования опасной промышленной установки).

Одной из самых сложных проблем в этой связи является разработка оснований международной ответственности за нарушения международных актов в области обеспечения безопасности человека в техносфере, т. е. формулирование однозначных и четких ответов на вопросы о том, на основе чего и за что возникает ответственность.

Основанием международно-правовой ответственности субъекта международного права должно являться совершение им международно-правонарушения, понятие которого сегодня не разработано в плане задач борьбы с преступлениями в техносфере, защиты комплексной безопасности. Имеющиеся определения носят скорее отсылочный характер и апеллируют к международным *техническим нормативам и стандартам* международных организаций (Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация по стандартизации и др.), тогда как международное правонарушение — это деяние (действие или бездействие) субъекта международного права, нарушающее международные договоры или обычные нормы и наносящее другому субъекту, группе субъектов или всему международному сообществу материальный либо нематериальный ущерб.

Последствия, а также формы и объем ответственности могут быть различными в зависимости от тяжести правонарушения в свете международных стандартов по промышленной безопасности и охране труда, от размера нанесенного ущерба, характера и степени опасности правонарушения и, в частности, должны учитывать следующие положения. Во-первых, это ответственность за инвестирование средств в заведомо опасные технологии, сооружение объектов повышенной опасности с нарушением общепризнанных норм технической безопасности и охраны труда. Во-вторых, обязанность государства-правонарушителя возместить причиненный ущерб другим субъектам международного права, а в отдельных случаях и их юридическим и физическим лицам в слу-

чае повлекших человеческие жертвы аварий на таких промышленных объектах.

Для институционализации этой области международного права необходимо разработать комплексную конвенцию в рамках ООН об ответственности государств за нарушение международной безопасности жизнедеятельности, создать на ее основе Управление Верховного комиссара ООН по комплексной безопасности человека, включая обеспечение промышленной и экологической безопасности и охраны труда, и расширить полномочия Интерпола в сфере расследования глобальных техногенных аварий. Тем самым будет положено начало системным мерам международного сообщества по предупреждению трагедий, подобных Бхопалу, Чернобылю, Фукусиме.

N. M. H. Khalafalla

Environment protection vs economic development: a case of food security

Environmental protection and economic development are mutually related. They are like two variables: one is independent (environment) and the other is dependent (economic development). The independent variable may eventually become dependent, if environmental protection gives a boost to economic development.

Global demand for food will double in coming decades¹ as the world's population grows, and so do the rates of consumption. Ensuring that our planet produces enough food for everybody in a sustainable way is a challenge, and climate change might hamper all our efforts in case people do nothing about it.

For nearly 50 years, Europe and North America produced millions of tons of grain, with prices at historic lows². Yet hundreds of millions of people

© Khalafalla N. M. H., 2013

¹ *Cribb J.* The coming famine: risks and solutions for global food security // Science Alert. Australia and New Zealand. 2010. April 17. URL: <http://www.sciencealert.com.au/features/20101804-20862.html> (access date: 20.05.2013).

² *Pingali Prabhu L.* (ed.) CIMMYT 1998/99 World Wheat Facts and Trends. Global Wheat Research in a Changing World: Challenges and Achievements. Mexico, D.F. : CIMMYT, 1999.

have still faced chronic hunger and malnourishment, which blighted generation after generation of children. One in three Africans still goes hungry today – what happens, in fact, in a world of plenty – so it is vital that we help the poorest people to gain access to the food that is actually available. The simple reality is that people go hungry because they are poor. The other way around: poverty is deepest and most extensive among rural populations that are dependent on agriculture, livestock, fisheries and forests for their livelihoods and food security³.

If we assume that food is the primary unit of economic activity, then environmental protection and sustainable development can foster economic growth. That is, the positive relation between economic growth and environmental protection brings food security about.

The said is the case of my country, Sudan. Although there are plenty of natural resources, poverty rate is high, food security is low, and local conflicts are plentiful. This led to prolonged civil war that last year split the country in two⁴.

In 2012 United Nations Food and Agriculture Organization (FAO) appealed to donor nations, humanitarian agencies and the Government of Sudan to work together to prevent a possible food crisis in the country. In a statement, FAO said that there is an urgent need for over US \$41 million, in order to provide emergency food assistance to the Sudanese. Sudan's 2011/12 harvest was significantly below average and this would result in increasing food insecurity across the country, according to the FAO report. The report stated:

Poor rainfall at the start of the cropping season reduced the total area cultivated and caused lower yields in the rain-fed sector. Poor pastures and uncertainty about access to South Sudan's pastures triggered some earlier-than-usual cattle migrations, before crops were ready to be harvested, causing crop destruction⁵.

It stressed especially that ongoing insecurity has compounded the problem by disrupting normal agricultural activities.

Sudan is plagued by environmental problems, including severe land degradation, deforestation, desertification and other impacts of climate

³ O'Brien S. Ghana: Food Security, Climate Change and Global Resource Scarcity // All Africa. 2012. May 21. URL: <http://allafrica.com/stories/201205211451.html> (access date: 20.05.2013).

⁴ For details, see: Khalafalla N. M. el-Hassan. Globalisation and internal difficulties for rising of labor productivity. Khartoum : SAAS, 2000.

⁵ Quasi Crop and Food Supply Assessment Mission to Sudan (Quasi-CFSAM) Report. FAO, January 2012.

change that threaten the prospects of lasting peace and sustainable development. According to the United Nations Environment Programme's (UNEP) "Sudan Post-Conflict Environmental Assessment" report (2007), clear linkages exist between environmental problems and the conflict in Darfur, as well as other historical and current conflicts in Sudan:

Competition over oil and gas reserves, Nile waters and timber, as well as land use issues related to agricultural land, are important causative factors in the instigation and perpetuation of conflict in Sudan. Confrontations over rangeland and rain-fed agricultural land in the drier parts of the country are a particularly striking manifestation of the connection between natural resource scarcity and violent conflict⁶.

In an attempt to join the international community's endeavors to address environmental issues, Sudan ratified the Global Environmental Conventions, in line with the global environmental objectives agreed upon at the UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, in 1992, and related international instruments. In doing so, the country became a party to the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) in 1992; a party to the United Nations Convention on Biodiversity (UNCBD) in 1995; and in November 1995, was the 16th state to ratify the United Nations Convention on Combating Desertification (UNCCD).

Food security: definition

In 1996, the World Food Summit defined food security as existing "when all people at all times have access to sufficient, safe, nutritious food to maintain a healthy and active life"⁷. The concept of food security usually implies both physical and economic access to food that meets people's dietary needs, as well as their food preferences. In many countries, health problems related to dietary excess are an ever-increasing threat.

Food security is based on three pillars⁸.

The first of them is **food availability** = sufficient quantities of food available on a consistent basis.

The second pillar is **food access**, that means having sufficient resources to obtain appropriate foods for a nutritious diet.

⁶ UNEP Post-Conflict and Disaster Management Branch. Sudan Post-Conflict Environmental Assessment, June 2007. URL: <http://postconflict.unep.ch/publications.php?prog=sudan> (access date: 20.05.2013).

⁷ Food Security // World Health Organization Glossary. URL: <http://www.who.int/trade/glossary/story028/en/> (access date: 20.05.2013).

⁸ Ibid.

The third one is **food use** that equals to appropriate use based on knowledge of basic nutrition and care, as well as adequate water and sanitation.

Food security is a complex sustainable development issue, linked to health through malnutrition, but also to sustainable economic development, environment, and trade. There is a great deal of debate around food security with some arguing that⁹:

1. We have enough food in the world to feed everyone adequately; the problem is distribution.
2. Current levels of production can – or cannot – meet future food needs.
3. National food security is paramount – or no longer necessary because of global trade.
4. Globalization may – or may not – lead to the persistence of food insecurity and poverty in rural communities.

Food security: global outlook

The world has been making progress in improving food security, as measured by the per person availability of food for direct human consumption. However, progress has been very uneven, and many developing countries have failed to participate in it¹⁰. In some countries, the food security situation is today worse than 20 years ago. Let me repeat: the persistence of food insecurity does not mean that the world as a whole lacks capacity to increase food production to whatever level would be required for everyone to have consumption assuring satisfactory nutrition. The world already produces sufficient quantities of food. The undernourished and the food-insecure persons remain hungry because they are poor in terms of income with which to purchase food, or in terms of access to agricultural resources, education, technology, infrastructure, credit, etc., to produce their own food. Economic development failures account for the persistence of poverty and food insecurity, too. In the majority of countries with severe food-security problems, the greatest part of the poor and food-insecure population depends greatly on local agriculture for a living. In such cases, development failures are often tantamount to failures of agricultural development.

There is a widespread opinion that development in agriculture can serve as the first crucial step toward broader development, with freedom eventually from excessive dependence on poor agricultural resources. Projections indicate that progress would continue, but at a pace and pattern that would be insufficient for under-nutrition to be reduced significantly in

⁹ Ibid.

¹⁰ *Elhimish Muneir*. Globalisation not the last choice. Cairo : Dar Alahly, 1998.

the medium-term future¹¹. As in the past, world agricultural production is likely to keep up with, and perhaps tend to exceed, the growth of the effective demand for food. The problem will continue to be one of persistence of poverty, leading to growth of the effective demand for food on the part of the poor that would fall short of that required for them to attain levels of consumption compatible with freedom from under-nutrition.

Agriculture remains the largest employment sector in most developing countries and some critics argue that trade liberalization may reduce a country's food security by reducing agricultural employment levels. Concern about this has led a group of World Trade Organization (WTO) member states to recommend that current negotiations on agricultural agreements allow developing countries to re-evaluate and raise tariffs on key products to protect national food security and employment. They argue that WTO agreements, by pushing for the liberalization of crucial markets, are threatening the food security of whole communities¹².

Food insecurity

Food insecurity is one of the major problems related to nutritional status. Famine is the most severe and acute form of food insecurity. Not infrequently, it concludes the process resulting from drought. This section discusses food security at both the national and household level, emphasizing the latter. Analyses of the problem area related to food security are somehow questionable. The first difficulty is the non-availability of an overall direct measure of the household food security situation. Even the indirect measures currently used are methodologically under-developed and not standardized and, therefore, we cannot compare various sets of data straight away.

The second difficulty: treating food security just as an issue of supply, without adequate linkages to the nutrition situation. What is food security and how can it be achieved still remains a subject of debate. Here, I adopt the World Bank and FAO definitions of food security: it encompasses adequate food supply, year-to-year stability, and economic and social accessibility.

Climate and Agriculture

There is little disagreement now that the climate is changing, and that such changes could fundamentally affect humanity's collective ability to feed

¹¹ *Lélé Sharachchandra M.* Sustainable development: A critical review // World Development. 1991. Vol. 19, № 6. P. 607–621.

¹² *Dent Ch.* Networking the Region? The Emergence and Impact of Asia-Pacific Bilateral Free Trade Agreement Projects // The Pacific Review. 2003. Vol. 16, № 1. P. 1–28.

itself. However, there is also little systematic knowledge of where climate effects will hit the hardest and how agriculture might adapt to a rapidly changing climate.

Global food security in the future will depend on growth in production in those areas of the world with favorable soils, adequate water resources, and high yields from wheat and rice cropping. Because the area devoted to rice and wheat cultivation in these favorable conditions has been stagnant or declining since the 1980s, with little prospect for reversing the trend, increases in grain production must come from increases in yield per hectare. To achieve the needed increases in yields of basic food grains, producers have to remove a broad range of constraints facing existing production systems. Indeed, they need additional inputs for crop production. No less essential is the emergence of new technologies for managing crop nutrients, fighting pests and diseases.

Under normal economic conditions, optimal farm management of high-intensity agriculture produces grain yields that approach 80 per cent of the technical ceiling achieved on experimental plots. As Asian farmers approach this limit, pushing out the technical yield ceiling will be crucial for maintaining growth in cereal yields into the 21st century¹³. If management practices focus on short-run profitability rather than on long-run sustainability, the challenge to scientists seeking to raise yield potential becomes more complex because of the deteriorating soils in which the crops are grown.

Most of the agricultural land in the developing world has less favorable endowments of soil and water resources than do the high-productivity farming areas of Asia. These regions are home to the majority of the poor in the world. Developments in production ecology suggest that significant improvement is possible in the management of biological processes, governing the efficiency and sustainability of the agricultural systems that dominate in these poor areas. For this, however, a substantial investment in research for crop production will be required.

The role of livestock in food security and environmental protection

Between 1975–1979 and then in 1990–1994 per capita consumption of milk and meat products in developing Asia, including China, grew by 2.4 per cent and 5.0 per cent respectively, and in 1995–2005 – by 0.5 per cent and 0.6 per cent¹⁴. This growth can be attributed to high growth rates in income

¹³ *Cassman K. G., Harwood R. R.* The nature of agricultural systems: food security and environmental balance // *Food Policy*. 1995. Vol. 20, № 5. P. 439–454.

¹⁴ The state of food and agriculture. Livestock in the balance. Rome: FAO, 2009.

and rapid urbanization. For Latin America, per capita milk and meat consumption has stagnated over the same period, perhaps because the region is already largely urbanized. Whereas in Sub-Saharan Africa (SSA) per capita consumption of milk and meat declined by 0.2 and 0.4 per cent over the same period, because of declining real incomes. Nevertheless, the scope for further increases in demand for livestock production thanks to the growth of income and urbanization is still large in the developing regions. Projections for them indicate likely increases in income ranging from 3 per cent per annum in SSA and Latin America, and to about 6 per cent in Asia. More than four in every ten people will live in urban centers. Calculations made as early as in 1997 predicted that while the share of the developed countries as a group in the global meat consumption would decrease from 53 to 36 per cent between 1993 and 2020, the same share of the developing countries would increase from 47 to 64 per cent over the same period¹⁵.

Research results show that in the developing world all categories of farmers get more cash from the livestock subsector than from the crop subsector. Livestock ownership has a significant impact on overall farm productivity. For example, households investing in such farm capital as animal traction respond more positively to expected cash crop incentives than households with manual cultivation¹⁶.

Livestock is central to nutrient cycling in Asia, Africa and Latin America. Although manure cannot replace all of the soil minerals removed by harvested crops, it recycles a significant proportion and adds organic matter that contributes to both harvest and water holding capacity of soils. Manure is often the only fertilizer available to peasant households in the developing world and it accounts for as much as 35 per cent, or more the one third, of soil organic matter in some areas¹⁷. The use of fodder banks – small, intensively managed pastures of forage legumes – has dramatic benefits for crop production, in addition to providing high-quality dry-season feed for cattle. Increasing livestock production can contribute to improved human nutrition and increased income, which in turn leads to increased investment resulting in better human health and the protection of the environment.

¹⁵ *De Haan C., Steinfeld H., Blackburn H. Livestock and the Environment : Finding a Balance / United Nations, United States Agency for International Development and the World Bank. Fressingfield, Eye, Suffolk, UK: WREN Media, 1997.*

¹⁶ *Little P. D. Cooperative Agreement on Human Settlements and Natural Resource Systems Analysis : Cross-Border Cattle Trade and Food Security in the Kenya / Somalia Borderlands / Institute for Development Anthropology. Binghampton, NY, 1996.*

¹⁷ Presentation made during “Regional multi-stakeholder workshop on food, security and nutrition” (Khartoum, Sudan, 17–18 September 2012).

There are two general approaches to combating nutrient and micro-nutrient deficiencies. The first of them is a food-based and implies dietary changes. The partisans of the second approach put emphasis on chemical supplements, such as vitamin A pills. In fact, the remedies suggested by the former approach are more sustainable. This is because they improve the general welfare of poor rural households, partly by raising the incomes of household members. Livestock, and especially dairy, can make unique contributions to the nutrition, particularly to the micronutrient and health status, of smallholder household members. In contrast to the developed world, where people eat too many animal products, most people throughout Sub-Saharan Africa dispose of too few animal products for good nutrition. Under these circumstances, increased milk consumption has a significant positive effect on the nutritional status of household members, especially children.

Besides important nutrients, especially carbohydrates, protein and calcium, meat and dairy products contain essential micronutrients in bio-available form such as vitamin A (retinol), the B-complexes and zinc, all essential for growth and proper physical and mental development. Evidence is mounting that the bioavailability of Vitamin A in carotene-rich leafy-green vegetables is much lower than we previously believed¹⁸. Studies done by the Human Nutrition CRSP in Kenya have shown that children deprived of vitamin B12, which comes only from animal products, suffer impaired learning abilities and do not develop their full human potential¹⁹.

In developed countries, animal products supply about 60 per cent of the total dietary protein, compared to only 22 percent in developing countries, where diets are composed of only a small number of staple foods. Meanwhile, animal products are of great importance in preventing malnutrition, as they are concentrated sources of essential amino acids, available in only limited quantities in the protein of staple vegetable foods. Again, in developed countries animal proteins account for more than 30 per cent of all calories in the diet, whilst in developing countries, this proportion is less than 10 per cent²⁰. If anything, realization of the importance of animal products in diets

¹⁸ See: Dietary Reference Intakes for Vitamin A, Vitamin K, Arsenic, Boron, Chromium, Copper, Iodine, Iron, Manganese, Molybdenum, Nickel, Silicon, Vanadium, and Zinc / National Academy Board. Washington, D. C., 2001.

¹⁹ *Neumann C. G., Harris D. M., Rogers L. M.* Contribution of animal source food in improving diet quality and function in children in the developing world // *Nutrition Research*. 2002. Vol. 22, № 1. P. 193–220.

²⁰ *Savado K., Reardon T., Pietola K.* Mechanization and agricultural supply response in the Sahel: a farm-level profit function analysis // *Journal of African Economies*. 1995. Vol. 4, № 3. P. 336–377.

urges to support measures for distribution of livestock and growth of its production among the rural poor in developing countries.

As an integral part of the farming system, livestock actively contributes to the sustainability of agricultural systems. Here, one can mention utilizing crop residues and other feeds and converting them to milk and meat. The other point is that, thanks to livestock, farmers have manure for a soil amendment, traction for timely cultivation and intensification, and a reserve convertible into cash in times of need.

To conclude, growing livestock production contributes to food security in several ways. Firstly, many poor smallholders gain direct access to more food of animal origin and earn cash income through sales of livestock and livestock products. Secondly, livestock ownership accrues significantly to greater aggregate cereal supply because of improved farm productivity through traction. Thirdly, increased production keeps livestock product prices down and allows consumers from low-income groups to buy such food. In spite of lower prices, producers win too, because the price and income elasticity for livestock products is higher than that of for crops, so lower prices enable increased demand, production and farm revenue.

Livestock and environment interactions

There are growing environmental concerns about maintaining, ameliorating and/or restoring the natural resource base for agriculture. Agriculturists often blame livestock production for harming the environment. Scenes of devastated rangelands are familiar, and the media often accuse livestock holders of overgrazing pastures. Yet, in the 1998 global consultation involving more than 1,000 people from 86 countries, none of the participants explicitly mentioned immediate negative impact of livestock on natural resources. The consultation clearly exposed that much of land degradation and environmental damage usually associated with livestock production is mainly due to population pressure coupled with poverty, and inappropriate livestock management practices and policies²¹. Ongoing international livestock research supports these conclusions. More to that, according to investigation data accumulated in the International Livestock Research Institute (ILRI), livestock can play a vital role in meeting both productivity and sustainability objectives, which are central to nutrient cycling²².

²¹ *Ehui S., Li-Pun H., Mares V., Shapiro B.* The role of livestock in food security and environmental protection // *Outlook on Agriculture*. 1998. Vol. 27, № 2. P. 81–87.

²² *Behnke R.* Natural resource management in pastoral Africa // *Development Policy Review*. 1994. Vol. 12, № 1. P. 5–27; *Hiernaux P.* The Crisis of Sahelian

Interactions between crops and livestock do add to the efficiency, stability and sustainability of farming systems in the developing world. Any alteration in resource flows can lead to desirable changes in the performance of either the crop, or livestock sector. As I already noted, mere use of livestock as draught animals fosters intensification that serves as alternative to expanded cultivation of marginally productive lands that may be vulnerable to degradation. Manure is another important input. Generally speaking, as an indispensable component of mixed crop-cum-livestock farming systems, livestock plays a crucial role in the introduction, survival and expansion of agricultural production systems, which are reasonably qualified as sustainable and environmentally sound ones.

There are opportunities for livestock production to break the desperate cycle of increased cropping, land degradation and poverty. Livestock production is not an end in itself: it is a cornerstone of sustainable farming systems. Growth in livestock production, in all its forms, can improve human nutrition and raise farm income. Then, it is quite reasonable that more investments in crop production – in better breeds, seeds and fertilizers – would follow. As standards of living rise, so do investments leading to better human health and protection of the environment.

* * *

The right to food is one of the most basic rights of humankind. However, hunger remains unacceptably widespread, while many systems of food production in use are simply unsustainable. The whole world must give some new ideas of how people could get rid of hunger and reach sustainable food security. Looking separately at the Africa situation, recent researches has shown that food security there can be a main determinant of conflict – together with inequality and poor governance. At the same time, almost every conflict has a major negative impact on food security²³. As long as gaining food security depends on economic development which itself depends on environmental protection, neglect towards environment issues leads to food crises and/or conflicts. Certainly, it also destroys the natural base of food production.

Pastoralism: Ecological or Economic? / International Livestock Centre for Africa. Addis Ababa, 1993. P. 15.

²³ *Bora S., Ceccacci I., Delgado Ch., Townsend R.* World Development Report 2011. Background Paper. Food Security and Conflict / World Bank, Agriculture and Rural Development Department, October 22, 2010; *Suliman M.* Sudan: Resource Wars and Identity. Cambridge : Cambridge Publishing, 2011 (in Arabic).

**Природно-техногенные катастрофы
как угроза безопасности
(на примере Японии и России)**

Безопасность человека обычно определяется как защищенность от различного вида угроз его жизни, здоровью, благосостоянию, идентичности, достоинству и т. д.¹ Источники угроз не менее многочисленны, чем аспекты или грани безопасности, и немалая их часть может быть объединена в категорию угроз, исходящих из *средовых источников* в широком смысле этого слова. То есть и от природных источников, и от рукотворных, и от сочетающих в себе признаки первых и вторых. Именно эти, одновременно и природные, и рукотворные по своему генезису угрозы безопасности человека и рассматриваются в данной статье.

В последние десятилетия отмечается значительное нарастание числа и тяжести последствий различного рода природно-техногенных аварий и катастроф, создающих серьезную угрозу безопасности человека на самых разных уровнях — от локального до регионального и даже глобального. Дальнейший их рост прогнозируется и до конца текущего столетия. Под природно-техногенными понимаются аварии и катастрофы в техносфере, спровоцированные или усиленные какими-либо процессами или явлениями природного характера. Угрожающая динамика природно-техногенных аварий объясняется, с одной стороны, наблюдающимся увеличением повторяемости и интенсивности проявления различных неблагоприятных и опасных природных процессов и явлений, а с другой — значительно усложнившимся составом современных технологических систем, попадающих под опасные природные воздействия, а также все большим продвижением экономической деятельности в районы природного риска.

© Петрова Е. Г., 2013

¹ См., например: *Тер-Акопов А. А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М. : Изд-во МНЭПУ, 1998; *Миграция и безопасность в России* / под ред. Г. Витковской и С. Панарина ; Московский Центр Карнеги. М. : Интердиалект+, 2000; *Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур* (Материалы международного семинара г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоиес, 2012; *Common Security in Asia : New Concepts of Human Security* / ed. by Tatsuhiro Matsumae and Lincoln C. Chen. Tokyo : Tokai Univ. Press, 1995; *Rothschild E.* What is Security? // *Daedalus*. 1995. Vol. 124, № 3. P. 55–98.

Наибольшую угрозу безопасности представляют ураганы, наводнения, землетрясения и цунами разрушительной силы, обрушивающиеся на густонаселенные районы со сложной производственной инфраструктурой. Они приводят к наиболее тяжелым социальным, экономическим и экологическим последствиям и могут вызвать природно-техногенные катастрофы. Отличительной особенностью подобных событий является их синергетический характер: воздействие одного стихийного бедствия может усиливаться воздействием им же вызванного другого стихийного бедствия (как в случае с землетрясениями, порождающими цунами), провоцируя одновременное возникновение многочисленных аварий на объектах техносферы, в свою очередь, провоцирующих новые аварии по принципу домино. По сравнению с «обычными» стихийными бедствиями или техногенными авариями ликвидация последствий природно-техногенных катастроф, как правило, бывает очень сильно затруднена, поскольку приходится справляться с результатами сразу и тех, и других. Последствия эти тем более тяжелы, чем выше плотность населения и концентрация промышленных и инфраструктурных объектов в затрагиваемых бедствием районах.

I

Особые проблемы создаются в тех случаях, когда в зону интенсивных природных воздействий попадают объекты повышенной опасности, такие как АЭС, нефтеперерабатывающие и химические предприятия, нефте-, газо- и продуктопроводы, хранилища сильнодействующих ядовитых или вредных веществ, опасных, в том числе радиоактивных, отходов. При этом все силы и средства быстрого реагирования, как правило, направляются прежде всего на борьбу со стихией, что ограничивает возможность ликвидации вторичных техногенных последствий, которые могут оказаться не менее, а иногда и более серьезными, особенно когда транспортные коммуникации и необходимая инфраструктура разрушаются, а экономические связи прерываются.

Одна из крупнейших природно-техногенных катастроф произошла 11 марта 2011 г. в Японии в результате самого сильного за всю историю инструментальных наблюдений девятибалльного землетрясения у северо-восточных берегов острова Хонсю, вследствие чего на побережье обрушилось цунами более 30 метров высотой. Эта катастрофа стала очередным печальным подтверждением уязвимости современной техносферы и общества, даже такого высокоразвитого и подготовленного к стихийным бедствиям, как японское. Основная причина столь трагического развития событий заключалась в том, что параметры природных

воздействий на этот раз превысили все ожидаемые пределы и запроек-тированные нормы.

Катастрофа имела колоссальные социальные, экономические и экологические последствия не только для Японии, но и для других стран, приобрела поистине глобальный характер. По последним данным, количество погибших или пропавших без вести достигло почти 20 тыс. человек; более 27 тыс. получили ранения, около 400 тыс. лишились крова. Инфраструктура на северо-востоке страны была практически уничтожена: более 1,2 млн домов разрушены полностью или получили значительные повреждения, снесены тысячи километров коммуникаций, железных и автомобильных дорог, более 70 мостов, разрушен аэропорт в г. Сендае. По суммарному объему нанесенного ущерба, который был оценен более чем в 500 млрд долларов, это стихийное бедствие стало самым разрушительным и самым разорительным. При этом, согласно оценкам, в общем объеме прямых и косвенных экономических потерь 41% стал результатом самого землетрясения, 36% — цунами и 23% — спровоцированной им аварии на АЭС «Фукусима-1». Помимо нее землетрясение и цунами вызвали аварии на АЭС «Онагава», «Токай» и «Хигасидори», а также в хранилище ядерных отходов в Роккасё; взрывы и пожары на нефтеперерабатывающем заводе в Чибе и на нефтехимическом предприятии в Сендае; множество других пожаров, железнодорожных, водных, автомобильных катастроф и др.²

Авария на АЭС «Фукусима-1» была самой значительной по своим последствиям, в результате нее произошел выброс радиоактивных веществ в атмосферу, почву и океан. Сначала ей был присвоен пятый уровень опасности по международной шкале ядерных событий (INES), но достаточно быстро он был повышен до седьмого, самого высокого. В первые дни после аварии было эвакуировано население из двадцатикилометровой зоны вокруг АЭС, впоследствии зона эвакуации была расширена до 30 км. В общей сложности свои дома пришлось покинуть более чем 140 тыс. человек. Вынуждены были прекратить работу и понесли убытки промышленные, сельскохозяйственные и другие предприятия в зоне отчуждения АЭС. Не только в Японии, даже в далеких от Фукусимы районах, но и в некоторых других странах и регионах, включая Дальний Восток России, возникла паника среди населения. Японию

² Здесь и далее приводятся данные о катастрофе 11 марта 2011 г. и ее последствиях, размещенные на специализированном сайте [Earthquake-report.com](http://earthquake-report.com). См.: Japan — 366 days after the Quake... URL: <http://earthquake-report.com/2012/03/10/japan-366-days-after-the-quake-19000-lives-lost-1-2-million-buildings-damaged-574-billion/> (access date: 09.07.2013).

спешно покинули многие работавшие в ней иностранцы, резко сократился приток в страну иностранных туристов, в том числе и из России.

Кроме серьезного, полностью еще не оцененного социального и экологического ущерба, который, по всей видимости, будет сказываться в течение многих десятилетий, авария на «Фукусиме-1» нанесла существенный ущерб экономике страны. Она поставила под сомнение безопасность атомной энергетики, на развитие которой делало основную ставку японское государство в своей энергетической политике. Под давлением массовых протестов населения правительство Японии было вынуждено остановить все 55 промышленных ядерных реакторов (последний был остановлен 5 мая 2012 г.), которые до марта 2011 г. вырабатывали почти 30% электроэнергии страны. В результате наступил острый энергетический дефицит. Встал вопрос о переходе на альтернативные источники энергии, активизировались переговоры об участии Японии в энергетических проектах России, о расширении российских поставок углеводородов. Из-за дефицита энергии страна оказалась более уязвима и в вопросах международного сотрудничества. Так, после введения США и Евросоюзом санкций против Ирана Япония хотя и поддерживала их, но стала говорить о том, что не может заменить другими источниками импортируемую ею из Ирана нефть (около 14% всего нефтяного импорта), а потому призывает своих партнеров к пониманию³.

Правда, японские ядерные реакторы были остановлены не навсегда, а только для плановой технической проверки. Несмотря на очевидную опасность эксплуатации АЭС в условиях повышенного сейсмического риска, Япония пока не собирается полностью отказываться от использования атомной энергии. Уже в начале июля 2012 г. были перезапущены два энергоблока АЭС «Ои» (префектура Фукуи). В декабре 2012 г. победившая на парламентских выборах Либерально-демократическая партия Японии заявила о намерении пересмотреть планы прежнего правительства по полному отказу от атомной энергетики и закрытию всех АЭС к 2030 г. После избрания новый премьер-министр Синдзо Абэ намекнул, что в дальнейшем работу остановленных реакторов придется возобновить. Между тем после аварии на «Фукусиме» многие другие страны мира заявили о пересмотре своих программ развития атомной энергетики. Так, правительство Германии объявило о решении вывести свои АЭС из эксплуатации к 2022 г. Стала вновь актуальной

³ Казаков О. И. Великое бедствие на Востоке Японии: последствия для страны и мира // История и культура традиционной Японии 5 / отв. ред. А. Н. Мещеряков ; РГГУ, Ин-т восточных культур и античности. СПб. : Гиперион, 2012. С. 430–439.

проблема перехода на экологически безопасные технологии производства электроэнергии, а также до сих пор не решенная проблема безопасной утилизации ядерных отходов, отработанного ядерного топлива и надежной консервации АЭС после их остановки.

Другим ярким, хотя, по счастью, не столь катастрофичным примером того, как природные воздействия на техносферу создают серьезную угрозу безопасности и приводят к значительному экономическому ущербу, может служить ситуация на юге Исландии, сложившаяся весной 2010 г. в связи с извержением вулкана Эйяфьятлайокудль. Из-за его сильных пепловых выбросов, распространившихся в атмосфере практически над всей северной частью Европы, были отменены десятки тысяч гражданских авиарейсов и парализована работа сотен европейских аэропортов, в том числе аэропорта «Пулково» в Санкт-Петербурге. По данным Еврокомиссии, кризис затронул около 10 млн пассажиров, суммарные убытки от него составили 2,5 млрд евро⁴. Только благодаря принятию масштабных мер по отмене рейсов удалось избежать авиакатастроф и человеческих жертв, которые могли бы произойти при попадании самолетов в облако вулканического пепла.

II

В России природно-техногенные аварии с катастрофическими последствиями случаются достаточно редко. Однако их возможность необходимо учитывать, особенно при освоении районов повышенного природного риска, каким является, например, Дальневосточный регион, подверженный воздействию землетрясений, цунами, вулканических извержений, а также целого ряда других природных опасностей: сильных ветров, штормов, снегопадов и т. д.

Наиболее тяжелыми были последствия землетрясения на Сахалине 28 мая 1995 г., которое стало самым разрушительным в России за всю ее историю. В эпицентре сила толчков, по разным оценкам, достигала 8–10 баллов. Был разрушен поселок Нефтегорск, погибли 2,1 тыс. человек. Пострадали также город Оха и поселки Сабо, Тунгор, Ноглики, Москальво, Колендо, Эхаби, Восточный-1, Некрасовка. В ценах 1995 г. только в Нефтегорске экономический ущерб составил 400 млрд рублей⁵. Землетрясение вызвало более 200 прорывов нефтепроводов АО «Сахалинморнефтегаз»; были повреждены 275 км магистрального и более

⁴ Авиаиндустрия ЕС потеряла из-за вулкана 2,5 млрд евро. URL: <http://top.rbc.ru/economics/27/04/2010/400044.shtml> (дата обращения: 09.07.2013).

⁵ Землетрясение в Нефтегорске 28 мая 1995 г. Справка // РИА Новости. URL: <http://ria/documents/20100528/239209313.html> (дата обращения: 09.07.2013).

100 км промысловых нефтепроводов, нефтеперекачивающая станция, четыре пункта сбора и подготовки нефти и газа. Вышли из строя 200 эксплуатационных скважин и одна буровая установка, произошло более 100 прорывов коллекторов нефтяных скважин. В окружающую среду вытекло, по некоторым данным, несколько десятков тысяч тонн нефти. Природе был нанесен огромный ущерб, поскольку все нефтепроводы традиционно были закопаны в грунт, поскольку не были рассчитаны на сейсмические события. По нерестовым рекам нефть ушла в заливы и в Охотское море⁶.

Более 90% всех природно-техногенных аварий в России происходит под действием опасных природных процессов, явлений гидрологического и метеорологического характера или связанных с ними природных опасностей другого генезиса. Это показал анализ информации, собранной автором в постоянно пополняемой электронной базе данных по чрезвычайным ситуациям в техносфере, в том числе вызванным природными причинами⁷. В базу данных заносится информация о времени и месте возникновения чрезвычайной ситуации с указанием страны, региона / субъекта федерации, точной локализации (с привязкой по отношению к ближайшим населенным пунктам) и географических координат. А также — о типе чрезвычайной ситуации, количестве пострадавших и погибших, материальном и экологическом ущербе. Указывается предполагаемая причина аварии, приводятся ее краткое описание и источник информации. Основными источниками исходных данных служат оперативные сводки МЧС РФ, а также другая открытая информация, в том числе сообщения печатных и электронных СМИ. В настоящее время база данных насчитывает около 14 тыс. единиц информации.

В результате ее анализа было выделено десять типов природно-техногенных чрезвычайных ситуаций (далее — ПТЧС). На долю четырех из них приходится свыше 4/5 всех ПТЧС.

1. Аварии систем электро-, тепло-, водоснабжения и связи вследствие сильных ветров, снегопадов, дождей и града, сильных морозов, грозовых разрядов, снежных лавин, селей, оползней или землетрясений — более 60% всех ПТЧС.

2. Внезапные обрушения зданий и сооружений под воздействием сильных ветров, снегопадов, дождей, подтоплений или просадок грунта — 15%.

⁶ См.: Воробьев Ю. Л., Акимов В. А., Соколов Ю. И. Предупреждение и ликвидация аварийных разливов нефти и нефтепродуктов. М. : Ин-октаво, 2005.

⁷ Петрова Е. Г. Природно-техногенные ЧС в России: опыт составления и анализа базы данных // Снежные лавины, сели и оценка риска : вып. 2 / под ред. А. Л. Шныпаркова. М. : Университетская книга, 2009. С. 152–162.

3. Прорывы трубопроводов в результате землетрясений, различных склоновых процессов, а также сильных ветров, снегопадов, дождей, града или ударов молний — 6%.

Удельный вес каждого из остальных шести типов ПТЧС незначителен и потому не приводится.

4. Пожары и взрывы, возникшие из-за сильной жары или ударов молний.

5. Взрывы и пожары на шахтах по причине аккумуляции водорода и метана вследствие глубинной дегазации Земли⁸.

6. Водные аварии — следствия штормов, циклонов, тайфунов и туманов.

7. Автомобильные аварии из-за снегопадов и метелей, гололедицы, дождей, туманов, снежных лавин или селей.

8. Железнодорожные аварии, вызванные снежными заносами, дождями, лавинами, селями, оползнями, камнепадами или сильной жарой.

9. Авиакатастрофы, обусловленные неблагоприятными метеоусловиями и другими природными факторами.

10. Аварии с выбросом загрязняющих веществ в результате наводнений или оползней.

Самую большую долю в общем числе ПТЧС в России составляют аварии на объектах производственной и транспортной инфраструктуры, таких как системы электро-, тепло- и водоснабжения, трубопроводы, линии связи, железные и автомобильные дороги. Наиболее часто происходят обрывы проводов воздушных ЛЭП под воздействием целого комплекса неблагоприятных природных воздействий: сильных ветров, снегопадов, налипания мокрого снега, обледенения и т. д. Особая опасность этих аварий заключается в том, что они, как правило, затрагивают целые регионы и приводят к продолжительным отключениям электроэнергии в жилом секторе, на промышленных предприятиях, сельскохозяйственных, транспортных, социальных и других объектах. Это, в свою очередь, может вызвать цепь других аварий, создает социальные и иные проблемы. Среди субъектов РФ по повторяемости таких аварий лидируют Сахалинская область и Краснодарский край, но возникают они и во многих других регионах. Один из примеров — последствия «ледяного дождя», наблюдавшегося 25–26 декабря 2010 г. в Московском регионе. Из-за обрывов проводов, вызванных как самим «ледяным дождем», так и падением деревьев под его тяжестью, а также снегопадами и сильным ветром, без электричества долгое время оставались многие населенные пункты Московской, Тверской, Нижегородской и Смоленской

⁸ См. в этой связи: *Сывороткин В. Л.* Глубинная дегазация Земли и глобальные катастрофы. М. : Геоинформцентр, 2002.

областей. Режим чрезвычайной ситуации был введен в 18 районах Подмосковья, общая сумма потерь Московской областной электросетевой компании оценена в 1,3 млрд рублей⁹.

Значительный экономический и экологический ущерб наносят аварии на трубопроводном транспорте, особенно те из них, которые сопровождаются разливами нефти и нефтепродуктов. Абсолютным лидером по числу таких аварий является Ханты-Мансийский автономный округ. Основные их причины — сильная изношенность фондов и «человеческий фактор» (случайное или преднамеренное повреждение труб, эксплуатационные ошибки). Среди природных причин наиболее значимы оползни (Краснодарский и Ставропольский края, республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Чечня и Удмуртия, Саратовская и Самарская области) и смещения грунта (Ленинградская и Смоленская области, Республика Чувашия, Ханты-Мансийский АО); сильные ливни и наводнения (Краснодарский и Ставропольский края, Пензенская, Саратовская области, республики Кабардино-Балкария, Татарстан, Саха и Северная Осетия), а также сильный ветер (Краснодарский и Ставропольский края, Самарская и Оренбургская области, республики Чувашия и Мордовия); превышение снеговых нагрузок (Сахалин); морозное пучение грунтов и другие геокриологические процессы (Республика Коми, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО).

Железнодорожные аварии природного происхождения были зафиксированы на территории 18 субъектов РФ. В том числе: из-за метелей и снежных заносов — в Ямало-Ненецком АО; из-за сильных ливней — в Республике Дагестан и Амурской области; из-за схода снежных лавин — в Сахалинской области и Хабаровском крае; по причине сильной жары — в Республике Калмыкия и Ростовской области; вследствие оползней — в Краснодарском крае и Орловской области; из-за камнепадов — в Хабаровском крае и Республике Башкортостан. Основными природными причинами автомобильных аварий являются снегопады и метели, гололеда, дожди и туманы. ДТП, случившиеся из-за природных воздействий, были зарегистрированы в 31 субъекте РФ.

III

Поскольку большая часть всех происходивших в России за последние 20 лет ПТЧС была вызвана воздействием неблагоприятных и опасных природных процессов и явлений гидрологического и метеорологического характера, следует ожидать увеличения их повторяемости

⁹ Последствия «ледяного дождя» 2010 года // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20121030/908026582.html> (дата обращения: 09.07.2013).

и тяжести их последствий в связи с прогнозируемой активизацией этих процессов к концу столетия. Так, ожидаемая положительная динамика осадков в холодное время года (особенно жидких при наличии снежного покрова), чередование оттепелей и похолоданий усиливает вероятность обрыва проводов ЛЭП, внезапных обрушений крыш и транспортных аварий. Ожидается возрастание числа и тяжести ПТЧС, вызываемых наводнениями и паводками. Прогнозируемое увеличение продолжительности периодов с критически высокими значениями температуры воздуха в центральных и южных районах России может повысить вероятность возникновения пожаров, в том числе и на объектах техносферы. Активизация геокриологических опасностей создает угрозу разрушения автомобильных и железных дорог, нефте-, продукто- и газопроводов, ЛЭП и других линейных сооружений, а также внезапного обрушения зданий, построенных в расчете на постоянно мерзлый грунт. По мере таяния вечной мерзлоты особой опасности будут подвергаться те районы на севере России, где находятся хранилища радиоактивных и других промышленных отходов. Развитие нефтедобычи на Сахалине будет происходить в условиях повышенного сейсмического и других природных рисков.

Все эти возможные негативные последствия делают проблему воздействия природных опасностей на техносферу и возникающую в связи с этим проблему безопасности особенно актуальной. Необходимо продолжать исследования в этой области. В первую очередь они должны быть направлены на снижение уязвимости экономики российских регионов по отношению к неблагоприятным природным воздействиям, особенно в тех районах, где риск возникновения ПТЧС наиболее велик. А самым важным уроком бедствия 11 марта 2011 г. в Японии для нашей страны должен стать вывод о недопустимости размещения особо опасных промышленных объектов в зонах повышенного природного риска.

Н. К. Семенова

Энергоресурсы и безопасность в пространстве Шанхайской организации сотрудничества

Формирование общемирового финансово-экономического пространства и нового характера общественного разделения труда, создание единой рыночной и транспортно-коммуникационной инфраструк-

туры обостряют конкуренцию и на мировом, и на региональных энергетических рынках. Значение энергетического фактора неуклонно возрастает, в национальных внешнеэкономических и внешнеполитических стратегиях ему отводится все более значимая роль, что ставит перед мировым сообществом сложные задачи — это и поиск более эффективных методов внешнеэкономической деятельности, и оптимизация транзитных транспортных коммуникаций, и установление стабильных партнерских связей с производителями и потребителями энергоресурсов¹. Экспертное сообщество констатирует: топливно-энергетическая тематика становится частью международных отношений, а контроль над нефтегазовыми регионами и возможность маневрировать энергоресурсами — ключевыми условиями политического и экономического влияния в мире². Соответственно, энергетическая безопасность, понимаемая как «обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи»³, все чаще воспринимается как фундаментальная проблема национальной безопасности.

I

Существенные изменения, произошедшие в последние годы в мировой экономике в связи с кризисом, усугубились множеством факторов нерыночной природы. Это и потепление климата планеты с непредсказуемыми экстремальными погодными катаклизмами, и социально-политические потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке, и энергетическая катастрофа в Японии. Все эти факторы делали и делают ситуацию в сфере энергетической политики нестабильной и трудно

¹ Кондаков С. А. Энергетика и глобализация // Мир и политика. 2011. 10 сентября. URL: <http://mir-politika.ru/168-energetika-i-globalizaciya.html> (дата обращения: 15.04.2013).

² См., например: Лузянин С. Г. Евразийские энергетические «коридоры»: проблемы сотрудничества России с регионами Центральной и Северо-Восточной Азии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А. В. Торкунова, науч. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М. : МГИМО-Университет, 2007. С. 481–503; Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональная трансформация. М. : МГИМО, 2010. С. 149; Саруханян С., Сергеев В. Собственность на энергоресурсы и суверенитет. URL: http://polit.ru/article/2009/02/03/sevak_sarukhanyan/ (дата обращения: 15.04.2013).

³ Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy / Jan H. Kalicki and David L. Goldwyn (eds.). Washington ; Baltimore : Woodrow Wilson Center Press ; Johns Hopkins University Press, 2005. P. 9.

прогнозируемой. Одновременно формирующийся дефицит углеводородного сырья требует осуществления масштабных проектов в энергетике и транспортной сфере, прокладывания новых, в том числе трансконтинентальных, маршрутов, связывающих Запад и Восток для стабильного удовлетворения потребностей в углеводородах.

В этом контексте особую роль в Евразии играют два крупнейших государства — Россия и Китай, стратегическое партнерство которых в современных условиях направлено на поиск дополнительных ресурсов для стабилизации и развития в ключевых евразийских субрегионах от Каспия до Корейского полуострова⁴, в частности в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР)⁵.

С новой силой возрастает значение восточного вектора в экономической стратегии России. К 2030 г. четверть всей мировой нефти будут экспортировать в страны Азиатско-Тихоокеанского союза. Такой прогноз сделали эксперты на XI Московском международном энергетическом форуме⁶. Поэтому России необходимо укреплять позиции в своем восточном энергосекторе. Если удастся выполнить задачи энергетической стратегии до 2030 г., то к этому времени доля газовых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока может составить одну треть от всех новых месторождений, а нефтяных — 50%⁷. Специалисты предупреждают: думать о диверсификации поставок горючего нужно уже сейчас. Сегодня большая часть топлива идет на Запад. Проблема

⁴ Лузянин С. Г. Евразийская политика России. Глобальные вопросы развития в российской и китайской проекциях. URL: http://www.abirus.ru/user/files/Polit/luzyanin_evraziiskaya_politika_rossii.pdf (дата обращения: 10.04.2013).

⁵ При определении границ Центральной Азии по климатическому критерию в нее включают Монголию, Западный Китай, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России к югу от таежной зоны, Казахстан и четыре бывших советских среднеазиатских республики. При определении по этническому составу населения, принятому в статье, включают территории, населенные тюркскими народами: Синьцзян, тюркоязычные регионы Южной Сибири, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан (хотя большинство населения последнего образуют ираноязычные таджики и памирцы) и афганский Туркестан. См.: *Лузян А.* «Большая Центральная Азия» — геополитический проект или внешнеполитический инструмент? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1207304460> (дата обращения: 10.04.2013).

⁶ XI Московский международный энергетический форум (ММЭФ-2013): новый импульс к стратегическому осмыслению будущего ТЭК России. URL: <http://www.mief-tek.com> (дата обращения: 15.04.2013).

⁷ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. URL: <http://www.worldenergy.ru/pdf/ES2030.pdf> (дата обращения: 15.04.2013).

в том, что на востоке РФ практически не развит нефтехимический комплекс — и для расширения добычи нефти и газа необходима мощная инвестиционная составляющая.

Усиление восточного энергетического вектора видится в участии России в интеграционных процессах и объединениях в сфере энергетики в Центральной и Восточной Азии, в частности в развитии трубопроводного транспорта углеводородов.

По мере проведения экономических реформ и роста промышленного производства в КНР резко возрастает потребность в нефти и газе. Пекин стремится уменьшить зависимость Китая от российских энергоресурсов⁸ и в этой связи рассматривает ЦАР как потенциально значимый источник нефти и газа. К тому же пути поставки нефти и газа из ЦАР не столь протяженны и более безопасны, нежели альтернативные маршруты.

В своей энергетической стратегии Китай делает ставку на быструю и эффективную реализацию транспортных, энергетических и инвестиционных проектов в двусторонних форматах со странами ЦАР. Общий объем осваиваемых китайских инвестиций в странах Центральной Азии составил в 2011 г. около 17 млрд долларов⁹. Важно отметить, что, финансируя экономики центральноазиатских стран, Китай способствует социально-экономическому развитию и укреплению стабильности своих западных провинций, обеспечению безопасной среды по периметру границ Синьцзян-Уйгурского автономного района и тем самым — ослаблению накала уйгурского сепаратизма.

II

Россия, Китай и страны ЦАР остро заинтересованы в новом мировом экономическом и политическом порядке. Это благоприятствует выработке ими единой позиции по некоторым международным проблемам. Их интересы во многом совпадают и в плане безопасности. Экономический рост центральноазиатских стран, сопровождающийся удовлетворением насущных жизненных потребностей их населения, — залог политической устойчивости и безопасности не только этих стран, но

⁸ Rosner K. Sino-Russian Energy Relations in Perspective. URL: http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=260:sino-russian-energy-relations-inperspective&catid=110:energysecuritycontent&Itemid=366 (access date: 05.03.2013).

⁹ Лузянин С. Г. Центральная Азия — измерения безопасности и сотрудничества. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1329808260> (дата обращения: 05.03.2013).

в значительной мере и сопредельных государств¹⁰. Напротив, дестабилизация в Центральной Азии непосредственно повлияет на безопасность западных районов Китая и юга России.

Между тем у ЦАР — высокий конфликтный потенциал, обусловленный, помимо прочего, противоречиями, связанными с использованием природных ресурсов. Это ставит под угрозу осуществление энергетических проектов: их реализация и долгосрочность находятся в прямой зависимости от обеспечения их безопасности, нивелирования существующих политических рисков, начиная с субрегионального уровня.

Первая проблема на этом уровне — территориальное размежевание Каспийского моря, то есть раздел между пятью прикаспийскими государствами его акватории, а значит — нефтегазовых и биологических ресурсов шельфа¹¹. Азербайджан, Казахстан и Туркмения настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран — на закреплении одной пятой части моря за каждым из прикаспийских государств. Россия, Азербайджан и Казахстан подписали в 2003 г. соглашение о частичном разделе Каспийского моря по срединной линии, тогда как между Ираном, Туркменией и Азербайджаном остались неурегулированными спорные вопросы, в том числе о национальной принадлежности некоторых месторождений нефти на морском дне. Это споры между Азербайджаном и Ираном по поводу месторождения Араз-Алов-Шарг и между Азербайджаном и Туркменией из-за месторождений Осман (Чираг), Хазар (Азери) и Алтын Асыр (Шарг).

Предпосылки возможных конфликтов в ЦАР, не исключая конфликты вооруженные, сохраняются под воздействием и гораздо более существенных дестабилизирующих факторов.

Во-первых, прогрессирующая разобщенность стран региона. Она обусловлена политическими амбициями правящих элит, которые в межгосударственных отношениях руководствуются узкими националистическими интересами¹². В каждом государстве региона политическое руководство ставит упрощенно понимаемую национальную безопасность выше безопасности региональной. И тем самым лишает себя воз-

¹⁰ Сафронова Е. И. К вопросу об объективной необходимости российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии // Китай: шансы и вызовы глобализации : тез. докл. XIV Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 23–25 сентября 2003 г.). М. : ИДВ РАН, 2003. Ч. 2. С. 39.

¹¹ См.: Пустовойтова Е. Битва за Каспий. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/bitva_zh_kaspj_2011-11-03.htm (дата обращения: 05.03.2013).

¹² Рудов Г. А. Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии // Обозреватель = Observer. 2011. № 4 (255). С. 103.

возможности обеспечить тот или иной конкретный аспект собственной, столь ревниво оберегаемой национальной безопасности, например, энергетический или транспортный¹³. Другое следствие — конкуренция стран региона в инвестиционной сфере, несогласованность в вопросах внешней политики, борьба за региональное лидерство.

Во-вторых, столкновение национальных экономических интересов не только из-за газа и нефти Каспия, но и из-за воды и гидроэнергетических ресурсов. В силу географического расположения Узбекистан, Казахстан и Туркменистан попадают в водную зависимость от Таджикистана и Кыргызстана, обладающих крупными запасами воды. Узбекистан препятствует строительству новых ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, используя в качестве инструмента давления прекращение поставок газа в эти страны. Получается замкнутый круг: чтобы компенсировать недопоставки узбекского топлива, Таджикистан и Кыргызстан увеличивают выработку электроэнергии на своих ГЭС зимой, что автоматически влечет за собой сокращение объемов воды на орошение полей Узбекистана летом. Узбекистан в ответ применяет санкции к «обидчикам» — задерживает транзитные грузы, поднимает цены на поставляемые им углеводороды¹⁴. Частный случай этого генерального противоречия между государствами верховий и государствами низовий — обострение отношений между Таджикистаном и Узбекистаном в связи со строительством Рогунской ГЭС. Для Таджикистана это строительство — средство ликвидировать зимний дефицит электроэнергии и в перспективе стать ее экспортером, для Узбекистана — угроза еще большей зарегулированности стока Аму-Дарьи соседним государством, а в случае аварии, вероятной в сейсмической зоне, — прорыва самой высокой в мире плотины с последующим катастрофическим наводнением¹⁵.

В-третьих, проблемы перенаселенных субрегионов. Хотя в ЦАР намечились признаки демографического перехода в среде титульного населения, пирамида возрастов здесь такова, что сохраняется высокий уровень рождаемости. Численность населения региона — более 57 млн

¹³ Борисова Е., Панарин С. Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / отв. ред. Сергей Панарин. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 276.

¹⁴ Там же. С. 269–273.

¹⁵ Бондарь Е. Центральная Азия после СССР: Объединение или отъединение? URL: <http://www.fergananews.com/articles/7589> (дата обращения: 19.02.2013); Борисова Е. А. Споры вокруг Рогунской ГЭС // История и современность. 2011. № 1. С. 93–106.

человек¹⁶. Наиболее сильно его давление ощущается в Ферганской долине, где на площади всего в 22 тыс. км² проживает 12 млн человек¹⁷ (2009). Это один из самых густонаселенных регионов мира: плотность его населения — от 300 до 550 человек на квадратный километр (в ЦАР в целом на один квадратный километр приходится всего 14 человек)¹⁸. Нехватка непосредственно жизнеобеспечивающих ресурсов¹⁹ и, как следствие, безработица, бедность, межэтнические противоречия и т. д., в большей или меньшей степени характерные для многих районов ЦАР, здесь представлены в концентрированном виде.

В-четвертых, тяжелая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Ферганской долине, усугубляется проблемой границ. После 1991 г. этот субрегион, фактически единый с точки зрения общности исторического прошлого, экономической специализации, хозяйственной и транспортной инфраструктуры, оказался разделенным не формальными, как это было во времена СССР, а настоящими государственными границами, становящимися все более непроницаемыми²⁰. При этом пограничное размежевание в Ферганской долине между Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном означает не только демаркацию границ и установление правильного пограничного режима, но и решение крупной этнической проблемы. Ведь по разные стороны границ трех государств проживают, в виде анклавных вкраплений, большие группы людей тех национальностей, которые являются в соседних государствах титульными. Впрочем, проблема границ и меньшинств не исчерпывается Ферганской долиной — в такой же или менее острой форме она ассоциируется общественным сознанием со многими участками межгосударственных границ в регионе²¹. Достаточно вспомнить о том, что, по

¹⁶ Классификатор стран мира. URL: <http://www.mir-geo.ru> (дата обращения: 18.02.2013).

¹⁷ Мотивы и направления миграции кыргызов юга Кыргызстана. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4535/> (дата обращения: 20.03.2013).

¹⁸ Ферганская долина. URL: <http://www.silkroadadventures.net/ru/Uzbekistan/18TheNature/4Fergana.html> (дата обращения: 05.03.2013).

¹⁹ «Непосредственно жизнеобеспечивающие ресурсы — это в условиях Центральной Азии земля и вода в сельской местности, товарный фонд продовольственного потребления и коммунальные услуги (вода, освещение, отопление, транспорт) в городах» (Панарин С. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. 2000. № 1(8). С. 91).

²⁰ Подробнее см.: Олимов М., Олимова С. Худжанд: между Ферганой и Таджикистаном // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5). С. 203–220.

²¹ Вопросы пограничного урегулирования в Центральной Азии. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/29p.html> (дата обращения: 18.03.2013).

мнению части элиты Таджикистана, Узбекистану несправедливо достались древние города Бухара и Самарканд, население которых до национально-территориального размежевания 1924 г. было в массе своей ирано-язычным²².

Неудивительно, что в СМИ муссируются предположения относительно возможности повторения *арабской весны* в центральноазиатских странах. Правда, мнения экспертов разделились. Одни полагают, что современная ситуация в странах Центральной Азии, какой бы сложной она ни была, все же не позволяет прогнозировать всплеск революционных выступлений²³. По мнению других, под воздействием организующей силы, в том числе внешней, волнения могут вспыхнуть²⁴. И если осуществится именно второй сценарий, будет поставлена под угрозу реализация всех энергопроектов в регионе. Следовательно, уже сейчас в нем присутствуют потенциальные угрозы национальной безопасности сопредельных государств, в том числе безопасности России и Китая.

III

В таком сложном контексте особую роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Это субрегиональная международная организация, в которую входят шесть государств: Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Их общая площадь — около 30 млн 189 тыс. км², что составляет 3/5 площади Евразии, а население — 1,4 млрд 455 млн человек, или 1/4 всего населения земного шара. Государствами-наблюдателями при ШОС являются Индия, Мон-

²² Олимов М., Олимова С. Указ. соч.; Шустов А. Таджикско-узбекский конфликт — зимнее обострение. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1261988520> (дата обращения: 20.04.2013).

²³ Так, эксперт по странам Центральной Азии Сулаймони Шохзода называет несколько причин, из-за которых сегодня странам региона ничего не угрожает: «Политические режимы и элиты относительно сгруппированы, протестные настроения не консолидированы. Общества в Таджикистане и Киргизии уже научены горьким опытом гражданской войны и революционных пертурбаций и испытали пагубность их последствий» (URL: http://www.ng.ru/cis/2011-05-13/1_asia.html (дата обращения: 15.11.2012). Ср.: Корецкий В. А. К вопросу о социально-политической ситуации в Центральной Азии (геополитический анализ) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 29–38.

²⁴ Гасаналиев М. Политическая ситуация в странах Центральной Азии со временем может осложниться — эксперты. URL: <http://kavkaz.ge/2011/09/16/politicheskaya-situaciya-v-stranax-centralnoj-azii-so-vremenem-mozhet-oslozhnitsya-eksperty> (дата обращения: 04.02.2013).

голия, Пакистан и Иран²⁵. 16 июня 2009 г., по завершении саммита стран — участниц ШОС в Екатеринбурге, было принято решение предоставить не применявшийся ранее в практике организации статус «партнера по диалогу» двум другим странам: Шри-Ланке и Белоруссии.

ШОС выступает в роли гаранта безопасности, являет собой пример стратегического партнерства и интеграции в Евразии. Ею накоплен большой опыт по эффективной координации деятельности государств региона в противостоянии терроризму, религиозному экстремизму и сепаратизму. А также таким нетрадиционным угрозам современности, как наркотрафик, нелегальная миграция, контрабанда оружия, киберпреступность²⁶. Хорошо известно, что национальные стратегии безопасности и развития имеют свои особенности и требуют определенного согласования. Будучи комплексной структурой, ШОС адаптирует и гармонизирует имеющиеся нестыковки, выступает «уникальным механизмом мягкой конкуренции»²⁷, и динамика сотрудничества между членами ШОС по вопросам безопасности свидетельствует о достижении определенного прогресса на этом направлении.

В перспективе же ШОС способна стать интернациональным механизмом, обеспечивающим согласованное и взаимовыгодное использование ресурсов стран Каспия и ЦАР²⁸. После арабских революций традиционные пути доставки в Китай и другие страны региона нефти и газа с Ближнего Востока становятся все более нестабильными и просто опасными. В этих условиях резко возрастают значимость и привлекательность сухопутных энергетических коридоров, тянущихся из Центральной Азии и России как на Запад, так и на Восток. Тем более что пространство ШОС отличается уникальной особенностью — отсутствием третьих, не входящих в организацию стран на пути транспортировки энергоресурсов. Налицо и органичное геоэкономическое сочетание двух групп стран — производителей-экспортеров (Россия, Казахстан и Узбекистан)²⁹ и потребителей-импортеров (Китай, Кыргызстан и Тад-

²⁵ РИА Новости : официальный сайт. URL: <http://www.rian.ru/spravka/20080725/114918020.html> (дата обращения: 20.04.2013).

²⁶ Волков А. Мировой финансовый кризис проверяет ШОС на прочность // Факты. 2009. № 1 (37). С. 43.

²⁷ Лузянин С. Г. Центральная Азия — измерения безопасности и сотрудничества.

²⁸ Суюнбаев М. Интеграция Центральной Азии: геополитические и геоэкономические факторы // Центральная Азия. 2008. № 4 (16). С. 52.

²⁹ Фактически в эту группу можно добавить и Туркменистан: хотя он и не является членом ШОС, но значительную часть своих энергоресурсов направляет по евразийским «адресам».

жикистан). А с учетом стран-наблюдателей можно говорить о взаимодействии «оси» производителей (Россия — Казахстан — Узбекистан — Иран) и «оси» потребителей (Китай — Таджикистан — Кыргызстан — Индия — Пакистан — Монголия).

Уже реализация первой (только члены ШОС) и тем более второй (члены вместе с наблюдателями) моделей взаимодействия сделает ШОС самодостаточной энергетической системой как в региональном, так и в глобальном плане. Вместе с тем следует учитывать, что максимальной эффективности и первая, и вторая модель могут достичь при условии успешного взаимодействия стран-производителей и стран-потребителей с теми не входящими в ШОС странами, через которые пролегают пути доставки энергоносителей. Другими словами, к двум «осям» следует добавить еще и третью — «ось» стран-транспортировщиков. На первом этапе взаимодействия этих трех «осей» одновременно по газовой, нефтяной, атомной и электрической опциям центральным вопросом, видимо, будет выработка единой политики в отношении маршрутов, объемов продаж и закупок и цен (с учетом мирового рынка цен на энергоносители и долговременных соглашений). В отличие от ОПЕК, Энергетический клуб ШОС уже сейчас объединяет и производителей, и потребителей, и транспортеров энергетических ресурсов. Это позволяет уже на начальном этапе использовать стратегию сравнительных преимуществ³⁰. При ее последовательном применении на евразийском пространстве действительно сформируется самодостаточная трехосевая энергетическая структура «производитель — поставщик — потребитель», существенно обогатится общая стратегия развития ШОС, появятся новые источники позитивного воздействия на традиционные сферы безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества.

IV

Безусловно, на пути реализации данного проекта имеется немало объективных трудностей. В первую очередь следует признать, что нереально рассчитывать на полное совпадение интересов производителей и потребителей энергоресурсов. Серьезным препятствием может стать и определенная конкуренция между производителями за рынки сбыта нефти и газа, а между потребителями — за источники, маршруты и объемы поступления энергоносителей. Негативную роль может сыграть и такой

³⁰ Лузянин С. Г. Энергетическая составляющая ШОС. Шанхайская организация сотрудничества: модель образца 2008 года. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/krug/shanchayskaya_organisaciya_2008-3-28.htm (дата обращения: 17.11.2012).

фактор, как значительные различия в размерности экономик стран — участниц предполагаемой евразийской энергетической системы. Тем не менее для ШОС, как крупной интеграционной структуры, было бы экономически и политически рационально именно сейчас, по мере постепенного выхода мирового сообщества из экономического кризиса, принимать долгосрочные решения на основе согласования национальных долгосрочных концепций социально-экономического развития и разрабатывать отвечающие этим решениям документы стратегического планирования стран-членов.

Т. А. Тутнова

Ракетно-космическая деятельность КНР как фактор обеспечения национальной безопасности

В 1958 г. Мао Цзэдун сформулировал установку, которая, по мнению как простых граждан, так и официальных лиц, внесла огромный вклад в достижение Китаем его современного положения на международной арене и обеспечение его национальной безопасности¹. Это его предписание, получившее название *две бомбы и один спутник* (两弹一星, *ляндань и син*), указывало на необходимость создания собственной атомной бомбы, термоядерной бомбы и запуска национального искусственного спутника Земли. В более широком смысле оно подразумевало необходимость формирования в Китае ракетно-космической отрасли для обеспечения обороны государства. Ибо, по мнению китайских лидеров того времени, монополия немногих государств — СССР, США, Великобритании и Франции — на ядерные, а в перспективе и на космические вооружения создавала серьезную угрозу безопасности и стабильности в мире².

© Тутнова Т. А., 2013

¹ См.: Гоцзя чжун-чанци кэсюэ хэ цзишу фачжань гуйхуа ганяо (Национальная средне- и долгосрочная программа развития науки и технологий КНР (2006–2020). URL: http://www.gov.cn/jrzq/2006-02/09/content_183787.htm (дата обращения: 15.01.2013; Ван Чжиган, Чжан Ливэй, Ли Сяодун. Мао Цзэдун юй ляндань (Мао Цзэдун и две бомбы) // Жэньминь Жибао. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/136458/17229233.html> (дата обращения: 15.01.2013).

² *Mingquan Zhu*. The Evolution of China's Nuclear Nonproliferation Policy. 1997. URL: <http://cns.miis.edu/npr/pdfs/zhu42.pdf> (access date: 12.10.2012).

В 1964 г. КНР стала пятой страной, осуществившей испытание ядерного заряда, а в 1967 г. четвертой взорвала термоядерный заряд. Спустя три года, в 1970 г., первая китайская ракета-носитель «Чанчжэн-1» (CZ-1, «Великий поход-1») вывела на околоземную орбиту китайский космический аппарат. Это был экспериментальный спутник связи, гордо названный «Дунфанхун-1» (DFH-1, «Алеет Восток»)³.

Кроме того, Китай преодолевал эти вехи быстрее и масштабнее, чем государства-предшественники. Быстрее других ядерных государств он прошел этап между созданием атомной и термоядерной бомб; первый китайский искусственный спутник Земли (ИСЗ) был тяжелее, чем первые ИСЗ СССР, США, Франции и Японии вместе взятые; первый полет китайского космонавта длился дольше, чем первые пилотируемые полеты СССР и США. Китайская глобальная навигационная система «Бэйдоу» к 2020 г. по количеству действующих спутников должна превзойти системы GPS и ГЛОНАСС. Эти вехи считаются в КНР символами «всеобъемлющей национальной мощи» и «великих достижений нового Китая»⁴.

Освоение космического пространства и сегодня играет большую роль в рамках более широкой Национальной программы научных исследований и разработок в области высоких технологий (Программа 863), одобренной Дэн Сяопином в 1986 г.⁵ Космические технологии входят в перечень передовых технологий (*цяньянь цзиши*), которые рассматриваются КНР в качестве движущей силы наращивания инновационного потенциала страны, повышения конкурентоспособности китайских производителей на рынке высоких технологий, укрепления всеобъемлющей национальной мощи государства⁶. Сегодня Китай занимает третье место в мире по количеству функционирующих ИСЗ; вслед за США, РФ и Европой он создает собственную глобальную систему навигации, экспортирует космические услуги в развивающиеся государства.

По мере роста числа участников мировой ракетно-космической деятельности (РКД) взаимодействие с ними КНР расширяется — в фор-

³ China Nuclear Weapons // Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/nuke/index.html> (access date: 12.10.2012); Лю Чхэнси. Дунфанхун юэ цюй цзай тайкун сянци (Композиция «Алеет Восток» зазвучала в космосе) // Официальный сайт Национального космического агентства КНР. URL: <http://www.cnsa.gov.cn/n1081/n227108/n227247/229759.html> (дата обращения: 15.01.2013).

⁴ Национальная средне- и долгосрочная программа развития...

⁵ 863 цзихуа цзяньцзе // Гоцзя гаоцзишу яньцзю фачжань цзихуа. URL: <http://www.863.gov.cn/1/1/index.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

⁶ Национальная средне- и долгосрочная программа развития...

ме сотрудничества и/или соперничества. С одной стороны, перед Китаем открываются возможности для использования результатов своей РКД при решении множества экономических и геополитических задач, с другой — КНР сталкивается с новыми вызовами своим интересам.

Военный аспект ракетно-космической деятельности КНР

Существующее ныне определение космических систем военного назначения формулируется путем отсылки к среде их базирования (космос) и/или к среде нахождения целей поражения (космос)⁷. К первой группе относятся спутники навигации, связи, разведки, которые ряд стран — и среди них КНР — уже сегодня используют в интересах национальной безопасности. Что касается ударных средств космического базирования, в настоящее время ни одно государство ими не обладает. Ко второй группе систем, цель которых расположена в космосе, относятся противоракетные и противоспутниковые системы; эксперименты в этой области проводит и КНР. В качестве ударных средств поражения космических объектов Китай использует баллистические ракеты наземного базирования, модернизация которых также очень важна для обеспечения национальной безопасности страны.

Космические системы двойного назначения. Хотя свой первый спутник DFH-1 Китай вывел на околоземную орбиту еще в 1970 г., первый действительно функционирующий спутник связи появился у КНР лишь в 1984 г. в рамках программы развития в КНР геостационарных спутников связи⁸. При Дэн Сяопине именно на этих системах двойного назначения, имеющих одновременно гражданское и военное применение, были сосредоточены усилия КНР по использованию космического пространства в интересах национальной обороны. Сегодня КНР занимает третье место по количеству функционирующих национальных ИСЗ (443 спутника у США, 110 — у РФ, 93 — у Китая; 1016 — общее число действующих спутников в космическом пространстве по данным за июль 2012 г.)⁹. Как минимум 33 из 93 китайских спутников находятся

⁷ См.: Космос: оружие, дипломатия, безопасность / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина ; Моск. Центр Карнеги. М. : РОССПЭН, 2009.

⁸ См.: *Zhu Yilin*. The Long March to Space: Satellite Communications in China. URL: <http://history.nasa.gov/SP-4217/ch15.htm> (access date: 10.02.2013).

⁹ Satellite Database // Union of Concerned Scientists. July 2010. URL: http://www.ucsusa.org/nuclear_weapons_and_global_security/space_weapons/technical_issues/ucs-satellite-database.html (access date: 10.02.2013); Satellites of China // Gunter's Space Page. URL: http://space.skyrocket.de/directories/sat_c_china.htm (access date: 10.02.2013).

в ведении военных структур, хотя граница между гражданским и военным использованием спутников размыта. Китай направил свои ресурсы на развитие спутников наблюдения Земли, которые предназначены для передачи разведывательных данных на наземные приемные станции 24 часа в сутки в любую погоду в режиме, близком к реальному времени¹⁰. Важная роль в обеспечении национальной обороны КНР отводится уже функционирующей региональной системе навигации «Бэйдоу» («Большая Медведица»), которая к 2020 г. должна стать системой навигации глобального охвата. Однако в отличие от США, чье военное преимущество на суше, море и в воздухе обеспечивается во многом благодаря единству космических систем информационного обеспечения и управления военными действиями, КНР до сих пор обладает существенно меньшими возможностями, которые заключаются в сборе общей информации. В соответствии с документом «Национальная оборона КНР 2010», Китай продолжает развитие и внедрение в военную отрасль информационных технологий и к 2020 г. планирует достичь значительного прогресса в разработке «интегрированной системы управления» совместными операциями различных видов военных сил «в эпоху информатизации»¹¹.

Испытания элементов противоспутникового оружия и противоракетной обороны. В 2007–2013 гг. Китай провел в космосе три испытания оружия ударного действия для уничтожения заатмосферных целей. 11 января 2007 г. на высоте более 800 км Китай уничтожил свой вышедший из эксплуатации метеорологический спутник средством поражения ударного действия (предположительно, модифицированной версией баллистической ракеты средней дальности DF-21)¹². Ранее подобные испытания проводили СССР и США, однако тест 2007 г. стал первым со времен «холодной войны». В 2008 г. США провели ответный противоспутниковый тест (впервые с 1985 г.), что вызвало волну публикаций в СМИ о начале космической гонки вооружений между КНР и США. Уничтожение Китаем собственного спутника вызвало не только критику международного сообщества, но и сомнения ряда экспертов

¹⁰ China's evolving space capabilities: Implications for US interests // Project 2049 Institute. 2012. URL: http://www.uscc.gov/RFP/2012/USCC_China-Space-Program-Report_April-2012.pdf (access date: 15.01.2013).

¹¹ Национальная оборона КНР 2010 // Сайт посольства КНР в Республике Индия. URL: <http://in.china-embassy.org/eng/xwfw/xxfb/t811491.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

¹² China missile test has ominous implications // Defense News. 2010. January. URL: <http://www.defensenews.com/article/20100120/DEFSECT01/1200303/China-Missile-Test-Has-Ominous-Implications> (access date: 15.01.2013).

в целесообразности подобного испытания¹³. Во-первых, уничтожение одного из множества спутников другого государства вряд ли принесло бы агрессору очевидные военно-стратегические выгоды, но немедленно повлекло бы эскалацию конфликта. Во-вторых, китайское испытание 2007 г. считается наиболее «продуктивным» по количеству произведенного космического мусора за всю историю космонавтики. Между тем космический мусор несет угрозу работе космических аппаратов как других стран, так и самого Китая.

Второй тест, проведенный Китаем ровно через три года после первого, 11 января 2010 г., к тому же совпал по времени с заявлением администрации Б. Обамы о продаже Тайваню ракет-перехватчиков системы ПРО театра военных действий — ПРО ТВД «Пэтриот ПАК-3»¹⁴. Китай официально охарактеризовал этот тест как «испытание наземных технологий перехвата ракеты на среднем участке траектории», т. е. как испытание элементов ПРО¹⁵. Хотя Китай подтвердил, что оба испытания являлись «экспериментами, не направленными против какой-либо страны»¹⁶, многие американские аналитики отметили, что высоты, на которых были проведены тесты, соответствуют рабочей высоте американских и японских спутников видовой разведки.

Спустя еще три года, 27 января 2013 г., Китай провел третий тест, который, по мнению западных аналитиков, способствовал дальнейшей отработке элементов противоспутниковых и противоракетных технологий¹⁷. Некоторые китайские эксперты полагают, что масштабы и частота проведенных Китаем испытаний позволяют Пекину продемонстрировать свою компетентность США, которые в прошлом уже осуществляли подобные испытания, но в то же время не провоцировать серьезного международного конфликта. Действительно, события прошли с разницей ровно в три года, даты всех трех испытаний совпали по месяцам, даты двух испытаний — по месяцам и числам. При этом испытание,

¹³ *Grego L.* Does a High-Altitude ASAT Test Make Sense? // Union of concerned scientists. 2012. December 20. URL: <http://allthingsnuclear.org/does-a-high-altitude-asat-test-make-sense/> (access date: 15.01.2013).

¹⁴ US arms sale to Taiwan not to harm relations: analysts // China Daily. 2010. January 13. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-01/13/content_9310330.htm (access date: 15.01.2013).

¹⁵ Пресс-конференция с участием представителя МИД КНР Тянь Ю, 12.01.2010 // МИД КНР : официальный сайт. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw/s2510/t651245.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Gertz B.* Going on Defense. China, U.S. conduct missile defense tests. 27.01.2013. URL: <http://freebeacon.com/going-on-defense/> (access date: 15.01.2013).

проведенное КНР в январе 2013 г., было предсказано многими зарубежными наблюдателями¹⁸. Подобно тому как китайское руководство в 50–60-х гг. отмечало право миролюбивых государств на разработку собственного ядерного оружия, чтобы положить конец ядерной угрозе и ядерному шантажу со стороны тех, кто уже имел это оружие, сегодня Китай, по мнению научного сотрудника Академии военных наук НОАК КНР Бао Шисю, «не может согласиться с монополизацией другими странами космического пространства»¹⁹. Если Китай и разработал аналогичные противоспутниковые системы, их количественные и качественные параметры ограничены, полагает исследователь, проводя аналогию с эффективностью «минимально необходимых» для сдерживания ракетно-ядерных сил КНР.

По мнению ряда российских и западных аналитиков, кроме разработок противоспутникового оружия ударного действия Китай проводит исследования в области лазерных технологий выведения из строя оптических датчиков спутников и лазерных технологий разведки в космическом пространстве (например, для определения орбит иностранных спутников)²⁰.

Национальная программа пилотируемых полетов

Результаты КНР в этом виде космической деятельности освещаются национальными СМИ особенно широко. С 2003 по 2012 гг. китайские пилотируемые корабли выполнили четыре миссии с космонавтами на борту, в том числе: в 2008 г. — выход китайского космонавта в открытый космос, в 2012 г. — полет в космос первой китайской женщины-космонавта и стыковка пилотируемого корабля «Шэньчжоу-9» («Волшебный челнок») с космическим модулем «Тяньгун-1» («Небесный чертог»). Конечная цель китайской программы пилотируемых полетов — создание к 2020 г. обитаемой пилотируемой космической станции, которая будет открыта и для иностранных экипажей.

¹⁸ См.: China's Potential Anti-Satellite Test Sparks US Concern // Space News. 2013. January. URL: www.space.com/19171-china-anti-satellite-test-concerns.html (access date: 15.01.2013).

¹⁹ Bao Shixiu. Deterrence Revisited: Outer Space // China security : Journal of China's strategic development. URL: http://www.chinasecurity.us/index.php?option=com_content&view=article&id=185&Itemid=8 (access date: 15.01.2013).

²⁰ Satellite Laser Ranging in China // Union of concerned scientists. 2007. January. URL: http://www.ucsusa.org/nuclear_weapons_and_global_security/space_weapons/technical_issues/chinese-lasers-and-us.html (access date: 15.01.2013).

В политическом контексте программа пилотируемых полетов не только питает общегосударственную гордость и поддерживает престиж Китая на международной арене, но и является своеобразным инструментом внутренней политики, призванным консолидировать многонациональное население КНР. В 2012 г. китайские космонавты, ставшие национальными героями, посетили специальные административные районы Гонконг и Макао, где общались с официальными лицами и обычными гражданами²¹.

Кроме того, по инициативе КНР Тайвань также принял участие в китайской программе по исследованию свойств семян, «побывавших в космосе»: в 2003 г. вместе с первым китайским космонавтом на борту «Шэньчжоу-5» находились семена 36 видов цветов, сельскохозяйственных культур и деревьев с острова Тайвань, которые впоследствии были возвращены на родину для проведения агрикультурных исследований²². Наконец, престижная программа позволяет мобилизовать молодых специалистов, проявляющих энтузиазм и творческие способности, с целью формирования кадровых ресурсов для ряда научных областей.

Коммерческий аспект ракетно-космической деятельности КНР

Программа пилотируемых полетов с момента принятия в 1992 г. решения о ее развитии занимала одно из ведущих мест в планировании космической программы КНР, как лучшее доказательство технологического и экономического потенциала «нового Китая»²³. Однако в официальном документе «Космическая деятельность Китая 2011», отражающем стратегию развития РКД на ближайшие пять лет, отмечена необходимость увеличения экономической и социальной отдачи космической деятельности. Среди приоритетных направлений развития гражданской РКД Китая фигурируют развитие спутниковой мобильной связи, метеорология, управление природными ресурсами, мониторинг стихийных бедствий, коммерческие пуски ракет-носителей, экспорт спутников, участие в мировом разделении труда в сфере космических разработок.

²¹ Some 1,000 HK students meet Shenzhou-9 astronauts // Xinhua. 2012. URL: http://nesa.xinhuanet.com/english/china/2012-08/11/c_131778216.htm (access date: 15.01.2013).

²² Taiwan welcome to send seeds aboard “Shenzhou V” // Jenmin Jibao. 2003. URL: http://english.peopledaily.com.cn/200309/18/eng20030918_124493.shtml (access date: 15.01.2013).

²³ Chen Lan. Is the Chinese manned space program a military program? // The Space review. 2009. URL: <http://www.thespacereview.com/article/1340/1> (access date: 15.01.2013).

Космические системы коммерческого назначения. Среди последних достижений КНР в сфере космических систем гражданского назначения — объявленная в декабре 2012 г. готовность навигационной системы «Бэйдоу» предоставлять услуги странам Азиатско-Тихоокеанского региона²⁴. «Бэйдоу» поддерживает обмен SMS, совместима с системами GPS и ГЛОНАСС. В январе 2013 г. последовала директива оснастить доморощенной системой навигации определенные виды транспорта в ряде провинций Китая²⁵. К 2020 г. «Бэйдоу» будет расширена до группировки из 35 спутников и станет системой навигации глобального охвата «Компас». С 2010 г. КНР ежегодно проводит международную конференцию в области спутниковой навигации (Satellite Navigation Conference), целью которой является «сотрудничество и обмен в области спутниковой навигации», «способствование развитию систем навигации КНР»²⁶. Значительную помощь в создании спутниковых систем Китаю в 80–90-х гг. оказали Германия и Франция, при этом французские спутники импортировались КНР через китайско-немецкое совместное предприятие «EuraSpace»²⁷. В последнее десятилетие Китай самостоятельно производил космические системы и уже экспортировал ИСЗ в развивающиеся страны, однако государство по-прежнему ведет поиск новых партнеров для улучшения технических показателей производимых им спутников. Китайско-бразильское сотрудничество по проектированию спутников дистанционного зондирования Земли в рамках программы CBERS (China Brazil Earth Resources Satellite) — пример партнерства по разработке высоких технологий двух развивающихся стран. По официальным данным, первый из новой серии китайско-бразильских спутников дистанционного зондирования высокого разрешения «Цзыюань-III» («Ресурсы»), запущенный в январе 2012 г., избавил КНР от необходимости покупать космические снимки у других государств²⁸.

²⁴ Beidou / China Satellite Navigation Office // Управление по вопросам космического пространства ООН. 2012. Июнь. URL: <http://www.oosa.unvienna.org/pdf/pres/copus2012/tech-07.pdf> (дата обращения: 15.01.2013).

²⁵ China Mandates Use of BeiDou GNSS on Some Commercial Vehicles // Engineering Solutions from the Global Navigation Satellite System. 2013. URL: <http://www.insidegnss.com/node/3356> (access date: 15.01.2013).

²⁶ Beidou / China Satellite Navigation Office...

²⁷ Business Briefs. Europe picks up Chinese satellite contracts // Executive Intelligence Review. 2008. August. URL: https://www.larouchepub.com/eiw/public/1998/eirv25n31-19980807/eirv25n31-19980807_010-business_briefs.pdf (access date: 10.02.2013).

²⁸ China no longer reliant on satellite image imports. URL: <http://www.cast.cn/CastEn/Show.asp?ArticleID=43681> (access date: 10.02.2013).

Коммерческие пуски и экспорт спутников. Сегодня ракеты-носители «Великий поход» имеют репутацию космических аппаратов высокой степени надежности. После серии неудачных пусков в 1992–1996 гг. лишь один из 112 осуществленных с 1997 г. по декабрь 2011 г. пусков закончился неудачей и потерей полезной нагрузки и еще один — выводом ИСЗ на нерасчетную орбиту²⁹. На конец 2012 г. Китай вывел на орбиты 43 иностранных спутника, осуществив 37 коммерческих пусков своих ракет-носителей³⁰.

Основное ограничение деятельности Китая на рынке коммерческих космических пусков — запрет на импорт и запуск Китаем спутников, содержащих произведенные в США детали. Международная европейская компания («Thales Alenia Space») (со штаб-квартирой в Каннах) специально построила спутник для Индонезии, свободный от произведенных в США компонентов, что позволило компании запустить спутник китайской ракетой-носителем и не нарушить законодательство США³¹. Выбор недорогих китайских средств доставки позволил «Thales» получить конкурентное преимущество перед другими аэрокосмическими компаниями Европы и США, которые не имеют права сотрудничать с Китаем, и выиграть тендер на строительство индонезийского спутника. В 2012 г. китайская ракета-носитель вновь вывела на орбиту спутник компании «Thales», на этот раз для Шри-Ланки³².

Более того, с 1999 г. Китай пытается расширить сотрудничество с развивающимися государствами, готовыми покупать недорогие китайские спутники связи и наблюдения Земли для решения социально-экономических задач. Китай не только вывел на орбиты, но и построил спутники связи и наблюдения Земли для Венесуэлы («VenComSat-1»), Нигерии («NigComSat-1R») и Пакистана («PakSat-01R»). Также Китай подписал новые контракты на строительство систем спутниковой связи с Белоруссией и Республикой Конго³³. Кроме того, Китай строит за ру-

²⁹ Long March Launch Record. URL: <http://www.cgwic.com/LaunchServices/LaunchRecord/LongMarch.html> (access date: 10.02.2013).

³⁰ Long March International Commercial Launch Record. URL: <http://www.cgwic.com.cn/LaunchServices/LaunchRecord/Commercial.html> (access date: 10.02.2013); China sends satellite into orbit on final 2012 mission // China Daily. 2012. December. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2012-12/20/content_16033804.htm (access date: 10.02.2013).

³¹ Palapa-D 1 // Gunter's Space Page. URL: http://space.skyrocket.de/doc_sdat/palapa-d.htm (access date: 15.01.2013).

³² Sri Lanka's First Satellite Launch — SupremeSAT-I. URL: http://www.supremesat.com/home_more.php (access date: 15.01.2013).

³³ China Great Wall Industry Corporation. URL: http://www.cgwic.com.cn/news/2011/0921_%E7%99%BD%E4%BF%84_%E7%AD%BE%E7%BA%A6.html (access date: 10.02.2013).

бежом наземные приемные станции для продажи данных с китайских спутников (станция в Таиланде уже осуществляет мониторинг наводнений)³⁴. Помимо экспорта готовых спутников в развивающиеся страны, КНР надеется стать субподрядчиком ведущих мировых аэрокосмических компаний и экспортировать произведенные в КНР детали для иностранных космических аппаратов³⁵.

Следует отметить, что сотрудничеству Китая и развивающихся государств в космической области еще предстоит продемонстрировать свою эффективность. Так, спустя год после работы ИСЗ «NigComSat-1R» в открытом доступе появились статьи о «неоправданных ожиданиях» и отсутствии в Нигерии реальных пользователей услуг импортированного телекоммуникационного спутника³⁶. Кроме того, этот спутник является заменой ИСЗ «NigComSat1», также построенного Китаем для Нигерии, но вышедшего из строя спустя полтора года после его вывода на орбиту³⁷.

Космическое сотрудничество как инструмент геополитики

В Азиатско-Тихоокеанском регионе существуют две ведущие организации космического сотрудничества, при этом каждая сосредоточена вокруг своего полюса влияния. Азиатско-тихоокеанский региональный форум космических агентств (Asia-Pacific Regional Space Agency Forum, APRSAF) был учрежден в 1993 г. по инициативе Японии, которая и сегодня является инициатором большинства проектов форума³⁸. Другой авторитетный член APRSAF — Индия. В 2008 г. Китай основал собственную региональную межправительственную организацию — Азиатско-Тихоокеанскую организацию по космическому сотрудничеству (Asia-Pacific Space Cooperation Organization, APSCO) со штаб-квартирой в Пекине³⁹. В APRSAF количество программ и участников

³⁴ «NigComSat-1R» является заменой другого китайского спутника, «NigComSat-1», который прекратил работу из-за неисправности панели солнечных батарей. См.: Китайская академия космических технологий (CAST) : официальный сайт. URL: <http://www.cast.cn/CastEn/Show.asp?ArticleID=39762> (дата обращения: 10.02.2013).

³⁵ China's Space Activities in 2011 // Xinhua URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2011-12/29/c_131333479.htm (access date: 15.01.2013).

³⁶ Nigeria: NigComSat-1R's Performance Rated Below Expectations // All Africa. 2013. January. URL: <http://allafrica.com/stories/201301310460.html> (access date: 10.02.2013).

³⁷ NIGCOMSAT 1, 1R // Gunter's Space Page. URL: http://space.skyrocket.de/doc_sdat/nigcomsat-1.htm (access date: 10.02.2013).

³⁸ APRSAF. URL: <http://aprsaf.org/about/> (access date: 15.01.2013).

³⁹ APSCO. URL: <http://www.apsco.int> (access date: 15.01.2013).

больше, чем в APSCO, однако оба региональных объединения поставили перед собой похожие цели по координации усилий государств-участников в использовании РКД для обеспечения стабильного развития региона.

В связи с ростом применения космических средств в развитых и развивающихся странах и прогнозируемым спросом на спутниковые системы Индия и Япония также отнесли повышение своей конкурентоспособности на рынке коммерческих космических услуг к числу национальных приоритетов. Пока они не использовали сферу пусковых услуг для формирования связей с развивающимися странами в том масштабе, в каком это делает Китай, но метеорология уже стала частью региональной дипломатии Японии, а Индия, помимо участия в японских проектах, является принимающей стороной последипломных образовательных проектов для стран с развивающимися ракетно-космическими программами (РКП). Эффективное взаимодействие Китая, Индии и Японии, как трех государств Южной и Восточной Азии с наиболее окрепшими РКП, могло бы внести весомый вклад в решение социально-экономических проблем региона и в потепление отношений Китая с Индией и Японией. Однако пока взаимодействие между двумя региональными организациями не развито.

Заключение

В соответствии с Национальной средне- и долгосрочной программой развития науки и технологий КНР (2006–2020)⁴⁰ такие общепризнанные научно-технические достижения Китая, как ядерные вооружения, спутниковые технологии, программа пилотируемых космических полетов, значительно подняли политический престиж страны и укрепили ее положение на международной арене, вдохновили ее население. Однако наряду с задачей дальнейшего развития технологий, обладающих промышленным потенциалом, в Программе указывается на необходимость расширения способности КНР к самостоятельным инновациям, участия страны в мировой инновационной системе. «Китай является великой экономикой, но все же не экономической супердержавой, основная причина — его слабый инновационный потенциал»⁴¹. Активно развиваемая Китаем международная кооперация в области космических исследований и разработок (создание на территории КНР совместных конструкторских предприятий, проведение в КНР международных конференций) в определенной мере действительно способствует

⁴⁰ Национальная среднесрочная и долгосрочная программа...

⁴¹ Там же.

повышению квалификации китайских ученых и инженеров и качественному преобразованию научно-технического потенциала страны. Что же касается долгосрочной цели превращения КНР в инновационное общество и участия страны в глобальной инновационной системе, то основной вызов здесь, по мнению представителя аппарата министра обороны США Джилла Сигерта, заключается, вероятно, не столько в продолжающейся зависимости Китая от зарубежных технологий, сколько в авторитарном политическом режиме страны. Ведь изобретательность и предприимчивость, которые дают импульс созданию инноваций и информатизации общества, достигают максимальных показателей в среде, где возможен «свободный приток информации»⁴².

Тем не менее китайская РКП уже решает ряд задач в областях, критически важных для национальной экономики и безопасности. «Спутниковый бизнес» позволяет государству увеличить свое влияние в странах Южной Азии, повысить престиж в странах АСЕАН, расширить спектр взаимодействия с традиционными партнерами в Латинской Америке и Африке. Хотя китайская глобальная система навигации «Бэйдоу» вряд ли составит серьезную коммерческую конкуренцию американской системе GPS, есть основания полагать, что она снизит зависимость КНР от американских спутников в стратегически важных областях и внесет вклад в повышение точности систем наведения и управления китайских систем вооружений.

Не подлежат сомнению и намерения Китая реализовать свою многомерную программу противоспутниковых и противоракетных испытаний, как минимум на стадии разработок. Большинство экспертов отрицает возможность полномасштабного развертывания Китаем подобных систем хотя бы ввиду технических сложностей создания боеспособной системы ПРО и несовершенства китайских спутников, без которых решение задач противоракетной обороны невозможно. Но, независимо от конечных планов Китая по развертыванию оружия для уничтожения заатмосферных целей, проведенные им испытания уже достаточны для того, чтобы в случае заключения международных договоренностей по ограничению космических вооружений Китай смог «сесть за стол переговоров» со статусом государства, обладающего таким оружием. Кроме того, проводя подобные испытания, Китай реагирует на неблагоприятные для него военно-политические события и процессы: на военное сотрудничество США с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона и продажу Соединенными Штатами оружия Тайваню.

⁴² *Siegert G.* The Chinese Space Program // Federation of American Scientists. URL: http://www.fas.org/irp/threat/missile/rumsfeld/pt3_siegert.htm (access date: 15.01.2013).

Немалую роль играет и статусная мотивация: активно развивающаяся космическая программа Китая включает все основные виды РКД, и военно-космические технологии, тем более уже испытанные США и СССР, не являются исключением. Наконец, некоторые китайские политические эксперты подчеркивают, что Соединенные Штаты преднамеренно делают шаги к милитаризации космоса, а многие американские системы могут быть использованы для уничтожения с Земли объектов в космосе⁴³. Отсюда следует, что Китай объясняет собственные испытания военных космических технологий как закономерную реакцию на угрозу милитаризации космоса, исходящую от США.

Jatinder Khanna

Non-traditional security dilemmas of contemporary Siberia

The world is witnessing an ongoing active dialogue about the meaning of the term “security” in this dynamic global paradigm. The post-Cold war attempts of non-militarization and eventual transition to market economies has necessitated the need of rewriting the rules and practices that determined survival in the context of an interconnected, globalised society where security concerns encompass protecting both human life and vital strategic assets from decay, disease and natural destruction.

Post-cold war reforms have been significant in Russia, where people woke up to a new system geared away from communism. This political transformation represents a characteristic non-traditional security challenge for Russia. Irregular migration and depopulation represents another facet of the dilemma, which intensified after the Cold-War period. Global terrorism and cross-border crime present new challenges to Russia, especially post-9/11. The rise of fanatic forces has troubled Russia and its erstwhile sister states. Russia faces a healthcare crisis: an alarming increase in tuberculosis (TB) and HIV-AIDS, extremely high levels of alcoholism and the growing problem for drug abuse. While studying the broad six paradigms of non-traditional security, Russia becomes a serious contender for a detailed study with respect to International Terrorism, Transnational Organized Crime, Environmental Security, Illegal Migration, Energy Security, and Human Security.

⁴³ *Hui Zhang*. Action / Reaction: U.S. Space Weaponization and China // *Armscontrol*. 2005. December. URL: www.armscontrol.org/print/1943 (access date: 15.01.2013).

Non-traditional security threats are amplified in the context of Siberia. This region has undergone marked socio-economic transformations since its early history as a scattered semi-nomadic tribal-dominated region, colonized for fur requirements of the European part of Russia.

Siberia is one of the world's most critical regions in terms of resource concentration. The scrambles for strategic resources among global players often jeopardize non-strategic resources. The healthcare crisis combined with the migration patterns reveals that Siberia is facing a battle to stay populated. Despite the immense resource base, the population density and level of utilization of the natural resources of these regions are among the lowest in the world, yet the world's half the population of the globe comes into contact with each other at the tri-junction where Russia's economic linkages with Europe, North East Asia and Greater Altaic region converge. In this situation, it falls prey to porous borders, illegal immigration and proliferation of crime and resource trafficking. This paper attempts to formulate practical security strategies for the region which would facilitate the creation of a secure Siberia and Russia.

Even in post-Soviet era, contemporary Russia is an international military power. It is the second largest nuclear nation and a permanent member of the United Nations (UN) Security Council. In the post-cold war era, its political and economic development took a major turn in the early 1990s and its security outlook has significantly changed since 9/11. With the end of the Cold War, the need to widen the concept of security and distinguish between "hard or traditional" and "soft or non-traditional" security threats has been increasingly accepted. Non-traditional security threats do not recognize national borders and require close co-operation with the international community.

Russia's security concerns have shown gradual shifts in recognizing the global interdependencies. Moscow adopted its first military doctrine (based on the principle of comparative diplomatic advantage) in 1993, which was referred to as 'a document of the transition period' in its preamble. However, the changing nature of international politics made it necessary for Russia to revise the existing concepts. For example, in 1994, Russian President, Boris Yeltsin, warned that "the approach of North Atlantic Treaty Organization (NATO) to Russia's borders can only aggravate international tension"¹. Under both the Yeltsin and Putin regimes, Moscow has tried to formulate an effective security policy catering to the expectations of different factions

¹ Afzal A. Russian Security Policy / Institute of Strategic Studies. Islamabad, 2004. URL: http://www.issi.org.pk/old-site/ss_Detail.php?dataId=333 (access date: 22.03.2013).

in Russia's ruling elite². The dilemma was how best to assert supremacy of the Russia's imperial legacy, its military prowess and efforts to modernize in a scenario where larger geo-political interests beyond Commonwealth of Independent States (CIS) countries arose. Russia's international engagements include the UN, the CIS, NATO and European Union (EU), as well as the United States and the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The September 2001 attacks on the World Trade Centre gave Moscow the impetus to tighten its security arrangements.

Nikolai Patrushev, the head of Russia's Security Council, named international terrorism, drug trafficking and illegal migration the most pressing security issues that Russia is currently facing³. These are pronounced in an environment of economic and political transformation and concerns for strategic energy resources.

Russia's Major Non-Traditional Security Concerns

Political and Economic Transformation. During the Soviet regime, Russia's economy was based almost entirely on raw materials and heavy industry, such as steel production and machine building, and was described as "the most advanced 19th century economy", incapable of innovation, investment and reform⁴. The collapse of the Soviet Union is seen as major result of globalization or one of the major markers of its starting point. The decay of Soviet economy from 1970s to 1980s and the dismantling of Soviet Union as a political entity are often attributed to globalization⁵. Russia's complicated and partial connection with global capitalism has been unique. Post-transition Russia has had its own local dynamics and processes which refuse to fit into a homogeneous global mould⁶. This economic and political transformation represents a characteristic non-traditional security challenge for Russia.

Energy Security. Since the Russia-Ukraine face-off in January 2006, energy security has become a key question. Russia is trying not to lose its clients in the international energy markets. At a time where 'Energy Security' is critical for global powers, Russia, too, is thinking hard about its immeasurable reserves of underutilized energy resources. The fact is demonstrated by the G8 Summit it hosted in St. Petersburg in 2006.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ *Arnason J. P.* The Future That Failed: Origins and Destiny of the Soviet Model. London : Routledge, 1993.

⁵ *Castells M.* End of Millennium. Oxford : Blackwell, 2000.

⁶ *Gustafson Th.* Capitalism Russian Style. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999.

Russian authorities have long planned to replace obsolete and wasteful Soviet-era energy technologies by “energy-efficient” facilities. Moscow plans to spend \$62.5 billion from the federal and local budgets to finance energy-saving projects by 2020, Sergei Mikhailov, the head of the energy policy department in the energy ministry, told a conference in Moscow on November 10, 2009. These projects would allow saving up to \$347 billion in 2010–2020 by making the economy more energy-efficient⁷.

International Terrorism. Contemporary Russia faces a complex and global web of terrorism aggravated by several separatist movements. Broadly, we can classify three types of terrorist threats faced by Moscow, namely, political, nationalist and religious. In practice, Moscow’s struggle against terrorism has concentrated on the Chechnya problem which it identifies as a mixture of all three types of terrorism. Starting from the end of the 20th century, significant terrorist activity has taken place in Moscow, most notably apartment bombings in 1999 and the Moscow theater hostage crisis (2002). Many more acts of terrorism have been committed in Chechnya, Dagestan, and other parts of the country. The Chechen rebels were considered as a part of some global Islamist terrorist network, as president Putin and his government repeatedly claim. In fact after 9/11 and Russia’s own experiences, the idea of a global war on terrorism remains one of Putin’s key political narratives⁸.

Transnational Organized Crime. Russia is a tri-junction where economic linkages with Europe, North East Asia and Greater Altaic region converge. In this situation, the country falls prey to porous borders, illegal immigration and proliferation of crime, drug and resource trafficking. According to a report by Max Planck Institute, on behalf of the United Nations Office for Drug Control and Crime Prevention (UNODCCP), Russia is a country in which a variety of illegal drugs are produced, transited to final markets in Western Europe, and consumed by a growing number of youth. The former USSR did not participate significantly in the international narcotics markets as a consumer or supplier of illicit substances. This pattern of relative self-sufficiency, however, drastically changed during the 1990s, at the same time as Russian drug demand consistently expanded and diversified. The Russian Ministry of the Interior estimates that 2.5–3.0 million people regularly

⁷ Blagov S. Russia Seeks to Sustain its Energy Security // Eurasia Daily Monitor. Vol. 6, № 121. URL: [http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?cHash=d73dd27eae&tx_ttnews\[tt_news\]=35788](http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?cHash=d73dd27eae&tx_ttnews[tt_news]=35788) (access date: 12.04.2013).

⁸ Shuster S. How the War on Terrorism Did Russia a Favor // Time World. URL: <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,2093529,00.html#ixzz2377rF2Mb> (access date: 12.12.2012).

or occasionally use illegal drugs in the Russian Federation, representing 2.1 percent of the whole population⁹.

Non-Traditional Security Threats for Siberia

Siberia is not limited to Siberian Federal District, which is only the administratively defined territory. Siberia is the name given to the vast region constituting almost all of Northern Asia and the central and eastern portion of the Russian Federation, having served in the same capacity previously for the USSR and the Russian Empire, starting from the 16th century.

Geographically, it includes a large part of the Eurasian Steppe and extends eastward from the Ural Mountains to the watershed between Pacific and Arctic drainage basins, and southward from the Arctic Ocean to the hills of north-central Kazakhstan and the national borders of both Mongolia and China.

The Siberian region is the most important for modern Russia and the world. Non-security threats are amplified in the context of Siberia. This region has undergone marked socio-economic transformations since its early history. The region holds unsavory memories of *dekulakization* (*‘raskulachivanie’*) and concentration camps of 1930s — 1950s. Few areas of the Soviet Union suffered from the aftermath of the disintegration of the command economy as much as the Asian side of Russia did, due to its marginal economic situation, lack of adequate infrastructure, severe shortage of social services and other amenities, and extreme climate.

Environmental Security. State planners realized the enormous wealth of Siberia. In reality, the sustainability viewpoint was subordinated to the upholding of the Soviet agenda. During Stalin’s reign, the state established coal, copper, tin, zinc, gold and platinum mines in Northern Siberia. Mighty construction projects continued to be envisaged without any consideration of their aftermath.

Scientists in the Siberian Science City, ‘Akademgorodok’, planned a paper mill which would utilize Lake Baikal as an excellent industrial setting. Since the start of the project, the level of lake pollution started to rise and destroyed the delicate ecosystem. The chemicals in the lake skyrocketed past acceptable limits up to ninety-eight times the norm¹⁰. Economist

⁹ Paoli L. *Illegal Drug Trade in Russia : A Research Project Commissioned by the United Nations Office for Drug Control and Crime Prevention*. Freiburg : Edition Iuscrim, 2001.

¹⁰ Josephson P. *New Atlantis Revisited : Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997.

Abel Aganbegian reported that air and water pollution from the mill irreparably damaged the Baikal flora, fauna, fishing and major resources of the region¹¹.

Feschbach and Friendly¹² use the case of Siberian town of Zima to illustrate the ill-effects of state planned industrial projects. During the 1970s, the chemical industry ministry established a project to utilize the large chlorine deposit to manufacture polyvinyl chloride and pure alcohol. The factories spewed toxins in the air and in 1989 air in Zima contained the highest level of benzopyrene in the USSR.

It is true that vast areas of Siberia remain practically unaffected by human activity, yet in industrial regions air, water and soil are heavily polluted. Obsolete technologies, lack of facilities for dumping and purification of industrial waste are the reasons for large economic centers of Siberia — Angarsk, Bratsk, Kemerovo, Krasnoyarsk, Novokuznetsk, Norilsk — to get on the list of the most ecologically unhappy cities in Russia.

Autonomous *okrugs* constituting the Russian Federation have turned into huge space trash dumps. For example, Altai territory still continues to suffer from those “rocket rains”, which terrify the local population. A total of 23 500 sq. km of the Altai republic are covered with space trash. It is contaminated with toxic rocket fuel components. Such contamination has affected the region’s medical-demographic statistics, the average life expectancy totals 48–50 years; local mortality rates are also terrifying. Unknown rocket fuel chemicals had killed off animals and fish contaminating some open water bodies and harming local vegetation. The entire territory turned into a real disaster area¹³.

According to V. Izmailov and V. Smagin, the diamond industry in republic of Sakha has been developed using 12 underground nuclear explosions, some of which were followed by incidental release of radio nucleotides (Bykov, 2006)¹⁴. The planned large scale development of the oil field in the Republic of Sakha is particularly troubling. Research and experience has shown that tank farms in Batagai, Zhigansk, Nizneiansk, Zyrianka and others

¹¹ *Aganbegyan A.* Inside Perestroika : The Future of the Soviet Economy. New York : Harper & Row, 1989.

¹² *Feschbach M., Friendly A.* Ecocide in the USSR : Health and Nature under Siege. London : Aurum, 1992.

¹³ *Vassilieva M.* “Russians say space rocket debris is health hazard” // BBC News Russia. 2012. August 7. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-19127713> (access date: 20.12.2012).

¹⁴ *Bykov A.* Natural Resource Management // Russian Social Science Review. 2006. Vol. 47, № 6. P. 86–96.

have discharged heavily petroleum products. River Yana and other regional rivers are dangerously contaminated (Sergeeva et al., 2010).

The mitigating actions taken to protect the ecological balance in Siberia would not only favor a sustainable growth in the respective regions but would have far-reaching benefits for the global environment.

Illegal Migration. Over the past few years there has been an influx of voluntary migrants from China, Northern Korea and Vietnam to Siberia and Russia's Far East, whether legally or illegally, or on a permanent or temporary basis. Legal immigrants are subject to migration controls, but their numbers are increasing every year, especially from the bordering China. They are of three main types: workers from China, students, and traders. Research conducted in the various regions of the Far East and Eastern Siberia, Khabarovsk and Primorskii krai and the Amur and Irkutsk oblasts, indicate that most Chinese immigrants are independent businessmen. About 60,000 Chinese violate the immigration law and thousands of them are deported annually.

China is perceived as an eventual security threat by Russia. Contrary to Moscow's stance on China which sees China as a probable partner, officials in the Russian Far East consider the Chinese a threat to the integrity of their region. For example, the combined population of China's three northeast provinces (Heilongjiang, Jilin and Liaoning) which border Russia, is about 100 million. Siberia and Far East have vast lands but a population of only 30 million. Some of the unemployed in the north east Chinese provinces have moved to Siberia / Far East to find work¹⁵.

The floating population of thousands Chinese immigrants continually moves back and forth across one of the longest borders in the world. The fears are that immigrants will settle not only in border areas but increasingly deeper into Russian territory, and some backlash is imminent¹⁶.

An article in "Asia Times", titled "The Chinese Are Coming", opined that "now every second Chinese arrives in Russia" with no intention of going back to China, and that most of them should no longer be classified as "free migrants"¹⁷.

¹⁵ *Gelbras V.* Chinese migration into the Russian regions: a new phase // Russia's New Southern Border: Western Siberia — Central Asia. London : International Institute for Strategic Studies, 2001. Vol. 1, № 2. URL: <http://www.iiss.org/publications/russian-regional-perspectives-journal/volume-1---issue-2/chinese-migration-into-the-russian-regions> (access date: 23.05.2007).

¹⁶ *Rousseau R.* Will China Colonize and Incorporate Siberia? // Harvard International Review. 2012. July 9. URL: <http://hir.harvard.edu/will-china-colonize-and-incorporate-siberia> (access date: 20.03.2013).

¹⁷ *Lintner B.* The Chinese are coming... to Russia // Asia Times. 2006. May 27. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/HE27Ag01.html (access date: 20.03.2013).

According to Global Integrity Report on Russia (2007 Assessment), professor Fyodor Shelov-Kovedyayev of the Higher School of Economics opines: “Sooner or later China will need to control Russia’s resources”. Boris Reznik, a deputy of the State Duma (lower house of parliament) from the Far Eastern Khabarovsk territory, thus described the situation — “China does not yet pose a direct threat to us, but its creeping expansion is a reality”¹⁸.

This view is not limited to academics or fringe groups, as evidenced by former Russian Defense Minister Rodionov’s accidental remark in 1996 that China was a “potential threat” to Russia¹⁹. There are concerns that Russia might not be able to retain Siberia / Russian Far East in the future. The political and social conditions have been worsening in the region and citizens are leaving for greener pastures.

The pattern of demographic exchange has changed dramatically over these years. China is sourcing research and development work or “local brains” from Russia, especially Siberia. For example, Akademgorodok, a Soviet-era suburb of Novosibirsk houses 52 scientific institutes and some 18,000 scientists. Newsweek reports that Novosibirsk councilor Aleksandr Lyulko said that 80 percent of Akademgorodok’s income is derived from China²⁰.

As an implication of the perceived demographic threat, Russia has been reluctant to pursue closer economic cooperation with China because it is apprehensive of falling deeper under the economic influence of China²¹. For example, the progress of Tumen River Area Development Programme (TRADP) has been slow as the government of Primorskii Krai²² fears the adverse effects of a massive influx of Chinese workforce that would be associated with this project²³. Scholars such as Joseph Grieco have stated that

¹⁸ Global Integrity Report 2007. URL: <http://www.globalintegrity.org/documents/KeyFindings2007.pdf> (access date: 12.05.2013).

¹⁹ Person R. Crouching Tiger, Hidden Jargon, the Sino-Russian Strategic Partnership // Stanford Journal of International Relations. 2001. Vol. 3, № 1. URL: http://sjir.stanford.edu/3.1.10_person.html (access date: 12.05.2013).

²⁰ Matthews O., Nemtsova A. Fear and Loathing in Siberia // Newsweek International. 2006. March 26. URL: <http://www.newsweek.com/id/46951?tid=relatedcl> (access date: 22.05.2012).

²¹ Kim Woo-Jun. Die Autonomiebestrebungen der sibirisch-fernoetrichen Regionen vor dem Hintergrund der Sibirien- und Fernostpolitik der Sowjetunion und der Russlaendischen Foederation. Marburg : Tectum Verlag, 1999.

²² Since Russia has a federal structure, states (*oblasti i respubliki*) can take their own stances on issues within the constitutional framework.

²³ Boyko V. Conference paper at World Chinese Confederation of Institutes and Libraries for Chinese Overseas Study (WCILCOS). Ohio, 2001.

“relative disparities” in capabilities may lead a state to resist economic co-operation for fear of strengthening a stronger partner²⁴.

Energy Security. According to Malov et al.²⁵, Siberia holds about 80 percent of Russia's oil resources, over 60 percent of its coal, similar amounts of precious metals and diamonds, and a little over 50 percent of the nation's timber resources. According to the authors of “Oil and Gas Journal” (December 2004 issue), most of Russia's 60 billion barrels of proven oil reserves are located in Western Siberia, between the Ural Mountains and the Central Siberian Plateau. The ample endowment of this region made the Soviet Union a major world oil producer in the 1980s, reaching production of 12.5 million barrels per day in 1988. Roughly 25 percent of Russia's oil reserves and 6 percent of its gas reserves are on Sakhalin Island in the far eastern region of the country, just north of Japan²⁶.

Siberian regions produce 30 percent of Russia's GDP. Siberia holds important energy resources, including 80 percent of Russia's proven natural gas reserves (or 30 percent of the global share), 75 percent of its oil (4 percent of global reserves), and 90 percent (19 percent) of its coal. These regions generate more than 30 percent of all electric power in Russia. As the source of most of Russia's oil and natural gas, Siberia plays a major role in the country's modern but struggling market economy. The development of such Siberian resources can either result as threat or appear as a promise to the world²⁷.

Human Security. The region faces the rigmarole of economic, demographic and climatic constraints.

Current demographic and migration trends show that large numbers of Siberians are leaving the region permanently due to its harsh conditions. About one in ten Russians live and work in almost impossibly cold Siberian cities, places where average January temperatures range from –15 to –45 degrees Celsius (+5 to –49 degrees Fahrenheit). The economy of much of Russia's heartland remains mainly industrial. These industries and enterprises are scarce and under-developed in Siberian region.

The region is too far away from the western and eastern markets. Basic commodities cost more and more, and this energy-producing region faces energy crisis.

²⁴ Grieco J., Powell R., Snidal D. The relative-gains problem for international co-operation // The American Political Science Review. 1993. Vol. 87, № 3. P. 727–743.

²⁵ Bandman M., Malov V., Esikova T. Some Economic Geography. URL: http://www.fplib.org/partners/siberia/eco_bus/fl_1.html#other (access date: 02.12.2011).

²⁶ Gelb B. CRS Report for Congress, Russian Oil and Gas Challenges. Washington, DC : Congressional Research Services Library of Congress, 2006.

²⁷ Cornelius P., Story J. China and Global Energy Markets // Orbis. 2007. Vol. 51, № 1. P. 5–20.

Over the last 15 years the Russian Far East has lost more than one million people, and its population now is only 6.7 million that, according to the former presidential representative in the Far Eastern District, General Pulikovskii, finally materialized as the most critical threat to the human sustainability of the region.

The expected lifetime, state of health and death rate are crucial components of reproduction and formation of human potential. It is shown that since 1993 Siberia has suffered a fall of birth rate and entered a zone of negative natural increase, 30–40 percent below-replacement reproduction²⁸.

The state of its workforce is such that, according to the Ministry for Economic Development, by 2004, 1.7 million job vacancies were estimated to go unfilled, a figure that is set to rise in subsequent years. Its demographic potential will be unable to meet the labor requirements of the growing economy, and the additional demand will have to be met only by attracted foreign labor²⁹.

But worst of all, many residents of Siberia are too old or too unskilled to find jobs elsewhere. Their assets in the region are worthless and cannot be sold to finance their relocation. For these people, the Russian central and regional governments will have to continue supplying fuel, food, and other subsidies in the coming decades to make life bearable³⁰.

* * *

As the world globalizes, its problems and threats also globalize. Security policies today can no more view security only from a military threat perspective. Security threats can arise internally or externally, tangibly or intangibly. They can be short-term and long-term. For Russia — an enormous nation and erstwhile superpower, with its economy and politics under transformation, non-traditional threats to security have become more prominent and complex to combat. In strategies to counter these threats following recommendations might be considered.

Security policies should, first of all, identify national and regional threats. Regions like Siberia, which are of strategic importance and indispensable to Russia and the world, should have a place both in policies at the na-

²⁸ *Sevastianov S.* The Russian Far East's Security Perspective: Interplay of Internal and External Challenges and Opportunities. URL: www.acpss.org/wp/09/chapter3.pdf

²⁹ *Соболева С. В., Чудаева О. В.* Формирование человеческого потенциала и демографические процессы в Сибири // Регион: экономика и социология. 2004. № 3. С. 105–115.

³⁰ *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: Does Russia's Geography Doom its Chances for Market Reform? // The Brookings Review. 2003. Vol. 21, № 4. P. 23–27.

tional or federal level, as well as the local level. These security policies should form the basis for local, national and international decision-making. In case of Russia, within the federal structure, it should be recognized that border and resource-rich regions have specific security needs, which may be amplified at the local level.

There is a greater need for international cooperation on regional issues. Security issues should be dealt not in isolation, but at diplomatic level with all stakeholders involved.

After analyzing Siberia's imminent non-traditional security problems, it seems that its problems require non-traditional approaches. The security problems could be handled internally by the way of various policy and governance reforms. For example, migration policies developed in conjunction with stake holder institutions, industry and academia should keep in view the long-term implications. One of the aims of the migration policy should be the encouraging of competition on the labor market. Diverse workforce with diverse skill-sets (a mix of skilled, unskilled, technical and non-technical) would prove that migrants are not always threat but can contribute to the productive development of the region.

**Про безопасность
(вместо заключения)**

Завершение работы над этой непростой книгой ставит гораздо больше вопросов, чем число тех, на которые ее авторы сумели ответить. Иначе и быть не могло, ведь в намерения составителей не входило простое пополнение длинного перечня изданий по проблемам безопасности, опубликованных на русском языке за последние два с небольшим десятилетия. Более того, содержание книги вышло за рамки первоначальной концепции проекта, нацеленного на сравнительное изучение представления о безопасности в культурно-типологическом и концептуальном планах. Существенное расширение репертуара и методологии исследований безопасности в рамках мирового тренда *Security Studies* отразилось и на содержании, и на объеме книги.

Библиографический поиск в каталогах ГПБ им. В. И. Ленина дает сотни ссылок на монографии и сборники, относящиеся к различным сферам исследования безопасности; приближается к сотне и число посвященных безопасности периодических изданий в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Однако, на мой взгляд, говорить о формировании отечественной школы исследований в этой области еще рано. В то же время предлагаемое издание дает представление о существенной части проблематики, хронологическом, тематическом и географическом охвате изысканий, а участие коллег из дальнего и ближнего зарубежья позволяет точнее оценить состояние исследований как в странах СНГ, так и в ряде государств мира, где проблемы безопасности в XXI в. обрели новые очертания.

Многие авторы книги сосредоточили внимание на прошлых и нынешних представлениях о безопасности, находя наиболее интересными их многообразные соотношения с объективным содержанием последней. В ходе конференции в Институте востоковедения РАН стал очевидным и рост блока казуальных исследований. Возникло опасение, что умножение и без того бесчисленных частных разработок в данной сфере мало что даст для достижения основной цели, но при объединении написанных по материалам конференции статей в этот сборник соотношение концептуальных и казуальных подходов получило новую трактовку, которую я и предлагаю на суд авторов и читателей.

Обширный блок исследовательских кейсов, составивших второй раздел сборника, на мой взгляд, позволяет дополнить первоначальную концепцию проекта существенным сегментом. Соглашаясь с С. А. Панариным в том, что у каждого времени есть и свое *состояние* безопасности, и свои представления о нем, я должен добавить несколько соображений. Между *ощущением* и *состоянием* безопасности (или небезопасности), между *представлениями* о том, какой должна быть безопасность или отчего происходит небезопасность, и *состоянием*, которое отвечает хотя бы части критериев, вытекающих из прежнего опыта, полученной информации или более или менее основательных рассуждений, — непременно лежит *деятельность по укреплению и достижению безопасности*. Многочисленные примеры этой деятельности, умозрительной или практической, из практики многих государств, народов и культур и составили казуальную половину сборника.

Содержание книги формирует *циклическую модель безопасности*, в которой ее субъекты — от индивида до складывающегося глобального общества — постоянно трансформируют представления о небезопасности и о том, каким образом она может быть преодолена, в предпринимаемые на этой основе действия. В свою очередь, многообразие этих действий и противоречия, которые приходится преодолевать в ходе их осуществления, ведут к результатам, которые по определению не могут быть достигнуты раз и навсегда. Иными словами, всеобщая стабильная и неделимая безопасность есть положение, к которому можно и должно стремиться, но которого нельзя достичь.

Одним из двигателей этого цикла является само развитие человечества, которое в любой сфере — технической, экономической, информационной и т. д. — неизбежно делает наши представления о безопасности (небезопасности) еще более детальными и всеобъемлющими, а задачи по достижению безопасности (преодолению небезопасности) — все более сложными и практически не реализуемыми в полном объеме. Рост энтропии и неопределенности в современном мире, очевидный на любом уровне — от индивидуума и микросообщества до глобального — делает слова «уверенность в завтрашнем дне» почти неприменимыми в XXI в.

На наш взгляд, несколько односторонним выглядит в свете модели «цикла безопасности» подход с позиций секьюритизации, принятый авторами нескольких статей. Если расширение объема понятия *безопасность* в конце XX — начале XXI в. является следствием интенсификации цикла безопасности, то и деятельность государства, остающегося центральным институтом ее обеспечения, обусловлена тем же обстоятельством. Это, бесспорно, не исключает попыток государства восполь-

зоваться данным обстоятельством для расширения своих полномочий в отношении общества и индивида, однако и общество, и индивид являются не объектами, а акторами секьюритизации. Подтверждением служат и многочисленные исследования коллективного страха, не раз проявлявшегося в истории различных обществ и культур.

Таким образом, оппозиция *безопасность — небезопасность* в наши дни не только уверенно обозначила пределы воображаемой шкалы безопасности, которую А. Маслоу расположил на втором уровне своей модели потребностей, но и образовала бинарную оппозицию по принципу желаемое — возможное или даже недостижимое — реальное, оставив в сфере принятия возможных решений рго безопасность либо «мантры» и благие пожелания, либо меры преимущественно реактивного характера. Превентивные меры, предпринимаемые государством, нередко воспринимаются обществом как проявления «секьюритизации», а в организованных усилиях общества в этом направлении, в свою очередь, может видеть угрозу государство. Не последнюю роль в формировании этого и других парадоксов современной безопасности играет информационная сфера, в которой алармистские прогнозы соседствуют с картинами «прекрасного нового мира», уводя нас еще дальше от осознания реальных угроз и выработки реальных мер по обеспечению безопасности.

На этом фоне созданные нашими авторами описания конкретных шагов в сторону от небезопасности, которые делает современный нам или уже ушедший в прошлое мир, обретают не меньшее значение, чем анализ традиционных представлений о безопасности, укорененных в языковых или эпических картинах мира, или нежели опыты концептуального осмысления тех или иных аспектов безопасности. Еще один этап нашего проекта завершен, и составители сборника рады представить его научной общественности. Призываю читателей быть снисходительными к неизбежным огрехам и ошибкам и приношу извинения авторам, чьи тексты были подвергнуты неизбежному в данном случае сокращению в связи с ограниченным техническими требованиями объемом книги.

*Об авторах**

- БЕЛАЩЕНКО Дмитрий Александрович** аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
E-mail: dmi-belashchenko@yandex.ru
- БОЧКАРЕВА Ирина Борисовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета.
E-mail: portnygina@yandex.ru
- БУДАНОВА Ирина Александровна** кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.
E-mail: ibudanova78@gmail.com
- ВАЩЕНКО Александр Владимирович** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур и отделением культурологии факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- ГАБЕР Евгения Васильевна** старший преподаватель кафедры международных отношений Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.
E-mail: janegaber@gmail.com
- ДЕВЯТКОВ Андрей Владимирович** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета.
E-mail: devyatkovav@gmail.com
- ДЕГТЯРЕВА Людмила Михайловна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: deg_55@mail.ru

* Сведения о месте работы / учебы приводятся на дату проведения конференции, т. е. на октябрь 2012 г.

- ЕСИМОВА Айгуль Бегеновна** кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин Южно-Казахстанского государственного педагогического института.
E-mail: ayessimova@gmail.com
- ЗАМЯТИН Дмитрий Николаевич** доктор культурологии, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
E-mail: metageogr@mail.ru
- ИМАНАЛИЕВ Урмат Кадыкбекович** аспирант Института истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек.
E-mail: imanaliev0202@gmail.com
- КАБАНОВ Юрий Андреевич** студент 5 курса отделения международных отношений Ивановского государственного университета.
E-mail: kabanov_igud@mail.ru
- КИВА Алексей Васильевич** доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Центра исследований общих проблем стран Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: alexkiv@yandex.ru
- КОЛГАНОВА Галина Юрьевна** научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: kolganova_gy@mail.ru
- КОСТЮХИН Александр Александрович** кандидат исторических наук, генерал-майор в отставке, старший преподаватель Военного университета Министерства обороны России.
E-mail: kaa_knl@bk.ru
- КРУПЯНКО Михаил Иванович** доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: info@japanesefirst.com

- ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич** доктор исторических наук, заместитель директора, руководитель Центра изучения российско-китайских отношений, РИК, БРИКС и ШОС Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru
- МАКАРОВ Виктор Александрович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки.
E-mail: vickt.mackarov2014@yandex.ru
- МЕЛКУМЯН Елена Суреновна** доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока РГГУ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.
E-mail: g.kosach@mail.ru
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич** кандидат исторических наук, руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: sergpanar@mail.ru
- ПАХОМОВА Мария Андреевна** аспирант Института востоковедения РАН, младший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: tyratan@mail.ru
- ПЕТРОВА Анастасия Андреевна** кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН.
E-mail: al.ma48@gmail.com
- ПЕТРОВА Елена Геннадиевна** кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории снежных лавин и селей Географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
E-mail: epgeo@mail.ru
- ПОЛЫВЯННЫЙ Дмитрий Игоревич** доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Ивановского государственного университета.
E-mail: dipol53@gmail.com

- ПОПАДЕЙКИНА** аспирант
Мария кафедры международного права
Владиславовна Российского университета дружбы народов.
 E-mail: mari-juli@yandex.ru
- ПОПОВ** кандидат географических наук,
Федор научный сотрудник Центра исследования
Аркадьевич общих проблем современного Востока
 Института востоковедения РАН.
 E-mail: fpopov@yandex.ru
- РОДИОНОВ** кандидат политических наук, доцент
Владимир кафедры истории, археологии и этнографии
Александрович Бурятского государственного университета.
 E-mail: vladimir198025@yahoo.com
- РЫЖОВ** доктор исторических наук,
Игорь профессор кафедры международных отношений
Валерьевич Нижегородского государственного университета
 им. Н. И. Лобачевского.
 E-mail: iryzhoff@rambler.ru
- САВИН** главный редактор газеты «Геополитика»
Леонид и интернет-журнала www.Geopolitica.ru,
Владимирович научный сотрудник
 Центра консервативных исследований,
 эксперт Фонда стратегической культуры.
 E-mail: savin@evrazia.org
- САМРИНА** кандидат географических наук,
Елена ведущий научный сотрудник
Васильевна Хакасского научно-исследовательского института
 языка, литературы и истории.
 E-mail: esamrina@mail.ru
- СЕМЕНОВА** кандидат экономических наук,
Нелли научный сотрудник Центра энергетических
Кимовна и транспортных исследований
 Института востоковедения РАН.
 E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ТИМОФЕЕВА студентка 5 курса исторического факультета
Ульяна (специальность «Международные отношения»)
Михайловна Ивановского государственного университета.
E-mail: tu358@mail.ru

ТОЛСТОКОРОВА кандидат филологических наук, доцент,
Алиса руководитель экспертной группы,
Валерьевна Международная школа равных возможностей,
Киев, Украина.
E-mail: alicetol@yahoo.com, talissa@ukr.net

ТУТНОВА аспирант
Татьяна Института востоковедения РАН.
Антоновна E-mail: tutnowa.t@gmail.com

УРМАНБЕТОВА профессор отделения философии
Жылдыз Кыргыско-Турецкого университета «Манас».
Карыбаевна E-mail: jyldyz_us@mail.ru,
urmanbetova.j@gmail.com

CONTESSI, a Researcher, Department of Political Science
Nicolas at Laval University, Quebec, Canada,
and a Postdoctoral Fellow, McGill University.
E-mail: ncontessi@gmail.com

ERDEM, an Assistant Professor, Dogus University,
Cagri Istanbul, Turkey.
E-mail: cerdem@dogus.edu.tr

GLÜGER, Dr., Capes (Brazilian Government)
Friederick Scholar and a Postdoctoral Academic
Brum Vieira Visitor to the University of London.
E-mail: friederi@usp.br

INDEO, PhD in Geopolitics, an External Research Fellow,
Fabio University of Camerino, Italy, and Lecturer
on Energy Conflicts, Master in Peacekeeping
and Security Studies, University of Rome-3, Italy.
E-mail: fabindeus@hotmail.com

**KHALAFALLA, Professor, a Deputy Manager of consultancy,
Nayla research and publishing affiliation in Sudan Academy
Mohamed el Hassan for Administrative Sciences, Khartoum.
E-mail: dr-nayla@hotmail.com**

**KHANNA, Dr., an Independent Researcher living in Delhi, India,
Jatinder and author of the book “Envisioning Siberia:
Awakening the Sleeping Land”.
E-mail: drjkhanna@gmail.com**

**LORUSSO, an Associate Researcher, Genoa University,
Marilisa Faculty of Political Science, and Institute
for International Political Studies, Milan.
E-mail: marilisa.lorusso@gmail.com**

**SALAH EL DIN, a Full-time Teaching Assistant,
Aida British University in Egypt,
Mohamed Yehia Political Science department.
E-mail: aidy@aucegypt.edu**

Содержание

Панарин С. А. Безопасность как историко-культурная категория (вместо предисловия)	5
--	---

Раздел I. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ

Колганова Г. Ю., Петрова А. А. Представления о безопасности в Древнем Египте и Ассирии: «теория» и «практика»	15
--	----

Макаров В. А. Безопасность и образ мира: сравнительный анализ концепций безопасности на Дальнем Востоке в прессе Великобритании и России 1898–1901 гг.	23
--	----

Вашченко А. В. Способы обеспечения безопасности в традиционных культурах родового строя (на примере индейцев Северной Америки)	31
---	----

Самрина Е. В. Экологическая безопасность как залог стабильности условий жизнедеятельности традиционных культур (на примере Хакасско-Минусинского края)	40
---	----

Есимова А. Б. Концепт (без)опасности в пословицах и поговорках: репрезентация в кочевой и оседлой культурах	51
--	----

Габер Е. В. Трансформация политической культуры Турецкой Республики и эволюция понятия <i>безопасность</i> в турецком языке ...	65
--	----

Дегтярева Л. М. Движение семантики лексемы <i>Sicherheit</i> в немецком языке	78
--	----

Крупянко М. И. Угрозы личной безопасности в представлении японцев	86
--	----

Родионов В. А. Концептуальные представления о национальной безопасности в Монголии в контексте отношений с Россией	94
--	----

Девятков А. В. Секьюритизация /десекьюритизация в современных общественно-политических процессах	103
---	-----

Замятин Д. Н. Пространство и (без)опасность: онтологические модели взаимодействия	108
--	-----

Lorusso M. Collective security: its values and paradoxes	123
---	-----

Полывянный Д. И. Постфактический мир и международная безопасность в начале XXI в.	133
---	-----

Попов Ф. А. Право на сецессию: условие безопасности или угроза безопасности?	145
Савин Л. В. Различие подходов и казус ложных стратегий в международных отношениях	156
Мелкумян Е. С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: концептуальные основы обеспечения безопасности	166
Тимофеева У. М. Возможные направления и формат взаимодействия НАТО и ОДКБ по афганскому вопросу	174
Кива А. В. Что угрожает национальной безопасности России? ...	179
Бочкарева И. Б. Представления российских студентов о безопасности (по материалам опросов в университетах Сибири и Дальнего Востока)	193

Раздел II. СИТУАЦИИ

Буданова И. А. Европейская стратегия безопасности: подход постнационального актора?	202
Indeo F. Convergence or alienation of EU and US security interests in Central Asia?	213
Кабанов Ю. А. Современная архитектура европейской безопасности: на пути к единству и неделимости	220
Contessi N. Multilateral security institutions in Central Asia: same threats, different norms	232
Костюхин А. А. Взаимоотношения стран НАТО с государствами Центральной Азии и их влияние на военную безопасность России	244
Толстокорова А. В. От третьего Рима к третьему миру: трудовая миграция как угроза человеческой безопасности в Украине	252
Erdem C. Challenging perspectives on security and environment in the Arctic: Russia vs the West	264
Лузянин С. Г. Восточноазиатская безопасность: институциональные и страновые измерения	274
Иманалиев У. К. Национальная безопасность в контексте демократизации (на примере Кыргызстана)	288
Урманбетова Ж. К. Безопасность в Кыргызстане	300
Glüger F. B. V. From pole to pole as a guide and protector: the case of the Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance in the internationalization of the US National Security Doctrines	307

Пахомова М. А. Стратегические интересы КНР на Арабском Востоке в контексте китайской стратегии безопасности и событий <i>арабской весны</i> (2011–2012)	315
Salah El Din A. M. Y. Personal security: a missed good and a desired goal after the Arab Spring: a case study of Egypt	324
Рыжов И. В., Белашенко Д. А. Влияние борьбы за водные ресурсы на состояние региональной безопасности на Ближнем Востоке	333
Попадейкина М. В. Международно-правовые аспекты развития института ответственности в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности	340
Khalafalla N. M. H. Environment protection vs economic development: a case of food security	345
Петрова Е. Г. Природно-техногенные катастрофы как угроза безопасности (на примере Японии и России)	355
Семенова Н. К. Энергоресурсы и безопасность в пространстве Шанхайской организации сотрудничества	363
Тутнова Т. А. Ракетно-космическая деятельность КНР как фактор обеспечения национальной безопасности	373
Khanna J. Non-traditional security dilemmas of contemporary Siberia	385
Полывянный Д. И. Про безопасность (вместо заключения)	396
Об авторах	399

Научное издание

**БЕЗОПАСНОСТЬ
НА ЗАПАДЕ, НА ВОСТОКЕ И В РОССИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КОНЦЕПЦИИ, СИТУАЦИИ**

**Материалы международной конференции
Москва, 15–16 октября 2012 г.**

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Е. Г. Бабаскина*

Подписано в печать 12.12.2013.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,72. Уч.-изд. л. 24,3. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41 ☎ (4932) 37-52-44, 32-50-89
Адрес в Интернете: www.tip1.ru